

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

(3)26'2008

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

---

(3)26'2008

Научное издание

Екатеринбург 2008

УДК 409.34
ББК Ш 107
П 50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместитель главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севиля, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовицы, Польша)

Технический редактор: А. И. СУЕТИНА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО
П 50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2008. Вып. (3)26. – 200 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает три основных раздела – «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш 107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта (грант 07-04-02002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА ВЫПУСК (3)26

Подписано в печать 15.11.2008. Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. – 25,0. Тираж 500 экз. Заказ
Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru

P.S. Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

ISSN 1999-2629

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2008

© Политическая лингвистика, 2008

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

---

(3)26'2008

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editor-in-Chief :

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)

Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)

John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)

Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)

Vasiliy V. Khimik , Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)

Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)

Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
--------------------	---

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Химик В. В. Санкт-Петербург, Россия	Национальная идея и русский язык	9
Анотто Т. Орлеан, Франция	Выступление Николя Саркози на конгрессе по выдвижению партийного кандидата в 2007	17
Базылев В. Н. Москва, Россия	«Картины жизненного пути» Лазаря Кагановича: фрагмент исторической политической психологии личности	20
Бородулина Н. Ю. Тамбов, Россия	Современный облик Европы в метафорическом отражении	28
Будаев Э. В. Нижний Тагил, Россия	Семиотический параллелизм политических метафор	32
Будаев Э. В., Чудинов А. П. Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия	Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации	37
Данн Дж. А. Глазго, Великобритания	Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного образца	49
Красильникова Н. А. Новоуральск, Россия	Российско-грузинская война в дискурсе общественности на интернет-сайтах Великобритании	58
Надель-Червиньска М. Катовице, Польша	Жаргонные элементы современного «новояза»: проблема культуры речи или уголовной психологии?	64
Одебунми А. Ибадан, Нигерия	Трэкинг и идеология в политических новостях СМИ	80
Посохова Я. А. Сургут, Россия	Зооморфная метафора как способ моделирования образа враждебной России в англоязычных СМИ	88
Садуов Р. Уфа, Россия	Мифология в политическом дискурсе: анализ речей Тони Блэра	95
Серио П. Лозанна, Швейцария	Язык – плоть нации. Беседы о русском языке эпохи Брежнева	102
Червиньски П. Катовице, Польша	Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности	110
Шехтман Н. Г. Екатеринбург, Россия	Реализация текстообразующей функции концептуальной метафоры в политическом тексте	128

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Григорьева О. В. Нижний Тагил, Россия	Метафорическое представление социальных проблем в контркультурной рок-лирике США и СССР	132
Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	Советский политический плакат и современная рок-обложка	138
Лазарева Э. А. Екатеринбург, Россия	Конституирующие особенности Интернет-рекламы	142
Шабалина Н. А. Челябинск, Россия	Национальные истоки прецедентных феноменов в гендерно ориентированных изданиях	149

РАЗДЕЛ 3. КЛАССИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Белов Е. С., Чернякова М. В., Чудинов А. П. Челябинск, Екатеринбург, Россия	Риторическое направление в американской политической метафорологии	156
Николс М. Х. Урбана, США	Первая инаугурация Линкольна	159
Осборн М. Мемфис, США	Архетипичные метафоры в риторике: сфера образов «свет – тьма»	182

РАЗДЕЛ 4. ХРОНИКА

Будаев Э. В. Нижний Тагил, Россия	Политический язык и метафора: интерпретация и изменение мира [рецензия на книгу Political language and metaphor: interpreting and changing the world / ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London: Routledge, 2008. – 293 p.]	192
Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Лингвокультурологический анализ имени собственного [рецензия на книгу Йозефа Сипко «В поисках истинного смысла – Hľadanie ozajstného zmyslu – Prešov, 2008. – 444 с.]	196
Правила предоставления рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		197

CONTENTS

EDITORIAL		8
------------------	--	---

PART 1. POLITICAL COMMUNICATION

Khimik V.V. Saint-Petersburg, Russia	The National Idea and the Russian Language	9
Anoto T. Orleans, France	Nicolas Sarkozy Elected for the Conservative Candidate 2007: His Victory Speech	17
Bazylev V.N. Moscow, Russia	Lazar Kaganovitch, "Pictures of the Life's Journey": A Fragment of Historical Political Personality Psychology"	20
Borodulina N. Yu. Tambov, Russia	Modern Image of Europe in Metaphoric Representation	28
Budaev E. V. Nizhniy Tagil, Russia	Semiotic Parallelism of Political Metaphors	32
Budaev E. V., Chudinov A. P. Nizhniy Tagil, Ekaterinburg, Russia	Cognitive-Discursive Analysis of Metaphor in Political Communication	37
Dunn J. A. Glasgow, the UK	The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type	49
Krasilnikova N. A. Novouralsk, Russia	Russia-Georgia War in Public Discourse on British Web- sites	58
Nadel-Chervinska M. Katowice, Poland	Jargon Elements of Modern «Newspeak»: Speech Culture or Criminal Psychology?	64
Odebunmi A. Ibadan, Nigeria	Tracking and Ideology in Political News Reporting	80
Posokhova Ya. A. Surgut, Russia	Animal Metaphor as an English Media Means of a Hostile Russia Pattern Modeling	88
Saduov R. Ufa, Russia	Mythology in Political Discourse: Tony Blair's Speeches Analyzed	95
Serio P. Lausanne, Switzerland	Language as the Body of Nation. Discourse on the Russian Language of the Brezhnev Era	102
Chervinsky P. Katowice, Poland	Semantics of the Soviet Positive in the Context of Creating the Represented Reality	110
Shekhtman N. G. Ekaterinburg, Russia	Text-Forming Function of Conceptual Metaphors: Its Real- ization in Political Text	128

PART 2. LANGUAGE – POLITICS – CULTURE

Grigoryeva O. V. Nizhniy Tagil, Russia	Metaphorical Representation of Social Problems in the Countercultural Rock-Lyrics of the USA and USSR.	132
Voroshilova M. B. Ekaterinburg, Russia	Soviet Political Posters and Covers of Rock Albums' Discs	138
Lazareva E. A. Ekaterinburg, Russia	The Constituent Peculiarities of the Internet-Advertising	142
Shabalina N. A. Chelyabinsk, Russia	National Roots of Precedent Phenomena in Gender- Oriented Editions	149

PART 3. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Belov E. S., Chernyakova M. V., Chudinov A. P. Chelyabinsk, Ekaterinburg, Russia	Rhetorical Approach in American Political Metaphorology	156
Nichols M. H. Urbana, the USA	Lincoln's First Inaugural	159
Osborn M. Memphis, the USA	Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family	182

PART 4. CHRONICLE

Budaev E. V. Nizhniy Tagil, Russia	Book review: Political Language and Metaphor: Interpret- ing and Changing the World / ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London: Routledge, 2008. – 293 p.	192
Nakhimova E. A. Ekaterinburg, Russia	Book review: J. Sipko. Hľadanie ozajstného zmyslu – Prešov, 2008. – 444 s.]	196

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет двадцатый шестой выпуск «Политической лингвистики» – узко специализированного журнала, ориентированного на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Именно поэтому существенно пополнился состав редколлегии, в которую вошли ведущие специалисты по политической лингвистике, широко известные на всех континентах профессора Ричард Андерсон (мл.) (Лос-Анджелес, США), Владимир Николаевич Базылев (Москва), Даниэль Вайс (Цюрих, Швейцария), Джон Данн (Глазго, Великобритания), Изабель Иньиго-Мора (Севилья, Испания), Элеонора Лассан (Каунас, Литва), Петр Червиньски (Катовицы, Польша), Василий Васильевич Химик (Санкт-Петербург). Все эти специалисты и ранее активно сотрудничали с нашим журналом, печатая на его страницах свои исследования, но сейчас взаимодействие переходит на новый уровень.

Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои статьи известные зарубежные специалисты по политической лингвистике профессора Джон Данн (Глазго, Великобритания), Акин Одебунми (Ибадан, Нигерия), Маргарита Надель-Червиньска (Катовицы, Польша), Патрик Серио (Лозанна, Швейцария), Петр Червиньски (Катовицы, Польша), а также Тома Аното (Орлеан, Франция).

Мы благодарны за предоставленные для публикации исследования ведущим российским специалистам, работающим в различных регионах России: профессору Владимиру Николаевичу Базылеву (Москва), профессору Элле Александровне Лазаревой (Екатеринбург), профессору Василию Васильевичу Химику (Санкт-Петербург), докторанту (с назначенной датой защиты) Наталье Юрьевне Бородулиной (Тамбов), а также аспиранту Руслану Талгатовичу Садуову (Уфа).

Уральскую школу политической лингвистики и лингвокультурологии представляют профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов (Екатеринбург), доценты, докторанты Эдуард Владимирович Будаев (Нижний Тагил) и Елена Анатольевна Нахимова (Екатеринбург), кандидаты филологических наук Наталия Алексеевна Красильникова, (Новоуральск), Мария Вячеславовна Чернякова (Челябинск) и Наталия Георгиевна Шехтман (Екатеринбург), аспиранты Евгений Сергеевич Белов (Челябинск), Ольга Владимировна Григорьева (Нижний Тагил), Яна Александровна Посохова (Сургут) и Наталия Александровна Шабанова (Челябинск).

Мы выражаем особую благодарность переводчикам – доктору филологических наук,

доценту Уральского государственного педагогического университета Елизавете Владимировне Шустровой, кандидату филологических наук, доценту Российского государственного профессионально-педагогического университета Ирине Дамировне Белеевой, кандидату филологических наук Марии Вячеславовне Черняковой (Челябинск), аспирантам УрГПУ Евгению Сергеевичу Белову, Ксении Леонидовне Филатовой и Ольге Сергеевне Камышевой, Каждый наш переводчик активно занимается политической лингвистикой, а поэтому хорошо знает соответствующую методологию и терминологию.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса. Вынуждены подчеркнуть, что сам факт анализа политических текстов, созданных Н. С. Хрущевым, Ф. Д. Рузвельтом или А. Прохановым, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с политическими взглядами соответствующего политического лидера или журналиста.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно ознакомиться на сайте cognitiv.narod.ru. На этом же сайте размещены другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (главный редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Приятно сообщить, что наш журнал теперь включен в Каталог Роспечати и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

**С уважением и надеждой
на сотрудничество:**

Профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов
Доцент Эдуард Владимирович Будаев
Техн. редактор Анастасия Игоревна Суетина

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Химик В. В.

Санкт-Петербург, Россия

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1

Код ВАК 10.02.01; 10.02.20

Аннотация. В статье рассматриваются и связываются две актуальные гуманитарные проблемы современной России: национальная идея и состояние русского языка. Национальной идеей в новых условиях может и должно быть возвышение русского языка, который обеспечивает смыслообразующее, коммуникативное и культурное единство конгломерата народов России. Однако такому возвышению серьезно препятствует состояние живой русской речи, навязывание плохого языкового вкуса средствами масс-медиа и влиянием чиновничества, не продуманная языковая политика.

Ключевые слова: русский язык; национальная идея; российское государство; национальная ценность; нация; этнос.

Сведения об авторе: Химик, Василий Васильевич

Ученая степень, звание: доктор филологических наук, профессор

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет, факультет филологии и искусств

Должность: профессор, заведующий кафедрой

Контактная информация: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет филологии и искусств.

E-mail: vvkhimik@mail.ru

Khimik V. V.

Saint-Petersburg, Russia

NATIONAL IDEA AND THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article considers and connects two pressing problems for the humanities in modern Russia: national idea and the current state of the Russian language. Under the circumstances of today national idea may and should be found in the elevation of the Russian language that guarantees the semantic, communicative and cultural unity of the Russia peoples' conglomeration. However, a significant obstacle for this elevation is the state of Russian everyday speech, bad taste for language that is instilled by mass media and the officials, deficient linguistic policy.

Key words: the Russian language; national idea; Russian state; national value; nation; ethnic entity.

About the author: Khimik, Vassiliy Vassilievich
Academic degree, academic status: doctor of
philological sciences, professor

Place of employment: Saint-Petersburg State University, department of philology and art

Position: professor

Среди множества гуманитарных проблем российского общества последнего десятилетия можно выделить две наиболее заметные и, как может показаться, совершенно не связанные между собой проблемы: поиск **национальной идеи** и состояние **русского языка**.

Что такое национальная идея? Основным элементом содержания этого атрибутивного сочетания – «идея» как особого рода понятие. В традиционном философском представлении *идея* – это «форма постижения в мысли явлений объективной реальности, включающая в себя сознание цели и проекции дальнейшего познания и практического преобразования мира» [Философский энциклопедический словарь 1983: 201]. Примерно этот же смысл передается и лингвистическим толкованием многозначного слова *идея*, основная семантика которого: «форма отражения внешнего мира, включающая в себя сознание цели и перспективы его дальнейшего познания и практического преобразования... *Абсолютная идея*...» [Словарь русского языка, Т. 1: 630]. Одно из вторичных лексических значений этого слова реализуется в сочетании *национальная идея*: «мысль, замысел, намерение, план... *Идея сохранения и*

упрочения мира» [там же: 631]. Иначе говоря, «идея» – это некая абстракция, обобщение, сформировавшееся в результате познания каких-либо множеств, классов реалий и существующих уже в отрыве, в отвлечении от этих реалий, независимо от них. Обычно «идея» представляет собой определенную интеллектуальную ценность, индивидуальную или коллективную, а также некую перспективу развития, план, замысел.

Дифференцирующее определение *национальная* вносит в понятие «идея» функционально-адресное расширение и смысловое уточнение: не всякая идея, а приобретающая большой масштаб, всеохватывающую ценность. При этом «национальная» может пониматься двояко: в этническом смысле (например, *русская идея*, в отличие от татарской, или, допустим, французской идеи) или в политическом, государственном смысле, т.е. относящаяся ко всему народу, ко всей стране, независимо от состава различных этносов в ней, например, российская идея – идея, распространяющаяся на всех россиян. И в том и в другом случае, *национальная идея* – это идея не индивидуумов, не группы лиц, не какой-либо партии, а целого этноса или всего народа, всей страны. В этом, однако,

кроется и самая большая сложность, противоречивость и даже опасность понятия «национальная идея». С одной стороны, страна всегда испытывает потребность в каком-то всеобщем вербализованном представлении, замысле или лозунге с притязанием на всеобщность, на выражение сплавляющего всенародного единства. Распространение и популяризация такой идеи, представления или доступного лозунга должно как будто бы помочь стабилизировать политическую ситуацию в России, объединить расколотое посткоммунистической ситуацией общество и сосредоточить его на общих продуктивных целях, хотя бы гуманитарных. Для переходных и не вполне устойчивых государственно-политических образований, к числу которых, несомненно, все еще принадлежит Россия, национальная идея нужна еще и как идеологическая доктрина, которая позволила бы объединить общество в его стремлении к благополучному и перспективному существованию.

Но с другой стороны, крайне трудно представить какую-либо плодотворную национальную идею, объединяющую идеологическую доктрину в условиях социального, экономического, этнического разобщения народа постперестроечной России. «Одна из трудноразрешимых проблем сегодняшней России, – считает известный писатель А. М. Мелихов, – отсутствие сколько-нибудь общепризнанного воодушевляющего ее образа, коллективной грезы, которая не была бы опасна для нее самой и окружающего мира. Грезы, которая порождала бы гордость <...> за свою страну, порождала бы готовность переносить какие-то тяготы ради ее будущего и не порождала бы внешнюю агрессию и внутренний деспотизм» [Мелихов 2004]. Понятно, что такая «коллективная греза», доктрина или национальная идея, не может быть в современном обществе ни национально-этнической, ни религиозной, ни идеологической в узко партийном смысле. Любой выбор вызовет закономерное сопротивление представителей *других* этносов, *других* религий (тем более атеистов) и *других* идеологий, а значит, рано или поздно приведет к социальному взрыву (как это и произошло в России в 1917 году).

Только в условиях полного игнорирования инородцев и иноверцев можно было представить для полиэтнической Российской империи XIX столетия национальную *русскую идею* в виде «трех действующих сил: духовного авторитета вселенского первосвященника <...>, светской власти национального государя <...> и человеческого общества в целом», которые могли представлять собой «органическое единство социальной троицы <...> церковь, государство и общество» [Соловьев 1989: 244-246]. И эти «действующие силы», как известно, стали затем по инициативе министра народного просвещения России С. С. Уварова основой для формирования и провозглашения государственно-идеологического лозунга середины XIX столетия: «православие – самодержавие – народность».

Только в условиях полного запрета любых идеологий, кроме коммунистической, и жестокого преследования инакомыслящих в тоталитарном советском государстве XX века могли выдвигаться такие партийно-государственные идеи-лозунги, как: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Победа всемирной пролетарской революции», «Наша цель – коммунизм» и т.п. Надо отдать должное коммунистическим идеологам: они сумели сформировать в сознании значительной части народа Советского Союза идеализированный и мифологизированный образ собственной страны как «самой большой и сильной» (еще одна партийно-государственная идея). При этом власти не без некоторого лицемерия провозглашали еще и другую «национальную идею»: «Мы за мир во всем мире!», что вполне отвечало чаяниям уставшего от войн народа: «...лишь бы не было войны».

В истории русской философской мысли понятие национальной идеи часто строилось на представлениях о национальном менталитете, «национальной душе». Однако глубинный анализ сущности «русской души» не дал при этом «воодушевляющих образов», которые могли бы стать источником всеобщего вдохновения и гордости за страну и народ. Так, Вяч. В. Иванов в поисках «окончательной формы нашей всенародной души» обратил внимание на глубинную противоречивость «русского духа»: «подсознательное противодействие интегрирующих сил и тяготение к восстановлению единства разделенных энергий» [Иванов 1909: 232]. Ту же антинормичность, противоречивость «души России» отмечали на протяжении всего XIX столетия многие отечественные мыслители: от П. Я. Чаадаева до Н. А. Бердяева. Последний писал, что в отношении к государству – Россия «самая безгосударственная, самая анархичная страна в мире, и русский народ – самый аполитический народ», но в то же время «Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире»; в отношении к национальности – «Россия самая не шовинистическая страна в мире, национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного», и в то же время «Россия – самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма <...>. Загадочную антинормичность можно проследить в России во всем. Можно установить неисчислимо количество тезисов и антитезисов о русском национальном характере» [Бердяев 1915: 298-302]. Понятно, что двойственность и антинормичность вряд ли могли стать основой для общественно приемлемой и привлекательной формулировки понятия русского духа, для положительного вербализованного представления, «всеобщей грезы», которая могла бы сплавлять народ. Поэтому отечественные мыслители искали и другие пути определения национальной идеи, в том числе социально-психологические ментальные образы с оттенком некоторого мистицизма. Тот же

Н. А. Бердяев выделял такие универсальные качества национального духа, несомненно льстящие его носителю, как особая «русская душевность, жертвенность» [Бердяев 1915: 311-312]. Другой известный русский философ, И. А. Ильин, выработал хотя и красивую, но еще более абстрактную, аморфную, а потому совсем бесперспективную для массового сознания формулировку национальной русской идеи как «свободно и предметно созерцающую любовь и определяющую этим жизнь и культуру» [Ильин 1948: 439].

Кажется, ближе всего к достижению каких-то положительных результатов в поиске национальной идеи, которая «порождала бы гордость <...> за свою страну, порождала бы готовность переносить какие-то тяготы ради ее будущего и не порождала бы внешнюю агрессию и внутренний деспотизм» [Мелихов 2006], оказываются современные прагматики, прежде всего экономисты. В самом деле, что может быть привлекательнее для народа, чем всеобщее материальное благосостояние, достаток? Впрочем, коммунистическая идеология «отработала» и эту идею, вспомним ошеломляющее обещание XXII съезда КПСС – «Наше поколение будет жить при коммунизме!» – и связанные с ним материальные ожидания 1960-х гг.

В «Старых записях» писателя М. Вайнера, опубликованных в журнале «Звезда» (2008, № 4), есть любопытный эпизод, иллюстрирующий этот популярный миф советского времени в массовом сознании простого человека:

Тетка <...> по-прежнему голосила, но уже со словами:

– Ой, дочь у меня на операции. Грудь отнимают. Ой, не будет она жить! Восемнадцать ей. Родила только. Девочку родила. Три месяца ей. Ей, внучке моей, вот яблоки везу. Витамины. Ой, господи, ой, господи!

– Чего разревелась? – опять вступила офицерская жена. – Грудь отрежут – не умрет. Сто лет жить будет, до коммунизма.

– Это чё ж, еще сто лет коммунизма не будет? – опешила ветеринарша.

Но даже если и можно было бы рассчитывать на будущее всеобщее благосостояние «при коммунизме», то где гарантия, что всех могла бы устроить разная мера этого благосостояния, разный уровень достатка «доживших до коммунизма». Не может же быть национальной идеей всеобщее материальное равенство, ибо и это тоже, как показала история, тупиковый путь формирования массового сознания.

Гораздо более трезвым видится призыв некоторых политиков ориентироваться на достижение конкурентоспособности страны – достойная и в перспективе, может быть, реалистичная идея как экономическая цель. Но где же здесь «чарующие черты прекрасной грезы», как выразился А. М. Мелихов, как совместить эту политико-экономическую установку с «духовностью» и «созерцательностью», которые традиционно припи-

сывают русским и вообще россиянам? «Конкурентоспособность» для среднего россиянина – скучный экономический термин, за которым трудно увидеть предмет всеобщей гордости, «коллективный фантом, воодушевляющий образ». Даже в элементарном ее понимании – «чем мы хуже других?» – «конкурентоспособность» никак не может быть долговременным (а еще лучше бы вечным) предметом национальной гордости, а тем более объектом эстетической фантазии.

Итак, ни этническая, ни религиозная, ни идеологическая, ни экономическая составляющие не могут быть надежными источниками реальной национальной идеи, воодушевляющего коллективного замысла, всенародной грезы. Тогда, может быть, для такой страны, как Россия, и для такого народа, как россияне, национальная идея невозможна и не нужна? Может быть, все гораздо проще, и нужно всего лишь «поправить свои заборы и не мочиться в подъезде»¹, как не без сарказма заметил один политик. Но и для решения проблемы с «заборами и подъездами» в России необходимо всеобщее вдохновение, воодушевляющий образ. Видимо, в условиях разобщения и раскола народа национальная идея все-таки нужна². И, кажется, самым надежным основанием для культурного единения, для консолидации и взаимопонимания в России мог бы быть всеобщий язык россиян – русский язык. Но почему язык, почему русский и в чем здесь может заключаться объединительная национальная идея?

II

Смыслообразующее единство всякого народа, единство бытовых, хозяйственных, правовых и, шире, культурных и коммуникационных представлений всякого государственного образования обеспечивается общим языком. Единая система привычных и понятных обозначений, словесных знаков, речевых эмоциональных проявлений, совокупность прецедентных текстов, возможность понимать и быть понимаемым окружающими, способность свободно воспринимать и создавать элементарные тексты – вот базовое (хотя и не исчерпывающее) условие сосуществования и взаимодействия народов даже с определенными культурными различиями. На территории Российской Федерации (и даже отчасти бывшего СССР) таким общим языком, единой системой массовой речевой коммуникации, главным средством межэтнического общения был и до сих пор остается русский язык.

Но нет ли здесь ущемления языковых прав и надежд других народов России?

Русский язык (именно язык, а не его коренные носители!) никогда в бурной истории России

¹ В оригинале призыв звучит гораздо более резко и откровенно, см.: <http://supernew.ej.ru/00-/life/grob/index.html> 13.11.2001.

² С этим в целом согласились и многие участники Шестых Максимовских чтений: «Национальная идея: утопия или реальность, средство или цель?», состоявшихся 17-18 ноября 2005 г. в солженицынском Фонде «Русское Зарубежье» (Континент. 2006, №128 // magazines.russ.ru/continent/2006/128/shes9.html).

вообще и последних 10-15 лет в особенности не был объектом серьезных шовинистических акций. Даже самые агрессивные сепаратисты и националисты нового времени из некоторых российских регионов, как правило, очень неплохо владеют разговорным русским языком. Русский язык в России (иное дело за рубежом, на Украине или в республиках Прибалтики, но это особый вопрос) тем самым оказывается как бы вне политики или над ней: никакие оппозиционные этнические силы внутри страны до сих не предъявляли каких-либо серьезных претензий в связи с собственно русским языком и его использованием. Более того, только и именно с помощью русского языка решались и по-прежнему решаются те или иные межнациональные споры.

Вполне положительное, а порой и уважительно-благодарное отношение к русскому языку проявляют рядовые представители национальных российских регионов. Об этом свидетельствуют, например, тексты конкурсных сочинений-эссе на тему «Русский язык как ключ к профессиональному и творческому успеху», присылавшиеся в Санкт-Петербург школьниками из Осетии, Мордовии, Чувашии, Башкирии и других республик для участия во Всероссийском фестивале русского языка в 2007 году³. В этих эссе их юные авторы пишут о своем особом интересе к русскому языку, о его решающей роли в их культурной жизни и в будущем профессиональном выборе, о любви к русской художественной литературе. Можно, конечно, предположить, что здесь действуют определенные стереотипы нашего пока еще не до конца разрушенного школьного гуманитарного образования, привычные жанровые клише школьных сочинений. Но можно рассудить и иначе: если бы эти признания категорически противоречили действительным чувствам и представлениям осетинских, башкирских, марийских и других школьников, они бы о них не писали, а то и просто не присылали бы свои сочинения на данную тему, не проявляли бы интерес к Фестивалю русского языка.

В российской культурной традиции был и остается широко распространенным известный социокультурный феномен: очень многие носители русского языка называют его вторым родным языком, т.е. не просто вторым, а именно **родным** – в дополнение к марийскому, татарскому, ингушскому, украинскому или какому-то другому. Это особая честь для неродного языка, его особый национальный статус, который, несомненно, оказывается серьезным доводом в пользу представления русского языка в качестве серьезной объединительной силы в России.

Феномен русского языка выражается и в удивительном явлении «присвоения» русского языка

³ Фестивали русского языка в последние годы проводит РОПРЯЛ (Российское общество преподавателей русского языка и литературы) и Филологический факультет СПбГУ. С подробностями можно познакомиться на сайте Roprial.ru.

представителями других этнических культур. Так, казах Х. Булибеков высказывается: «Когда меня спрашивают о моей национальности, то я говорю, что я – евразиец. Я успокоил себя тем, что русский язык когда-то был на семьдесят процентов тюркским. И я разговариваю и пишу на современном латинизированном и англизированном тюркском языке, которым и является, по сути, русский язык сегодня»⁴. Не стоит, очевидно, подходить к такой оценке со строгих исторических и лингвистических позиций. Гораздо продуктивнее взглянуть на этот вопрос с социокультурной точки зрения: носитель другой типологической и генеалогической языковой системы воспринимает русский язык как **свой**. Именно этот подход к русскому языку и стоит культивировать если не на всем постсоветском языковом пространстве, то на российском – несомненно⁵. Пусть всякий ищет и находит в русском языке то, что близко его культурному и этническому представлению: тюркизмы, грецизмы, церковнославянизмы, исторические следы монгольского, финно-угорского и разного западного влияния – всего этого в русском языке и в русской культуре, действительно, предостаточно, и все это может и должно служить не разобщению, а сближению культур и этносов в едином культурно-политическом пространстве русского языка как общего достояния всех россиян, а возможно, и других народов. Русский язык – это своеобразное лингвокультурологическое зеркало, в котором каждый может найти «чарующие лично его черты», будь он язычником, православным, иудеем или мусульманином, природным славянофилом или западником, социалистом или рыночником, созерцающим романтиком или суровым прагматиком. В то же время русский язык невозможно представить без русской литературы – важнейшей формы существования и культурного воплощения русского языка. Русская литература и язык этой литературы пользуются, как известно, уважением в мире и, возможно, даже большим, чем сами носители нашего языка и наша страна.

Итак, если руководствоваться представлением о том, что русский язык **обеспечивает смыслообразующее, коммуникационное и культурное единство** конгломерата народов России, что он представляет тем самым коллективную ценность, интеллектуальную и культурную, то, возможно, именно он и является основой для национальной идеи, хотя и еще не самой

⁴ С писателем Хакимом Булибековым беседовала Л. Калаус. См. текст «Выше Поэта никого нет!»: «Книголюб». Казахстанское книжное обозрение. Гл. ред. Л. Калаус. Алма-Ата, 2005, № 7-8. <www.knigolyub.kz>.

⁵ Разумеется, в условиях свободного развития других этнических языков России и при отсутствии принуждения, насильственного распространения русского языка как единственного и обязательного для всех сфер социальной деятельности, что, кстати, декларируется в законах «О языках народов Российской Федерации...» (№ 1807-1 от 25.10.1991) и «О государственном языке Российской Федерации» (№ 53-ФЗ от 1.06.2005).

идеей. Идея же, как отмечалось в начале статьи, это «сознание цели и перспективы», а национальная идея – это осознание коллективной цели, общественного замысла. Очевидно, такая потребность в объединительной «коллективной грезе» была у России на всем протяжении XIX века, и одной из таких идей было представление о русском языке как особенном явлении не только русской, но и мировой культуры. А приучили к этому, ставшему уже привычным для нас романтическому представлению один за другим известные русские мыслители и художники слова: русский язык – это особый язык, который «...ни единому европейскому языку не уступает» (М. В. Ломоносов), а напротив, «имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими» (А. С. Пушкин); русский язык – «великий и могучий... и дан великому народу» (И. С. Тургенев); и «нет слова, которое <...> так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово» (Н. В. Гоголь).

И опять, как и в одном из предыдущих аргументов, не следует относиться к словам наших великих предшественников с исключительно научных лингвистических позиций, оценивая типологические, генеалогические, семиологические и иные качества русского языка: русский язык, разумеется, не превосходит все другие языки мира по своим достоинствам, но при этом отнюдь и не уступает им. Дело не в этом, дело в **достоинствах русского языка для русской культуры** и в несомненной его **пользе для других национальных культур и языков России**. Ни один другой язык не может заменить русский в этой его культурно-исторической объединительной функции. В этом, очевидно, и заключается особая роль русского языка, его воодушевляющая перспектива и всенародная греза. Но эта перспектива, к сожалению, не так уж безоблачна, а всенародная греза не столь радужна, как это могло до сих пор казаться. С русским языком как основным средством всеобщей коммуникации связан целый ряд серьезных проблем⁶, многие из которых могли бы стать коллективным «замыслом дальнейшего познания и практического преобразования мира» [Философский энциклопедический словарь 1983: 201], т.е. составить определенный план реализации национальной идеи России через ее язык и культуру речевого общения.

III

Рубеж двух столетий отмечен обостренным вниманием российской общественности к русскому языку. Можно сказать, что на протяжении нескольких лет русский язык был одной из излюбленных тем обсуждения широкой общественности. О состоянии языка и речи писали и говорили, в меру своей компетенции, журналисты и политики, общественные деятели и писатели, ученые и

педагоги, да и просто рядовые носители русского языка⁷. В средствах массовой информации и в специальной литературе последнего десятилетия периодически возникали, да и сейчас еще время от времени обсуждаются самые разные темы, посвященные языку: «сохранение русского языка», «порча и гибель русского языка», «засилье иностранных слов», «сквернословие в публичной речи», «речевая культура депутатов», «грамотность населения», «реформа орфографии» (наивно представлявшаяся как «реформа русского языка»), «закон о государственном языке», «изучение русского языка в средней школе», «русский язык за рубежом», «обучение русскому языку иммигрантов» и т. д. и т. п. В ряде газет появились специальные рубрики типа «Поговорим о языке», «Наш язык», «Русская речь», «Давайте говорить правильно». Передачи о русском языке завели было и многие крупные радиостанции: радио «Маяк» («Грамотей»), «Радио Россия» («С русского на русский, или Как сказать»), «Эхо Москвы» («Говорим по-русски», «Как правильно»). Издательство «Филологический факультет» Санкт-Петербургского государственного университета опубликовало большую серию популярных карманных словарей «Давайте говорить правильно» (более 20 выпусков). В Интернете стали действовать специальные языковые порталы: Gramota.ru, Gramma.ru, Ropryal.ru, Ruthenia.ru, Verba2007.ru и другие, созданы «Национальный корпус русского языка» [www.ruscorgora.ru/] и Национальный корпус русского литературного языка [www.narusco.ru/], активно предлагаются к использованию обширные сетевые собрания словарей русского языка [www.rubricon.com, www.slovari.ru, www.lsw.ru и др.]. Более того, насущными проблемами русского языка стали интересоваться «толстые» литературные журналы: в «Знамени» в 2006-2007 г. действовала специальная рубрика «Родная речь», где были опубликованы дискуссионные очерки М. Эпштейна, М. Арапова, И. Милославского и др. авторов. «Отечественные записки», издание для «медленного чтения», подготовили в 2005 г. специальный выпуск (№ 2), посвященный проблемам русского языка (статьи А. Шмелева, М. Кронгауза, В. Беликова и др.). Апофеозом внимания к русскому языку и русской речи должно было стать и официально-государственное внимание к проблеме: 2007 год в России был объявлен Годом русского языка, который и начался пышными празднованиями в... Париже.

Но миновал 2007 год, близок к концу 2008, российский официоз давно переключился на другие вопросы. Постепенно потеряли былой интерес к проблемам функционирования русского

⁶ См. об этих проблемах нашу статью «Болезнь языка или язык болезни» во 2-ом выпуске сборника: Современная русская речь... [Химик 2006: 47-74].

⁷ Этот массовый и нередко творческий народный интерес к своему языку получил даже собственную научную номинацию – «стихийная лингвистика» – и стал предметом специального изучения профессионалами, см.: [Бульгина, Шмелев 2000: 9-17], [Вепрева 2002].

языка журналисты, поубавился пыл дискуссий о «гибели русского языка» у активной российской общественности, одна за другой прекратили свое существование многие регулярные передачи о родной речи на большинстве крупных радиостанций, реже стали писать о языке и «толстые» журналы. Как это обычно у нас бывает, важное дело начато и брошено, не доведено до конца. Очередная кампания закончилась без видимых результатов и достижений, и момент оказался упущен: русский язык не стал признанной общенациональной идеей, общество не воспользовалось потенциалом русского языка для культурного единения, сплочения и созидания.

Между тем русский язык, русская речевая культура пребывают сейчас в крайне трудных условиях фактического пренебрежения, отсутствия неформальной поддержки властей и деятельного уважения со стороны его массового носителя, или, как сейчас говорят, «пользователя». Формально, на словах, всякий россиянин гордится своим «великим и могучим», полагая, очевидно, что он, как и благодатная природа России, все стерпит и все переживет. Действительно, стерпит и переживет, как справедливо замечают многие лингвисты [см. Караулов 2000; Шмелев 2005], но не утратит ли свою объединительную и ценностную роль для широкого круга носителей?

В последнее время, как раз начиная именно с «года русского языка», средства массовой информации, прежде всего радио и телевидение, увлеклись новыми формами интенсивного вещания, строящегося на имитации фатической речи, или бытового «общения ради общения» [Русская речь в СМИ 2007: 125-143], которое теперь активно переносится в публичную сферу и, как предполагается, «отражает реальную жизнь», вовлекая слушателя в легкий, спонтанный разговор. Первоначально небольшие круглосуточные FM-радиостанции, а затем и крупные каналы СМИ сформировали особый тип социального речевого поведения и, соответственно, особый тип «модельной языковой личности», стандартизованного шоумена-ведущего нового типа [см. Карасик 2003], использующего навыки гиперактивного фатического общения «без комплексов».

Так, популярный ведущий крупнейшей в России радиостанции в процессе многочасового вещания 29 января 2008 г. ясно сформулировал и несколько раз публично повторил принцип и цель работы «продвинутого» радиожурналиста следующим образом: «*Забить эфир и получить бабло!*». Другой известный и популярный телеведущий, человек с гуманитарным университетским образованием, в живом эфире легко вступает в диалог такого типа: «*Насколько вы понтовый человек?*», «*Я? Понты понтам рознь!*». Далее беседа переключается на актуальную тему – об автомобилях, и образованный телеведущий глубокомысленно изрекает: «*Старым <...> настуляет хана... Старые машины не канают...*». И всё это не случайные оговорки. Бойкий и развяз-

ный теле- радиоведущий нового типа регулярно, легко и непринужденно бросается словечками типа: *ни фига! супер! прикольно, в шоколаде, отпад, стёбный, кайфуем* и др.

Но переключим канал и послушаем русскую речь другой радиостанции, популярной среди либеральной интеллигенции. 10 марта 2008 г., 9.20 утра, профессиональный ведущий скороговоркой сообщает о нарастающем финансовом кризисе и тут же вальяжно успокаивает: «*Ну, у них там кризисы, а мы с вами сейчас слушаем музыку*». Звучит... голос Эдит Пиаф. Всё утро ведущий навязчиво педалирует словцо *музычка* и в паузах между «*музычкой*» (Эдит Пиаф!) одну за другой *пробалтывает* (именно так!) животрепещущие темы дня: о православной вере, о достоинствах и недостатках *корейцев* (корейских автомобилей), о целительных качествах минеральной воды, о ценах на продукты, о мобильных телефонах и т. п.

Такой «великий и могучий» предлагают звучащие СМИ массовому слушателю. И слушатель, по крайней мере молодой, охотно принимает эту сниженную, часто вульгарную, деструктивную, т.е. бытовую по форме, но публичную и в известном смысле официальную, звучащую речь, принимает как *образец для подражания*. Результат не заставляет себя ждать. Весной уходящего года в эфире еще одной крупнейшей радиостанции теперь уже не ведущий, а школьница в ответ на вопрос журналиста о первом опыте сдачи ЕГЭ («Единого государственного экзамена») весело рассказывает о своих впечатлениях: «*Хотя я как бы и не ботаник, но экзамен легкий, мне понравилось, было очень прикольно, ха-ха-ха!*...».

Но сниженная жаргонизированная речь в публичной коммуникации СМИ не самое страшное. В конце концов, многие лексические и семантические новации разговорно-литературного языка выросли из субстандартных форм речи. Хуже другое: приметой публичного вещания в СМИ стала словесная шелуха, речевая эквилибристика, ориентированная прежде всего на «*прикольность*», как выражается молодежь, а в угоду ей и немолодой, но типизированный теле- радиоведущий нового времени. Бесконечный «*трёл*» и «*стёб*» стали, кажется, самоцелью спонтанного и, как правило, агрессивного в этой смысловой облегченности радиовещания. Имитируя бытовое общение, стандартизированный шоумен-ведущий нового типа не заботится о форме и содержании речи, публично дискредитирует язык, и неискушенный массовый потребитель такого вещания окончательно лишается образцов хорошего русского языка, а значит, и хорошей русской речи, в которой только и может выражаться, формулироваться и жить мысль.

Впрочем, дискредитация хорошей русской речи происходит и с другой стороны. Мощное воздействие на публичную речевую коммуникацию оказывает власть и чиновничье-бюрократический язык. Если прежде это были в основном

проявления неоправданного «завышения стиля» с помощью канцелярита в неофициальном общении малообразованных говорящих (типа *Прогулка в зелёный массив; Заострить вопрос насчет женитьбы; В кафе можно хорошо покушать при наличии средств*⁸) или некоторое навязывание партийного новояза, то теперь можно говорить о мощном влиянии на русский язык новых реалий чиновничье-бюрократической речи, наполненной, с одной стороны, бюрократическими жаргонизмами, а с другой, сниженными и фамильярными словами и оборотами, притом не только в устных, но и письменных текстах: *оборонка, пищевка, нобелевка; поиметь кого-л., сделать втык, задеять кого-л. в чем-л., прописать в документе что-л.* и т.п. Элементы официально-деловой речи чиновников разного уровня стали легко перетекать в массовое публичное и обиходное общение, и вот мы уже слышим, читаем и воспринимаем как привычные обороты типа: *пересечься после работы, изложить конкретику, проговорить наработку по социалке, отслеживать нарушения*; в университете теперь предлагают *платникам проплатить обучение*, рассказывают, что у студентов *с учёбой наблюдается прогресс*; молодая мать может трогательно сообщить, что у ее ребенка *наметились подвижки с развитием*; юноша по мобильному телефону обещает своей маме *отзвониться*, когда придет на вокзал, а популярная газета выражает намерение *озвучить* на своих страницах важную новость.

В качестве ключевой фигуры современной жизни, не только экономической, но и культурной, все активно утверждается еще одна модельная языковая личность, еще один типизированный субъект набирающего большую силу бюрократического дискурса: чиновник (начальник, управленец, менеджер...). Типизированная языковая личность **чиновника**, который публично *озвучивает установку, выражает озабоченности по части пробуксовки распоряжения, обещает одномоментно продать в верхах состыковку проекта и прописать его в годовом бюджете*, начинает активно проявлять себя во всех сферах российской культуры и общественной жизни⁹. Новый российский чиновник-менеджер стремится решать все вопросы, включая лингвистические. В результате оказывается, например, что наши граждане учатся или работают, например, не в Санкт-Петербургском государственном университете, а в «Федеральном государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»». (Желающие могут

легко подставить: «Московский...», «Воронежский...», «Уральский...» и т.п.). Нелепую, перегруженную ненужными повторами и вариациями тяжеловесную номинацию придумали чиновники, и они же *спустили* ее для обязательного официального употребления. Можно быть вполне уверенным, что «изобретатели» не обращались за консультациями к ученым-лингвистам, независимым специалистам по терминологической номинации и неймингу. Конкретный результат такой языковой инициативы не заставил себя ждать и в живой речи: в передаче «Радио Россия» простая школьная учительница взволнованно рассказывает слушателям о том, какой хороший коллектив *«в нашем среднем образовательном учреждении № 81, и в других образовательных учреждениях Санкт-Петербурга тоже...»* (раньше, вероятно, сказала бы: *«в нашей средней школе»*). Кажется, случай безобидный, но это показательный пример искусственного навязывания бюрократического клише, клишированной речи, клишированного сознания. Примеров такого рода омертвляющего влияния государственной бюрократической машины на живую русскую речь, на авторитет русского языка, а в конечном счете, и на судьбу национального языка, можно привести множество¹⁰. И за большинством таких примеров можно обнаружить непонимание природы национального языка, бедность публичной русской речи, массовое невладение стилистическими ресурсами языка и речи, и, шире, весьма распространенное неумение говорить, порождать связные тексты. И в этой языковой ситуации публичные речевые вольности чиновников высокого ранга (типа *мочить в сортире, жевать сопли, схватить за одно место, кошмарить бизнес* и т.п.) отнюдь не способствуют популярности русского языка, возвышению национальной речевой культуры, которая должна обеспечивать единство народов России.

Новое поколение, воспитанное почти исключительно на фатических речевых имитациях, которые *озвучивает* современный ведущий-шоумен и которые обрушиваются на *потребителя* с телеэкрана и из радиоэфира передачами типа «За стеклом», «Без комплексов», «Дом-2», «Блондинка в шоколаде» и т.п., в состоянии общаться исключительно клишированными блоками, жаргонизированными фразами и междометными оборотами, которые воспринимаются как нормативные! Ситуация начинает приобретать формы национальной трагедии: носитель русско-

⁸ Подробно об этом писал в свое время еще К. И. Чуковский [Чуковский 1968].

⁹ Известный литературный критик Н. Б. Иванова в передаче «Культурная революция» категорично, но совершенно справедливо заметила, что «искусство кино умерло, потому что на место творца пришел менеджер, он пришел в книгопечат, в науку, в педагогику...» (24.04.2008).

¹⁰ Характерный пример – недавнее новшество Министерства образования и науки РФ, фактически исключившее русский язык из числа учебных дисциплин для иностранных аспирантов, которые теперь будут сдавать в качестве экзамена кандидатского минимума не русский язык – язык страны обучения, язык научной диссертации, а любой другой иностранный, прежде всего английский (Приказ Минобрнауки России № 274 от 06.10.2007). А это уже реальное противодействие не только здравому смыслу, но и национальной идее, национальному русскому языку, престижу России. Понимают ли это чиновники?

го языка в массе своей не умеет адекватно выражать мысли на родном языке в устной и тем более в письменной форме¹¹. Не говоря уже о столь же массовом неразличении стилей, речевых жанров и пренебрежении орфографией.

Что же делать? Думается, есть только один путь, одна задача: обратить внимание на наше главное достояние, попытаться сделать русский язык ведущей национальной идеей России. И это необходимо сделать не только для природных носителей русского языка как родного. Русский язык может и должен стать **возвышающей национальной идеей** для всех говорящих по-русски, для конгломерата всех народов России.

Как это сделать, каким образом? Ответ и прост, и чрезвычайно сложен одновременно: необходимо реальное и официальное **возведение русского языка в общенациональную ценность**. А для этого абсолютно недостаточно формальных мер, которые уже принимались: объявление «Года русского языка», учреждение закона о государственном языке, введение ограничений на использование иностранных языков в городской рекламе, требование соблюдать правил русской орфографии. Нужно гораздо большее и существенное: нужна широкая и постоянная пропаганда истинных ценностей национальной культуры, связанных с русским языком. Нужна длительная, планомерная и, очевидно, дорогостоящая пропаганда русского языка. В средствах массовой информации должна звучать такая русская речь, которая могла бы служить **образцом** для массового слушателя. Нужны реальные меры по изучению и совершенствованию изучения русского языка и хорошей русской речи на всех уровнях: в школе, в вузах в качестве обязательного курса культуры речи, а также на доступных курсах по разным аспектам языка и речи для россиян и иностранцев. Нужен особый статус **учителя русского языка** в России и за ее рубежами. Нужна пропаганда **хорошей русской речи** как выражения достоинства любой личности, любого должностного лица, любого средства массовой информации, любого публичного текста в письменной или устной форме. Нужны, очевидно, и масштабные формы публичного признания и поощрения – государственные и общественные премии, звания, награды – за хорошую русскую речь, за умение точно и достойно выражать мысль на хорошем русском языке.

ЛИТЕРАТУРА:

- Арапов 2006*: Арапов М. Наш великий и могучий... // Знамя. – 2006. – № 2. – С. 163-184.
Беликов 2005: Беликов В. И. Национальная идея и культура речи // Отечественные записки. – 2005. – № 2.
Бердяев 1915: Бердяев Н. А. Душа России. 1915 // Русская идея / Сост. М. А. Маслин. – М., 1992. – С. 295-312.

Булыгина, Шмелев 2000: Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Стихийная лингвистика» (folk linguistics) // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / Отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 9-18.

Вепрева 2003: Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2003.

Иванов 1909: Иванов Вяч. В. О русской идее. 1909 // Русская идея / Сост. М. А. Маслин. – М., 1992. – С. 226-240.

Ильин 1948: Ильин И. А. О русской идее. 1948 // Русская идея / Сост. М. А. Маслин. – М., 1992. – С. 436-443.

Карасик 2003: Карасик В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX-XXI вв.: Человек и его дискурс: Сб. науч. трудов. – М., 2003.

Караулов 2000: Караулов А. Н. Культура речи и языковая критика // Русский язык в эфире: Проблемы и пути их решения. Материалы круглого стола. Москва, 14 ноября 2000 г. // www.gramota.ru/rlefir.html?p10.htm (дата обращения: 18.07.2008).

Словарь русского языка: Словарь русского языка: В 4 т. Т. I-IV. – М., 1981-1984.

Мелихов 2006: Мелихов А. М. Национальная идея – возрождение национальной аристократии // Нева. – 2006. – № 5.

Мелихов 2004: Мелихов А. М. Состязание технологий и состязание грез // Дружба народов. – 2004. – № 5.

Милославский 2006: Милославский И. Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность и как школьный предмет // Знамя. – 2006. – № 3. – С. 151-164.

Русская речь в СМИ 2007: Русская речь в средствах массовой информации: Стилистический аспект / Под ред. В. И. Конькова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

Соловьев 1989: Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М., 1989.

Федеральный закон... 2005: Федеральный закон № 53-ФЗ. «О государственном языке Российской Федерации» (25 мая 2005 г.) // Мир русского слова. – 2005. – № 1-2. – С. 5-8.

Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.

Химик 2006: Химик В. В. Болезнь языка или язык болезни // Современная русская речь: состояние и функционирование. Выпуск II: Сборник аналитических материалов / Под ред. С. И. Богданова, Н. О. Рогожиной, Е. Е. Юркова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 148-150.

Чуковский 1968: Чуковский К. И. От двух до пяти. Живой как жизнь. – М., 1968.

Шмелев 2005: Шмелев А. Д. Ложная тревога и подлинная беда // Отечественные записки. – 2005. – № 2.

Эпштейн 2006: Эпштейн М. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. – 2006. – № 1. – С. 192-207.

© Химик В. В., 2008

¹¹ См., например, «тексты» на многочисленных форумах и чатах в Интернете.

Анот Т.
Орлеан, Франция

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НИКОЛЯ САРКОЗИ
НА КОНГРЕССЕ ПО ВЫДВИЖЕНИЮ
ПАРТИЙНОГО КАНДИДАТА В 2007**

УДК 323(44)

Код ВАК 10.02.05; 10.02.19

Аннотация. Выдвижение Николя Саркози в качестве кандидата от UMP (Союза за народное движение) на президентских выборах 2007 года является поворотным моментом. Прежде всего, это ключевой шаг в его хаотичной политической карьере, в которой начался благоприятный период с 2002 года. По этому случаю Николя Саркози выступает с речью, в которой он признаётся в своей любви к Франции и даже упоминает наиболее уважаемых деятелей французского социализма. Он также раскрывает свою программу в области ряда социальных и экономических мер. Он хочет убедить избирателей в своей моральной чистоте и построить безупречную республику. Наконец, он ставит перед собой цель показать себя великим государственным деятелем, способным управлять своей страной.

Ключевые слова: Политическая коммуникация; выборы; Н.Саркози, Франция; внешняя политика; внутренняя политика; демократия; либерализм.

Сведения об авторе: Аното, Тома

Место работы: Университет Орлеана

Должность: аспирант

Контактная информация:

E-mail: anotothomas@hotmail.fr

Anoto T.
Orléans, France

**NICOLAS SARKOZY
ELECTED FOR THE CONSERVATIVE
CANDIDATE 2007: HIS VICTORY SPEECH**

Abstract. The Nicolas Sarkozy nomination by UMP to be its candidate at the 2007 presidential election is a turning point. Firstly, it is a pivotal step of a chaotic politic career that has known a prosperous period since 2002. On this occasion, Nicolas Sarkozy gives a personal speech in which he declares his love for France where he even mentions the most regarded people in French socialism. He also unveils many social and economical measures. He wants to convince the electors of his moral integrity and build up an irreproachable republic. Finally, his aim is to demonstrate that he is a great statesman capable of leading his country.

Key words: Political communication; elections; N.Sarkozy, France; foreign policy; domestic affairs; democracy; liberalism.

About the author: Anoto, Thomas

Place of employment: Orléans University

Position: post-graduate student

Выдвижение Николя Саркози в качестве кандидата на президентских выборах 2007 года от партии «Союз за народное движение» является поворотным событием. Прежде всего, это логическое заключение одной хаотичной политической карьеры, которая с 2002 года пережила благоприятный период. Но это также и отправной пункт предвыборной кампании, которая должна привести этого человека к цели, которую он никогда не скрывал: Елисейский дворец. Будучи не единственным обладателем подобной амбиции, Николя Саркози должен был завоевать первенство в своём лагере. Это событие для него – возможность стать неоспоримым лидером правых, поскольку он получает 98% голосов в ходе голосования членов своей партии. Конгресс проходит 14 января 2007 года в Париже в Выставочном центре Porte de Versailles. Место выбрано не случайно, потому как Жак Ширак произнёс там свою первую великую речь кампании 1995 года, в которой изложил свою программу. Николя Саркози захватывает это место, чтобы превратить его в отправной пункт кампании, столь же победоносной, как и кампания его предшественника.

Человеческое лицо

Николя Саркози получил крайне широкую поддержку в своём лагере. Отныне следует начинать собственно кампанию, приводя свои аргументы, скорее личного характера. Он очень

часто подчёркивает в своей речи «J'ai changé» – «Я изменился», что сопровождается описанием приобретённого опыта и достоинств, чтобы доказать одно: он чувствует себя готовым занимать президентскую должность.

С самого начала выступление ведётся в личном плане. Кажется, что кандидат обнажается в настоящей интроспекции, потому что он заявляет: «l'élection présidentielle est une épreuve de vérité» – «президентские выборы – это испытание истины». Он говорит: «Longtemps ce sont des sentiments que j'ai gardés pour moi, comme un trésor caché au fond de mon cœur [...]. J'imaginai qu'un homme fort se devait de dissimuler ses émotions» – «Долгое время я хранил эти чувства в себе, как сокровище, скрытое в глубине моего сердца [...]. Я думал, что сильный человек чувствует себя обязанным скрывать свои эмоции», затем, чуть позже, он раскрывает секрет: «Aujourd'hui j'ai compris que ce sont les faiblesses, les peines, les échecs qui rendent plus fort» – «Сегодня я понял, что именно слабости, горести, неудачи делают сильнее». Николя Саркози хочет показаться более чувствительным, говоря о тех трудностях, которые ему встречались, особенно в его политической карьере. Но вместо впечатления перемены, равно внезапной и доблестной, он тем больше подчёркивает всю ту силу и храбрость, которую он желает, чтобы ему приписывали. Николя Саркози

продолжает свою двусмысленную речь: «*On ne peut pas partager la souffrance de celui qui connaît un échec professionnel ou une déchirure personnelle si on n'a pas souffert soi-même. J'ai connu l'échec et j'ai dû le surmonter*» – «Нельзя разделить страдание того, кто переживает профессиональную неудачу или личный разрыв, если сам этого не перенёс. Я познал поражение и я смог его преодолеть». Под видом смягчения, даже некоего очеловечивания своего образа, он пускается в похвалы состраданию, давая понять, что ему он научился на своём опыте. Так, не говоря этого напрямую, он выставляет в выигрышном свете свою способность преодолевать препятствия и придаёт себе вид человека сильного и достойного доверия, на которого французы могут рассчитывать и который понимает их заботы. Следуя той же риторике, он заговаривает о «*l'écrasante responsabilité morale de la politique*» – «непосильной моральной ответственности политики». Хоть и было бы несправедливо отказывать Николя Саркози в таких качествах, как чувствительность и человечность, нельзя отрицать, что при их упоминании он старается восстановить «человечный» и «чувствительный» персонаж в воображении своих слушателей, будучи прекрасно осведомлён о своём образе жёсткого представителя правых. Так, Николя Саркози играет на эмоциональном регистре, чтобы тронуть свою аудиторию.

Он продолжает в том же ключе, когда рассказывает, как гордится тем, что он француз, на основе избранных эпизодов из истории Франции. Он упоминает, прежде всего, героев Сопротивления, основателей Пятой республики и мира в Европе по окончании Второй мировой войны. Он отдаёт честь великим героям, в которых воплощена Франция, как нация и как система ценностей. Указывая подвиг каждого, он говорит о них по очереди: Жорж Мандель, Ги Моке, Жанна д'Арк, Леон Гамбетта, Жан Мулен, генерал де Голль, Эмиль Золя, Виктор Гюго, Жорж Клемансо, Симон Вайль, аббат Пьер, Жорж Помпиду – и он заканчивает: «*La France, elle a le visage, l'âge, la voix de tous ceux qui ont cru en elle*» – «Франция – у неё лицо, возраст, голос всех тех, кто поверили в неё». За этим следует настоящее признание в любви, адресованное Франции. Это классическая стратегия в рамках президентского выступления, действительно, избранным зачастую становится именно тот кандидат, который сумел лучше других рассказать великую историю Франции, возвеличить её, чтобы почувствовал гордость народ, который слушает своего трибуна, прежде чем вынести вердикт. Николя Саркози вновь включает эпоху своих современников в более широкий исторический контекст, возведённый в ранг национальной судьбы. Так что следовать за ним означает следовать за всем рассказанным им блестящим прошлым, за теми великими людьми, которые прославились, кото-

рые заставляют гордиться принадлежностью к французскому народу.

Довольствуясь до сих пор торжественным «*La France*» – «Франция», Николя Саркози изменяет формулу до «*ma France*» – «моя Франция», чтобы лучше нариосовать видение своей страны, которое он пытается передать. Он говорит без всякого стеснения: «*Ma France, c'est celle de tous les Français sans exception. [...] Ma France c'est celle des Français qui votent pour les extrêmes non parce qu'ils croient à leurs idées, mais parce qu'ils désespèrent de se faire entendre*» – «Моя Франция – это Франция всех без исключения французов. [...] Моя Франция – это Франция французов, которые голосуют за крайние варианты не потому, что они верят их идеям, а потому, что они отчаиваются быть услышанными». После обвинений в том, что он ужесточает свои выступления с целью переманить избирателей, которые собираются голосовать за крайне правых, Николя Саркози становится защитником этих избирателей, реабилитируя их в ходе дебатов и обещая им своё внимание. Тем не менее, было бы поспешностью утверждать, что среди избирателей Национального Фронта находятся только разочаровавшиеся в крупных партиях правых и левых. У него также могут быть свои убеждённые сторонники.

Займствования в пантеоне французского социализма

Эта позиция обеспечивает Николя Саркози ряд недоброжелателей как среди левых, так и среди правых. Часто непредсказуемый в своих убеждениях, он пользуется случаем данного выступления, чтобы пересечь Рубикон наследия социалистов. Он заявляет: «*Ma France c'est celle des travailleurs qui ont cru à la gauche de Jaurès et de Blum et qui ne se reconnaissent pas dans la gauche immobile qui ne respect plus le travail*» – «Моя Франция – это Франция рабочих, которые поверили левым Жореса и Блюма, и которые не узнают себя в застывших левых, больше не уважающих труд». Что это – внезапное желание придать социальную окраску своему выступлению или провокация, адресованная социалистической партии, которая трудится над тем, чтобы защититься и позиционировать себя как партию рабочих? В любом случае, для Николя Саркози это средство ухватиться за исключительно важную тему в своей кампании. Чуть дальше он добавляет: «*la gauche qui jadis s'identifiait à lui [le travailleur] a fini par le trahir*» – «левые, которые некогда идентифицировались с ним [le travailleur], в итоге предали его». Все эти выступления – настоящие удары, наносимые левым, которые увидели, как на заводах на смену им приходят очень медиатизированные визиты Николя Саркози, который, иногда в каске строителя, идёт непосредственно на контакт с рабочими. Поворот ли это в политике Николя Саркози? Весьма сомнительно. Данный приём рассчитан на дестабилизацию левых, менее единых, чем пра-

вые и, как следствие, уязвимых перед лицом подобной атаки. Жорес и Блюм – это идеологические алиби, чтобы заговорить о политике в области труда, которую планирует Николя Саркози. Можно уверенно сказать, что он ни в коем случае не разделяет глубоких убеждений таких социалистов, как Блюм и Жорес. И всё-таки Саркози уточняет, для своего воинствующего партера: *«Mes valeurs sont les vôtres, celles de la droite républicaine»* – «Мои ценности – это ваши ценности, ценности республиканских правых», затем добивается своей цели: *«J’ai voulu faire entrer ces idées dans le patrimoine de la droite républicaine alors même que la gauche les délaissait»* – «Я хотел ввести эти идеи в достояние правых республиканцев, даже тогда, когда левые их оставляют». Николя Саркози не просто «берёт» идеи левых, он разрушает левых, описывая их как искаживших свою природу, даже сбившихся с пути истинного, отвернувшихся от идеалов прошлого, так что даже их самые выдающиеся представители не узнали бы себя в современном состоянии. Резонанс этого тем более значителен от того, что в начале своего выступления Николя Саркози хочет стать достойным наследником великой истории Франции. Пользуясь случаем, он хочет показать респектабельность правых и берёт некоторый реванш над тем моральным авторитетом, которым левые до сих пор пользовались. Победив правых, он хочет победить левых.

Программное выступление

Кроме того, Николя Саркози высказывается на целый ряд тем. В области внешней политики, он приветствовал великое решение Президента: *«Je veux rendre hommage à Jacques Chirac, qui a fait honneur à la France quand il s’est opposé à la guerre en Irak, qui était une faute»* – «Я хочу отдать должное Жаку Шираку, который сделал честь Франции, выступив против войны в Ираке, войны, которая была ошибкой». Итак, это «обращение» того, кто осуждал, во время визита в США, *«l’arrogance de la diplomatie française»* – «высокомерие французской дипломатии». В масштабе страны, он преумножает экономические и социальные меры с построением 700 000 квартир, чтобы *«résoudre en dix ans la crise du logement»* – «разрешить жилищный кризис за десять лет». Для пенсий по специальным категориям, предлагается их привести *«à égalité avec [celles] du secteur privé et de la fonction publique»* – «к соответствию с [пенсиями] частного сектора и бюджетной сферы». Он объявляет запуск *«service minimum»* – «минимального срока работы» в бюджетном секторе dans le service public и предлагает, чтобы *«une loi impose un vote à bulletin secret dans les huit jours du déclenchement d’une grève dans une entreprise, une université ou une administration»* – «через семь дней после объявления забастовки на предприятии, в университете или в администрации законом устанавливалось тайное голосование». По налоговому вопросу он говорит:

«Je veux que l’Etat soit contraint de laisser à chacun au moins la moitié de ce qu’il a gagné. Je veux un bouclier fiscal à 50%» – «Я хочу, чтобы Государство было обязано оставить каждому по крайней мере половину того, что он заработал. Я хочу установить фискальный щит на уровне минимум в 50%». Обличая систему иждивенчества, ответственность за которую, по его словам, несут левые, Николя Саркози хочет построить *«la République réelle, (...) qui fait plus pour celui qui veut s’en sortir et qui fait moins pour celui qui ne veut rien faire et dont la société ne peut accepter qu’il vive à son crochet»* – «действительную Республику, (...) которая больше делает для того, кто хочет найти выход, и которая делает меньше для того, кто не хочет ничего предпринимать; общество не может согласиться с тем, чтобы он жил за его счёт». Поднимая одну из тем, которые особенно нравятся воинствующе правым, он начинает склонять её на примере ищущих работу, говоря об *«l’obligation de ne pas refuser plus de deux offres d’emploi successives»* – «обязательстве не отклонять более двух последовательных предложений работы», под угрозой сокращения пособия по безработице. К этой *«République réelle»* – «действительной Республике», он хочет присоединить *«la République ou démocratie irréprochable»* – «безупречную Республику или демократию», несовместимую с *«les nominations de connivence»* – «сообщническими назначениями», уколов мимоходом главу государства за подобные обычаи; эти назначения должны делаться *«en fonction des compétences (...) [et] ratifiée[s] par un vote des commissions parlementaires»* – «в соответствии с компетенциями (...) [и] ратифицироваться голосованием парламентских комиссий».

Осветив таким образом мероприятия в различных сферах, Николя Саркози хочет и дальше следовать своему намерению работать со всеми аспектами французского общества и его трудностей. Он проповедует построение республики одновременно моральной и прагматической, гаранта справедливого и ответственного правительства. Его выступление – это также способ исправить те недостатки, которые ему приписывают: его атлантизм, оттенённый комплиментами в адрес Жака Ширака, и его экономический либерализм, который он умеряет, заявив о своём желании *«moraliser le capitalisme»* – «морализовать капитализм». Он также произносит проникновенное признание, склоняя свою любовь к Франции на очень личный лад. Он обозначает своё намерение обращаться к более широкому электорату, чем избиратели Союза за народное движение, посредством своих заимствований у левых. Главная цель этой речи – запустить кампанию, создав ему образ человека, готового принять самые высокие функции – функции президента Республики.

© Аното Т., 2008

Базылев В. Н.
Москва, Россия

«КАРТИНЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ»
ЛАЗАРЯ КАГАНОВИЧА:
ФРАГМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

УДК 152.34

Код ВАК 10.02.05; 10.02.19

Аннотация. Статья посвящена современному подходу к изучению языковой личности советской эпохи с позиций исторической психологии.

Ключевые слова: политическая психология; историческая психология; языковая личность; портрет; Лазарь Каганович.

Сведения об авторе: Базылев, Владимир Николаевич

Ученая степень, звание: доктор филологических наук, профессор

Место работы: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, кафедра методики, педагогики и психологии

Должность: профессор

Контактная информация: 123056, г. Москва, ул. Красина, д. 7, стр. 1, кв. 126

E-mail: vladimir@4unet.ru

Bazylev V.N.
Moscow, Russia

LAZAR KAGANOVITCH,
"PICTURES OF THE LIFE'S JOURNEY":
A FRAGMENT OF HISTORICAL POLITICAL
PERSONALITY PSYCHOLOGY"

Abstract. The article presents modern studies adjacent to sovietological investigations, namely researches into political discourses of the Soviet leader Lazar Kaganovich.

Key words: political psychology; historical psychology; language personality; profile; Lazar Kaganovich.

About the author: Bazylev, Vladimir Nikolaevich
Academic degree, academic status: doctor of
philological sciences, professor

Place of employment: Pushkin State Institute of the Russian Language, chair of method, pedagogic and psychology

Position: professor

О детерминации такого сложного явления самосознания, как образ или картина своей собственной жизни, можно высказаться лишь метафорически: «ткань полотна», на котором наше «я» изображает самую важную в своей жизни картину, сплетается из феноменологических и социокультурных явлений. Обратимся к феноменологическому анализу, позволяющему слой за слоем рассмотреть индивидуальные составляющие представлений человека о своей жизни. Понятие «картина жизненного пути» [Ананьев 1968] относится к важнейшим характеристикам самосознания, отражающим этапы индивидуального развития и связывающим события жизненного пути в единую систему отсчета. Основным содержанием субъективной картины жизненного пути являются межсобытийные связи – реализованные, актуальные и потенциальные. Люди, нашедшие свое призвание, проявляют большую адекватность в осознании значимости событий. Наоборот, у людей, не нашедших свое место в жизни, количество случайных, не связанных друг с другом событий в картине жизни оказывается довольно большим. В описывающих содержание субъективных картин жизненного пути текстах могут отсутствовать межсобытийные связи, принадлежащие либо к прошлому, то есть реализованные, либо к настоящему, то есть актуальные, либо к будущему, то есть потенциальные связи. Этот феномен был назван «мотивационной недостаточностью» [Кроник, Ахмеров 1988]. В результате исследований оказалось возможно типологизировать деформации субъективных картин жиз-

ненного пути и обобщенно представить их следующим образом: отсутствие потенциальных связей, характеризующее чувство бесперспективности; отсутствие потенциальных связей сопровождается обычно и отсутствием актуальных связей, что свидетельствует о пассивности человека в настоящем и отсутствии надежды на будущее; отсутствие реализованных связей приводит к обесцениванию прошлого; отсутствие актуальных связей возникает тогда, когда человек не чувствует связи своего прошлого с будущим; отсутствие реализованных и потенциальных связей и наличие только актуальных означает, что человек полностью поглощен текущим периодом жизни, воспоминания или мечты, которые не имеют непосредственного отношения к заботам дня сегодняшнего, кажутся непозволительной роскошью; картина жизни лишь с потенциальными связями может быть характерна для человека, с головой ушедшего в мечты и планы, правда, по его собственным ощущениям, ничего толкового он пока сделать в своей жизни не успел – прошлое и настоящее обесценивается, то есть настоящее незначимо, а прошлое пусто [Либин 2000: 390-391].

Социокультурные же «переплетения» этой «ткани» позволяет рассмотреть подробно историческая психология [Шкуратов 1997]. Историческую психологию можно определить как изучение психологического склада отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности отдельного человека в специальном культурном макровремени, именуемом историей. Историческое время есть связь между про-

шлым, настоящим и будущем человечества. Исторически можно изучать не только то, что минуло, но и современность, а также грядущее. Историческая психология в широком значении слова – подход, помещающий психику и личность в связь времен. Прием этот общепринят в социально-гуманитарном знании, которое только и делает, что наблюдает за человеком в реке перемен. Историческая психология возникает из стремления подвести под эти наблюдения некий метод, отделить научные методы от художественного вымысла. Читатель исторических романов и мемуаров хочет знать, какими люди прошлого были «на самом деле». Человеческие профили, которые высказывают мысли о ментальностях, но не имеют возможности их проверить, тоже хотели бы, я уверен, открыть источник надежных фактов о психологии разных эпох.

«Картина жизненного пути» человека, политика, любого лидера – это попытка, вполне объяснимая с психологической точки зрения, редуцировать сложную синкретическую невозможность понимания себя со стороны и в окружении других до более имманентных форм. Естественно, это все равно ни к чему не приводит, поскольку «до-говориться» на уровне слов можно о чем угодно и до чего угодно, но нельзя искусственно придать синкретическую энергию смыслообразовательных потенций в акте переживания дискретизированным, семиотически определенным и прагматически рациональным сущностям, от этого синкретизиса отпавшим. Из этой психологической потребности достичь полноты со-переживания, прилагая при этом минимум духовных усилий, вытекает практика создания псевдообразов на картине ложных и чисто конвенциональных ценностей – ценностей на уровне слов. Это становится, надо отметить, возможным только тогда, когда культура настолько аккумулирует семиотические элементы, что становится способной творить сущности из своего собственного материала, последовательно отчуждая субъекта от первичного синкретизиса.

Интересно, что «картина» изменяться не способна – меняется лишь взгляд на нее. Создающий свою «картину» первоначально сознает свои ощущения и формулирует их, затем постепенно теряет дар слова: чем больше он видит, чем глубже ощущает, чем искренне сострадает народу и стране, тем меньше способен себя выразить в словах. Чем глубже слово, чем сложнее мысль, тем беднее речь, тем затрудненнее ее рождение. Ведь естественной речи заведомо противопоставлены клише социальных диалектов, облегчающих речевую информацию. А это ведет либо к фальсификации, либо к бес-

смыслице. Бессмысленность же, следствие лукавства, иногда приобретает видимость содержательности, заставляющей задуматься. Бессмысленность может стать следствием попытки перевода в иную семиотическую систему непереводимых обстоятельств и речей.

«Картина жизненного пути» трагична и комична одновременно – амбивалентна. Трагичность «картины» в рефлексии «немоты» людей и их обреченности на обоюдное непонимание, а невозможность общения обрекает людей на одиночество и распри. «Картина жизненного пути» политика – это попытка прорвать сферу непонимания, попытка понять себя и других, дать возможность понять другим себя. Комика автопортрета состоит в фальшивой позиции метаязыка. В одном из своих писем З. Фрейд пересказывает хорошо известную шутку об одном недавно женившемся человеке, которого его друг спрашивает, как выглядит его жена. Молодожен отвечает: лично мне она не нравится, но ведь это дело вкуса. Комика автопортрета заключается в стереотипе-клише, маске-актере, ходульности и театральности. Славой Жижек напишет, что с такого рода ответами он столкнулся в интервью с Жириновским [Славой Жижек 1998: 166-167].

Может быть, В. Гроссман был прав, написав: «От Аввакума до Ленина наша человечность и свобода партийны, фанатичны... Чехов сказал: пусть Бог посторонится, пусть посторонятся так называемые великие прогрессивные идеи, начнем с человека, будем добры, внимательны к человеку, кто бы он ни был ... Вот это и называется демократия, пока несостоявшаяся демократия русского народа» [Гроссман 1980: 187-188].

Начнем с человека и мы. В силу известной российской традиции, описанной Ю. С. Степановым, индивид мыслится как человек – свободный, равный и братский всем другим членам массы, но не как личность. В российской культуре человек и индивид представляют собой некоторый эволюционный ряд, стадии, или фазы, развития одного концепта, т.е. концепта 'Человек. Личность'. В связи с этим данный концепт приобретает разные измерения или параметризуется. Есть три наиболее естественных параметра, или аспекта, человека – три линии его естественной параметризации: человек в отношении к миру, человек в отношении к обществу, к себе подобным, человек в отношении к самому себе. За счет все большей и детализированной рефлексии параметризации человек во все большей степени (поведенчески, психически, ментально) выделяется из массы, по К. С. Аксакову, приобретает «индивидуальное лицо в народе». Ю. С. Степанов

отмечает, что 'личность' – persona восходит к этрусскому обозначению «маски» – театральной маски, маски персонажа на сцене. Таким образом, в этом римском понятии, пожалуй, впервые в истории социально закрепляется идея – весь мир театр. Но это одновременно фиксация идеи социальных ролей. Латинское persona дало в русском языке два ряда слов: с одной стороны, как перевод, особа; с другой стороны, как заимствование, персона в значениях 'особа, лицо' и 'портрет' [Степанов 1977: 551-552].

Параметрически личность – носитель языка, индивид, человек, о котором известно, что это личность, и которого мы знаем по речам и по делам его. Субъект же – тот, кто дан нам только по речам; системность в действиях субъекта нам не доступна.

Параллель выявляется в основных линиях прагматической интерпретации высказывания – это «расслоение» «я» говорящего на «я» как подлежащее предложения, «я» как субъект речи, наконец, на «я» как внутреннее «эго», которое контролирует самого субъекта [Степанов 1998: 374-375].

Это, можно сказать, когнитивное расщепление субъекта, которое на поверхности языка предстает как более или менее удачная метафора, приложимая к сумме жизненных примеров, в которых проявляются те или иные психические отклонения, формирующие «практически здоровую» человеческую личность.

Наиболее доступным и информационно насыщенным способом постижения человека является информация, которую он (человек) передает при помощи обыкновенного языка. Как заметил психолог Дж. Марсия: «Если хотите что-нибудь узнать о человеке, спросите его. Может быть, он вам что-нибудь и расскажет» [Я, субъект, индивид 2002: 42]. Ибо за каждым текстом стоит языковая личность, структурированная, по предположению Ю. Н. Караулова, из трех уровней: вербально-семантического, когнитивного и прагматического. Тот же Ю. Н. Караулов отмечает, что в исследовании возможно использование как достаточной протяженности текстов, так и достаточным может стать не обязательно связный текст, но набор речевых произведений отрывочного характера, реплик в диалогах и различных ситуациях, высказываний длиной в несколько предложений и т. п., но собранных за достаточно длительный промежуток времени [Караулов 1992].

Учение о языковой личности, намеченное в основных чертах в 20-30-е годы нашего века, лишь в последние десятилетия обретает некоторую теоретическую и методологическую определенность (во многом благодаря работам

Ю. Н. Караулова). В перспективе это учение позволит найти ясные "лингвоориентированные" методики установления своеобразия индивидуального или коллективного "я", как оно проявляется в продуцируемых этим "я" текстах.

Речевой автопортрет вырабатывается только в результате социальных процессов, то есть является по происхождению социальным конструктом. Существование речевого автопортрета обусловлено существованием языка. Он живет в рамках языковых форм и норм как квинт-эссенции культурного опыта человечества, пользуясь при этом своим субъективным языком, языком личностных смыслов.

Автопортрет является объективным выражением психологического «я» личности, управляемым, с одной стороны, законами и нормами речи, с другой стороны – психологическими механизмами памяти.

Автопортрет трехпланов по своей сути. В треугольнике – внешнее (обличье) – значение – смысл, первое овнешняется в воспоминаниях, представляющих собой единство пространственно-временных характеристик ситуации, раскрывающейся в речи в соответствии с лингвистическими правилами языка. Речь надстраивается над чувственностью опыта, создавая схематизированные и оречевленные образы памяти. Память же автопортрета представляет собой уникальную психологическую структуру, являющуюся одновременно и когнитивной, и личностно-мотивационной. Личностная вовлеченность в творческую деятельность и когнитивная зрелость для решения новых задач – два необходимых условия успешного формирования и воплощения автопортрета.

Параметры личности, которые необходимо фиксируются в автопортрете, могут быть резюмированы следующим образом: практически близкая доступность семантики воспоминания и его овнешнения; обостренное внимание к своему когнитивному развитию; создание баланса травматических и поддерживающих элементов автобиографической памяти за счет творческого планирования будущего; выставление альтернативных (разнящихся) эмоциональных оценок одному и тому же событию; временная конфигурация автобиографической памяти, связанная с узловыми творческими моментами обучения/воспитания; умение произвольного использования элементов автобиографической памяти в качестве материала для произвольно избранных целей; вербальная разработанность автобиографической памяти; нестереотипная связь с наличным эмоционально-личностным состоянием; отсутствие потребности сравнения воспоминаний с действительностью, преобладающая ценность индивидуального видения;

восприятие своей судьбы как творческого пути саморазвития и самосовершенствования.

Параметры субъекта, которые необходимы к фиксации в автопортрете, могут быть резюмированы следующим образом: физиология поведения; подверженность несчастным случаям и заболеваниям; сексуальное поведение и отношение к детям; эмоции; контроль над окружающим миром; действительная ценность для общества в сравнении с видимой ценностью; этический уровень; отношение к правде; уровень смелости; особенности говорения и слушания; особенности передачи письменных и устных сообщений; уровень реальности (согласия); настойчивость в достижении цели; буквальность в понимании сказанного; метод обращения с людьми; подверженность гипнозу; способность испытывать удовольствие в настоящее время; ценность как друга; отношение окружающих; состояние принадлежащих вещей; понимание окружающих; потенциал успеха; потенциал выживания [Базылев 1999: 16-20].

Параметризация субъекта – личности – человека происходит в слове-автопортрете, в эйдетическом феномене. Параметризация, иными словами элементаризация, в чем-то парадоксальна, т.к. элемент сам по себе парадоксален. Его функции – функции элемента автопортрета – в том, чтобы объединять разнородное, координировать его, заставлять резонировать и сходиться в одно целое, но также и расширять, оформлять его. Он выступает одновременно и как слово и как факт (resp. феномен). Эти две стороны, как в свое время в своих лингвофилософских работах обсудил А. Ф. Лосев, никогда не бывают в равновесии, не соединяются вместе, не сливаются, так как парадоксальный элемент всегда остается в неравновесии по отношению к самому себе. Он одновременно является избытком и недостатком, пустым местом и сверхобъектом, "плавающим" означаемым и "утопленным" означаемым, эзотерическим словом и эзотерической вещью [Лосев 2004: 26].

Проиллюстрируем данные теоретические рассуждения практическим аналитическим обращением к мемуарам известного советского политического лидера Лазаря Кагановича.

В поведении и физиологии. – Хорошая способность работать над проектами и выполнять намеченное. – Я остался один, стал осторожным в своем озорстве, налег на учебу, одновременно на спорт, доступный в деревенских условиях того времени: плавание, лодка, попокородки, чурки и т. п. Плюс по вечерам песни хлопцами и девушками, чем я увлекался и в своей деревне [Каганович 1997: 40].

В подверженности несчастным случаям и заболеваниям. – Высокая сопротивляемость

заболеваниям. – Я не сдавался, бодро работал, во всяком случае изо всех сил старался не показывать виду, что мне тяжело, и работал сгоня семь потов. Но, естественно, физически мой молодой организм с трудом выдерживал, да к тому же еще работа не грела, а под ней теплой одежды не было и тем более теплого белья, свитера не было – в результате я простудился и заболел воспалением легких. В больницу попасть нашему брату невозможно было, в ночлежке на нарах тоже невозможно было оставаться, и Михаил устроил меня в комнате старого большевика, рабочего-металлиста... Кризис болезни прошел, и я начал выздоравливать – молодой организм победил. Прощаясь, врач сказал: «Благодари родителей, что наделили тебя крепким организмом – будешь долго жить» [Каганович 1997: 57-58].

Эмоции. – Страстное стремление, воодушевление, восторг. – *На всю жизнь у меня с детства остались в памяти эти страшные дни – недели переделов участков земли и лугов, которые всегда кончались кровавыми драками. Я никогда не забывал и не забуду тяжкое зрелище, когда привезли с лугов нашего доброго соседа с разрезанным косой животом, с вывалившимися внутренностями. Я, естественно, тогда не очень разбирался в классовом содержании этого события, но я знал, что этот наш сосед был очень беден и что зарезал его богатый родственник бедняка, который вызвал у нас, детей, гнев и проклятия, а семья зарезанного вызвала большое сочувствие и детские слезы* [Каганович 1997: 22].

Сексуальное поведение, отношение к детям. – Интерес к продолжению рода, сильный интерес к детям. – *Для меня ясно, что малообразованные мои родители, но от природы умные и честные, дали нам много положительного, отдавая детям все свои силы, в то время как рядом такие же бедняки жили самодомом, мало заботясь о себе, о детях, о чести семьи, – как сложилось, так, мол, пусть и идет, нам бы прожить кое-как, поесть и на боковую, а там, что выйдет из детей... Бог его знает. Наши родители не только рожали и кормили детей, но, как могли, и воспитывали их, формировали их, и если бы они к своему природному уму, трудолюбию, такту и энергии имели бы еще образование, то и они, да, вероятно, и дети их принесли бы больше пользы людям и всему обществу. То, что я говорю, относится не только к старому прошлому, но в известной мере и к современным родителям и детям* [Каганович 1997: 34]. – *Надо, однако, сказать, что товарищи меня не «чурались», в том числе и чернобровые дев-*

чата [Каганович 1997:74]. – Я тепло попрощался с моими товарищами, с моей женой Марией, которая, хотя и видала виды, как старый большевик, в данном случае была, конечно, расстроена таким финалом (арестом). Я ее, как мог, успокоил, мы попрощались, как любящие друг друга люди и как товарищи по борьбе [Каганович 1997: 121].

Контроль над окружающим миром. – Высокая степень владения собой, активное воздействие на окружающий мир, развитая способность разумно мыслить, живые эмоции. – Я видел и понимал, что лучшие люди рабочего класса под руководством существовавшей в тяжких условиях столыпинщины подпольной рабочей партии большевиков своей работой должны повернуть и поворачивают и этих отсталых людей на правильный путь [Каганович 1997: 64]. – Кормили плохо, даже хуже, чем всех солдат; кипятку и того не хватало, а сахару и подавно, свечей или лампы у меня в «купе» не было, а естественный свет попадал в вагон, особенно в мой «мешок», очень скудный, так что если бы мне и давали книги, то читать их было бы невозможно. Хотя все это портит настроение, но я чувствовал себя бодро, а главное оптимистически – уверенно [Каганович 1997: 123].

Действительная ценность для общества в сравнении с видимой ценностью. – Ценен для общества, изменяет окружающий мир на благо себе и другим. – Я хорошо понимал, что вступаю в ряды партии, борющейся не на жизнь, а на смерть с сильным врагом, с опытным, старым эксплуататорским миром. Я реально ощутил колоссальную перемену в моей жизни, психологии, поведении. Прежде всего – это проявление большого чувства и сознания ответственности за себя, за свои понятия и действия, ответственность за весь тот великий коллектив – партию, в ряды которой был включен. Если до этого я уже понимал, что для освобождения пролетариата необходимо соединить рабочее движение с социализмом, экономическую борьбу с политической классово-борьбой в общенациональном и международном масштабе, то теперь мало было понимать. Члену партии необходимо действовать, а не только и просто проповедовать социализм... Вступив в партию, я со всей силой и остротой ощутил и осознал, что подпольная партия требует строжайшей конспирации – меньше слов, больше дела [Каганович 1997: 76-77].

Этический уровень. – Считается с этическими нормами группы и совершенствует их, руководствуясь требованиями разума. – Но главное, что я всегда помню, это то, что

способность работника, его роль развиваются только в коллективе и благодаря коллективу, и поэтому в мемуарах употребление местоимения «я» ни в коей мере не должно оттеснить, затемнить главное: коллектив, массу, класс а также объективно-исторические условия борьбы и тому подобное, то есть все то, без чего личность не только не может развиваться, но и просто жить и существовать. Поэтому даже там, где приходится говорить о себе, я всегда подразумеваю себя как частицу коллектива – этого постоянного истинного творца всего сущего [Каганович 1997: 17]. – Таким образом, каждый из нас, вновь вступивших в партию, воспринимал партийную дисциплину не как внешне механическую, административную силу, а как глубоко сознательную, внутренне идейную дисциплину, что означает – добровольное подчинение своей индивидуальной свободы (тем более индивидуалистических выкрутасов) единой коллективной партийной свободе, помня, что «свобода есть осознанная необходимость» и что понимание этой необходимости есть решающее условие подлинной свободы всего коллектива и каждого в отдельности [Каганович 1997: 77].

Отношение к правде. – Высокое понятие о правде. – Я позволю себе подробнее осветить этот вопрос не потому конечно, что я, как один из авторов этого постановления и этой системы отчетности, «влюблен» в нее, а потому, что придавал и сейчас придаю ей, этой системе отчетности, важное и большое значение в партийном руководстве [Каганович 1997: 270] – Борьба была острая и тяжелая. Некоторые из современных историков упрощают положение, легковесно оценивают прохождение дискуссии с точки зрения современного положения... [Каганович 1997: 243].

Уровень смелости. – Высокий уровень смелости. – Вообще мы, более смелые, защищали робких и слабых ребят от хулиганствующих. Мне, например, особенно запомнился один верзила, который был постарше нас и избивал ребят, добиваясь этим беспрекословного послушания. И вот однажды, когда он с обычным своим нахальством начал наступать на меня, я имевшейся у меня в руках лозинкой его хлестнул. Вначале он продолжал храбро наступать – царапина была небольшая. Но когда он увидел, что у него просочилась кровь, он начал реветь. И с тех пор перестал избивать детей, за что ребята благодарили меня, осмелившегося дать ему отпор [Каганович 1997: 46]. – Прибыв на этот участок боя, я участвовал в самоотверженном сражении наших

бойцов, особенно из рабочих этого же завода, в том числе латышей... [Каганович 1997: 219].

Речевое поведение: говорение и слушание. – Способен быстро, сильно, талантливо и полно изложить свои и понять чужие мысли и убеждения. – *Поскольку в нашей деревне пошли слухи, что вот появился «грамотей» – сын Мошки Кагановича, к отцу обратились некоторые из села, чтобы я давал уроки их сыновьям по общеобразовательным предметам. Уговорились об оплате: за каждый урок по 1 рублю два раза в неделю... Вероятно, я был тогда самым молодым «учителем» в стране [Каганович 1997: 44]. – Люди слушали с исключительным вниманием. Я читал медленно, с расстановкой и, можно сказать, воодушевленно... Я с большим удовлетворением вспоминаю это первое инициативное массовое мое действие, которое показало мне великую силу литературы и слова для воспитания людей... [Каганович 1997: 54-55].*

Особенности передачи устных и письменных сообщений. – Передает сообщения, несущие энергетический потенциал для аудитории. – *Я нашел аудиторию в лице благородных жителей нашего большого дома. Вокруг меня собирались жители из рабочих, служащих и даже интеллигенции. Задавали многочисленные вопросы на разные темы. Я охотно и ясно им отвечал, затем просто шла беседа. Я был и остаюсь благодарен жителям нашего и окружающего домов за теплое и товарищеское отношение ко мне и тем, кто меня окружает и ободряет. Жизнь хороша только в общении с людьми... [Каганович 1997: 13]. – Это было мое первое крещение – выступление перед массой; я тогда особенно почувствовал и понял великую силу слова – правильного слова [Каганович 1997: 66].*

Уровень реальности. – Поиск различных точек зрения для расширения границ своей реальности, изменяет реальность. – *Существует пословица: не единым хлебом жив человек. Это, конечно, высокоблагородная мысль, означающая, что, кроме хлеба, человеку нужна культура, духовная жизнь, идейно-политическое содержание жизни и т.д. Все это правильно, но когда «хлеб этот единый» имеется у человека [Каганович 1997: 61]. – Хотя у нас, большевиков, не было точных данных о положении, но мы своим чутьем и знанием силы нашей партии, Ленина и героизма питерских рабочих и солдат были уверены, что это лживая фабрикация... и соответственно реагировали в зале заседания [Каганович 1997: 154].*

Способность справляться с ответственностью – Способен принимать и нести ответственность. – *Не преувеличивая свои молодые*

силы рядового члена партии, скромно оценивая свои возможности. Я все же не принадлежал робкому и вялому десятку и со всей юной энергией и смелостью взялся за порученную мне райкомом работу [Каганович 1997: 78]. – Естественно, я принял это поручение как великую честь для себя и, кроме того, был доволен тем, что это дает мне возможность принять более органическое участие в работе Третьего съезда Советов, который, как я уже писал, сыграл большую роль в истории Советского государства и определил пути государственного и социалистического строительства... [Каганович 1997: 182].

Настойчивость в достижении цели. – Высокая творческая настойчивость в достижении цели. – *Но, как всегда, необходимость и решимость мобилизуют силы, а я привык к напряженной работе [Каганович 1997: 14]. – Хотя мне было жаль, что я не могу вернуться в Белоруссию – Могилевщину и Гомельщину для завершения работы по укреплению Советской власти, но работа по организации Красной Армии захватило меня, и я отдал ей все свои силы и энергию [Каганович 1997: 187]. – Про себя, например, скажу, что я, привыкший к интенсивной работе, здесь работал и день и ночь – и по собственному увлечению и по необходимости [Каганович 1997: 189].*

Буквальность в понимании сказанного. – Хорошее понимание высказываний, хорошее чувство юмора. – *Я ему рассказал о проделанной работе в Могилеве и об имеющихся еще слабостях. Он очень интересовался, задавал вопросы. А затем, полушутя-полусерьезно, сказал: «От имени Верховного Главнокомандования благодарю вас за проделанную работу». Я тоже, полушутя и полусерьез, поднялся, стал по-солдатски и сказал: «Рад служить партии и революции» [Каганович 1997: 161].*

Метод обращения с людьми. – Приобретает поддержку благодаря своему творческому мышлению и жизненной энергии. – *Я ответил, что мне бы не хотелось уезжать а настоящее время из Воронежа до полного завершения восстановления хозяйства и укрепления низовых органов Советской власти, но если ЦК считает необходимым послать меня в Туркестан, я приму это решение ЦК и отдам все свои силы и опыт для выполнения поручения ЦК и Правительства. (Признаюсь – у меня была личная серьезная причина к отказу от Туркестана – моя жена Мария Марковна болела туберкулезом, и туркестанский климат не был для нее благоприятным, но я даже постеснялся говорить в ЦК о личных причинах. Сама Мария одобрила то, что я не говорил об этом в ЦК, и выехала со мной [Каганович 1997: 231].*

Способность испытывать удовольствие в настоящем времени. – В полной мере испытывает удовольствие от существования. – *Как ни бедна наша деревенская жизнь, она имела много своих прелестей, своей не прикрашенной, а настоящей жизненной романтики. Бедные люди, независимо от их национальности, особенно их дети, чувствуют, что без маленьких радостей, когда нет больших, жить невозможно, и они часто создают себе эти радости. Они умеют их находить в общении друг с другом и взаимопомощи, в окружающей их природе: на лугах, полях, речках, в цветах и наконец, в песне и плясках... Сколько, например, душевной радости, чистоты, поэзии и романтического наслаждения приносили и приносят летние ежевечерние песни и танцы на площадке или на широкой улице молодых «хлопцев и дивчат, колы мисяць починае выдаваты свое свитло и починається и разгортається спивання, танцювання, и одын другого поривояться повэршити и пэрэмогты – аж дух пэрэхорлюе!»* [Каганович 1997: 147].

Ценность как друга. – Очень хорошая. – *В деревне жил и работал молодой талантливый крестьянин-музыкант. Он замечательно играл на скрипке, я с ним сдружился. Дружба наша выразилась не только в беседах, но и в том. Что я его обучал грамоте, а он меня обучал игре на скрипке. Хотя я душой воспринимаю музыку, но музыканта-скрипача из меня не получилось, зато элементарной грамоте я моего Семена научил* [Каганович 1997: 51]. – *Трудно даже перечислить, сколько друзей и товарищей приобрел я на фронте. Я сдружился, например, с тов. Тюленевым – командующим фронтом, этим славным ветераном Красной Армии еще с Гражданской войны. Хотя у нас иногда бывали споры по деловым вопросам, но это не помешало нашей дружбе и привязанности...* [Каганович 1997: 477].

Любовь окружающих. – Многие любят. – *Без ложной скромности скажу, что и могилевские большевики тепло, даже горячо проводили меня, внесшего свои лепту в победу, рост и расцвет нового Советского социалистического большевистского Могилева* [Каганович 1997: 162].

Понимание окружающих. – Хороший уровень понимания. – *Некоторые товарищи, члены комитета, возражали, уговаривая, что это рискованно, но я считал, что это первый бой и очень важно его выиграть. Велика, говорил я, сила большевистского правдивого слова. Товарищи в конце концов согласились на такое решение, и мы поехали* [Каганович 1997: 148].

Потенциал выживания. – Отличный, значительная продолжительность жизни. – *Мое лич-*

ное состояние усугубилось еще тем, что, к великому моему горю, в это время ушла из жизни моя жена Мария Марковна, мой боевой друг, член партии с 1909 года. С которым я прошел вместе 50 лет семейной и личной, и партийной жизни. Но такое мое состояние я преодолел, как большевик. Оно, прежде всего, было побеждено моей сознательной научной верой в Великую идею социализма и коммунизма. Эта идея выше, значительнее, могущественнее личных моментов и жизни, и борьба за осуществление этой идеи нужна и возможна в любых условиях. Жить по-прежнему, каким был до революции, пролетарием-большевиком. Таким и остался, и остаюсь. Я вернулся на круги своя [Каганович 1997: 13].

Биографическая справка. Каганович Лазарь Моисеевич, 22 ноября 1983 – 25 июля 1991 – советский государственный и партийный деятель, ближайший сподвижник Сталина. Родился в бедной еврейской семье в д. Кабаны Киевской губернии, был самоучкой, работал сапожником. Член РСДРП(б)-ВКП(б)-КПСС с 1911 года. В 1911-1915 – член Киевского комитета партии. В 1916 году – член Екатеринославского комитета, руководитель большевистских организаций в Мелитополе и Юзовке. В 1917 году – член Саратовского комитета партии большевиков, член Саратовской военной большевистской организации и член исполкома Совета. Член Всероссийского бюро военных партийных организаций при ЦК РСДРП(б), избранного в июне 1917 года. Активный участник революции 1917 года – руководил установлением советской власти в Гомеле, где работал председателем Полесского комитета партии. В 1918 году – комиссар Всероссийской коллегии по организации Красной Армии. С июня 1918 года – председатель губисполкома в Нижнем Новгороде. В 1919 – председатель Воронежского губревкома, а затем губисполкома. С 1920 года – член Туркестанского бюро ЦК РКП(б) и одновременно один из руководителей Реввоенсовета Туркестанского фронта, нарком РКИ Туркестанской республики и председатель Ташкентского горсовета. С 1922 года – заведующий организационно-инструкторским, а затем организационно-распорядительным отделом ЦК РКП(б). С 1924 по 1925 год – секретарь ЦК РКП(б). 1925 по 1928 год первый секретарь ЦК КП(б) Украины. Один из организаторов раскулачивания на Украине, ставшего одной из причин голода на Украине 1932-1933 гг., унесшего миллионы жизней. Отличался большой жестокостью, применяя репрессии не только к богатым и сопротивлявшимся крестьянам, но и членам их семей, и

просто мирного населения. С 1928 по 1939 год – секретарь ЦК ВКП(б). Считается одним из организаторов политических репрессий сталинского времени. В 1930-1935 годах – первый секретарь Московского комитета ВКП(б). Известен организацией генеральной реконструкции Москвы в 1930-е годы. Каганович был инициатором сноса множества московских памятников архитектуры, церквей. В частности, известна его фраза, когда решался вопрос о сносе Иверских ворот с часовней и церкви на углу Никольской улице (против этих разрушений решительно возражали А. В. Луначарский и многие архитекторы). Подводя итог обсуждению, Каганович безапелляционно сказал: «...моя эстетика требует, чтобы колонны демонстрантов шести районов Москвы одновременно вливались на Красную площадь». В 1933 году возглавлял сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б). В 1934-1935 годах – председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). С 1935 по 1944 год – нарком путей сообщения СССР. Его имя в 1935-1955 носил Московский метрополитен, а затем, до 1957 года, станция «Охотный ряд», первый советский троллейбус имел в его честь марку «ЛК». С 1937 года – по совместительству нарком тяжелой промышленности, с 1939 года – нарком топливной промышленности, с 12 октября 1939 по 1940 – первый нарком нефтяной промышленности СССР. С августа 1938 года – одновременно заместитель председателя Совнаркома СССР. В 1942 году – член Военного совета Северо-Кавказского, а затем Закавказского фронтов. В 1942-1945 годах – член Государственного Комитета Обороны. В 1946-1947 годах – заместитель председателя Совета Министров СССР, а с марта 1946 года – одновременно министр промышленности строительных материалов. В 1947 году – первый секретарь и член политбюро ЦК КП(б) Украины. С декабря 1947 года – заместитель, а с марта 1953 года – первый заместитель председателя Совета Министров СССР, с 1952 года – член Президиума ЦК КПСС. С июля 1930 по 1952 года – член Политбюро. В 1955-1956 годах – председатель Государственного комитета Совмина СССР по вопросам труда и заработной платы, а в 1956-1957 – министр промышленности строительных материалов СССР. В 1957 году объявлен членом «антипартийной группировки Молотова-Маленкова-Кагановича», снят со всех постов и отправлен на мелкие хозяйственные должности. В декабре 1961 года исключен из КПСС. Несмотря на многочисленные прошения, не восстановлен в

партии, в отличие от Молотова. Умер 25 июля 1991 года в возрасте 97 лет. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Как у многих партийных руководителей, имя Кагановича присваивалось территориальным объединениям и населенным пунктам, в частности, 1938 году, его именем был назван Кагановичский район Павлодарской области, но, после 1957 года, когда он был смещен со всех должностей, район был переименован в Ермаковский. В честь Кагановича были названы и другие объекты. Каганович замечателен тем, что был одним из двух-трех евреев, продолжавших оставаться у власти во время правления Сталина. При сталинском антисемитизме это было возможно только благодаря полному отречению Кагановича от всех своих родных, друзей и приятелей. Известен, например, факт, что когда чекисты подняли перед Сталиным дело о брате Кагановича, Михаиле Моисеевиче, министре авиационной промышленности, и Сталин спросил Лазаря Кагановича, что он об этом думает, то Лазарь Каганович, прекрасно знавший, что готовится убийство, ответил, что это дело «следственных органов» и его не касается. Накануне неминуемого ареста Михаил Каганович застрелился.

ЛИТЕРАТУРА

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – Л., 1968.

Базылев В. Н. Автопортреты политиков: от психопозитики к психополитике // Политический дискурс в России-3. – М., 1999.

Гроссман В. Жизнь и судьба. – Лозанна, 1980.

Каганович Л. М. Памятные записки. – М., 1997.

Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения. – М., 1992.

Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Мотивационная недостаточность как критерий деформированности субъективной картины жизненного пути. – М., 1988.

Либин А. В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций. – М., 2000.

Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. – М., 2004.

Славой Жижек. Власть и цинизм. – СПб., 1998.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1977.

Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. – М., 1998.

Шкуратов В. А. Историческая психология. – М., 1997.

Я, субъект, индивид в парадигмах современного языкознания: Сборник научно-аналитических обзоров. – М., 2002.

© Базылев В. Н., 2008

Бородулина Н. Ю.
Тамбов, Россия

СОВРЕМЕННЫЙ ОБЛИК ЕВРОПЫ
В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ОТРАЖЕНИИ

УДК 811.1/9
Код ВАК 10.02.19; 10.02.20

Аннотация. В данной статье рассматриваются метафоры и метонимии, которые представляют новые экономические концепты, характеризующие современный образ Европы. Исследуются как номинативный, так и прагматический аспекты метафорической репрезентации экономических концептов в русском и французском языках.

Ключевые слова: политическая метафорология; метафора; образ Европы; сферы-источники; сферы-магниты.

Сведения об авторе: Бородулина, Наталья Юрьевна

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук, доцент

Место работы: Тамбовский государственный технический университет, кафедра иностранных языков

Должность: доцент

Контактная информация: 392032, г. Тамбов, ул. Базарная, д. 121/71, кв. 333

E-mail: nat-borodulina@yandex.ru

Borodulina N. Yu.
Tambov, Russia

MODERN IMAGE OF EUROPE
IN METAPHORIC REPRESENTATION

Abstract. The present paper considers metaphors and metonymies representing new economic concepts which characterize modern image of Europe. Both nominative and pragmatic aspects of metaphoric representation of economic concepts in the Russian and French languages are studied.

Key words: political metaphorology; metaphor; image of Europe; source domains; target domains.

About the author: Borodulina, Natalya Yurievna
Academic degree, academic status: candidate of filological sciences, associate professor

Place of employment: Tambov State Technical University, Chair of Foreign Languages

Position: associate professor

Неисчислимо количество работ в области не только филологической, но и психологической, философской, культурологической и т. д. посвящено проблемам метафоризации. На протяжении всей истории развития языкознания, начиная с Античности, можно было наблюдать изменение отношения к природе данного явления¹.

Отечественная и зарубежная наука о языке, вступившая в XXI век с опорой на антропоцентрическую парадигму, не утратила своего интереса к метафорам, поскольку в них концептуализируются знания человека о картине мира и все типы соотношений ее фрагментов с воспринимающим эту картину субъектом.

Важным аспектом настоящего времени является отражение языковой картиной мира тех процессов, которые характеризуют создание европейского экономического пространства. Любой человек, даже не обладающий специальными познаниями в области экономики, невольно ежедневно сталкивается с экономическими понятиями, в частности, через средства массовой информации.

Объектом данной статьи являются метафоры в широком смысле, т.е. включающие метонимию и синекдоху как разновидность по-

следней, которые репрезентируют новые экономические понятия, характеризующие современный облик Европы. Они не только представляют в языковой системе кардинальные изменения окружающего мира, но и выступают в качестве эффективного речевого способа воздействия на формирование общественного мнения, на принятие решений проблемных ситуаций.

Направленность работы в сторону метафор объясняется их особой ролью в управлении коммуникациями, применяемых для обсуждения вопросов глобализации и экономического объединения Европы, а также для регулирования возникающих при этом конфликтов и противоречий. Так, например, в современном мире противостоят два понятия: ОБЪЕДИНЕНИЕ и СУВЕРЕНИТЕТ. Их речевая пропаганда проводится с помощью языковых знаков, нацеленных на убеждение в правильности сделанного выбора, среди которых важное место занимают метафоры. С одной стороны, предлагаются *общий дом* и *общеевропейское пространство*, а с другой – *крепость* и *отдельные квартиры*.

Фактический материал исследования был получен методом сплошной выборки из французских и русских публикаций, посвященных проблемам образования Европейского Союза. Проведенный анализ свидетельствует о том, что, начиная с подписания в 1992 году Маастрихтского договора, введения в 1999 году в

¹ Подробно о подходах к исследованию метафоры см.: Крюкова Н. Ф. Метафорика и смысловая организация текста. – Тверь, 2000; Чудинов А. П., Будаев Э. В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 54-57.

обращение единой европейской валюты и по настоящее время, метафоры активно используются для вербализации фундаментальных изменений общественной и экономической жизни европейских стран. При этом номинальный аспект метафорической репрезентации понятий мира экономики неизбежно сопровождается прагматическим аспектом.

Сторонники экономического объединения Европы в целях пропаганды своей политики опираются на идею соединения разных частей в одно целое. В знаковой форме эта мысль закреплена метафорами, основанными на ассоциациях по сходству с технологическими процессами – сваркой, прокатом, плавлением металла (*soudage, laminage, fusion, плавильный котел, плавильный горшок*). Отражение подобными языковыми средствами экономической реалии выявляет такую концептуальную характеристику экономического понятия ОБЪЕДИНЕНИЕ, как “прочность и неделимость”, что может оцениваться положительно в соответствии с источником метафоры – для технологического процесса данный признак внеязыковой реалии представляется как хороший. Однако, интерпретационная деятельность, т.е. речемыслительная деятельность человека, дает возможность придать оценочной характеристике иной смысл: прочность и неделимость объединившихся в экономический союз стран может привести к невозможности принятия самостоятельных решений, к потере индивидуальности, ущемлению национальных интересов и т.д., что вызовет негативную ответную реакцию реципиента. Именно с такой позиции рассматриваются проблемы экономического объединения антиглобалистами.

В последнее время в экономическом лексиконе на смену метафоре *плавильного котла* пришла метафора *крупно нарезанного салата*. В ее образовании отсутствует элемент полного соединения частей в одно целое, что в новых условиях оценивается как лучший вариант. Через метафору отражается сохранение национальной самобытности, как это бывает при смешивании составляющих салата: “салат состоит не из абстрактно кипящей массы, а из вполне конкретных ингредиентов”².

Подробно останавливаясь на определении отношений, выявляемых на уровне формирования языкового знака, Ч. Моррис указывает на то, что “имплицирует” – это специальный термин проводимого анализа. А точность референции употребляемого знака сочетается с

определенными ожиданиями воспринимающего передаваемую знаком информацию субъектом³. При этом сходные ожидания могут имплицироваться тем или иным знаком. Так, анализируя процесс образования метафор в их знаковом качестве, мы видим, что слово *дом* имплицирует объект, внутри которого можно жить, соединившись с семьей или с соседями, а слово *концерт* – объект, внутри которого существует разделение по группам голосов или по музыкальным инструментам. Передавая информацию об экономическом объединении через метафоры *общеευропейский дом* и *европейский концерт*, мы можем ожидать от воспринимающего субъекта сходную реакцию – представление об общности проживания (доминантный признак – объединение). Некоторые нюансы создаются, однако, за счет расхождения интегральных признаков: *дом* – относительная самостоятельность при наличии определенных отношений с соседями; *концерт* – возможное разделение по группам и, соответственно, иерархия отношений.

Проведенное нами исследование продемонстрировало, что в эпоху интеграционных процессов, характеризующих экономическое развитие европейских стран, доминантным становится комплекс идей, отражающих движение вперед, что стимулирует формирование новых знаков, основанных на переносе значения, внутри лексико-семантической группы “транспортные средства”. Слова “поезд /*train*”, “дорога /*route*”, “корабль /*bateau*”, “велосипед /*bicyclette*”, “теплоход /*paquebot*”, “локомотив /*locomotive*” получают значения, выводящие в референциальную область экономики. Так, необходимость вхождения в Евросоюз показана через метафору с источником “поезд (состав, вагон) /*train (wagon)*”⁴:

- *premier train des Etats membres* “первый поезд стран-членов”;
- *faire partie du premier train de 1999* “быть частью первого поезда 1999 года”;
- *monter dans le premier train de l'Union européenne* “сесть в первый поезд Европейского Союза”;
- *accrocher un petit wagon au train européen* “прицепить маленький вагон к европейскому поезду”;
- ее (Чехии) *вагон будет отцеплен от общего состава*;

³ Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология. – М., 2001. – С. 50-60.

⁴ Примеры взяты из журналов “Economie et Humanisme”, “L'Express”, “Le Point”, “Политический журнал”.

² Лапицкий М. От “плавильного котла” к “салатнице” // Политический журнал. – 2004. – № 28. – С. 56.

• *запрыгивать в уже отправившийся поезд и занимать самые неудобные места.*

При этом в русском и французском языках отмечается использование схожих метафор, порождающих одни и те же смыслы, что можно характеризовать как становление европейского мышления.

Актуальные процессы европейской экономики могут быть обозначены словами той же лексико-семантической группы через признак “наличие /отсутствие движения вперед”. Образованные таким способом метафоры отражают различные стороны экономических реалий. Если речь идет об экономике вообще, то она может характеризоваться следующим образом:

- поезд → *сойти с рельс* → не развивается;
- поезд → *вновь встать на рельсы* → продолжает развитие;
- корабль → *навигация в тумане* → испытывает трудности;
- корабль → *дрейфовать* → постепенно развивается;
- транспортное средство → *путь* → развивается;
- транспортное средство → *тупик* → приостановила свое развитие, находится в периоде стагнации.

В качестве новых экономических понятий, находящихся в стадии формирования, выступают понятия, отражающие взаимоотношения, которые складываются между странами-членами Евросоюза, а также отношения между Европой и, с одной стороны, США, с другой – исламским миром. Эти отношения репрезентируются, согласно исследованиям А.И. Степанова, через метафоры *тень, сустав, шарнир*, в результате чего устанавливается подобие “гибким сочленениям ЕС с соответствующими смежными блоками”⁵.

Метафорически показаны в отечественных журналах и отношения между ЕС и Россией. Сближение России и Европы представляется как *врастание* в мировой глобальный рынок, отсутствие альтернативы присоединения России к ЕС – как невозможность *переварить* Россию, стратегическое партнерство после кризисных ситуаций – как надежда на то, что Европейский союз возьмет на себя роль *локомотива*, который вытянет российско-западные отношения из создавшегося *тупика*.

⁵ Степанов А. И. Число и культура: Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории. – М., 2004. – С. 311.

Незавершенность и открытость процесса создания экономического лексикона, отражающего постоянные изменения картины мира экономики, проявляется в параллелизме использования языковых средств, вербализующих данные понятия. В статьях отечественных ученых-экономистов, в которых освящаются проблемы реального хозяйственного сближения России и Запада, выявляются метафоры, с помощью которых формируются аналогичные понятия, например, *европейское экономическое пространство* и *общее европейское экономическое пространство*; *общий европейский дом*, *Большая Европа* и *более широкая Европа*.

Метафоры характеризуют не только Европу вообще, но и ее центр (*ядро*), периферию и полупериферию, отражая их отношения с центром, что показано в следующей таблице⁶.

Метафорическая репрезентация стран-членов ЕС и других стран

метафорическая репрезентация	экономическая реальность
страны-доноры	наиболее крупные государства ЕС
страны-соседи	ЕС и Россия
страны-второго эшелона	Грузия
страны-сателлиты	Абхазия и Южная Осетия
страны-аутсайдеры	страны Балтии
страны-друзья	Беларусь, Молдавия, Украина, Россия
старослужащие	страны – члены ЕС с его основания
европейские “новобранцы”	страны – недавние члены ЕС
“новобранцы” интеграции	страны – недавние члены ЕС
15 старых членов	Страны со дня основания ЕС
Группа (страны) ЕС-10	10 присоединившихся стран
страны-изгой	Страны с непопулярными режимами, от которых исходит угроза терроризма
“стыковые” страны	Беларусь, Украина

Приведенная таблица демонстрирует высокую продуктивность использования метафор для вербализации экономических понятий,

⁶ Примеры взяты из журналов “Вопросы экономики”, “Мировая экономика и международные отношения”, “Политический журнал”.

формирующихся в условиях создания экономически новой Европы.

Метафоры активно участвуют в репрезентации понятий, отражающих развитие партнерских экономических отношений между странами Европы, с одной стороны, и странами Востока (в частности, Японии) и Запада (США), с другой. С 1973 года, после первой встречи министров финансов США, Великобритании, Франции и Германии и последующих дискуссий с приглашением на них министра финансов Японии, регулярно проводятся саммиты глав развитых индустриальных стран мира. Во французской прессе страны, принимающие участие в этих встречах, стали обозначаться как *groupe des Cinq* или *G-5*. Затем проводились саммиты глав государств, на которые приглашались руководители перечисленных стран плюс Италия и Канада, и стали говорить о *sommet du G7* и о *G7*. В 1995 года глава российского государства Б.Н. Ельцин, хотя Россия еще не была официальным участником саммита, был приглашен на встречу в Лионе, а в 1996 году глав государств принимала Москва. Именно тогда родилось словосочетание *les Septs + Un*, а затем с включением России – *G8*. В русском языке присутствуют соответствующие аналоги: *большая семерка*, *большая восьмерка*. Все перечисленные словосочетания основаны на метонимическом переносе через указание на количество стран-участниц, число которых передает хронологию событий. Элитарность проводимых встреч характеризуется метафорой *заседание клуба “золотого миллиарда”*, вступление в него России обеспечивает конвертируемый рубль как *входной “билет” в исполнительный орган клуба цивилизованного человечества*.

С регулярным проведением саммитов главными вопросами обсуждения постепенно становились экономические вопросы, подготовкой которых занимались личные представители глав государств, в свою очередь окруженные небольшой группой сотрудников. Новая реалья, отраженная чувственным восприятием, “спроецировала” выбор в качестве “тела” знака слова *sherpas* “шерпы” (народ, населяющий высокогорные районы Восточного Непала, проводники альпинистов). По-видимому, перенос значения произошел согласно ассоциации *проводники альпинистов* → *помощники глав государств в подготовке саммитов*. Метафорический перенос значения из концептуальной области, отражающей путешествия в

горах, в концептуальную область экономики основан на доминантном признаке “помощник того, кто поднимается вверх”. Образ (концепт) проводников или “непальских носильщиков”, который лежит в основе ассоциации, сохраняется при переносе значения лишь одну характеристику: они поднимаются на вершину горы вместе с теми, кто по рангу занимает гораздо более высокое положение. Остальные характеристики источника и экономического понятия расходятся прямо противоположно. Шерпы-носильщики никак не могут быть дипломатами и финансистами, работать в министерстве, находиться близко к президенту, выполнять самую важную функцию и иметь помощников (*sous-sherpas*) достаточно высокого ранга. Все это мы узнаем о шерпах – личных представителях глав государств⁷.

Следует также отметить, что все значимые события, происходящие в странах Европы, немедленно находят отражение в языковых метафорах, характеризующих как сами события, так и отношение к ним социума. Так, политические столкновения между Россией и Грузией, война против Южной Осетии, развязанная 8 августа 2008 года, неоднозначно воспринятые странами Европы, привели к всплеску зооморфных метафор. С их помощью неспособность Евросоюза противостоять решениям правительства России выразилась в метафоре *бумажный тигр*, а различное отношение стран к принимаемым Россией решениям – в метафорах *старые голуби* (например, Франция) и *молодые ястребы* (например, Польша и Словакия).

Итак, анализ текстов экономического содержания демонстрирует отраженный метафорическим языком облик современной Европы. Показаны не только отношения с внеязыковой действительностью, выражающиеся в характере номинации экономических явлений и объектов, но и прагматический эффект представленной информации о мире экономики. Многочисленные примеры метафорической репрезентации понятий мира экономики свидетельствуют о том, что представители этого мира не только живут метафорами, но и мыслят с их помощью.

© Бородулина Н. Ю., 2008

⁷ См. журнал *Label France* 2003. – №50. – Р. 4.

Будаев Э. В.

Нижний Тагил, Россия

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ
ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР¹

УДК 321.0

Код ВАК 10.02.05; 10.02.19

Аннотация. В настоящее время исследования, посвящённые когнитивной метафоре в политической коммуникации, широко распространены, однако большинство авторов работают с метафорическими выражениями, т.е. с вербальным аспектом политической метафорологии. Цель данной статьи – представить обзор американских и европейских исследований невербальной метафоры и рассмотреть семиотические и когнитивные корреляции вербальных и невербальных аспектов политического дискурса.

Ключевые слова: политическая метафорология; метафора; семиотический параллелизм, невербальная метафора.

Сведения об авторе: Будаев, Эдуард Владимирович

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук, доцент

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия, кафедра иностранных языков

Должность: доцент

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57

E-mail: aedw@rambler.ru

Budaev E. V.

Nizhny Tagil, Russia

SEMIOTIC PARALLELISM
OF POLITICAL METAPHORS

Abstract. Nowadays researches into cognitive metaphor in political discourse are widespread, however the majority of publications deal with metaphorical expressions, i.e. verbal aspect of political metaphorology. The aim of this article is to review American and European studies of non-verbal metaphors and consider the semiotic and cognitive correlation of verbal and non-verbal aspects of political discourse.

Key words: political metaphorology; metaphor; semiotic parallelism; non-verbal metaphor.

About the author: Budaev, Eduard Vladimirovich
Academic degree, academic status: candidate of
philological sciences, associate professor

Place of employment: Nizhny Tagil State Social
and Pedagogical Academy, chair of foreign languages

Position: associate professor

Становление когнитивной теории метафоры, связанной в первую очередь с разработкой теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1993], вызвало повышенный интерес исследователей к метафорике, объективированной в политическом дискурсе в вербальной форме [Андерсон 2007, 2008; Баранов, Караулов 1994; Лакофф 2008; Мусолфф 2008; Чудинов 2001, 2003; Charteris-Black 2004, 2005; Chilton 1996; Frankowska 1994; Goatly 2007; Lakoff 2004, 2006; Musolff 2000, 2004; Zinken 2002 и др.]. Вместе с тем определение онтологического статуса концептуальной метафоры поставило закономерные вопросы о корреляциях когнитивных структур со всем семиотическим пространством политической коммуникации. Внимание исследователей стали привлекать и другие, невербальные источники данных о политических метафорах (карикатуры, агитационные плакаты, картины, жесты и др.), что в свою очередь позволило выявить семиотические параллели между вербальными и невербальными модусами политического дискурса. В настоящей статье предпринята попытка систематизировать исследования в области невербальной политической метафорики, про-

веденные в двух мегарегионах: Северной Америке и Западной и Центральной Европе.

В США лидирующее место в исследовании невербальной политической метафорики занимают работы, посвященные анализу политической карикатуры, которая рассматривается не только как средство критики, но и как значимый источник данных о взаимоотношениях между людьми, политическими событиями и властью. Как отмечает М. Даймонд, исследователи привыкли рассматривать политическую карикатуру как графическую работу и средство сатиры, однако «низведение политических карикатур до юмора и сатиры неверно, так как сатира и юмор не обязательные элементы карикатуры», карикатуры следует рассматривать как «политические знаки», особенно в неевропейской культуре [Diamond 2002: 252].

Систематические исследования визуальных метафор в американской политической карикатуре начинаются с 80-х гг. прошлого века [Buell, Maus 1988; DeSousa, Medhurst 1982], и хотя в этот период авторы не акцентировали внимание на сравнении вербальных и невербальных метафор, уже первые результаты показали, что между этими уровнями политической семиотики наблюдаются регулярные корреляции. Так, Э. Буелл и М. Маус, изучив метафоры в политических карикатурах предварительных выборов 1988 г. в США, пришли к выводу о том, что в них доминирует метафора

¹ Исследование подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 07-04-02-002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

лошадиных скачек [Buell, Maus 1988: 849], что согласуется с наблюдениями исследователей английской вербальной метафоры. Дж. Эдвардс [Edwards 1995], один из ведущих специалистов по визуальной политической метафоре, проанализировав метафорические кластеры в американских карикатурах времен президентской кампании 1988 г., обнаружила, что в этих карикатурах очень распространена метафора «преуменьшения» (metaphor of diminishment). Например, кандидата в президенты можно изобразить в виде карлика, которому нужно приложить немало усилий, чтобы соперничать с оппонентом, или в образе ребенка, тем самым подчеркивая, что он не готов занимать такой ответственный пост. Наоборот, высокий рост и крепкое телосложение – визуальный аналог политической власти.

Исследования метафор в политических карикатурах направлены на выявление ролей, приписываемых политикам [Benoit et al. 2001; Seymour-Ure 2001], на анализ визуальных образов внешнего врага [Diamond 2002; Edwards 1993; Gamson, Stuart 1992]. Особенно большой интерес исследователей привлекают метафоры в карикатурах, изображающих кандидатов в президенты в предвыборный период [Buell, Maus 1988; DeSousa, Medhurst 1982; Edwards 1995, 1997, 2001; Sena 1985]. Иллюстрацией к этой группе изысканий может служить исследование Дж. Эдвардс, направленное на изучение метафор в политических карикатурах периода президентских выборов в США в 2000 г. [Edwards 2001].

Дж. Эдвардс выделила два вида визуальных метафор: «ситуационные» (situational), направленные на переосмысление существующей ситуации, и «воплощающие» (embodying), направленные на переосмысление политиков. При рассмотрении этих метафор Дж. Эдвардс выявила пять аспектов, которые были регулярно задействованы в метафоризации кандидатов на президентский пост: *характер, жизнестойкость, компетентность, харизма и независимость*.

Исследование показало, что авторы визуальных метафор в равной степени обращались к *характеру, независимости и жизнестойкости* Дж. Буша и А. Гора, но относительно *компетентности и харизмы* были обнаружены существенные различия. Карикатуристы не высмеивали компетентность А. Гора, но активно эксплуатировали негативные оценки компетентности Дж. Буша. Как отмечает Дж. Эдвардс, «архетипичным» примером карикатур этой группы служит изображение «президентской библиотеки Дж. Буша» в виде полки с комиксами. Вместе с тем А. Гору, по мнению карикатуристов, не хватало харизмы, присущей тейксаскому ковбою Дж. Бушу. В этой связи кандидата-демократа часто изображали в виде дерева, доски или робота. Особое внимание Дж. Эд-

вардс уделяет использованию образов бывших президентов США в кампании 2000 г. По подсчетам исследователя, такие «интертекстуальные» образы прямо или косвенно задействовались в 25 % карикатур.

Исследователи визуальной политической метафоры сходятся во мнении, что метафоры в политической карикатуре отражают индивидуальную интерпретацию событий, но эта интерпретация несет на себе отпечаток национального коллективного сознания. Визуальные метафоры напоминают об общих ценностях, имплицитно их поддерживают и воспроизводят. Такие исследования показывают, что в политической карикатуре политики могут представляться клоунами, спортсменами и акробатами так же часто, как и в вербализованных метафорах политического дискурса. В связи с этим исследователи приходят к выводу о том, что визуальная метафора столь же значимый источник данных об общественном сознании, как и вербальная метафора [Edwards 1993, 1995, 1997, 2001; El Refaie 2003; Morris 1993].

Исследователи вербальных метафор в политическом дискурсе неоднократно указывали на то обстоятельство, что политики часто стремятся дегуманизировать политического противника или внешнего врага с помощью различных метафорических образов – от дикаря и насильника до жестокого зверя и микроба. К похожим выводам приходят исследователи невербальной политической метафоры. Например, С. Кин [Keen 1988] показал, что на агитационных плакатах и в политических карикатурах XX в. противоборствующие стороны во всех крупных военных конфликтах изображали друг друга с помощью дегуманизирующих метафор, при этом во всем мире для дегуманизации врага используется стандартный набор образов, среди которых наиболее распространены невербальные метафорические образы насильника, зверя, рептилии, насекомого, микроба, смерти, безликой орды и врага Бога.

Особенно интересны публикации, авторы которых сопоставляют вербальные и невербальные политические метафоры в рамках одного исследования. Это позволяет достоверно проследить, как при осмыслении определенных событий концептуальная политическая метафора реализуется на вербальном и невербальном уровнях политической семиотики.

В этом отношении очень показательное исследование Б. Бергена [Bergen 2004]. Для определения корреляций между вербальной и невербальной политической метафорикой Б. Берген проанализировал метафорические образы в политических карикатурах, появившихся в течение недели после событий 11 сентября 2001 года. Изучив 219 политических карикатур, Б. Берген сопоставил их с метафорами, связанными с политическим нарративом «Террористические атаки 11 сентября 2001 го-

да», из банка данных Дж. Лакоффа. Согласно Дж. Лакоффу, в осмыслении этих событий доминировали несколько концептуальных метафор: ГОСУДАРСТВО – ЭТО ИНДИВИД, АМОРАЛЬНЫЕ ЛЮДИ – ЭТО НИЗШИЕ ЖИВОТНЫЕ, 11 СЕНТЯБРЯ – ЭТО ПЕРЛ-ХАРБОР И СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ. Как оказалось, в политических карикатурах этого периода доминировали метафорические образы, выявленные Дж. Лакоффом. Как демонстрирует Б. Берген, террористы изображались в образе тараканов, а Усама бен Ладен в образе огромной крысы, что соотносилось с концептуальной метафорой АМОРАЛЬНЫЕ ЛЮДИ – ЭТО НИЗШИЕ ЖИВОТНЫЕ. Соответственно США часто представлялись в виде человека (дяди Сэма), которому в спину воткнули нож с надписью «terrorism», но который остался жив и готов к мщению. На другой карикатуре из шляпы человека-США идет дым и т.п. Также очень распространенной оказалась метафора 11 СЕНТЯБРЯ – ЭТО ПЕРЛ-ХАРБОР. Например, на одной из карикатур был изображен окутанный дымом Нью-Йорк, а изображение сопровождалось прецедентной цитатой адмирала Ямамото, произнесенной им после атаки на Перл-Харбор. На другой карикатуре изображены башни Мирового торгового центра, которые тонут в океане, словно разбомбленный корабль, а в небе летит самолет, из которого доносятся крики «Terror!» (созвучные крикам «Tara!», с которыми японские летчики времен Второй мировой войны начинали воздушную атаку).

Метафорическая СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ могла отражаться с помощью образа средневекового рыцаря с американскими символами на щите, который сражается против дракона с надписью «terrorism». При этом у дракона видны в основном когти и зубы, что отражает трудность борьбы с невидимым противником.

Вместе с тем в неамериканских карикатурах эта сказка о справедливой войне часто представлялась иначе. Например, на одной из карикатур Дж. Буш изображался в одежде крестоносца с огромной, закрывающей глаза короной на голове, который с трудом волочит по земле огромный меч. Очевидно, что в сознании многих людей образ крестоносца не связан с универсальным смыслом восстановления справедливости, что и использовал автор карикатуры для привнесения сатирического смысла.

Таким образом, Б. Бергену удалось показать, что в основе осмысления определенных политических событий как в вербальных политических метафорах, так и в политических карикатурах лежат одни и те же концептуальные метафоры, что является значимым подтверждением первичности ментальной природы метафоры, которая объективируется на разных уровнях политической семиотики.

Другим источником сведений о невербальной политической метафоре служат жесты по-

литиков в их сопоставлении с метафорическими выражениями.

Дж. Лакофф [Lakoff 2004] выделил две модели со сферой-источником «Семья», лежащих в основе внутривнутриполитического дискурса США. Согласно *Модели Строгого Отца* дети рождаются плохими, потому что стремятся делать то, что им нравится, а не то, что правильно, поэтому нужен сильный и строгий отец, который может защитить семью от опасного мира и научить детей различать добро и зло. От детей требуется послушание, а единственный способ добиться этого – наказание. Модель устанавливает прямую взаимосвязь дисциплины и морали с благополучием. *Модель Воспитывающего Родителя* несет смысл гендерной нейтральности: оба родителя в равной степени ответственны за воспитание детей. Дети рождаются хорошими, а задача родителей воспитать их таким образом, чтобы они могли улучшать мир и воспитывать других. Анализируя развертывание этих моделей применительно к различным вопросам внутренней политики (налоги, образование и др.), Дж. Лакофф соотносит политическое доминирование консерваторов с использованием *Модели Строгого Отца*, а неудачи либералов связывает с особенностями актуализации *Модели Воспитывающего Родителя*.

Экспериментальное исследование по проверке гипотезы Дж. Лакоффа о том, что в основе «левого» и «правого» американского политического дискурса лежат две метафорические модели семьи, провел А. Ченки [Cienki 2004]. На материале текстов из предвыборных теледебатов Дж. Буша и А. Гора (2000 г.) А. Ченки и его коллега независимо друг от друга анализировали две группы выражений: собственно метафоры и метафорические следствия (entailments), апеллирующие к моделям Строгого Отца (SF) и Воспитывающего Родителя (NP). Как показал анализ, Дж. Буш в четыре раза чаще использовал метафоры модели SF, чем А. Гор. В свою очередь А. Гор в два раза чаще апеллировал к метафорам модели NP. Проанализировав метафорические следствия, А. Ченки указывает, что Дж. Буш опять же в 3.5 раза чаще обращался к модели SF. Вместе с тем исследование показало, что частотность обращения к модели NP у обоих оппонентов была очень близкой с небольшим перевесом у А. Гора (у Дж. Буша – 221, у А. Гора – 241). Эти результаты А. Ченки сопоставил с анализом жестов оппонентов и пришел к выводам, что жесты Дж. Буша и А. Гора сильно различаются и соотносятся у Дж. Буша с моделью SF, а у А. Гора с моделью NP. При этом различия в апелляции к моделям семьи на паралингвистическом уровне оказались еще более показательными, чем на вербальном. Следует отметить, что, излагая результаты, автор не приводит бесспорных критериев сопоставления жестов

с концептуальными метафорами двух анализируемых моделей и все-таки эти наблюдения наводят на мысль, что «жестовые» метафоры менее контролируемы, а потому более показательны.

Как показывает обзор американских исследований, изучение невербальной политической метафоры становится способом верификации постулата о когнитивной природе метафоры, дополняет результаты исследований вербальной метафоры и способствует более глубокому пониманию той роли, которую метафора играет в осмыслении и конструировании политической действительности.

В Европе не сложилось такого устойчивого направления анализа невербальной политической метафоры как в Северной Америке, что связано в первую очередь с жанровыми отличиями политических дискурсов США и Европы. Вместе с тем некоторые исследования заслуживают внимания.

Вполне закономерно, что американские исследователи интересуются карикатурами, созданными в связи с президентскими кампаниями в США, а европейцы склонны анализировать невербальные метафорические знаки европейской политической культуры.

Большой интерес представляет статья швейцарского профессора Д. Вайса «Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы», посвященная отзоонимным метафорам в советской прессе [Вайс 2008]. Исследование показало, что зооморфное представление образа врагов особенно характерно для сталинского и хрущевского периодов, тогда как в дальнейшем роль вербальной и невербальной (плакаты, карикатуры и др.) зоосимволики заметно сократилась. Показательно, что в 30-50-х гг. прошлого века для характеристики «своих» применялись всего две метафоры из мира живой природы – орел и сокол.

Для обозначения «чужих» использовалось более двадцати зооморфных образов. В советской зоосемiotике отсутствуют медведь и лиса – главные персонажи национального фольклора, зато широко упоминаются чуждые ему насекомые и ползучие гады. Вместе с тем автор показывает, что до известной степени советская пропаганда была «гуманнее» нацистской: на политических карикатурах в Германии врагов (евреев) изображали в виде крыс и прочих мерзких тварей, тогда как в СССР такие образы не использовались. Хрущевская оттепель ознаменовалась помимо прочего смягчением зоологических метафор.

Обращение европейских исследователей к визуальному ряду в исторической перспективе показало, что многие концептуальные политические метафоры имеют давние традиции не только на вербальном уровне. Как отмечает М. Луома-ахо, в XVI в. при составлении географических карт Европа и другие континенты

представлялись в форме человеческого тела. Примечательно, что соответствие между географическими районами и частями тела зависело от составителя и часто содержало в себе ту или иную политическую идеологию. Например, в «Космографии» Мюнстера Европа изображалась в виде королевы, стоящей на Азии, Испания была ее короной, а Богемия – сердцем (для достижения идеологического эффекта пришлось расположить королеву горизонтально). Эта визуальная политическая метафора многократно воспроизводилась на фасадах зданий в период владычества Габсбургов и привнесла естественную перспективу в рассмотрение такого геополитического мировидения [Luoma-aho 2002: 74].

Исследователи политического дискурса продемонстрировали, что для осмысления международных отношений метафора ГОСУДАРСТВО – ЭТО ИНДИВИД (расширенный вариант ГОСУДАРСТВО – ЭТО СООБЩЕСТВО ЛЮДЕЙ) часто реализуется в виде метафор ГОСУДАРСТВО-НАСИЛЬНИК и ГОСУДАРСТВО-ЖЕРТВА, а метафорическая логика подразумевает еще и наличие ГОСУДАРСТВО-ЗАЩИТНИКА, что часто используется как средство оправдания военного вмешательства в международный конфликт [Чудинов 2003; Bates 2004; Lakoff 1991; Rohrer 1995]. Метафора «насильника» используется не только для описания военной агрессии, но и для формирования негативного образа в мирный период, что удалось в прямом смысле показать финской исследовательнице Й. Валениус [Valenius 2000]. Анализ того, как Финляндия и Россия представлялись в 100 финских пропагандистских карикатурах 1908-1914 гг. (в период, когда в Финляндии, находившейся в составе Российской империи, были отменены многие автономные привилегии), выявил устойчивость образа финской девушки (персонификация Финляндии), которая подвергается сексуальным домогательствам и насилию со стороны зловещего русского мужика или казака (персонификация России). Примечательно, что русский мог изображаться в виде человека со смуглой кожей или даже в образе негра-каннибала, что должно было подчеркнуть, что в отличие от русского образа, белая финская девушка – не азиатка, а европейка. По мнению исследовательницы, это обстоятельство обусловлено действием еще более общей метафоры *света* и *тьмы*, согласно которой «свои» ассоциируются со светом, а этнически «чужие», в данном случае русские, представляются как порождение *тьмы*. Иногда на таких карикатурах появлялись защитники, например, бегущие на помощь Финляндии мужчины в европейских колпаках.

Подобные исследования позволяют получать интересные выводы о том, что многие невербальные политические метафоры имеют аналоги в метафорических выражениях политического дискурса. Следовательно, невер-

бальные и вербальные метафоры представляют собой модусы одних и тех же когнитивных структур и подчиняются схожим когнитивным закономерностям.

ЛИТЕРАТУРА

Андерсон Р. Д. Каузальная сила политической метафоры // *Политическая лингвистика*. – 2007. – № 22.

Андерсон Р. О кросс-культурном сходстве в метафорическом представлении политической власти // Будаев Э.В., Чудинов А.П. *Зарубежная политическая лингвистика*. – М., 2008.

Вайс Д. Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы // *Политическая лингвистика*. – 2008. – № 25.

Лакофф Дж. Метафора и война: система метафор для оправдания войны в Заливе // Будаев Э. В., Чудинов А. П. *Зарубежная политическая лингвистика*. – М., 2008.

Мусолфф А. Политическая «терапия» посредством геноцида: антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера «Майн Кампф» // Будаев Э.В., Чудинов А.П. *Зарубежная политическая лингвистика*. – М., 2008.

Benoit W.L., Klyukovski A.A., Mchale J.P., Airne D. A fantasy theme analysis of political cartoons on the Clinton-Lewinsky-Starr affair // *Critical Studies in Media Communication*. – 2001. – Vol. 18 (4).

Bergen B. To Awaken a Sleeping Giant: Cognition and Culture in 23 September 11 Political Cartoons // *Language, Culture, and Mind / Ed. M. Achard, S. Kemmer*. – Stanford, 2004.

Buell E. H., Maus M. Is the pen mightier than the word? Editorial cartoons and 1988 presidential nominating politics // *Political Science and Politics*. – 1988. – Vol. 21(3).

Charteris-Black J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. – Basingstoke, 2004.

Charteris-Black J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. – Basingstoke, 2005.

Chilton P. *Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House*. – New York; Bern; Frankfurt/M., 1996.

DeSousa M. A., Medhurst M. J. Political cartoons and American culture: Significant symbols of campaign 1980 // *Studies in Visual Communication*. – 1982. – Vol. 8.

Diamond M. No laughing matter: Post-September 11 political cartoons in Arab/Muslim newspapers // *Political Communication*. – 2002. – Vol. 19(2).

Edwards J. L. Metaphors of enmity in Gulf War political cartoons // *The Ohio Speech Journal*. – 1993. – Vol. 30.

Edwards J. L. Political cartoons in the 1988 presidential campaign: Image, metaphor, and narrative. – New York, 1997.

Edwards J. L. Running in the Shadows in Campaign 2000: Candidate Metaphors in Editorial Cartoons // *American Behavioral Scientist*. – 2001. – Vol. 44. – № 12.

Edwards J. L. Wee George and the seven dwarfs: Caricature and metaphor in campaign '88 cartoons // *INKS. Cartoon and Comic Arts Studies*. – 1995. – Vol. 2. – № 2.

El Refaie E. Understanding visual metaphor: The example of newspaper cartoons // *Visual Communication*. – 2003. – Vol. 2(1).

Frankowska M. Frazologia i metaforyka w tekstach politycznych lat 1989-1993 // *Jezyk a kultura*. Wrocław. – 1994. – Tom 11.

Gamson W. A., Stuart D. Media discourse as symbolic contest: The bomb in political cartoons // *Sociological Forum*. – 1992. – Vol. 7(1).

Goatly A. *Washing the Brain – Metaphor and Hidden Ideology*. – Amsterdam, 2007.

Keen S. *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. – New York, 1988.

Lakoff G. *Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives*. – White River Junction, 2004.

Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Ed. A. Ortony*. – Cambridge, 1993.

Lakoff G. *Whose Freedom?: The Battle Over America's Most Important Idea*. – New York, 2006.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. – Chicago, 1980.

Luoma-aho M. Body of Europe and Malignant Nationalism. A Pathology of the Balkans in European Security Discourse // *Geopolitics*. – 2002. – Vol. 7. – № 3.

Morris R. Visual rhetoric in political cartoons: A structuralist approach // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1993. – Vol. 8(3).

Musolff A. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

Musolff A. *Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany*. – Munich, 2000.

Seymour-Ure C. What future for the British political cartoon? // *Journalism Studies*. – 2001. – Vol. 2(3).

Valenius J. *Ethnic Bodies. Visual Representations of Finland and Russia in the Early 20th Century Finland*. Paper presented at 4th European Feminist Research Conference “Body Gender Subjectivity: Crossing Disciplinary and Institutional Borders”. – Bologna, 2000.

Zinken J. *Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik*. – Bielefeld, 2002.

© Будаев Э. В., 2008

Будаев Э. В., Чудинов А. П.
Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия
**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ
АНАЛИЗ МЕТАФОРЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

УДК 321.0

Код ВАК 10.02.05; 10.02.19

Аннотация. При когнитивно-дискурсивном подходе исследователь стремится выявить взаимосвязи между метафорами и факторами, которые обусловили их востребованность. В этом случае метафора воспринимается не как автономный феномен, а как естественная часть нарратива, который понимается как некоторое множество текстов, связанных с определенной политической ситуацией или с определенными политическими представлениями, с определенной политической позицией.

Ключевые слова: политическая метафорология; метафора; политическая коммуникация; когнитивный; дискурс; политический лидер.

Сведения об авторе: Будаев, Эдуард Владимирович

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук, доцент

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия, кафедра иностранных языков

Должность: доцент

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57

E-mail: aedw@rambler.ru

Сведения об авторе: Чудинов, Анатолий Прокопьевич

Ученая степень, звание: доктор филологических наук, профессор

Место работы: Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации

Должность: проректор по научной и инновационной деятельности, заведующий кафедрой

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Budaev E. V., Chudinov A. P.
Nizhny Tagil, Ekaterinburg, Russia
**COGNITIVE-DISCURSIVE
ANALYSIS OF METAPHOR
IN POLITICAL COMMUNICATION**

Abstract. Cognitive-discursive approach invites the researcher to reveal the interconnections between metaphors and the factors that condition the demand for these metaphors to appear. In this case metaphor is not considered as an autonomous phenomenon, but as an integral part of the narrative which is understood as a set of texts connected with a certain political situation or a certain political stance.

Key words: political metaphorology; metaphor; political communication; cognitive; discourse; political leader

About the author: Budaev, Eduard Vladimirovich
Academic degree, academic status: candidate of filological sciences, associate professor

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy, chair of foreign languages

Position: associate professor

About the author: Chudinov, Anatoly Prokopievich
Academic degree, academic status: doctor of filological sciences, professor

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Chair of Rhetoric and Intercultural Communication

Position: Vice-Rector for Academic and Innovative Activities

Современная теория и практика когнитивного исследования политической метафоры генетически восходит к классическому исследованию Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff, Johnson 1980] (в русском переводе [2004]). Как справедливо отмечает А. Н. Баранов, названная книга очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре – своеобразным аналогом сосюрковского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода» [Баранов 2004, с. 7]. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры

(иллюстрированной преимущественно материалами бытового общения), авторы названного труда обратились к политическому дискурсу, детально рассмотрев, в частности, милитарную метафору Дж. Картера и ее следствия (entailments). Указанное исследование показало также, что, казалось бы, совершенно лишённая эмоциональной оценки метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Вполне закономерно, что отдельные положения названной теории со временем уточнялись и развивались (ср. теорию первичных и сложных метафор [Grady et al. 1996], когерентную модель метафоры [Spellman et al. 1993], модель концептуальной проекции [Ahrens 2002;

¹ Исследование подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 07-04-02-002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

Chung et al. 2003], теорию блендинга [Fauconnier Turner, 1994; 1998; Turner, Fauconnier 1995; 2000], коннективную теорию метафорической интерпретации [Ritchie 2003a, 2003b, 2004a, 2004b] и др.).

Значительная часть современных исследований концептуальной метафоры может быть отнесена к когнитивно-дискурсивной парадигме в том смысле, как ее понимает Е. С. Кубрякова. В названной парадигме «усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое языковое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» (Кубрякова Е. С., 2004, с. 520). В первом случае имеются в виду связи «с внутренней, ментальной деятельностью человеческого сознания», а во втором – внимание сосредоточено на том, «как используется изучаемое явление в процессе общения людей» (там же, с. 519).

При когнитивном подходе к изучению концептуальной метафоры внимание исследователя сосредоточено на метафорической модели как ментальном феномене. В процессе такого исследования дается детальное описание сферы-источника и сферы-мишени, подробная характеристика фреймов и слотов каждой из названных сфер, а также других элементов модели.

При когнитивно-дискурсивном подходе исследователь стремится выявить взаимосвязи между метафорами и факторами, которые обусловили их востребованность. В этом случае метафора воспринимается не как автономный феномен, а как естественная часть нарратива, который понимается как некоторое множество текстов, связанных с определенной политической ситуацией или с определенными политическими представлениями, с определенной политической позицией (Чудинов 2003, с. 170-178). В современных публикациях можно выделить следующие направления изучения политических нарративов.

1. Исследование метафор, характерных для того или иного политического периода.

Если в начальный период становления когнитивного подхода к анализу политической метафоры основное внимание было направлено на проверку теории концептуальной метафоры на примере анализа отдельных метафор и небольших временных периодов, то в 90-х гг., когда эта теория получает широкое признание и применение, в научных публикациях проявляется стремление исследователей к аккумуляции и обобщению все большего количества фактов. В рамках когнитивно-дискурсивного анализа примером такого подхода стали словари А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1991; 1994], в которых представлены политические метафоры эпохи перестройки и первых лет президентства Б. Н. Ельцина [Баранов, Караулов 1991, 1994]. В диссертации Ю. Б. Федене-

вой (1998) охарактеризованы политические метафоры первой половины прошлого десятилетия, а в монографии А. П. Чудинова [2001] детально рассмотрены ведущие политические метафоры периода президентства Б. Н. Ельцина.

Несомненного внимания заслуживают работы американского ученого Р. Д. Андерсона, который обращается к анализу советско-российских политических метафор [Anderson 2002a; 2002b]. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов Политбюро 1966-1985 гг. (авторитарный период), выступления членов Политбюро в год первых общенародных выборов (1989 г.) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991-1993 гг. (демократический период). Исследовав частотность двух групп метафор (метафор размера и метафор личного превосходства и субординации), Р. Д. Андерсон приходит к выводу, что частотность этих метафор уменьшается по мере того, как население начинает самостоятельно выбирать представителей власти. Специальный анализ показал, что на смену «вертикальным» метафорам приходят метафоры «горизонтальные»: *диалог* (в авторитарный период метафора использовалась только по отношению к международной политике), *спектр*, цветовые метафоры (*коричневые, белые* и др.), метафоры сторон (*сторонники, противники, левые, правые*) и др. Гигантомания и патернализм метафор, характерные для дискурса авторитарного периода в СССР, присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, поэтому пространственные метафоры субординации представляют собой универсальный индикатор недемократичности общества.

2. Исследование метафор, связанных с той или иной военной кампанией. Целая серия публикаций посвящена метафорам, которые использовались в дискурсе войны, которую США и их союзники вели против Ирака. Метафоры, относящиеся к военным действиям 1991 года, рассмотрены в знаменитой публикации Дж. Лакоффа, в которой выделены ведущие метафорические модели оправдывающие и осуждающие действия американцев и их противников (Lakoff 1991). Повышенный интерес американских специалистов вызвал и политический нарратив «Вторая война в Персидском заливе». Так, Дж. Льюл [Lule 2004] на материале дискурса новостей NBC рассмотрел базовые метафоры, актуализированные для осмысления отношений Ирака и США в преддверии второй войны в Персидском заливе. Также еще до начала военных действий Дж. Лакофф [Lakoff 2003b] проанализировал метафоры, актуализированные администрацией и СМИ США для оправдания войны, и выделил базовые метафорические (метонимические) модели, кото-

рые, дополняя друг друга, занимают центральное место в осмыслении внешней политики в американском сознании:

1. *Государство – это индивид*. Развертывание метафоры «Ирак – это Саддам Хуссейн» в американских СМИ позволяет представлять войну в Ираке, как войну против одного человека, и оттеняет тот факт, что тысячи бомб, которые будут сброшены на Ирак (исследование опубликовано в преддверии войны), будут сброшены не на одного человека. Согласно американским СМИ государства-взрослые, т.е. экономически развитые государства, имеют полное право учить и дисциплинировать государства-детей, тем более, если ребенок становится *вооруженным подростком-хулиганом*.

2. *Модель Рациональной Личности*. Рациональная личность (государство) всегда стремится приумножить доходы и минимизировать расходы. В американской прессе война в Ираке представлялась, как торговая сделка, в которой доходы превышают расходы (чужие расходы, т.е. жизни иракцев, в расчет не принимаются).

3. *Сказка о справедливой войне*. По Дж. Лакоффу, метафорическая сказка о войне, в которой всегда есть Герой, Жертва, Злодей и Злодеяние, реализуется в двух вариантах. «История о спасении» была реализована при осмыслении первой войны в Персидском заливе (Ирак – Злодей, Кувейт – Жертва, Злодеяние – изнасилование, Спаситель – США). Для оправдания второй войны американская администрация и СМИ актуализировали «Историю о самозащите», в которой Жертва и Герой совпали (США).

Подобным образом Дж. Гуднайт [Goodnight 2004] анализирует метафоры «Ирак – это Вьетнам Буша» и «вьетнамское болото» в американских политических дебатах, связанных с новой войной в Персидском заливе. К. Халверсон [Halverson 2003] анализирует метафоры в политическом нарративе «Война с террором (11 сент. 2001 – янв. 2002)» и выделяет две основные метафоры, моделирующие осмысление терроризма в американском политическом дискурсе: *Антропоморфизм ценностей* и *Сказка о справедливой войне*.

Значительный интерес вызывают и исследования по проблемам метафорического представления событий на Балканах. Например, Дж. Лакофф [Lakoff 2001a] показал, что при осмыслении войны в Югославии американские СМИ (автор проводил исследование на примере газеты The New York Times) апеллировали все к той же *Сказке о справедливой войне* (Милошевич – Злодей, албанцы – Жертва, США – Герой) и модели *Государство – это индивид*. Соответственно в сознании сербского народа Косово – это исконно сербская, но завоеванная мусульманами территория, на которой к тому же расположены главные сербские святыни.

С. Милошевич представил вытеснение албанцев из Косово посредством метафоры *Христианского Рыцаря*, идущего в *крестовый поход* ради возвращения сербам святой земли. По существу это еще одна (сербская) разновидность сказки о справедливой войне [Lakoff 2001a: 32].

Сопоставление американских и сербских метафор в политическом нарративе «Война в Югославии» проведено словенским исследователем В. Кеннеди [Kennedy 2000]. Исследователь указывает на то, что американские метафоры мало изменились со времен первой войны в Персидском заливе. Новая война по-прежнему осмыслялась в понятиях игры и бизнеса, в сказке о справедливой войне С. Хусейна заменил «злодей» С. Милошевич, албанцы выступили в роли «невинной жертвы», а США в качестве «героя». Сербская интерпретация событий оказалась прямо противоположной и совпала с мнением итальянских и греческих СМИ. Примечательно, что сербы и американцы апеллировали к историческим событиям второй мировой войны. Американские СМИ называли С. Милошевича *Адольфом Гитлером*, которого необходимо вовремя остановить, в то время как сербы использовали метафору НАТО – это *нацисты* (соответственно сербы должны выступить в качестве югославских партизан). Вместе с тем, для каждого дискурса были характерны национально специфические метафоры. Как отмечает исследователь, понимание метафор во многом определяется фоновыми знаниями адресата. Например, апелляция сербских СМИ к *битве на Косовом поле* мало о чем говорила жителям США и Западной Европы, а связанное с историей США метафорическое выражение сенатора Б. Доула «Милошевич снова вышел на тропу войны» может по-разному восприниматься в американском обществе. Как отмечает В. Кеннеди, эта метафора содержит амбивалентные импликации (сильные и слабые импликации метафоры по К. Форсевиллю). Миф об американской кавалерии, укрощающей непослушных индейцев и привносящей порядок на дикий Запад, в 90-е гг. сильно пошатнулся в результате деятельности общественно-правовых организаций и деятелей искусства, поэтому по представлениям части американцев укрощать необходимо американскую кавалерию.

Детальный анализ «метафорической войны» по косовской проблеме в американском политическом дискурсе представлен в работе Р. Пэриса [Paris 2001]. Как показывает автор, в выступлениях администрации Б. Клинтона и дебатах членов Конгресса доминировали четыре группы исторических метафор: «Вьетнам», «Холокост», «Мюнхен» и «балканская пороховая бочка». Р. Пэрис выделяет два уровня метафорического противостояния политических мнений. Участники дебатов спорили

не только об уместности исторических метафор применительно к ситуации в Косово (первый уровень), но и об оценочных смыслах используемых метафор (второй уровень). Например, если мюнхенское соглашение в большинстве случаев рассматривалось, как пример нежелания остановить агрессора, то на уроки вьетнамских событий ссылались как противники, так и сторонники военного вмешательства. Противники говорили о невинных жертвах и других ужасах войны, а сторонники считали, что во Вьетнаме американская армия воевала «со связанной рукой за спиной», поэтому не следует повторять вьетнамских ошибок в Косово.

В исследовании А. П. Чудинова [2003] продемонстрировано, что при метафорическом представлении балканской войны в российский политическом дискурсе постоянно использовалась концептуальная метафора *русские и сербы – это братья*. В представлении россиян сербы – *Жертвы*, а *Злодеи* – албанцы, в то время как в США и в большинстве европейских стран осудили сербских *Злодеев* и согласились с необходимостью военного вмешательства для защиты *Жертвы* (косовских албанцев).

В статьях М. В. Черняковой охарактеризованы особенности представления войны в Персидском Заливе, характерные для российских и американских СМИ. Автор показывает, что значительную роль в метафорическом оправдании и осуждении этой войны играют спортивные и театральные метафоры [Чернякова 2004; Чернякова-Сорокина 2004].

3. Исследование метафор, связанных с тем или иным политическим событием (процессом). К числу подобных исследований относится диссертация Ю. Б. Феденевой, где рассмотрена специфика метафорического представления путча, который предприняли сторонники коммунистической идеологии, пытавшиеся в 1991 году отстранить от власти президента М.С.Горбачева. Целый ряд исследователей обращается к изучению специфики метафорического представления политического скандала. Так, В. Макарова, изучавшая литовские СМИ, показывает, что скандал часто метафорически представляется как экзамен или боевые действия [Макарова 2004]. Российские исследователи показывают, что скандал часто метафорически изображается как театральное представление или болезнь [Кочкин 2003, Шейгал 2000].

Анализ корреляции метафор в американском сознании и событий 11 сентября 2001 г. в сочетании с осмыслением социо-культурных причин терроризма представлен в публикации Дж. Лакоффа [Lakoff 2001b]. Р. Хюльссе, проанализировав метафоры ДВИЖЕНИЕ и КОНТЕЙНЕР в дебатах о возможном присоединении Турции к ЕС в немецкой прессе, пришел к выводу, что немцы «помещают» Турцию в «междупространство» (in-between-space), не считая ее

ни европейским, ни азиатским государством [Hülse 2000].

В монографии О. Санта Аны [Santa Ana 2002] рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки по материалам калифорнийской газеты The Los Angeles Times. Автор подразделяет выявленные метафорические модели (исследователь называет их метафорическими системами – metaphoric systems) на три группы: окказиональные (ИММИГРАЦИЯ – ЗАГРЯЗНЕНИЕ СРЕДЫ или ОГОНЬ), вторичные (ИММИГРАЦИЯ – ВТОРЖЕНИЕ, БОЛЕЗНЬ или БРЕМЯ) и доминантные (ИММИГРАЦИЯ – ОПАСНЫЕ ВОДНЫЕ ПОТОКИ, ИММИГРАНТЫ – ЖИВОТНЫЕ).

В публикации А. Н. Баранова политические метафоры периода августовского кризиса 1998 года рассмотрены на основе корпуса в 750000 словоупотреблений [2003], что позволило достаточно точно определить частотность тех или иных метафорических моделей. В статье Т. Г. Скребцовой [Скребцова 2003] рассмотрены наивные картины глобализации в современном политическом дискурсе. В другой публикации Т. Г. Скребцовой рассмотрены ключевые метафоры российского внешнеполитического дискурса.

В рассматриваемой группе публикаций, посвященных политическим событиям, значимое место занимают исследования метафор, связанных с той или иной избирательной кампанией. Так, К. де Ландтсхеер и Д. Вертессен [Vertessen, De Landsheer 2005], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса (включающего такие критерии как частотность, прагматический потенциал сферы-источника и др.) увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе. В этом же исследовании авторы задаются вопросом, отличается ли использование политического метафор на телевидении (коммерческом и общественном) и в прессе (бульварной (tabloid) и серьезной (quality)). Как показал анализ, метафорические индексы печатной прессы в несколько раз выше аналогичных показателей для телевидения, даже если сравнивать индексы газет в период между выборами с индексами телевидения в предвыборный период.

Подобные исследования широко представлены и в отечественной когнитивной лингвистике. А. М. Стрельников рассматривает метафоры периода избирательных кампаний по выборам президента в США и России 2003-2004 гг. [Стрельников 2005]. В диссертации А. А. Касло-

вой [Каслова 2003] представлено сопоставительное исследование метафорического моделирования в период избирательных кампаний по выборам президентов США и России (1999-2000 годы). Автор приходит к выводу о том, что столь типичное для России метафорическое представление президента и его приближенных как монарха (царя) и его двор совершенно нехарактерно для США, где президент представляется не монархом, а нанятым народом менеджером.

4. Исследование метафор, отражающих ту или иную политическую позицию. Как справедливо отмечал В. Бенуа, голосование – это акт сравнения, поэтому кандидатам необходимо сообщить избирателям, чем они отличаются от других [Бенуа 2008: 117]. Это обстоятельство наталкивает на мысль о наличии особого набора метафоры, различающей экологов, консерваторов, фашистов и т. д. Например, в диссертации Н. А. Красильниковой (2005) рассматривается метафорическая аргументация, которая используется сторонниками экологических партий США, России и Англии, а также их политическими противниками. Й. Цинкен [Zinken 2002; 2003] показал, противники вступления Польши в Евросоюз использовали для концептуализации будущего своей страны интертекстуальную метафору *Освенцим* [Zinken 2002: 143], соответственно сторонники Леха Валенсы в 1989 году часто метафорически представляли коммунистов как *завоевателей-крестоносцев* [Zinken 2002: 221-223].

Ирландские лингвисты Х. Келли-Холмс и В. О’Реган [Kelly-Holmes, O’Regan 2004] рассматривают концептуальные метафоры в немецкой прессе как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг. Как известно, в 2000 году в Ницце было достигнуто соглашение об институциональных изменениях, необходимых для принятия новых стран в ЕС. Ирландия – единственная страна ЕС, в конституцию которой нужно было внести поправки, чтобы ратифицировать этот договор. Ирландское правительство считало вопрос решенным, однако ирландский народ проголосовал против изменения конституции на первом референдуме, что не замедлило отразиться в немецкой прессе. Недовольство тем фактом, что 3 миллиона ирландцев должны решать судьбу 75 млн. новых членов ЕС, отобразилось в немецкой прессе с помощью метафор дома и родства (*ирландцы хотят закрыть дверь перед двоюродными братьями и оставить их на пороге*), криминальных метафор (*ирландцы требуют выкуп за 12 стран*) и др. При рассмотрении подобных фактов следует учитывать, что до проведения референдума ирландско-немецкие отношения носили позитивный характер и даже метафорически представлялись как любовные отношения. Накануне второго референдума, который закончился положи-

тельным голосованием, в немецкой прессе активизировались негативные смыслы метафор из самых разнообразных сфер-источников: СЕМЬЯ (Германия / ЕС – *терпеливый родитель*, Ирландия – *непредсказуемый подросток, испорченный ребенок*); ШКОЛА (*ученика нужно наказывать*, Брюссель ставит Ирландии *плохие отметки*); ДОМ (*Ирландия хочет разрушить дом*); БОЛЕЗНЬ (*Ирландия больна датской болезнью и может заразить Австрию* (датчане проголосовали против Маастрихтского договора в 1992 г.), ВОЙНА (*война за положительное голосование*) и др. Как показали исследователи, метафорическая концептуализация событий накладывается на более общий уровень категоризации (оппозиционирования): МЫ (немцы) – честные, щедрые, альтруистичные, высокоморальные, тогда как ОНИ (ирландцы) – жадные, заблуждающиеся, неблагодарные, аморальные. В этом контексте постоянно противопоставлялись «хорошая старая Ирландия» и «плохая новая Ирландия».

П. Друлак [Dzulak 2004] проанализировал метафоры, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского Союза (период 2000-2003 гг.). Выделив концептуальные метафоры «самого абстрактного уровня» (КОНТЕЙНЕР, РАВНОВЕСИЕ КОНТЕЙНЕРОВ и др.), П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС предпочитают метафору КОНТЕЙНЕРА, а лидеры стран-кандидатов на вступление в ЕС – метафору РАВНОВЕСИЯ КОНТЕЙНЕРОВ. Другими словами, лидеры стран ЕС предпочитают надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

5. Исследования метафорических идиостилей, то есть специфичи метафор, используемых отдельными политическими лидерами. Как заметила Ш. Линд, «сильные мира сего с равным успехом навязывают свои метафоры и в национальной политике, и в повседневном общении» [Лакофф, Джонсон 2004: 185]. Если учитывать, что метафоры несут в себе значительный прагматический потенциал, способны изменять понятийную систему человека и влиять на поведение, то вполне понятен интерес исследователей к концептуальным метафорам в речи политиков.

В этой группе исследований заслуживают внимания попытки найти практическое подтверждение того, как метафоры в речи политика воздействуют на массовое сознание и побуждают к принятию определенных политических решений. Так, Д. Берхо [Berho 2000] задается вопросом о причинах высокой популярности аргентинского президента Х. Д. Перона. Сопоставив метафорику аргентинской политической элиты, отражающую презрение высших слоев общества к основной массе населения, с мета-

форами идиолекта Х. Д. Перона, А. Берхо показывает, как регулярное развертывание метафоры *Politics Is Work* (Политика – это труд) в политическом дискурсе принесло ему огромную популярность среди миллионов лишенных избирательских прав и работающих в тяжелых условиях аргентинцев, которые и привели Х. Д. Перона к власти. Т. Оберлехнер и В. Майер-Шенберген [Oberlechner, Mayer-Schönberger 2002] исследуют метафоры в дискурсе лидерства и выявляют доминантные метафорические модели в идиолекте британского промышленного «гуру» Дж. Харви-Джонса.

В исследовании И. ван дер Валка, которое посвящено сопоставлению речевых стратегий в франко-голландском расистском дискурсе, выявлены ведущие метафоры в идиолекте А. Ле Пена. Для негативной репрезентации иммигрантов лидер Народного Фронта использует метафоры водного потока и войны. Соответственно Франция выступает в роли жертвы, которую освободитель А. Ле Пен (сравнивающий себя с Ж. Д'Арк и У. Черчиллем, а деятельность своей партии с анти-фашистской борьбой) должен спасти. Для положительной самопрезентации А. Ле Пен активно эксплуатирует мелиоративные смыслы метафоры родства [Valk 2001].

Самостоятельный интерес представляют корпусные исследования метафор в идиолектах известных политиков, что позволяет выявить общие закономерности метафорического моделирования действительности и стандартные сценарии, актуализируемые в речи политиков для манипуляции общественным сознанием. Так, Дж. Чартерис-Блэк [Charteris-Black 2004], проанализировав риторику британских и американских политиков (У. Черчилля, М. Л. Кинга, М. Тетчер, Б. Клинтона, Т. Блэра, Дж. Буша), показал, как метафоры регулярно используются в их выступлениях для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях. Особое место среди публикаций этого направления занимают экспериментальные исследования, направленные на выявление потенциала метафор к переинтерпретации политической картины мира в речи политиков. Так, скандинавские исследователи [Heradstveit, Bonham 2003], изучая влияние политической метафоры Дж. Буша «Ось зла» на иранское сознание, рассмотрел интервью с 32 представителями иранской политической элиты (в том числе оппозиционной) в 2000 и 2002 годах. В процессе исследования было обнаружено, что метафора вызвала недоумение большинства респондентов и была воспринята как «удар в спину» (Иран помогал США в войне в Афганистане), «убийство нарождающегося диалога между США и Ираном». Метафора Дж. Буша сплотила иранское общество и вместе с тем создала удобные условия для усиления ультра и консервативных сил. В исследо-

вании Е. Семино [Semino 1996] рассмотрены метафоры, характерные для идиостиля премьер-министра Италии Сильвио Берлускони.

Среди российских публикаций выделяется диссертация Т. С. Вершиной (2002), в которой рассмотрена метафорическая специфика идиостилей ведущих российских политиков (В. Жириновский, Ю. Лужков, Б. Немцов, И. Хакамада, В. Черномырдин, Г. Явлинский и др.). В исследованиях В. Н. Базылева зафиксированы любимые метафоры ряда российских и украинских политиков [Базылев 2004, 2005].

6. Сопоставительное исследование политических метафор. Сопоставительные исследования позволяют отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», случайное и закономерное, общечеловеческое и свойственное лишь отдельным национальным политическим дискурсам. Например, Е. Семино [Semino 2002] исследовала метафорическую репрезентацию евро в итальянской и британской прессе и показала, как метафоры в дискурсе этих двух стран отображают противоположные оценочные смыслы (евро – *здоровый ребенок* и евро – *поезд, сошедший с рельсов*). В работе финского исследователя М. Луома-ахо [Luoma-aho 2004] на основе анализа западноевропейского дискурса коллективной безопасности показано, что дебаты на Межправительственной конференции 1990-1991 гг. представляли собой конфликт метафор «атлантистов» (сторонников США и членов НАТО) и «европеистов» (сторонников европейской самодостаточности). Если США и страны-члены НАТО видели в Западно-европейском Союзе *опору* атлантического альянса, то «европеисты» – *защищающую руку*. Органистические метафоры сторонников самодостаточности вступали в противоречие с архитектурными метафорами «атлантистов» и представляли европейское сообщество как независимый от НАТО политический субъект.

А. Мусолфф [Musolff 2000] проследживает «эволюцию» метафоры «ЕВРОПА – ЭТО ДОМ / СТРОЕНИЕ» за последнее десятилетие 20 века на материале английских и немецких газет. Вслед за рядом исследователей [Bachem, Battke 1991; Chilton, Ilyin 1993; Chilton, Lakoff 1995] автор моделирует два различных концепта: российский концепт «дом» (многоквартирный дом) и западноевропейский вариант (частный дом, обнесенный забором). При переводе метафоры Горбачева европейцы актуализировали другой прототип, что и объясняет, по мнению автора, популярность этой метафоры в европейском дискурсе. Автор выделяет два периода в развитии метафоры дома. 1989-1997 гг. – это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились столбы* и др. По мере роста противоречий в 1997-2001 гг. начинают доминировать скептические (*реконструкция, хаос на строительной*

площадке) или пессимистические (*горящее здание без пожарного выхода*) метафоры. Оптимистический период характеризуется значительным сходством британских и немецких метафор. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы – *оккупанты евродома* или *рабочие*, считающие себя *архитекторами*).

В других публикациях А. Мусолфф [Musolff 2001a, 2001b] сопоставляет метафоры со сферой-источником ДОРОГА / ДВИЖЕНИЕ / СКОРОСТЬ в британской и немецкой прессе, освещающей политические процессы в Европейском Союзе. Анализ материала обнаружил различия в эксплуатации прагматических смыслов метафор немцами и британцами, которые используют потенциал сферы-источника для отображения различных взглядов на перспективы развития ЕС: британцы критикуют Германию за излишнюю поспешность, немцы метафорически порицают Великобританию за медлительность.

Исследованию концептуальной метафоры *политическое тело* (*body politic*) в статьях английской и немецкой прессы 1989-2001 г. посвящена публикация А. Мусолффа [Musolff 2004a], в которой автор выявляет, что 45 % словоупотреблений концептуальной метафоры «ЕС – это (человеческое) тело» приходится на метафору *сердце Европы* (*heart of Europe / herz Europas*). Немцы предпочитают использовать метафору *сердце Европы* как ориентационную, что неудивительно, если учесть, что географически Германия находится в центре Европы. Британцы намного реже используют ориентационный потенциал политической метафоры *heart* и акцентируют внимание на функциональном значении сердца для человеческого организма (Евросоюза), поскольку по сравнению с Германией Великобритания относится к географической периферии Европы. А. Мусолфф, прослеживая хронологические изменения («эволюцию») в актуализации метафоры *heart of Europe* в английской прессе, показывает, что по мере усиления разногласий между Великобританией и ЕС в британской (но не в немецкой) прессе начинают доминировать метафоры болезни сердца. Подобные образы отражают скептическое отношение британцев к политике ЕС, сменившее оптимистические настроения начала 90-х годов, когда акцентировалась значимость Великобритании в европейской политике.

Детальный анализ метафор из сферы-источника «Дом/Строительство» как средства концептуализации Европы в российском и немецком газетном дискурсе 2000 г. проведен Й. Цинкеном [Zinken 2002]. Прежде всего,

Й. Цинкен разделяет рассматриваемые метафоры по сферам-источникам на две группы: «Здание» и «Строительство». Проанализировав первую группу, автор показал, что в российском дискурсе очень продуктивен фрейм «Структура здания»: для россиян важно определить, стоит ли Россия на пороге европейского дома или ее впустили в *прихожую*, *отгородились* ли европейцы от России или позволяют ей *обжиться* в европейском доме и т. п. В немецком дискурсе метафоры этого фрейма почти не используются, однако здесь продуктивны образы *порядка в доме*, *договора о найме помещения*, которые отсутствуют в российском дискурсе. Этот факт Й. Цинкен объясняет, в частности, тем, что в повседневной жизни россиян договор о найме – реальность относительно редкая и малоактуальная. Продуктивность и частотность метафор второй группы (сфера-источник «Строительство») в российском дискурсе значительно уступает аналогичным показателям в немецком дискурсе. Анализ метафор позволил смоделировать дискурсивно-специфичные (*diskursspezifische*), но устойчивые и согласованные с определенной культурой стереотипы (*Abbildungstereotypen*). В концептуализации Европы выделяется три таких стереотипа – Европа институциональная, Европа культурная и Европа географическая. Если представление о Европе как о культурном феномене у россиян и немцев совпадает, то в отношении двух других стереотипов выявляются значительные расхождения. Для немецкого сознания «Европа – это Евросоюз и стройплощадка» (институциональный подход), а для российского сознания такое понимание феномена Европы представляется курьезной идеей. Российский стереотип «Европа – это дом, находящийся в чужой собственности» (географический подход); именно с этим стереотипом связаны попытки определить, относится ли Россия к Европе или нет, хотя географически Европа заканчивается на Урале [Zinken 2002: 179-192].

Несколько иной подход Й. Цинкен [Zinken 2002] использует для анализа метафорического представления европейской интеграции в немецком и польском газетном дискурсе 2000 г. Исследователь выделяет три общих схемы (близких образ-схемам М. Джонсона) для концептуализации интеграционного процесса. Схемы наполняются различными метафорами и в разной степени востребованы в немецком и польском дискурсах. Первая схема представляет Евросоюз как контейнер, для проникновения в который Польша должна приложить усилия. Схема наполняется метафорами пути и школы и востребована преимущественно в немецком газетном дискурсе. Вторая схема представляет Польшу как неподвижный объект, а ЕС как расширяющуюся субстанцию. Эта схема востребована противниками вступления Поль-

ши в ЕС (в немецком дискурсе открытых возражений против расширения ЕС автор не выявил). Польша метафорически представляется жертвой расширения, а будущее изображается посредством метафор рабства. Третья схема представляет Евросоюз и Польшу как два объекта, движущихся к контейнеру «Новая Европа». Эта схема реализуется в польском дискурсе, где доминируют позитивные метафоры совместного строительства евродома и создания семьи. Вместе с тем подобные образы нередко несут заметный заряд иронии. В одних случаях поляки представляются бедным родственниками, с которыми никакой добрый дядюшка не захочет делиться своими сбережениями, а в других создается образ молодого бедного кавалера (Польша), который неудачно сватается к далеко не юной, но богатой даме (Евросоюз), не желающей объединять имущество и предпочитающей свободные связи [Zinken 2002: 192-203].

Сопоставительные исследования метафорического мировидения политических феноменов в исторически гетерогенных культурах представляют большой интерес, но, к сожалению, подобные исследования единичны. Попытку сопоставить метафоры, легитимирующие социально-политическое единство в Европе, Китае и Японии, предпринял Э. Рингмар. Если в Европе в разные исторические периоды доминировали метафоры тела, механизма и семьи, то для восточной Азии, по мнению исследователя, характерны метафоры музыки и танца. Как указывает Э. Рингмар, базовые метафоры варьируются не только в географическом измерении, но и в хронологическом: так, до 90-х годов 19 века в Японии императора не называли отцом, но с усилением милитаристских настроений появляется необходимая для легитимации жертвенности японских солдат метафора семьи [Ringmar 2005].

Сопоставительные исследования широко представлены и в отечественной лингвистике [Бакумова 2002, Будаев 2004, Желтухина 2003, Каслова 2003, Красильникова 2005, Муране 2001, Перескокова 2004, Санцевич 2004, Скребцова 2003, Степаненко 2002, Стрельников 2005, Телешева 2004, Шаова 2005, Шехтман 2004, Шмелева 2001 и др.]. Материалы конкретных публикаций показывают, что в современных политических условиях действительно сложился своего рода интердискурс (термин Т. В. Шмелевой), поскольку современные политики и журналисты в различных странах Европы и Америки нередко используют очень похожие метафорические образы. Нетрудно заметить, что концептуальные метафоры с такими сферами-источниками, как «война», «театр», «спорт», «дорога», «мир животных», «мир растений», «погода», «болезнь», «механизм» и «дом», активно используются

едва ли не в каждом национальном политическом дискурсе.

Вместе с тем специалисты постоянно фиксируют и национальные особенности политической метафоры. Например, столь типичное для России метафорическое представление президента и его приближенных как монарха (царя) и его двор, совершенно нехарактерно для США. Это же можно сказать и о столь типичной для нашей страны криминальной метафоре, в соответствии с которой политическая элита образно представляется как своего рода преступное сообщество со своими «паханами» и «шестерками». С другой стороны, так характерная для США метафорическая модель со сферой-источником «бизнес» лишь в последние годы завоевывает определенное место в российском политическом дискурсе, а метафорический образ «справедливый полицейский» совершенно не воспринимается российским сознанием.

Важно подчеркнуть, что различия в использовании метафорических моделей чаще всего проявляются лишь на уровне отдельных слотов и концептов. Так, и в России и в Соединенных Штатах весьма распространены метафоры, образно представляющие политическую жизнь как футбольный матч, в котором каждая из команд стремится одержать победу. Однако в политическом дискурсе США источником метафор служит американский футбол, который лишь в некоторой степени напоминает игру, столь любимую в России, тогда как в нашей стране (а также в других европейских странах) сферой-источником служит совсем иная игра, следствием чего может оказаться взаимное непонимание. Показательно, что в современной российской политической коммуникации весьма продуктивны образы, восходящие к концепту «коммунальная квартира», но такие метафоры понятны лишь немногим американцам, немцам или французам.

При всем различии рассмотренных выше подходов к политической метафоре когнитивно-дискурсивная парадигма объединяет исследования, для которых характерно, с одной стороны, понимание метафоры как феномена мышления, играющего важную роль в осмыслении и преобразовании политической действительности, а с другой – стремление учесть специфику дискурсивных факторов, определяющих использование тех или иных метафорических моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базылев В. Н. Лингвистическая персонология: Ирина Хакамада (к определению статуса дисциплины) // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. – Выпуск 15. – Екатеринбург, 2005.
2. Базылев В. Н. Нехаризматическая популярность: Леонид Кучма // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Том 13. – Екатеринбург, 2004.

3. Бакумова Е. В. Взаимопонимание в политическом дискурсе и метафора // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур. – Воронеж, 2004.
4. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.
5. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
6. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Под ред. М. Н. Володиной. – М.: МГУ, 2003.
7. Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.
8. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.
9. Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Сер. Литературы и языка. – 2004а. – Т. 63. – № 1.
10. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. – 2003а. – № 2.
11. Бенуа В. Функциональная теория дискурса политической кампании // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. – М., 2008.
12. Будаев Э. В. О системности и среде в курсе теории когнитивной метафоры // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Вып. 14. – Екатеринбург, 2004.
13. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.
14. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. – М.-Волгоград, 2003.
15. Каслова А. А. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Федеральные выборы» в США и России (2000 г.): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.
16. Кочкин М. Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2003.
17. Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
18. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
19. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
20. Макарова В. О метафороизации политического скандала в литовских масс-медиа // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14.
21. Муране С. Н. Лексика военной сферы в постсоветском политическом дискурсе // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. – СПб., 2001.
22. Орлова О. Г. Актуализация концепта «RUSSIA» («РОССИЯ») в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «NEWSWEEK»): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Кемерово, 2005.
23. Перескокова А. Ю. Манифестация власти в метафорическом контексте СМИ // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14.
24. Ряпосова А. Б. Милитарная метафора в современном агитационно-политическом дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. – Т. 6.
25. Санцевич Н. А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 2004.
26. Скребцова Т. Г. Наивные картины глобализации: взгляд лингвиста // Respectus philologicus. Vilniaus universiteto. – 2003. – № 4(9).
27. Скребцова Т. Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса // Respectus philologicus. Vilniaus universiteto. – 2002. – № 1.
28. Сорокина М. В. Манипулятивный потенциал метафорической модели ВОЙНА В ИРАКЕ – это АМЕРИКАНСКИЙ футбол // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 12.
29. Степаненко А. В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2002.
30. Стрельников А. М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампаний по выборам президента в США и России: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
31. Телешова И. В. Политическая ситуация как сфера-магнит для морбальной метафоры в российских и американских СМИ // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14.
32. Феденева Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998.
33. Чернякова-Сорокина М. В. Театральная метафора как средство манипуляции в публикациях российских и американских СМИ, посвященных войне в Ираке // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 13.

34. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003.
35. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001.
36. Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
37. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М., - Волгоград, 2000.
38. Шехтман Н. Г. Зрелищные искусства как источник метафорической экспансии в политическом дискурсе России и США // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14.
39. Шмелева Т. В. Морбуальная оптика // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. – Т. 7.
40. Ahrens K. When Love is Not Digested: Underlying Reasons for Source to Target Domain Pairings in the Contemporary Theory of Metaphor // Proceedings of the First Cognitive Linguistics Conference / Ed. Y. E. Hsiao. – Cheng-Chi University, 2002.
41. Bachem R., Battke K. Strukturen und Funktionen der Metapher Unser Gemeinsames Haus Europa im aktuellen politischen Diskurs // Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik Opladen / Ed. F. Liedtke, M. Wengler, K. Boke. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1991.
42. Berhó D. L. Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // Rocky Mountain Review of Language and Literature. George Fox University. – 2000. – Vol. 54. – № 2.
43. Çağlar A. S. Constraining metaphors and the transnationalisation of spaces in Berlin // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2001. – Vol. 27. – № 4.
44. Cienki A. Bush's and Gore's language and gestures in 2000 US presidential debates: A test case for two models of metaphors // Journal of Language and Politics. – 2004. – Vol. 3. – № 3.
45. Chung S., Ahrens K. Sung Y. STOCK MARKETS AS OCEAN WATER: A Corpus-based, Comparative Study of Mandarin Chinese, English and Spanish // Proceedings of the 17th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computational (PACLIC). – Singapore, 2003.
46. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.
47. Chilton P. A., Iylin M. V. Metaphor in Political Discourse: The Case of the "Common European House" // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4. – № 1.
48. Chilton P., Lakoff G. Foreign policy by metaphor // Language and Peace / Ed. Ch. Schäffner, A. Wenden. – Aldershot: Dartmouth, 1995.
49. Chilton P. Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House. – New York; Bern; Frankfurt/M.: Peter Lang, 1996.
50. Goodnight G. T. "Iraq is George Bush's Vietnam". Metaphors in Controversy: On Public Debate and Deliberative Analogy // www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/Iraq_and_Vietnam.doc – 2004.
51. De Landsheer K. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. – 1991. – Vol. 24. – № 3/4.
52. Drulak P. Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity. Working Paper Series. Working Paper No. 3. P. 1-21. // www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc – 2005.
53. Drulak P. Metaphors Europe Lives by: Language and Institutional Change of the European Union. EUI Working Papers, SPS No. 2004/15. Florence: European University Institute, 2004 // www.arena.uio.no/events/documents/Paper_001.pdf – 2004.
54. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22. – № 2.
55. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Projection and Middle Spaces // http://www.cogsci.ucsd.edu/research/files/technical/9401.ps – 1994.
56. Fridolfsson C. Political Protest and Metaphor // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/fridolfsson.pdf – 2005.
57. Gibbs R. W. Jr., Wilson N. L. Bodily action and metaphorical meaning // Style. – Vol. 36. – № 3. – 2002.
58. Goggin J. Metaphor and Madness: Stacking the Deck on Iraq // bad.eserver.org/reviews/2005/goggin.html – 2005.
59. Goodnight G. T. "Iraq is George Bush's Vietnam". Metaphors in Controversy: On Public Debate and Deliberative Analogy // www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/Iraq_and_Vietnam.doc – 2004.
60. Grady J., Taub S., Morgan S. Primitive and compound metaphors // Conceptual structure, discourse and language / Ed. A. Goldberg. – Stanford, CA: Center for the study of Language and Information, 1996.
61. Halverson C. M. Lifting the Dark Threat: The Impact of Metaphor in the War Against Terror // Journal of Undergraduate Research. – 2003. – Vol. 6.
62. Hansen A. D. Politics and metaphor – a discourse theoretical analyses. Paper to be presented at ECPR conference 2005, Granada. Draft version // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Hansen.pdf – 2005.
63. Hayden S. Family Metaphors and the Nation: Promoting a Politics of Care through the Million Mom March // Quarterly Journal of Speech. – 2003. – Vol. 89. – № 3.
64. Hellsten I. Door to Europe or outpost towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism // Journalism at the crossroads: perspectives on research / ed. J. Koivisto, E. Lauk. – Tartu: Tartu University Press, 1997.

65. Heradstveit D., Bonham G. M. Changes Iranian Images of How the Axis of Evil Metaphor the USA. Paper No. 655. – Oslo: Norsk Utenrikspolitisk Institutt, 2003.
66. Honohan I. Metaphors of Solidarity // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Honohan.pdf – 2005.
67. Howarth D., Griggs S. Metaphor, Catachresis and Equivalence: The Rhetoric of Freedom to Fly in the Struggle over Aviation Policy in the United Kingdom. Draft paper // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Howarth.pdf – 2005.
68. Howe N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse // Metaphor and Symbolic Activity. – 1988. – Vol. 3. – № 2.
69. Hulst M. J. van. The Heart of the Matter: Decision Making Caught in Metaphors // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vanhulst.pdf> – 2005.
70. Hülse R. Looking beneath the surface – invisible othering in the German discourse about Turkey's possible EU-accession. Paper presented at the Ionian Conference, Corfu, Greece, May 19-22, 2000 // www.lse.ac.uk/collections/EPIC/documents/ICHuelsse.pdf – 2000.
71. Hülse R. Metaphern der EU-Erweiterung als Konstruktionen europäischer Identität. – Baden-Baden: Nomos, 2003a.
72. Hülse R. Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern // Zeitschrift für internationale Beziehungen. – 2003b. – Vol. 10. – № 2.
73. Kelly-Holmes H., O'Regan V. "The spoilt children of Europe". German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland // Journal of Language and Politics. – 2004. – Vol. 3. – № 1.
74. Kennedy V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15. – № 4.
75. Laclau E. Why do Empty Signifiers Matter to Politics? // Emancipation(s) / Ed. E. Laclau. – London: Verso, 1996.
76. Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. – White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing, 2004.
77. Lakoff G. Metaphor and War, Again // www.alternet.org/story.html?StoryID=15414 – 2003b.
78. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // D.Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. – Honolulu, 1991.
79. Lakoff G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. – Chicago: University of Chicago Press, 1996.
80. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.
81. Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters. December 1999. P. 1-40 // www.frameworksinstitute.org/products/metaphoricalthought.pdf – 2001a.
82. Lakoff G. Metaphors of Terror // www.press.uchicago.edu/News/911lakoff.html – 2001b.
83. Lule J. War and its metaphors: news language and the prelude to war in Iraq, 2003 // Journalism Studies. – Vol. 5. – № 2. – 2004.
84. Luoma-aho M. "Arm" versus "pillar": The politics of metaphors of the Western European Union at the 1990-91 Intergovernmental Conference on Political Union // Journal of European Public Policy. – 2004. – Vol. 11. – № 1.
85. Luoma-aho M. Body of Europe and Malignant Nationalism: A Pathology of the Balkans in European Security Discourse // Geopolitics. – 2002. – Vol. 7. – № 3.
86. Malone C. The Sport of Politics // www.inthemix.org/shows/show_politics5.html – 2005.
87. Milliken J. L. Metaphors of Prestige and Reputation in American Foreign Policy and American Realism // Post-Realism: The Rhetorical Turn in International Relation. – East Lansing: Michigan State University Press, 1996.
88. Mottier V. Meaning, Identity, Power: Metaphors, Mini-Narratives and Foucauldian Discourse-Theory // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Mottier.pdf – 2005.
89. Musolff A. Cross-language metaphors: obstacles or pathways of international communication? Paper held at the conference: Language, the media and international communication, at St Catherine's College, Oxford, Sponsored by the Faculty of English, University of Oxford, 29 March – 1 April 2001 // www.dur.ac.uk/modern.languages/depts./german/Musolff/crosslang.doc – 2001a.
90. Musolff A. The Metaphorisation of European Politics: Movement on the Road to Europe // Attitudes towards Europe. Language in the Unification Process / Eds. A. Musolff, C. Good, P. Points, R. Wittlinger. – Aldershot: Ashgate, 2001b.
91. Musolff A. Metaphor and conceptual evolution // Metaphorik.de. – 2004a. – № 7.
92. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004b.
93. Musolff A. Metaphor scenarios in political discourse in Britain and Germany // Sinnformeln. Linguistische und soziologische Analysen von Leitbildern, Metaphern und anderen kollektiven Orientierungsmustern / Ed. S. Geideck, W. Liebert. – Berlin: W. de Gruyter, 2003.
94. Musolff A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. – Munich: iudicium, 2000a.
95. Musolff A. Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2000b. – Vol. 21. – № 3.
96. Musolff A. Promising to End a War = Language of Peace? The Rhetoric of Allied News Management in the Gulf War 1991 // Language and Peace / Ed. C. Schäffner, A.L. Wenden. – Aldershot: Dartmouth, 1995.

97. Oberlechner T., Mayer-Schönberger V. Through Their Own Words: Towards a New Understanding of Leadership through Metaphors // [www.ksgnotes1.harvard.edu/.../9bd08de6da05da6b85256c5b006f0987/\\$FILE/Leadership-1022.doc](http://www.ksgnotes1.harvard.edu/.../9bd08de6da05da6b85256c5b006f0987/$FILE/Leadership-1022.doc) – 2002.
98. Paris R. Kosovo and the Metaphor War // *Political Science Quarterly*. – 2002. – Vol. 117. – № 3.
99. Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // *Journal of Sociolinguistics*. – 2001. – Vol. 5. – № 3.
100. Ritchie D. "ARGUMENT IS WAR"- Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors // *Metaphor and Symbol*. – 2003a. – Vol. 18. – № 2.
101. Ritchie D. Categories and Similarities: A Note on Circularity // *Metaphor and Symbol*. – 2003b. – Vol. 18. – № 1.
102. Ritchie D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation // *Metaphor and Symbol*. – 2004a. – Vol. 19. – № 3.
103. Ritchie D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation // *Metaphor and Symbol*. – 2004b. – Vol. 19. – № 4.
104. Ringmar J. Metaphors of Social Order in Europe, China, and Japan // eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Ringmar.pdf – 2005.
105. Rohrer T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1995. – Vol. 10. – № 2.
106. Sandkcioglu E. More metaphorical warfare in the Gulf: Orientalist frames in news coverage // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / Ed. by A. Barcelona. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
107. Santa Ana O. *Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse*. – Austin, TX: University of Austin Press, 2002.
108. Schäffner C. Building a European House? Or at Two Speeds into a Dead End? Metaphors in the Debate on the United Europe // *Conceiving of Europe — Unity in Diversity* / Ed. A. Musolff, Ch. Schäffner, M. Townson. – Aldershot: Dartmouth Publishers, 1996.
109. Schäffner C. The 'Blance' Metaphor in Relation to Peace // *Language and Peace* / C. Schäffner, A. L. Wenden (eds). – Aldershot: Dartmouth, 1995.
110. Semino E. A sturdy baby or a derailing train? Metaphorical representations of the euro in British and Italian newspapers // *Text*. – 2002. – Vol. 22. – № 1.
111. Semino E., Masci M. Politics is football: metaphor in the discourse of Silvio Berlusconi in Italy // *Discourse and Society*. – 1996. – Vol. 7. – № 2.
112. Spellman B., Ullman J., Holyoak K. A Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War // *Journal of Social Issues*. – 1993. – Vol. 49.
113. Steen G. J. Identifying metaphor in language: a cognitive approach // *Style*. – 2002. – Vol. 36. – № 3.
114. Straehle C., Weiss G., Wodak R., Muntigl P., Sedlak M. Struggle as metaphor in European Union discourses on unemployment // *Discourse and Society*. – 1999. – Vol. 10. – № 4.
115. Stenvoll D. Metaphors in Sexual Politics // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Stenvoll.pdf – 2005.
116. Thornborrow J. Metaphors of security: A comparison of representations in defence discourse in post-cold-war France and Britain // *Discourse and Society*. – 1993. – Vol. 4. – № 1.
117. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1995. – Vol. 10. – № 3.
118. Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and Binding // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / Ed. A. Barcelona. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.
119. Underhill J.W. The Switch: Metaphorical Representation of the War in Iraq From September 2002 – May 2003 // *Metaphorik.de*. – 2003. – № 05.
120. Valk I. van der. Political Discourse on Ethnic Issues, a Comparison of the Right and the Extreme-Right in the Netherlands and France (1990-1997). Paper for the ECPR-conference, Grenoble, 6-11 April, 2001. P. 1-32 // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/grenoble/ws14/valk.pdf> – 2001.
121. Vertessen D., De Landsheer C. A Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vertessen.pdf – 2005.
122. Yanow D. Cognition Meets Action: Metaphors as Models of and Models for // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Yanow.pdf – 2005.
123. Walter J., Helmig J. Metaphors as Agents of Signification. Towards a Discursive Analyses of metaphors. ECPR Granada Workshop on Metaphors in Political Discourse. April 2005 // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Helmig.pdf – 2005.
124. Zinken J. Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse // *Discourse and Society*. – 2003. – Vol. 14. – № 4.
125. Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002.
126. Zinken J. Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2004a. – Vol. 25. – № 5/6.
127. Zinken J. Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin // *Metaphorik.de*. – 2004b. – № 07.

Данн Дж. А.

Глазго, Великобритания

Перевод Е. В. Шустровой

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИЗ ЯЗЫКА СОВЕТСКОГО ТИПА
В ЯЗЫК ЗАПАДНОГО ОБРАЗЦА**

УДК 811.161.1

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19; 10.02.20

Аннотация. Рассмотрены ведущие направления преобразований русского языка в конце XX века. Описаны, с одной стороны, процессы десоветизации русского языка, т.е. устранения таких языковых черт, которые появились под влиянием советской системы или были так или иначе с ней связаны; а с другой стороны – движение русского языка в сторону Запада (вестернизация), т.е. введение (а в некоторых случаях и возрождение) языковых черт, присущих языкам Западной Европы.

Ключевые слова: русский язык; советский язык; демократический дискурс; тоталитарный дискурс; вестернизация.

Сведения об авторе: Данн, Джон А.

Ученая степень, звание: доктор философии, профессор

Место работы: университет Глазго (Великобритания)

Должность: профессор

Контактная информация:

E-mail: J.Dunn@slavonic.arts.gla.ac.uk, johnanthony.dunn@fastwebnet.it

Сведения о переводчике: Шустрова, Елизавета Владимировна

Ученая степень, звание: доктор филологических наук, доцент

Место работы: Уральский государственный педагогический университет, кафедра перевода и переводоведения

Должность: доцент

Контактная информация: 624092, Свердловская обл., г. В-Пышма, ул. Победы, д. 2, кв. 19

E-mail: shustrovaev@mail.ru

Dunn J.A.

Glasgow, Great Britain

Translated by E. V. Shustrova

**THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN
FROM A LANGUAGE OF THE SOVIET TYPE
TO A LANGUAGE OF THE WESTERN TYPE**

Abstract. This paper offers a general characterisation of the principal direction in which Russian has developed at the end of the XX century. It is proposed that this development can be seen as a twofold process, consisting firstly of a de-Sovietisation of the Russian language, that is the removal of those linguistic features that owed their existence to or were otherwise associated with the Soviet system, and secondly of a westernisation of Russian, that is the introduction (or perhaps in some cases revival) of linguistic features found in the languages of Western Europe.

Key words: Russian language; Soviet language; democratic discourse; totalitarian discourse; westernisation.

About the author: Dunn, John A.

Academic degree, academic status: PhD in philosophy, professor

Place of employment: University of Glasgow (Great Britain).

Position: professor

About the translator: Shustrova, Elizaveta Vladimirovna

Academic degree, academic status: candidate of filological sciences, associate professor

Place of employment: Ural State Pedagogical University, chair of translation and theory of translate

Position: associate professor

1. Введение

Было бы странно, если бы те события, которые имели место в бывшем Советском Союзе в течение последних десяти лет или чуть более того, не наложили бы своего отпечатка на русский язык. В самом деле, приход *гласности* и *перестройки* во второй половине 1980-х, а затем быстрый распад советской системы как следствие провала путча в августе 1991 г. привели к значительным языковым изменениям. Присутствие последних наблюдается, в первую очередь, на уровне лексики, а также в определенных социолингвистических сферах, связанных с социальными установками по отношению как к уже сформировавшимся языковым особенностям, так и новым элементам языковой системы, которые появились в последние годы.

В рамках данной статьи невозможно представить подробный обзор всех тех изменений, которые произошли в системе русского языка

за последние десять лет. Мы ограничимся лишь тем, что опишем в общих чертах то ведущее направление, в котором шли процессы преобразований русского языка в этот период. С нашей точки зрения, процесс изменений имеет двойственную природу: с одной стороны, это десоветизация русского языка, т.е. устранение таких языковых черт, которые появились под влиянием советской системы или были так или иначе с ней связаны; с другой стороны, это движение русского языка в сторону Запада – вестернизация, т.е. введение (а в некоторых случаях и возрождение) языковых черт, присущих языкам Западной Европы. Сделаем две оговорки. Мы не имеем в виду, что любое изменение, затронувшее систему русского языка со времен распада советской системы, непременно укладывается в рамки процессов десоветизации и вестернизации. Мы также хотим предостеречь против слишком узкой трактовки вес-

тернизации, как процесса, заключающегося лишь в обширном заимствовании слов иностранного, главным образом, английского, происхождения, хотя мы не отрицаем важность и этой стороны.

Описание русского языка, как языка советского типа, в те годы его существования, которые предшествовали 1991 г., не ставит новых вопросов. Специфика языка советского типа была хорошо прослежена в целом ряде работ,¹ и мы не видим оснований углубляться в детали. Основная точка зрения такова: одновременно с так называемым «обычным, нормальным» языком существует специальный «политический» язык, иногда называемый *langue de bois* или *советский политический язык* (ср. названия работ в ссылке 1). Если искать исторические параллели, то различия между «обычным» и «политическим» языком напоминают различия между русским и церковно-славянским в Великом Московском княжестве, хотя нужно подчеркнуть, что эти процессы имеют качественно иную природу, и наша аналогия носит весьма ограниченный характер. Тем не менее, возможно, это хотя бы частично объясняет, почему в России была создана благодатная почва для развития советского «политического» языка.

2. Десоветизация

Несмотря на существенные изменения «политического» языка во времена перестройки,² его основные черты, видимо, оставались прежними вплоть до полного распада самой советской системы.³ Тем не менее после провала путча в августе 1991 г. отношения между «обычным» и «политическим» языком претерпели радикальные и практически незамедлительные изменения. Политический язык советского типа совершенно выпал из серьезного использования любого рода, даже в среде тех, кто, казалось бы, должен был оставаться лояльным к прежнему режиму. В получасовом обращении Коммунистической партии Российской Федерации к избирателям, которое транслировалось 7 декабря 1993 г., самой близкой имитацией языка советского типа был следующий фрагмент:

¹ См., например: Seriot P. Analyse du discours politique Soviétique. Institute d'études slaves. – Paris, 1985; id., 'Langue de bois, langue de l'autre et langue de soi. La quête du parler vrai en Europe socialiste dans les années 1980' Mots, 21, 1989. – Pp. 50-66; Thom F. La Langue de bois. – Julliard, Paris, 1987; Земцов И. Советский политический язык. Overseas Publications. – London, 1986; Белов В. Мифы советского языка. – Atmoda, 29 January 1990; Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX столетия. – Slavistische Beiträge, 317, Sagner, Munich, 1994. – Pp. 99-114.

² Отражено в названии книг, например Словарь перестройки, (Златоуст, Санкт-Петербург, 1992) и таких словах как «русскоязычный» (см. пример 62). См. также: Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). – Studia Slavica Upsalensia, 33, Uppsala, 1994.

³ Дуличенко, указ. соч., с. 113-17.

(1) В то же время, сегодня, когда беловежский съезд разрушил нашу государственность, наше братство тысячелетнее . . .

Но даже здесь фраза «наше братство» дополнена прилагательным «тысячелетнее» – сочетание, которое нехарактерно для советской эпохи. Другой более яркий пример взят из газеты «Советская Россия»:

(2) Единственным стратегическим направлением могло стать только **разложение советской системы изнутри, начиная с верхушки общества, с головы**. Эту стратегию приняли США и НАТО. Политика состояла в расширении «контактов», оказании «помощи» всем соцстранам в массовой пропаганде западного образа жизни, капитализма (А. Тилль, «Свободу» можно теперь переименовать в «Останкино-2», Советская Россия, 22 декабря 1994 г.; жирный шрифт оригинала сохранен).

В этом примере использование таких слов и словосочетаний, как «соцстранам» и «разложение советской системы», а также кавычек для слов «контактов» и «помощи» создает нечто, напоминающее советский тип политической аргументации.

Такие примеры – исключение из уже начавшей складываться практики. Обычно выбираются иные дискурсивные формы даже в таких контекстах, где можно предположить присутствие просоветского политического языка. Например, в обращении Коммунистической партии (см. выше), роль Г. А. Зюганова определяется не в традиционных советских терминах; вместо них и в основном тексте обращения, и в его первых вступительных фразах появляется сочетание «лидер Коммунистической партии Российской Федерации»

Следующий пример взят из статьи, цитируемой в примере 2.

(3) **Перелом в «холодной войне»** намечался при Брежнев. Один из авторов его гениальных речей, принудительно изучавшихся нами в сети «политпросвещения», писал (естественно после смерти хозяина) . . . (жирный шрифт оригинала сохранен).

Здесь прагматическая сила прилагательного «гениальный» намеренно уменьшена словами «принудительно» и «хозяин». Особенно поражает использование религиозных выражений в следующем примере:

(4) Дорогая газета, ныне, присно и во веки веков, будь светочем для народа, что так тянется к тебе. Слава тебе в том, что сплотила единомыслием, единочувствием не только свой коллектив. Слава твоим державным апостолам. Апостолам Веры и Добра (Советская Россия, 8 августа 1992 г.).

Сказанное вовсе не означает, что клише советского политического языка канули в лету. Но там, где они по-прежнему появляются, обычно присутствует определенная доля иронии.

(5) Ради выступления на Съезде Сажи Умалатова пожертвовала своим приездом в Симбирск: эта деятельница бывшего союзного парламента намеревалась отмечать в этом городе день рождения создателя первого в мире социалистического государства (Новости, Останкино-TV, 20 апреля 1992 г.).

(6) «Дружбы народов надежным оплотом» станет, похоже, Съезд, ... (ibid.)

(7) Да чего там – всюду, где бьются нещадно во здравие этого, едрен его в корень, рынка, а себе покуда в убыток пролетарии, в том ряду и умственного труда (В. Уланов, Ворошилову и Ворошиловским стрелкам, Семь дней, № 26, 1992 г.).

(8) Для нас с вами «Динамо» и СКА (Санкт-Петербург) не в счет. Ибо, помните, «моя милиция меня бережет» и «непобедимая и легендарная» всегда с народом, а значит, и с хоккейным болельщиком (П. Верник, Господи, помоги заболеть, Семь дней, № 13, 1993 г.).

(9) Всё, отгусовались, товарищи тинэйджеры – 18-летки (В. Лукьянова, Господи, помоги заболеть. Московский комсомолец, 9 ноября 1993 г.).

(10) – Чего вы базарите? Только коммунисты избавят нас от этого бардака, – вмешался мужчина в кепке, чем-то напомнивший вождя мирового пролетариата (Л. Винникова, Про Думу гадаю..., Аргументы и факты, № 49, 1993 г.).

(11) КТО БЫЛ НИЧЕМ — ТОТ СТАНЕТ ХУ (Заголовок, Московский комсомолец, 11 декабря 1993 г.).

(12) Ленин и теперь живет всех живых (Взгляд, ОРТ, 2 июня 1995 г.; о статуе Ленина, которая выстояла во время землетрясения на Сахалине).

Такие примеры – часть значительно более крупного феномена игры слов, который будет обсуждаться ниже (см. раздел 4).⁴

Можно заметить, что исчезновение советского политического языка не привело к исчезновению советского административного или бюрократического языка, примеры которого можно встретить даже в крайне неожиданных контекстах (см. № 13, 15).

(13) Возможно, какое-то решение будет принято на заседании Священного синода, предположительно намеченного на середину февраля – в повестке дня кадровые проблемы (М. Франков, Загадки священного синода, Московские новости, № 6, 1992 г.).

(14) Процедура оформления требует «легализации» покупки, т.е. выдачи таможенного удостоверения,

дающего основание поставить импортное средство передвижения на учет в ГАИ (Б. Виноградов, Иномарка проходит таможенную, Известия, 22 июля 1992 г.).

(15) Кроме внутренних психологических факторов, соблюдения постов и заповедей Христовых, кандидату в иноки необходимо иметь святое крещение и своего духовника (духовного наставника, которому он исповедовался в течение нескольких лет). Получив рекомендацию от духовного наставника, необходимо пройти собеседование с наместником избранного монастыря. Если желание человека действительно искреннее, то состоится посвящение его в монахи (Аргументы и факты, № 44, 1993 г.).

(16) Но прежде, чем сделать оргвыводы, необходимо разобраться в том, что случилось и как произошла эта трагедия, сказал Президент (Новости, ОРТЮ, 18 июня 1995 г.).

Вероятно, не столь удивительно встретить советизм «сделать оргвыводы» в речи президента Ельцина (занятный эвфемизм, означавший «увольнять»). Но фразы «кадровые проблемы» и «необходимо пройти собеседование» по отношению к повестке дня Священного синода и таинству принятия пострига свидетельствуют не только о глубине проникновения советского административного языка во все сферы жизни, но и о трудностях подбора адекватной замены.

3. Вестернизация: новые темы

Вестернизация России гораздо более сложный процесс, чем десоветизация, но в его структуре можно выделить две составляющие. С одной стороны, это адаптация русского языка. Ее цель – создание возможности обсуждать такие темы, которые были исключены из советского общественного дискурса или на которые можно было говорить исключительно в формулах советского политического языка. С другой стороны, это широкое использование различных стилистических приемов и языковых средств, которые не приветствовались в советскую эпоху.

Говоря о первой составляющей, сейчас было бы трудно дать полный перечень всех тем, которые появились в общественном дискурсе или на которые радикально поменялся взгляд, начиная со времен крушения советской системы. Тем не менее особое место занимают темы современной капиталистической экономики, многопартийной и парламентской политической системы, а также различные сферы социальной жизни, включая, в первую очередь, секс и насилие. Во всех этих сферах самой заметной формой вестернизации становится приток новой лексики, заимствованной из английского. Приведем ряд примеров:

(17) Бум на рынке ваучеров в Москве (С. Скартерщиков, А. Жмаров, Портрет инвестора, Коммерсант, № 2, 1993 г.).

⁴ См. также: Русский кепк // Независимая газета. – 22 марта 1994; Данн Дж. От Советского блока к постсоветскому // Русистика-13. – 1996. – С. 8-9.

(18) В результате срок возврата кредита был пролонгирован до 1 декабря 1993 г., ... (Новая ежедневная газета, 22 марта 1994 г.).

(19) Я хочу создать оффшорную зону – зону льготного налогообложения (Московский комсомолец, 17 апреля 1993 г.; из интервью с Кирсаном Илюмжиновым – президентом Калмыкии).

(20) Конкурс или тендер менеджер будет проводить в соответствии с принятой на сезон моделью канала, причем в два этапа: сначала на сценарий, потом – задание на пилот-программу (М. Денисова, Хочешь на экран – жди, когда позовут, Известия, 26 мая 1995 г.).

(21) Может быть поэтому у спикера Руслана Хазбулатова испортилось настроение ... (Новости, ТВ-Останкино, 20 апреля 1992 г.).

(22) ... а вот Атаман Войска донского, произнося с кремлевской трибуны пламенный спич, так и оставался в огромной, черной, мохнатой папаче (Ibid.).

(23) Создана комиссия по подготовке торжественной инаугурации (введению в должность) президента (Интервью с Кирсаном Илюмжиновым, Аргументы и факты, № 15, 1993 г.).

(24) ПАРЛАМЕНТ ДОДЕЛЫВАЕТ РАБОТУ КИЛЛЕРОВ (Заголовок, Известия-ТВ, 26 мая 1995 г.).

(25) 17 августа он приступил к съемкам фильма «Венера в мехах» и, по слухам, уже испытал первую флагелляцию (М. Золотоносов, Наш современник, Московские новости, № 5, 1993 г.).

(26) Это оргазм – представляете, сорок пять минут оргазма (Интервью с Матвеем Ганопольским, Московские новости, № 6, 1993 г.).

(27) Но, пораженные шагом Клинтона, американские геи и лесбиянки преподнесли на его предвыборную кампанию три с половиной миллиона долларов (До и после, ОРТ, 19 февраля 1996 г.).

Западное влияние не ограничивается только прямыми заимствованиями. Появляется огромное число калек, которые происходят как от отдельных слов, так и от устойчивых сочетаний, причем последние преобладают.

(28) Происходит западнизация страны (С. Говорухин, Великая криминальная революция, Андреевский флаг, Москва, 1994 г., с. 57; ср. англ. *westernisation*).

(29) Телесуфлером управляют ... (интервью с Сергеем Возяновым, Литературная газета, 1995, № 14.; ср. англ. *teleprompter*).

(30) На торгах РТСБ с начала недели объем продаж приватизационных чеков рос, подобно снежному кому. ... Впрочем, к концу недели перегретый рынок ваучеров был слегка остужен снижением курса почти на 200 руб. (С. Скатерщиков, А. Жмаров, Портфель инвестора. Коммерсант, № 2, 1993; ср. англ. *to snowball, the market was overheated*; использование слова «портфель» применительно к инвестору тоже влияние английского языка).

(31) Мы будем предлагать пакетные сделки (Интервью с Ириной Лесневской, Московские новости, 1995, № 19; ср. англ. *package deals*).

(32) У НАС ЕСТЬ ОСНОВАНИЯ БОЯТЬСЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (Заголовок, Известия, 4 марта 1995 г.; ср. англ. *police state* и нем. *Polizeistaat*).

(33) Мне кажется, что сексуальная революция произойдет у нас только тогда, когда сексуальные меньшинства будут иметь такие же моральные, равные права, как и другие люди (Мы, ОРТ, 4 марта 1996 г.; ср. англ. *sexual revolution, sexual minorities*).

(34) бесплатных ланчей, естественно, не бывает – (Предстоящие выборы: сколько будет стоить победа? Известия, 3 ноября 1993 г.; ср. англ. *there's no such thing as a free lunch*).

(35) Мне с первой же «Просто Марии» показалось, что мыльная опера на нашем домашнем экране – идеологическая диверсия (В. Новодворская, На сопках Останкино, Огонек, 1994 г., № 48-49; ср. англ. *soap opera*).

(36) Канадский бар. Счастливые часы с 6 до 8 вечера. Лучшие «крылышки буфало» в Москве (Капитал, № 68, 22-28 май 1996 г.; ср. англ. *happy hour(s)*).

Следует отметить, что западное влияние не ограничивается исключительно лексикой. Оно распространяется на синтаксис, морфологию, даже интонационные средства.

(37) во-вторых, политически это противоборство контрпродуктивно (Предстоящие выборы: сколько будет стоить победа? Известия, 3 ноября 1993 г.; постановка в начало наречия «политически» очень напоминает английскую конструкцию).

(38) Активный вынос литературного персонажа в жизнь очень русский; литературные герои породили кучу последователей (Виктор Ерофеев, Русские цветы зла, Московские новости, 1993 г., № 26; использование наречия степени перед прилагательным, обозначающим национальность, характерно для английского языка, для русского – нет).

(39) Решив пожениться по любви, вы часто плюете и на согласие родителей, и на нормы вашего круга, и на, простите за прозу, вопрос о деньгах-носках-магазине (Елена Алексина, Уж замуж невтерпех, Московский комсомолец, 17 сентября 1993 г.; отделение предлога от ряда существительных, связанных с ним по смыслу, вероятно, можно отнести к влиянию английского языка, где такие конструкции очень частотны).

(40) Как известно, у нынешнего турнира есть теперь титульный спонсор – компания Stimorol, а полное и официальное название звучит так: «Stimorol Чемпионат России» (А. Петров, «Динамо» начинает с победы, Известия, 4 апреля 1995 г.; ср. англ. сочетания типа *F.A. Carling Premiership*).

(41) Только политгулагов нет, а так ничего не переменялось (Татьяна Иванова, Ума холодных блюдений, Книжное обозрение, 1994 г., № 22; в английском термин *gulag* может использоваться в зна-

чении «отдельный лагерь, один из ряда лагерей», поэтому ему присуще использование во множественном числе).

(42) Западнический дух пропитал ТВ настолько, что даже интонация дикторов какая-то чужая. Вроде бы по-русски говорят, а акцент на английский смахивает (Светлана Шипунова, Несоветское телевидение. Советская Россия, 19 мая 1994 г.).⁵

Пример 40 требует особого внимания, поскольку такое использование существительного в качестве определителя, находящегося в позиции по отношению к другому существительному, может считаться одной из самых частотных инноваций последних лет. Конструкции такого типа уже получили определенную долю научного интереса.⁶ Эти конструкции (не всегда можно точно определить, являются ли они сложными словами или словосочетаниями) особенно широко применяются в названиях телевизионных программ. Данные примеры были взяты из *TV Park*, 1996 г., № 22: *Лидер-прогноз, Экспресс-камера, Чай-клуб, ДИСК-канал, Клип-антракт, Рок-урок, Дизайн-ревью*. Особенно популярны названия с элементом *–шоу*, начиная с 1991 г. появились *Александр-шоу, Джентльмен-шоу, Дог-шоу, Маски-шоу, «Оба-на-угол»-шоу, Шок-шоу*.

Пример 40 иллюстрирует еще один аспект вестернизации русского языка, а именно отдельные случаи применения латиницы. В данном контексте латиницей написано название торговой марки *Stimorol*. Именно такое использование и становится наиболее частотным. Вероятно, главная причина кроется в том, что зарубежные компании хотят, чтобы названия их торговых марок появлялись в международной-принятой, привычной форме. В то же время, верно и то, что некоторые иностранные названия выглядят очень странно в русской транслитерации, например Дэу (Daewoo) или Джей ви си (JVC). Наконец, латиница подчеркивает зарубежное происхождение продукта и одновременно его предполагаемое высокое качество. Однако использование латиницы не ограничивается только рамками названий торговых марок. Это хорошо видно из следующих примеров.

(43) Точнее, новая компания собирается заниматься хорошо известным во всем мире бизнесом – home shopping [sic], или продажей товаров с доставкой на дом (Михаил Леонтьев, Президент как инструмент неравной конкуренции, Сегодня Ю, 28 февраля 1995 г.).

⁵ См. Еще: Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – С. 207; Дуличенко, *op. cit.*, с. 311-12.

⁶ Костомаров, *op. cit.*, с. 201; Курохтина Г. Новые слова и значения в современном русском языке // Русистика-13. – 1996. – С. 24-25.

(44) Prime-time остается за программами телекомпаний ВИД – это решение не требовало специальных исследований (Наталья Осипова, Октябрьская революция на первом канале, Коммерсант-Daily, 23 сентября 1995 г.).

Обратите внимание, что вторая часть названия газеты, из которой взят пример 44, тоже написана латиницей.

Приняв во внимание все подобные случаи, становится понятным, почему вестернизация русского языка привлекает большое внимание и становится предметом критики, в частности в прессе.⁷ И все же мы бы упростили реальное положение вещей, сказав, что расширение вокабуляра русского языка в постсоветский период происходит исключительно за счет заимствований из английского и других языков Западной Европы.⁸ Частью адаптации к новой постсоветской жизни стало и новое, приближенное к реальности использование средств русского языка.

И капитализм, и парламентская форма правления уже были в истории дореволюционной России, поэтому в русском языке возобновляется использование терминов того времени, правда, довольно ограниченно. Наиболее заметными становятся «биржа» и «Дума». Одновременно с этим, несмотря на появление газеты *Коммерсантъ* (причем название дано в дореволюционной орфографии), в большинстве случаев предпочтение отдается слову «бизнесмен», а «дилер» или «брокер» вытесняют слово «маклер». Любопытно отметить возобновление использования дореволюционного термина «высшие женские курсы» по отношению к определенному виду курсов, организованных одним из новых российских университетов⁹

Тем не менее превалируют все же слова, напоминающие неологизмы, или настоящие неологизмы, которые, скорее всего, не имеют никакого отношения к непосредственному

⁷ Например, Володин Э. Словарь перевернутого времени // Советская Россия. – 12 сентября 1992; уже цитированная статья А. Тилля (пример 2), а также: В защиту родного слова // Москва. – № 8. – 1994. – С. 145-53. Научная аргументация той же позиции (защита чистоты русского языка) представлена в работе Дуличенко А. Д., *op. cit.*, *passim*, pp. 315.

⁸ Без сомнения, английский язык по праву считается основным источником вестернизации. Тем не менее это не единственный канал зарубежного влияния. Например, реорганизация органов Московского городского управления привела к появлению слов: мэр, мэрия, префект, округ. Первое из них было заимствовано либо из английского, либо из французского, а вот второе и третье совершенно определено – результат влияния французского языка, четвертое скорее всего появилось как калька от французского *arrondissement*, хотя слово «округ» и использовалось раньше в советском дискурсе, правда, в несколько ином значении.

⁹ Из интервью с профессором Галиной Белой из Российского государственного гуманитарного университета: «Не уступая Оксфорду» // Московские новости. – № 6. – 1992; здесь не было и намека на то, что студентки этого университета не смогут пройти обычный курс обучения.

влиянию Запада. Фраза «мягкое рейтинговое голосование»¹⁰ была создана, чтобы обозначить процедуру, которая имело место в декабре 1992 г. Это означало, что Президиум Верховного Совета должен был составить список из шести кандидатов на пост премьер-министра в порядке их предпочтительности. На английский такую фразу лучше переводить как «beauty contest» (конкурс красоты). Такое образование можно считать окказионализмом, но ряд других уже достаточно прочно вошел в язык. Среди последних особое место занимают термины «ближнее/дальнее зарубежье», для перевода которых в английском появились кальки «near/far abroad». Многие новообразования построены при помощи префиксации и суффиксации, что характерно для русского языка, например, *обналичивать, самовывоз, предоплата, оттусоваться, эсенговый, совок, совковый*.

Последняя, достаточно сложная для анализа категория состоит из таких слов, которые напоминают английские заимствования, но которые на самом деле лучше отнести к группе русских новообразований (хотя и созданных из иноязычных элементов), поскольку в английском такие слова либо вообще не используются, либо имеют иное значение. В эту группу следует включить «арт-бизнес», «шоп-тур» или «шопинг-тур»¹¹, «шоу-мэн» и «шоу-вумен» (два последние сочетания лучше переводить на английский как *the presenter of a light-entertainment programme on television*; слово *showman* существует в английском языке, но употребляется в другом значении (Прим. переводчика: *showman* – *хозяин или директор цирка, зверинца, балагана; специалист по организации публичных развлечений, постановщик; человек, обладающий чувством сцены, имеющий чутье на эффекты*); формы для обозначения лица женского пола нет вообще).

Трудно не согласиться с тем, что в том объеме новых слов и выражений, которыми пополнился русский язык со времен развала советской системы, первое место занимают не кальки и неологизмы. Конечно, главенствующую роль играют прямые заимствования. Но именно присутствие калек и неологизмов помогает подать роль влияния прямых заимствований в другом ракурсе. Без сомнения, те формы,

которые родились при помощи собственно русских средств, не отражают так явно процесс вестернизации, и, конечно, многие из примеров, приведенных выше, связаны только с русскими реалиями. Возникает вопрос: если в таких условиях русский язык имеет достаточно средств для отражения новой действительности, то, может быть, использование заимствований продиктовано чем-то большим, чем просто каприз или веяние моды?

В некоторых случаях совершенно ясно, что заимствования используются специально, для того, чтобы избежать употребления слов, вызывающих нежелательные советские коннотации. Это относится к словам «спикер» и «парламент», заместившим советские эквиваленты, по крайней мере к тому времени их использования, которое предшествовало роспуску Верховного Совета СССР и Президиума Верховного Совета. Еще одно преимущество заимствований – это их краткость. Именно этим можно объяснить сохранение слов «спикер» и «парламент» и после создания новой русской системы правления в декабре 1993 г., хотя у слова «парламент» есть еще одно преимущество – от него легко образовать дериваты «парламентский» и «парламентарий».

В других случаях появление заимствований может быть отнесено за счет того, что либо само означаемое явление, либо связанная с ним система ассоциаций появились в русской действительности только после падения советской системы. Например, трудно представить, как можно передать исконными средствами русского языка такую реалию, как «эксклюзивное интервью». Имидж политика совсем не одно и то же что его образ или облик.¹² Далеко не каждый убийца – это киллер (хотя изначально слово «убийца» близко по значению к английскому *a contract killer*), а слово «закупки» звучит так побудничному по сравнению с экзотическим и ласкающим слух словом «шопинг». В этих случаях вестернизация русского языка – это следствие вестернизации русской жизни. Бесспорно, этот процесс обогащает язык, поскольку так создаются новые оттенки значения, новые коннотации, как, например, в трех последних случаях. Поскольку слово заимствуется только в одном из своих значений, присущих ему в системе английского языка, и с очень ограниченным кругом коннотаций, это приводит к тому, что в системе принимающего языка развивается новый ряд семантических отличий, которые в английском языке можно передать только путем парафразы.

¹⁰ «Рейтинг» – это заимствование, которое вполне ассимилировалось в системе русского языка. Вероятно, впервые оно появилось в контекстах, связанных с рейтингом шахматистов. В последние годы оно расширило сферу своего употребления до контекстов, связанных с опросом общественного мнения. Прилагательное «рейтинговый» может также употребляться в значении «получивший высокую оценку, имеющий высокий рейтинг», например, по отношению к телевизионной программе, пользующейся успехом у зрительской аудитории.

¹¹ Шоп и шопинг без сомнения английские заимствования, хотя их потенциальная семантика отличается в русском языке. Автор данной статьи встречался с предположением, что шоп(инг)-тур мог проникнуть через французский или немецкий.

¹² Вопрос о том, есть ли у слова «имидж» адекватный русский аналог, обсуждался в см., например, Костомаров В., *op. cit.*, pp. 81-2, и телепрограмму «Пресс-клуб» (ОРТ, 15 ноября 1995). Определение дано в: Граудина Л. К. и Ширяев Е. Н. *Культура парламентской речи*. – Москва, 1994. С. 21-13, подчеркивается, что слово «имидж» имеет в своем составе сему «целенаправленно создаваемый»).

В то же время трудно свести причины появления всех заимствований последних лет лишь к нашему последнему объяснению, так же как и бессмысленно отрицать, что в настоящее время наблюдается своего рода мода на использование слов иностранного, особенно английского, происхождения. Это напоминает моду на иностранные слова во времена Петра Великого. Андрей Столяров, ведущий программы «Новый понедельник», которая вышла 25 октября 1993 г., использовал термин «хэдинг» применительно к отдельным частям программы. Корреспондент, ответственный за выход каждой части, назывался «шеф-мейкер» – термин из ряда новообразований типа «шоу-румен» и «шоп-тур». Трудно объяснить и что меняется от использования глагола «продуцировать» в следующем контексте:

(45) Внутри этих войск каждый Божий день творится нечто несусветное. Львиная доля армейской преступности приходится на них. Мало этого, они еще продуцируют маньяков и убийц, которые начинают крушить население, нагоняя страх на общество (М. Гантварг, Дезертиры-палачи, Криминальная хроника, 1994 г., №5).

4. Вестернизация: стилистическая либерализация

Второй аспект вестернизации русского языка состоит в появлении стилистических изменений, которые, возможно, и нельзя считать результатом прямого влияния Запада, но которые приблизили русский язык, особенно язык прессы, к западноевропейским языкам. Одно из таких изменений связано со стилистической эмансипацией языка. Во времена Советской власти язык средств массовой информации подвергался достаточно жестким стилистическим ограничениям. Одной из задач различных органов контроля и цензуры, через которые неизбежно проходила любая рукопись, прежде чем она попадала в печать, было устранение не только просторечных оборотов и жаргонизмов, но и лексики религиозного или архаичного характера, а также соответствующих грамматических форм.

Исчезновение этой системы цензуры привело к появлению практически всех тех стилей, которые прежде были под запретом. В эту группу попадают и разные виды жаргона, включая молодежный сленг и воровское аргю.

(46) Всякий тюремный вор находится в состоянии войны с ментами (В. Еремин, Крытая, Неделя, 1992 г., № 16).

(47) Пока сухарь действует, пока его не разоблачит какой-нибудь этапник, пока в ответ на запрос не придут авторитетные малявки (тюремные письма) с сообщением, что такого среди настоящих воров нет, ... (Ibid.).

Примеры, приведенные выше, взяты из статьи о реалиях тюремного заключения, которая была опубликована в самой обычной «семейной» газете. Вероятно, этим объясняется, почему многие из жаргонизмов сопровождаются пояснениями, хотя в то же время такие слова, как «мент», предположительно известны читателю. Другие примеры таких хорошо известных читателю жаргонизмов включают слова «шестерка», «клевый» и «тусовка».

(48) Но Вы, производящий впечатление порядочного человека, как можете так опускаться, становясь безропотным и услужливым «свадебным генералом», если не сказать круче – «шестеркой» у этих нравственных ничтожеств? (А. Рябинин, Ну и вид у Вас!, День, № 13, 1992 г.).

(49) Клевая музыкальная тусовка (И. Филькина, Та еще экзотика, Семь дней, 1992 г., № 36).

Некоторые из этих слов изменили свой статус, перестали быть жаргонизмами и перешли в разряд общеупотребительной лексики. Самыми яркими примерами таких изменений можно считать повсеместно встречающиеся сейчас «тусовка» (а также производный глагол «тусоваться») и «беспредел».

В ряде случаев снятие стилистических ограничений приводит к появлению так называемого *мата* в прессе. Так, например, журнал «Собеседник» приурочил к Дню Первого апреля специальное приложение «Мать», которое вышло вместе с двенадцатым номером этого журнала за 1995 г. Лучшее всего характеризует эту так называемую «первую русскую нецензурную газету» девиз, помещенный прямо над ее заглавием:

(50) Давно пора, ебена мать, умом Россию понимать.

Это один из отдельных примеров использования мата, хотя иногда такие случаи бывают и в более серьезной прессе.

(51) Генетически близкий деревенской прозе, Попов ушел от нее, фактически поменяв лишь букву: деревенские чудачки превратились в *мудаков*. Матерное понятие приобрело метафизическое измерение (Виктор Ерофеев, Русские цветы зла, Московские новости, 1993 г., № 26).

Несмотря на такие случаи, все-таки чаще используются более или менее прозрачные эвфемизмы, как это обычно делается и в западной прессе.

(52) – Перестройка, еж твою медь (С. Каледин, Стройбат и цензура, Московский комсомолец, 1992 г., № 23).

(53) Повестушка-то, извиняюсь, с гулькин хрен (Ibid.).

Последний пример можно сравнить со следующим, приведенным ниже контекстом, в котором анатомические связи, конечно, выстроены более правильно, но языковая сторона становится менее яркой.

(54) Не торгуясь, отвалил трояк (учтите, что нам, «продавцам», отпустили экземпляр по два с полтиной, значит, навар с гулькин нос) (В. Васихин, Как я продавал «Семь дней», Семь дней, 1992 г., № 9).

Следующий пример, благодаря многоточию и предполагаемой рифме с «ликуй», становится более прозрачным:

(55) Народ, возрадуйся, ликуй!
От счастья ты теперь на волос,
Ты раньше видел Гулькин ... нос,
А нынче слышишь Гулькин голос! (День, № 2, 1992 г.).¹³

Другой экстремальной формой проявления стилистической либерализации становится неоправданно частное использование церковно-славянских и иных архаичных оборотов и грамматических форм. Примеры подобного неожиданного использования церковно-славянского во вполне светских контекстах включают глагол «лобызаться» (см. пример 56) и форму «всея», которая неоправданно образована от высшего церковного титула «Патриарх» (см. пример 57).

(56) Под руководством выпускающего редактора Ларисы Львовны Зениной состряпан сюжетик про то, как хорошо было бы нашим ищущим любви пониманию малолеткам и гражданам постарше, вместо того, чтобы встречаться на морозе или лобызаться на ступеньках эскалатора, пользоваться по доступной цене частным сектором (Г. Кантемир, «Утро» на панели, День, № 13, 1992 г.).

(57) ... В подземном переходе от «Пушкинской» к кормильцу всея Москвы «Макдональдсу» ... (В. Васихин, Как я продавал «Семь дней», Семь дней, 1992 г., № 9).

Выше был приведен другой случай такого использования церковно-славянских и архаичных лексики и форм (см. пример 4), а именно некто выражает свои похвалы в адрес газеты «Советская Россия» в форме молитвы.¹⁴

Другой стилистический прием, который очень часто применяется в западной прессе и который получил широкое распространение в постсоветской России, это использование раз-

личных видов игры слов, особенно каламбуров и аллюзий. Примеры 5–12 содержат разнообразные примеры ироничного использования советского политического языка и прекрасно иллюстрируют эту тенденцию. Особенно это относится к примеру 6, где практически цитируется советский государственный гимн, примеру 11, построенному на знаменитой строчке поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», и примеру 9, в котором совмещены аллюзии и на текст «Интернационала», и на знаменитую фразу М. С. Горбачева на пресс-конференции после его возвращения в Москву в августе 1991 г.

Аллюзии в прессе строятся не только на советских политических лозунгах и изречениях, но и на хорошо запомнившихся фразах постсоветской реальности, например, рекламных слоганах.

(58) Ким Бесинджер + Алек Болдуин = сладкая парочка (Заголовок, Женские дела, 1994 г., № 5; «сладкая парочка» – это рекламная фраза кампании *Twix chocolates*)

Различные примеры игры слов присутствовали в заголовках статей газеты «Московский Комсомолец», посвященных результатам выборов в декабре 1993 г.

(59) Не успели избавиться от X., как оказались в ж. (14 December 1993 г.).¹⁵

(60) Вервольфовичи идут на прорыв (21 December 1993 г.).

Этот вид языковой игры не ограничивается только одной политической линией. Так, первый выпуск «Газеты Духовной оппозиции» (полуполегалная версия газеты «День», которая появилась после того, как последнюю запретили в сентябре 1993 г.) вышел в свет со следующим заголовком статьи, посвященной разбору граффити о Президенте Российской Федерации:

(61) ЧТО О БОРЕ НА ЗАБОРЕ

Пример 55, который является не чем иным, как эпиграммой на певицу Наталью Гулькину, свидетельствует о том, что далеко не все каламбуры выстраиваются в политическом ключе.

Последняя составляющая процесса вестернизации, которую мы рассмотрим в данной статье, это политическая корректность. Определенную долю удивления вызывает то, что этот феномен, в том виде, как его принято понимать на Западе, довольно долго добирался до России. Автор данной статьи не встречал в российском дискурсе термина «политкоррект-

¹³ Это не новый прием. Подобная рифмовка встречается в стихотворении А. Зиновьева «Гимн члену» (см. роман «Зияющие высоты»).

¹⁴ О вопросе использования церковно-славянских и архаичных элементов в постсоветском российском дискурсе см.: Дани Дж. Церковнославянские элементы в языке средств массовой информации // *Slavica Quinqueecclesiensia*. – I. – Pécs. – 1995. – Pp. 127-136.

¹⁵ Намек на политиков Р. Хасбулатова и В. В. Жириновского.

ность» до 1996 г. Тем не менее, если политкорректность понимается как временами искусственное введение или, напротив, уход от определенных языковых форм, направленные на смягчение таких контекстов, которые могут задеть чувства какой-то определенной социальной группы, то, без сомнения, это явление присутствует в дискурсе постсоветской России. Как, вероятно, можно было предположить, это проявляется в связи с вопросом национальной принадлежности. Одна из самых ярких примет русской политкорректности отражена в орфографии ряда географических названий, которые были заимствованы в русский язык. В целом ряде случаев российские средства массовой информации, хотя и не до конца последовательно, но все же ввели новое написание, приближенное к той форме, которая характерна для слова в языке-источнике. Примеры включают такие названия, как Таллинн (ср. ранее: Таллин), Ашгабат (ср. ранее: Ашхабад), Алматы (ср. ранее: Алма-ата). В ряде случаев это затронуло не только орфографию (ср., например, Башкортостан (Башкирия), Хальмг Тангч (Калмыкия). Одной из неотъемлемых черт политической корректности стал и ее дискуссионный характер. Поэтому все приведенные выше примеры получили свою долю полемики.¹⁶ В июне 1995 г. Правительством Российской Федерации было официально рекомендовано придерживаться традиционной русской орфографии.¹⁷

Другой вид примеров политической корректности сводится к следующему: говорящий намеренно подчеркивает ту «политически корректную» форму, которая, по его мнению, придает речи искусственность (ср., например, «русскоязычный» и «в Украину»).

(62) Вот тут-то и вся хитрость: ведь учителей эстонского даже в лучшие времена не хватало, а кооперативные курсы при нынешних ценах не доступны подавляющему большинству русского, или, как теперь говорят на перестроечном жаргоне, русскоязычного населения (Новости, Останкино TV, 4 марта 1992 г.).

(63) Скажите, вы возвращаетесь в Киев, на Украину, в Украину, как, если точно говорить как полагается? (Бомонд, Останкино TV, 18 января 1994 г.; Слова Матвея Ганопольского были адресованы президенту Украины Леониду Кравчуку).

В связи с последним примером интересно отметить, что ведущие программы новостей на ОРТ говорят «на Украине», а корреспонденты

украинского бюро предпочитают форму «в Украине».

Вероятно следует отметить и то, что пока в российском дискурсе не наблюдается примеров политкорректного речевого поведения в вопросах, связанных с полом (в данном случае имеется в виду биологический пол, а не грамматическая категория). Напротив, и яркий тому пример воскрешение забытого сочетания «высшие женские курсы», в российском дискурсе по-прежнему возможно появление форм, которые идут вразрез со всеми нормами политкорректности. Остается только наблюдать, будут ли иметь место какие-либо изменения и в этой сфере, как под влиянием Запада, так и под влиянием той все возрастающей роли, которую играют женщины в российской общественной жизни.

5. Заключение

Завершая обзор, отметим, что та языковая изолированность, которая была отличительной чертой русского языка советского периода, и те языковые элементы, которые придавали русскому языку советский характер, исчезли почти одновременно с падением советского режима. Чтобы заполнить эту лауну, носители русского языка были вынуждены заимствовать или создать новую терминосистему, которая обусловлена экономическими, политическими и социальными условиями современного общества западного типа. В то же время в русский язык мгновенно попали различные стилистические приемы современных западных языков, включая каламбур, игру слов, аллюзию, и даже языковые приемы политической корректности. Особенно это касается прессы. В этом смысле мы можем говорить о том, что русский язык изменился, перейдя из разряда языков советского типа в разряд языков западного типа.

Сказанное ни в коей мере не означает, что русский язык будет полностью имитировать языки Запада. В некотором смысле к русскому языку лучше применять термин «постсоветский», поскольку и история развития русского языка, и история самой России привели к тому, что в русский язык прочно вошли элементы как церковно-славянского, так и советского политического языка. Такие элементы присутствуют далеко не во всех языках, а ведь именно они часто используются для создания целого спектра как серьезных, так и ироничных смыслов. И все же даже в этом случае можно говорить о том, что и применение церковно-славянских элементов в светской речи, и ироничные вкрапления советизмов, пусть и не имеют точных аналогов в языках Запада, но свидетельствуют об искусном «постмодернистском» обращении с языковыми средствами, а это, в конце концов, очень напоминает практику Запада.

© Данн Дж. А., 2008

¹⁶ См., например: Бухвалов Г. Во дни сомнений // Век. – 1994. – №.38; а также коллективную статью «В защиту родного слова» (см. ссылку 7).

¹⁷ Опубликовано в «Сегодня», 5 июля 1995.

Красильникова Н. А.
Новоуральск, Россия

РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКАЯ ВОЙНА
В ДИСКУРСЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ
НА ИНТЕРНЕТ-САЙТАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

УДК 327.8

Код ВАК 10.02.01; 10.02.04; 10.02.19

Аннотация. Современные межгосударственные конфликты решаются не только силой и оружием, но интеллектом и пропагандой. Политический и медиа-дискурсы становятся горячими точками, где разворачиваются ожесточенные бои между соперниками, и все мировое сообщество вовлекается в информационную войну. В условиях информационных батальи владение техниками декодирования прагматических установок и метафор, через которые концептуализируется видение войны и ее участников, просто необходимо. Лингвистические исследования, как правило, посвящены когнитивному анализу медиа и политического дискурсов как таковых. Предлагаем рассмотреть дискурс общественности: блоги, комментарии к статьям, телевизионные опросы, письма к редактору и пр.

Ключевые слова: Когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, дискурс общественности, мнение общества, М. Саакашвили.

Сведения об авторе: Красильникова, Наталья Алексеевна

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук, доцент

Место работы: Уральский государственный педагогический университет, филиал УрГПУ в городе Новоуральске

Должность: директор филиала

Контактная информация: Россия, 624130, Свердлов. обл., г. Новоуральск, ул. Ленина, д. 102, к. 39

E-mail: cortesgold@yahoo.com

Krasilnikova N. A.
Novouralsk, Russia

RUSSIA-GEORGIA WAR
IN PUBLIC DISCOURSE
ON BRITISH WEB-SITES

Abstract. Modern international conflicts are solved not only by means of force and arms, but with the help of intellect and propaganda. Political and media discourses become hot spots, where severe battles between the rivals are staged. Thus, the whole world community gets involved into the media wars. In the context of media fights, knowing how to decode pragmatic units and metaphors which conceptualize the war and its participants is a must. As a rule, linguistic researches are devoted to cognitive analysis of political and media discourses as such. I suggest considering public discourse: blogs, comments to articles, TV surveys, letters to editors, etc.

Key words: Cognitive linguistics, conceptual metaphor, public discourse, public opinion, M. Saakashvili.

About the author: Krasilnikova, Natalia Alexeyevna

Academic degree, academic status: candidate of filological sciences, associate professor

Place of employment: Ural State Pedagogical University, a branch of USPU in Novouralsk

Position: the Head of Novouralsk branch

Когнитивные исследования политического и медиа дискурса тех или иных событий уже давно пользуются заслуженной популярностью в современной лингвистике в России и за рубежом. Они позволяют определить особенности восприятия происходящего вокруг нас политиками и журналистами, раскрыть их прагматические установки, обнаружить скрытые подтексты [Будаев, Чудинов 2008; Чудинов 2007]. Вместе с тем, реакции читателей уделяется меньше внимания, хотя на наш взгляд рассмотрение такого объемного образования как дискурс не может быть полным без учета обратной связи с адресатом обращений политических деятелей или корреспондентов.

Особенно острая потребность знать суть читательских комментариев возникает в периоды так называемых «информационных войн», когда враждующие стороны выдают миру информацию, конфликтующую с реальностью, и в мире начинает складываться искаженное представление о причинах, сути и характере конфликта. В такой ситуации задача враждующих сторон удержать мировую общественность на своей стороне.

2008 год запомнится всему миру не только величием грандиозной олимпиады в Китае, но и военной агрессией, захватившей территорию Южной Осетии, и той информационной войной, которая ее сопровождала. В условиях обеспечения иностранных государств противоречивой информацией из Грузии и из России, читателям новостных хроник приходилось подразумевать истинный ход событий, не имея подлинных доказательств. Метания и отчаяние привели к тому, что тема грузино-осетинского конфликта стала самой горячо-обсуждаемой в блогах, комментариях к статьям, телевизионных опросах, письмах к редактору и пр. Назовем все эти публикации, выступления и комментарии дискурсом общественности.

Рассмотрим дискурс общественности, который сложился на сайтах СМИ Великобритании (news.bbc.co.uk, www.guardian.co.uk, blogs.independent.co.uk, www.telegraph.co.uk, www.timesonline.co.uk) во время грузино-осетинской войны. Нас интересует, прежде всего, восприятие мировым сообществом Грузии и ее президента, России и ее президента; каким образом общество представляет себе сложившуюся

юся ситуацию в дихотомии тиран – жертва, свои – чужие, друзья – враги, плохие – хорошие и т.д. Целесообразно данное исследование провести на базе концептуальных метафор, встречающихся в дискурсе общественности и выявить метафорические модели, наиболее распространенные в высказываниях людей, комментирующих сложившуюся ситуацию. Концептуальные метафоры, отобранные посредством сплошной выборки, позволят нам заглянуть за завесу сознания адресата, и составить представление о его картине мира и отношении к рассматриваемому вопросу.

В условиях информационной войны концептуальные метафоры это не только отражение мнения каждого человека, но и средство формирования общественного мнения. Люди отвечают на статьи, значит их задевает тема или видение автора. При этом читатели готовы выражать и отстаивать свое мнение, они свободны в выражениях и могут анонимно написать все, что накопилось на душе. Особо активные «комментаторы» оспаривают не только точку зрения автора статьи, но и мнение авторов других комментариев, что иногда приводит к развитию аргументированных и пространственных споров.

Мы проанализировали около 450 концептуальных метафор. Интересно отметить, что из общего числа метафор большинство посвящены характеристике президента Грузии и государству российскому, отстает по количеству концептуальный образ экс-президента России В. В. Путина и метафоризация Грузии и ее граждан, на третьем месте по числу метафор находятся США и Дж. Буш, самыми немногочисленными упоминаниями стали НАТО и Осетия.

В данной статье мы ограничимся метафорическим образом М. Саакашвили, и начнем, таким образом, цикл статей, посвященных когнитивному анализу концептуальных метафор в дискурсе общественности в рамках грузино-осетинского военного конфликта 2008 года.

Самую распространенную метафорическую модель при концептуализации образа грузинского президента сформулируем так: СААКАШВИЛИ – АГРЕССОР. Данная метафорическая модель несет в себе типовые смыслы «зло», «грубая сила», «деспотизм», что придает оценке пейоративную коннотацию. Ср.:

Mr. Saakashvili is clearly an immoral aggressor now. (luba, Haifa, Israel) [Теперь совершенно ясно г-н Саакашвили – безнравственный агрессор].

A hotheaded school bully (Saakashvili) goes and hits a much smaller fellow pupil (South Ossetia). (Kishan de Silva) [Вспыльчивый школьник-задира (Саакашвили) идет и бьет соученика, который намного меньше его].

This individual needs to have his character put under the microscope, in my opinion from comments he has made over the years, he is positively certifiable power mad warmonger. (Alan) [Этому индивидууму необходимо изучить свой характер

под микроскопом, по-моему, исходя из его комментариев за эти годы, его, несомненно, можно признать сумасшедшим, жаждущим власти разжигателем войны].

В данной метафорической модели отчетливо выделяется фрейм: СААКАШВИЛИ – ПРЕСТУПНИК. Прагматический смысл данной модели заключается в строгом осуждении обществом действий лица, нарушающего закон жизни этого общества. Концептуальный вектор данной метафорической модели заряжен обвинительным приговором и ненавистью по отношению к характеризованному лицу. Ср.:

Those two regions had a monitored referendum in the 90's to be separate. He is a war criminal and deserves everything he is getting-he started this (graham) [те два региона в 90-х годах провели контролируемый референдум, чтобы быть независимыми. Он – военный преступник, и заслуживает все, что получает – он начал это].

Saakashvili has blood on his hands and a terrible amount to answer for, both to the Ossetians and to his own people. (Aaron) [У Саакашвили руки в крови, он в ответе за многое, как перед осетинами, так и перед своим народом].

Shaakasvili is a nasty thug and a gangster with as fine a grasp of the truth as Tony Blair. (Dave) [Саакашвили – мерзкий убийца и бандит с таким же великолепным пониманием правды, как у Тони Блэра].

Удивительным образом метафоры, концептуализирующие «войну» и «коррупцию», переплетаются в рассматриваемом образе. Люди видят в Саакашвили военного преступника, головореза и гангстера, хитрого, опасного, живущего по своим законам. Из проанализированного корпуса отзывов общества отчетливо вырисовывается жажда расплаты за совершенные президентом деяния. Ср.:

Sakashvilli is the real villain and as has been noted should be tried as a war criminal. (George) [Саакашвили – настоящий негодяй, и, как уже упоминалось, должен быть судим как военный преступник].

*Saak will soon be sitting next to Karadzic. (Dan)*¹ [Саак скоро будет сидеть рядом с Караджиком].

Put the blame where it belongs. Justice will be served when the war criminal, Mikheil Saakashvili, is hanging at the end of a rope. (RonB) [Оставьте вину за теми, кто виноват. Справедливость торжествует, когда военный преступник Михаил Саакашвили будет висеть на конце веревки].

Следует отметить, что на некоторых сайтах в комментариях рядом с ником (краткой интернет-кличкой) люди отмечают, откуда они пишут. Таким образом, в завершении одной дискуссионной статьи мы можем обнаружить, скажем, 150 комментариев читателей со всего мира, что

¹ При цитировании сохранена орфография и пунктуация оригинала.

делает такой дискурс общественности интернациональным и позволяет нам говорить не об узко национальном видении ситуации, а о выражении мнения международного сообщества, в том числе наших соотечественников, которые отчаянно пытались донести до мировой общественности свою точку зрения, и надо отметить, заставили многих людей со всего мира, если не прислушаться к своему мнению, то, по крайней мере, посмотреть на ситуацию с двух сторон. Ср.:

Democratic murderes should pay for thier crimes the same price as despotic dictators (Zloy Tugarin, Moscow, Russia) [Убийцы-демократы должны заплатить за свои преступления ту же цену, что и деспотичные диктаторы].

Instead carefully work on healing old wounds, he decided to shed blood again. USA armed him to teeth, encouraged him – so, he feel free to start killing. (Sergey, Moscow, Russia) [Вместо того чтобы тщательно работать над заживлением старых ран, он решил снова пролить кровь. США вооружили его до зубов, вдохновили его – так, что он чувствует себя вольным убивать].

Saakashvili is a trouble-maker, and has probably been encouraged by the US in all this. After all, the US did the same in Croatia..Go, Russia, go...! (David Fergus, Padigham, Lancs, UK) [Саакашвили – нарушитель спокойствия, и, вероятно, США настроили его на это. В конце концов, США сделали то же в Хорватии.. Вперед, Россия, вперед!!!].

В метафорической модели СААКАШВИЛИ – ВОЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК выделим отрицательно коннотированный фрейм СААКАШВИЛИ – ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ, который распадается на слоты: СААКАШВИЛИ – ГИТЛЕР и СААКАШВИЛИ – СТАЛИН. Оба слота одинаково количественно представлены и имеют схожий прагматический смысл. Ср.:

As always the West misinterpretes the real event. And the real event that Gruzia's (why the hell you call it Georgia) intent was to do ethnic cleansing operation, kind of a blitzkrieg. ... Russia did not invade but tried to stop Gruzia's Fuhrer from agresion (Alex, Moscow, Russia) [Запад, как всегда, неправильно интерпретирует реальное событие. А реальное событие заключается в том, что Грузия (почему, черт побери, ее называют Джорджия) планировала провести операцию по этнической чистке, вроде блицкрига. ... Россия не вторгалась, а пыталась остановить агрессию грузинского фюрера].

Do not trust Saakashvili! He is Hitler of our time (just need moustache). Only Russia helps us now. Please tell everybody that Saakashvili is responsible!!! (Inal) [Не доверяйте Саакашвили! Он – Гитлер нашего времени (не хватает только усов). Только Россия помогает нам сейчас. Прошу расскажите всем, что Саакашвили в ответе за это!!!].

This tin-horn Stalin wannabe commits war crimes and he's excused because Russia is bigger. (RonB) [Этот крикливый фанат Сталина совершает военные преступления и ему это прощают, потому что Россия больше].

In the case of Osettia we should applaud when the wannabe Stalinino gets his comeuppance. (Marco Borg) [В случае с Осетией нам следует аплодировать, когда это фанат Сталинино получит заслуженное наказание].

Хотя роль личности в истории никогда не бывает однозначной, все же сравнение грузинского президента с Гитлером, и указание на амбиции достичь исторической высоты Сталина в данном контексте не придают оценке личности Саакашвили позитивности, но несут в себе глубокий смысл *беспощадности*. Человек, способный пойти на массовое убийство своих соотечественников, был и остается в мировой истории «кровавым» лидером, действия которого ужасают и подвергаются жесткой критике много лет спустя. Концептуальный вектор данных метафор включает в себе *осуждение и страх* перед непредсказуемостью поведения подобного лидера, а в случае с выражением *Stalin wannabe* еще и насмешку над молодым воинствующим главой государства, выбравшим для себя преступный путь правления, над мальчишкой, решившим, что все позволено. Ср.:

If you're looking for hubris in this case, look no further Mikheil Saakashvili – who just had to try out all those shiny new military toys he's been buying at the expense of his people. (RonB) [Если искать в этом случае высокомерие, можно остановиться на Михаиле Саакашвили, которому просто необходимо было испытать все те блестящие новые военные игрушки, которые он купил за счет своего народа].

This man has caused the problem and now after seeing the Russian response has whined about a cease fire. (Alan, Warsaw) [Этот человек создал проблему и теперь после того, как увидел ответ русских, хнычет о прекращении огня].

Once all is over Saakashvili and his team will get pat 'well done – good boy', and just retire in USA, and work for some 'NGO' or multinational corp as advisers. (savo, london, uk) [Когда все закончится, Саакашвили и его команде похлопают по плечу «отлично сработано – молодец» и они выйдут на пенсию в США, будут работать в какой-нибудь НГО или транснациональной корпорации как консультанты].

Прагматический потенциал сферы-источника метафорической экспансии «детство» в данном контексте чрезвычайно мощный и уничижающий президента как правителя. Метафорическая модель СААКАШВИЛИ – МАЛЬЧИШКА подчеркивает, что, по мнению читателя, несмотря на свое образование и амбициозность, президент еще слишком молод, чтобы достичь мудрости настоящего самостоятельного руководителя государства. Для него правление – это «игра в

солдатики» и «пляска под дудку» сильных мира сего, не предполагающие глубоких мыслей о последствиях.

Близка к данному образу по концептуальному заряду метафорическая модель СААКАШВИЛИ – УЧАСТНИК ИГРЫ, которая распадается на несколько фреймов. Например, СААКАШВИЛИ – ИГРОК. Ср.:

Yes, US supported him, but it seems that he decided to gamble for his own agenda. (Alar) [Да, США поддерживали его, но, кажется, он решил сыграть по своим правилам].

He played with fire and got severely burned. I just wonder how much longer his countrymen will put up with this overblown fool. (Alan, Warsaw) [Он играл с огнем и сильно обжегся. Мне просто интересно, как долго еще народ его страны будет мириться с этим зарвавшимся дураком].

This was a rather large gamble and it has failed. Georgian PR machine has so far succeeded in convincing much of the West that Russia is responsible, the fact is that Georgian, Russian, and South Ossetian soldiers and civilians will pay for Saakashvili's arrogance with their lives. (Aaron) [Это была довольно крупная азартная игра и она провалилась. PR аппарату Грузии пока удается убедить большую часть Запада, что Россия виновата, а на самом деле грузинские, русские и южноосетинские солдаты и гражданские лица заплатят за невежество Саакашвили своими жизнями].

«Большая азартная игра», «игра с огнем» – так представляется многим читателям война, разоженная грузинским президентом и унесшая жизни тысяч человек. Концептуальный вектор данных метафорических образов показывает восприятие Саакашвили как несостоятельного лидера, инфантильного и неосторожного, ведущего нечестную игру и не задумывающегося о последствиях.

Другой фрейм метафорической модели СААКАШВИЛИ – УЧАСТНИК ИГРЫ обозначим как СААКАШВИЛИ – МАРИОНЕТКА. Ср.:

When you unleash puppets on your behalf like the current US educated leader of Georgia, beware of the consequences! (John Edgar) [Когда выпускаешь на волю таких марионеток, как получивший образование в США лидер Грузии Саакашвили, действующий от твоего имени, берегись последствий!].

You are telling us that the US puppet Saakashvili didn't expect Russia to step in to protect her citizens living in Ossetia? In fact, Russia did it too late allowing Georgian bandits to kill hundreds and erase Ossetia's capital from the map. (Igor, Uralsk, Kazakhstan) [Вы говорите нам, что марионетка США Саакашвили не ожидал, что Россия вступится в защиту ее граждан, живущих в Осетии? На самом деле, Россия сделала это слишком поздно, позволив грузинским бандитам убить сотни людей и стереть столицу Осетии с лица земли].

Obviously not only a lunatic, the georgian president, also a "pawn in their game", just like Uribe (Colombia) and Olmert (Israel) before him: as you know, both started treacherous military operations in a moment when everybody else was unalert or else talking peace... (Moroni Barroso) [Очевидно, этот грузинский президент не только сумасшедший, но и «пешка в их игре», также как Урибэ (Колумбия) или Ольмерт (Израиль) до него: как вы знаете, оба начали предательские военные действия в то время, когда все остальные были небдительны или говорили о мире...].

Прагматический потенциал фрейма СААКАШВИЛИ – МАРИОНЕТКА показывает, что представителями мирового сообщества грузинский президент воспринимается не как серьезный самостоятельный игрок на международной политической арене, а как «кукла», управляемая чужими руками, как «пешка» в игре руководителей других государств, как средство достижения чужих целей любым путем.

Обратим внимание на метафору «сумасшедший». Отметим, что в дискурсе адресата политических и медиа посланий М. Саакашвили часто предстает перед нами как больной человек, а именно как человек, страдающий различными психическими заболеваниями:

President Saakashvili is a lunatic and very dangerous person. (georgian) [Президент Саакашвили – сумасшедший и очень опасный человек].

It is clear to me that Saakashvili acted on his own ill advice and he is NUTS... (Gib Ghab) [Мне ясно, что Саакашвили действовал по собственному нездоровому усмотрению, и что он – сумасброд].

Victors never blamed? – But he is insane looser! Now he wants to keep Europe and US a hostage of his insanity. (Alar) [Победители никогда не виноваты? – Но он же сумасшедший неудачник! Теперь он хочет, чтобы Европа и США была заложником его сумасшествия].

В дискурсе адресата невозможно определить автора высказываний, ориентироваться мы можем только по никам, которые в некоторых случаях содержат минимальную информацию о человеке, которая, однако, тоже может оказаться вымыслом. Например, на сайте газеты The Times мы нашли комментарий, автор которого подписался как известный в России грузинский певец Сосо Павлиашвили. Он также придерживается мнения о тяжелом психическом расстройстве президента Саакашвили. Пр.:

The world should stop crazy dictator Shaakashvili. Osetian people will never live again under Gergian control. Freedom to South Osetia! (Soso Pauliashvili, Los Angeles, USA) [Мир должен остановить сумасшедшего диктатора Саакашвили. Осетинский народ никогда больше не будет жить под контролем Грузии. Свободу Южной Осетии!].

Факт преобладания морбиальной метафоры в негативно коннотированном представлении М. Саакашвили показывает, что общество не считает нормальными его решение и последовавшие действия, видит его ответственным и виновным в сложившейся ситуации. Тяжело психически больные люди изолируются от общества в специально отведенные места и, судя по отзывам читателей, такому человеку следует держаться подальше от НАТО. Ср.:

Poor Georgians will now have to pay for this idiot's very irresponsible actions. (La-Z Boy) [Бедным грузинам теперь придется платить за крайне безответственные действия этого идиота].

That NATO should nurture and go to war for every irresponsible idiot that applies to join? (George) [Чтобы НАТО вскармливал и шел воевать за каждого безответственного идиота, который хочет присоединиться?].

Метафорическая модель СААКАШВИЛИ – БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК отражает полное несогласие с поведением президента и недоверие к его словам и действиям. В более сдержанных отзывах данная метафорическая модель модифицируется в СААКАШВИЛИ – ГЛУПЕЦ. Ср.:

Sakashvili is a complete fool if he thinks he can get the west to support his treachery. (Alan) [Саакашвили – полный глупец, если думает, что сможет убедить запад поддержать его предательство].

Foolish of Saakashvili to start this. Russia should help the Ossetians. (Ruben Turner, London, UK) [Глупо было Саакашвили это начинать. Россия должна помочь осетинам].

russian invasion, as ridiculous as it might sound from me, a georgian (i love my country and it gives me a huge pain what is going on in my country because of stupid and reckless saakashvili), is a good opportunity to get rid of despotic saakashvili. (Georgian) [русское вторжение, смехотворно для меня, грузина (я люблю мою семью и мне причиняет сильную боль то, что происходит в моей стране из-за глупого и бесшабашного саакашвили) – это хорошая возможность для того, чтобы отделаться от деспота Саакашвили].

Прагматический смысл данной модели соприкасается с тематикой психических заболеваний, хотя производит смягченный эффект. Концептуальный вектор метафорических моделей СААКАШВИЛИ – БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК, СААКАШВИЛИ – ГЛУПЕЦ отражает недоверие человеку, несогласие с ним и опасение необъяснимых и неадекватных действий в дальнейшем.

В своих комментариях люди не только отказывают грузинскому президенту в интеллекте, но и представляют его как глупого, безвольного и беспринципного лакея, слугу или еще лучше подставку. Ср.:

Saakashvili is just another American/Israeli lackey like leaderships of "democracies" as Georgia, Ukraine, Poland, Latvia, Estonia, and other East European countries... Like persons such as Bush's

lap-dog Blair, Italy's Berlusconi, Spain's Anzar... (arthe) [Саакашвили – это всего лишь еще один лакей Америки/Израиля, как и лидеры «демократий» Грузии, Украины, Польши, Латвии, Эстонии и других восточно-европейских стран... Как личности, такие как ручная собачка Буша – Блэр, итальянский Берлускони, испанский Анзар...].

I'm glad the Russians saved the people of South Ossia and Abrzakia... The fool of Tblisis was a Bush's stool. Thanks Russia!!! (Raymond Banks) [Я рад, что русские спасли народ Южной Оссии и Абрахии... Глупец из Тблисис был подставкой Буша. Спасибо, Россия!!!].

Концептуальный вектор метафорической модели СААКАШВИЛИ – СЛУГА несет в себе уничижительную и антагонистическую оценку личности президента. Прагматический смысл данной аллегории сводит на нет лидерские качества Саакашвили и ставит акцент на безоговорочной преданности хозяину в любых обстоятельствах.

Другая мало представленная метафорическая модель, характеризующая грузинского президента: СААКАШВИЛИ – ЖЕРТВА. Данная модель является наиболее позитивной из всех, обнаруженных нами метафорических моделей, хотя, надо отметить, зачастую она вызывает не жалость, а усмешку, потому что используется в комментариях с явной иронией. Ср.:

To my mind, the Georgian president despite his being "brilliant" and "charming" is politically naive. The unseen hands that prompted him on have since left him in the lurch! (Azeez Olaide Abidoye, Birmingham, United Kingdom) [По-моему, грузинский президент, несмотря на свою «блистательность» и «очарование», политически наивен. Невидимые руки, которые направляли его, с тех пор оставили его в серьезном поражении].

Yesterday (Finally!) I saw one audio report of the journalist from BBC who is speaking with S.Ossetians! It's really true! But now I don't see this any more! Only the hiding of poor rabbit Saakashvili! (Larina Maria) [Вчера (Наконец!) Я видела репортаж журналиста ВВС, который разговаривал с южными осетинами! Это правда! Но теперь этого репортажа уже нет! Только прячущийся бедный зайчик Саакашвили!].

I almost feel sorry for Saakashvili. It surely must hurt to have to sport a bloodied nose and to live with a bruised ego for the remaining days of his political life. (Kishan de Silva) [Мне почти жалко Саакашвили. Должно быть, больно выставлять напоказ окровавленный нос и жить с раздавленным эго все оставшиеся дни его политической жизни].

Ирония, привлекающая в соратники концептуальную метафору, – мощное средство уничижения человека. Заключенные в кавычки эпитеты «блистательный» и «очаровательный» президент наводят нас на мысль, что в этих качествах читатель президенту отказывает или, как минимум, сомневается. Метафорическая мо-

дель СААКАШВИЛИ – ЖЕРТВА дает большие возможности для метафорической экспансии. «Наивный президент», «бедный заяц», с «разбитым носом» и «оскорбленным эго». Прагматический потенциал смыслового и эмотивного наполнения данной метафорической модели только указывает на осуждение и высмеивание человека, поставившего себя на место жертвы, претендующего на роль жертвы, и намекает на слабость, трусость и богатое воображение данного человека.

Богатое воображение президента концептуализируется и в другой метафорической модели: СААКАШВИЛИ – ЛЖЕЦ. Мы знаем как важно для сознания западного читателя понятие «честность», оно вводится в разряд духовных ценностей этого общества, особенно когда речь заходит о политических деятелях. В связи с этим, М. Саакашвили удостоивается в комментариях читателей жесткой критики. Ср.:

I even thought that Georgia recently joined EU! But it is not in EU! – It is somewhere in Southwest Asia (I looked to Wikipedia!). He makes fools of us! (Alex (Alar)) [Я даже подумал, что Грузия недавно присоединилась к ЕС! Но она не в ЕС! – Она где-то на юго-западе Азии (Я проверил в Википедии!) Он дурачит нас!].

Our western journalists should learn the facts before believing that so called Democratic, (my rear end) Georgian President, he is a better liar than George and Tony put together. (Douglas Lund) [Наши западные журналисты должны узнать факты, прежде чем верить этому так называемому демократическому (мой зад) грузинскому президенту, он еще лучше врет, чем Джорж и Тони вместе взятые].

Прагматический потенциал данной метафорической модели вызывает чувства недоверия и негодования по отношению к лгущему. Концептуальный вектор метафорической модели СААКАШВИЛИ – ЛЖЕЦ распространяется на этическую категорию *правда – ложь* и добавляет к портрету президента такие концепты как *неискренность, обман и лицемерие*.

Из всего вышесказанного следует, что самой популярной темой в дискурсе адресата, посвященном грузино-осетинскому конфликту 2008 года, является личность президента Грузии Михаила Саакашвили. Наиболее распространены и развернутыми метафорическими моделями, концептуализирующими видение грузинского лидера активистами мировой общественности в комментариях к статьям в британских изданиях, являются следующие: СААКАШВИЛИ – АГРЕССОР, СААКАШВИЛИ – БОЛЬНОЙ, СААКАШВИЛИ – УЧАСТНИК ИГРЫ. Менее продуктивны и реже представлены метафорические модели СААКАШВИЛИ – МАЛЬЧИШКА, СААКАШВИЛИ – ЖЕРТВА. Наименее распространен-

ное мнение формирует еще две метафорические модели: СААКАШВИЛИ – СЛУГА, СААКАШВИЛИ – ЛЖЕЦ. Большинство обнаруженных нами концептуальных метафор показывают грузинского правителя как лицемерного, жестокого и психически нездорового человека. Более или менее положительную оценку он получает в рамках метафорического сравнения с *жертвой*, однако наполняющие эту метафорическую модель метафоры не лишены иронического подтекста.

Следует отметить, что метафорическая концептуализация лиц, институтов и стран, особенно в периоды острого накала отношений и эскалации военных конфликтов, позволяет нам узнать точку зрения мирового сообщества по данному вопросу, а участникам дискурса общественности высказать свое мнение в поддержку той или иной враждующей стороны, открыть другим правду, известную немногим, повлиять на мнение других людей. И пусть это еще одна субъективная оценка реальности, но не на таких ли оценках держится мир? Проследить тенденции и настроения межнациональных отношений позволяет когнитивное исследование концептуальных метафор дискурса общественности, адресата политических и медиа сообщений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. – М., 2008.
2. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. – М., 2008.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ceasefire Bid Amid Georgia Crisis // <http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/2/hi/europe/7553144.stm> – 2008/08/11; Firth E. Georgia 'pulls troops out of South Ossetia' as Russian fighting intensifies // <http://www.telegraph.co.uk/news> – 2008/08/10.
2. Halpin T. Georgian forces attack Russian-backed separatists // <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/europe/article4481342.ece> – 2008/08/08.
3. Lucas E. How Georgia fell into its enemies' trap // http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/guest_contributors/article4488503.ece – 2008/08/09.
4. Parsons R. Georgia pays price for its Nato ambitions // <http://www.telegraph.co.uk/news> – 2008/08/09.
5. Penketh A. Diplomatic Licence: Saving Saakashvili // <http://blogs.independent.co.uk/independent/2008/08/saving-saakashv.html> – 2008/08/12.
6. Simmering dispute could turn Russia against the West // http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/bronwen_maddox/article4466615.ece – 2008/08/06.
7. Russia's Self-Aggrandisement // http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/leading_article/article4499483.ece – 2008/08/11.

© Красильникова Н. А., 2008

Надель-Червиньска М.
Катовице, Польша

**ЖАРГОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
СОВРЕМЕННОГО «НОВОЯЗА»:
ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ РЕЧИ
ИЛИ УГОЛОВНОЙ ПСИХОЛОГИИ?**

УДК 81'271.2

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

Аннотация. Состав жаргонной лексики в современных словарях русского языка неоднороден. Эта лексика попадает сегодня как инородный элемент практически во все языковые стили, активна в речи устной и письменной. И это одна из особенностей постсоветского «новояза». В статье приведены примеры отражения в словарях лексем разных жаргонов – профессиональных, тюремно-лагерного, субкультур молодежи, наркоманов и др. Особое внимание уделяется лексикону военных и администрации зон заключения, создающих в настоящее время множество новых аббревиаций.

В статье представлена проблема русских жаргонов в их историческом развитии. Рассмотрены психологические аспекты активности в современном языке лексических средств уголовного языка. Это явление рассматривается также с точки зрения развития в СССР, при тоталитарном режиме, уголовной психологии у определенной части населения страны. Подробно рассмотрены среды, наиболее предрасположенные к активизации жаргонных языковых явлений. Затронута также проблема резкого снижения культуры речи в массовой культуре и повседневном общении.

Ключевые слова: новояз, русские жаргоны, уголовная психология, тюремная зона, армия и аббревиация, маргинальные явления в языке, культура речи и фонды словарей.

Сведения об авторе: Надель-Червиньска, Маргарита

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук, доцент

Место работы: Силезский университет, Институт восточнославянской филологии, кафедра русского языка.

Должность: доцент

Контактная информация: ul.Zymia, 12. 41-205, Sosnowiec, Poland.

E-mail: czerwinski@ares.fils.us.sdu.pl

Nadel-Chervinska Margarita
Katowice, Poland

**JARGON ELEMENTS
OF MODERN «NEWSPEAK»:
SPEECH CULTURE
OR CRIMINAL PSYCHOLOGY?**

Abstract. The composition of jargon vocabulary in modern Russian language dictionaries is heterogeneous. This language falls today as the foreign element in almost every language styles, is active in speech, oral and written. And this is one of the features of the post-Soviet «newspeak». The article gives examples of the reflection in dictionaries of lexems of different jargons – professional, prison-camp, youth subcultures, drug addicts and others. Particular emphasis is placed on military vocabulary and the administration of detention areas, creating the current plethora of new abbreviation.

The article presents the problem of Russian jargon in their historical development. We consider the psychological aspects of activity in the modern language lexical means of criminal language. This phenomenon is also seen in terms of development in the Soviet Union, under the totalitarian regime, criminal psychology at certain parts of the country. In details there are considered the environments, the most inclined to revitalize of jargon linguistic phenomena. There are touched also the problems of a sharp slowing down of the speech culture in mass culture and everyday communication.

Key words: newspeak, Russian slang, criminal psychology, the prison area, the army and abbreviation, marginal phenomenon in language, culture and language dictionaries funds.

About the author: Nadel-Chervinska, Margarita
Academic degree, academic status: candidate of filological sciences, associate professor

Place of employment: University of Silesia, Institute of East Philology, Chair of Russian Language

Position: associate professor

Современные словари русского языка, опубликованные в России постсоветского периода, сегодня активно включают в свой состав новые единицы жаргонной лексики и потому обходить вниманием этот процесс стало, пожалуй, уже невозможно. Русскоязычный жаргонный фонд, до недавнего времени остававшийся за пределами нормативных языковых словарей, интенсивно пополняет издания, в которые он лет десять-пятнадцать назад просто не был бы допущен лингвистами-составителями. При этом, вместо ожидаемых при таких единицах помет, указывающих на происхождение каждой из них и узусного контекста ее заимствования, приходится сталкиваться с уклончивой и, на наш взгляд,

безответственной пометой «общеупотребительное» либо с весьма неопределенным и расплывчатым терминологическим монстром «общеупотребительный жаргон». И поскольку само употребление субъектом речи того или иного жаргона является маркером принадлежности его (субъекта) к маргинальной субкультуре, то, тем самым, все носители русского языка в стране как бы попадают потенциально в круг такой маргинальности, с чем вряд ли можно было бы согласиться.

Однако и состав жаргонной лексики, описываемой толковыми словарями, весьма пестр, неоднороден, и не одна она определяет сегодня относительную «новизну» справочных лингвистических

тических изданий. Относительную постольку, поскольку новым является лишь фиксирование такими изданиями, что еще недавно было невозможным, определенного фонда лексем, хорошо знакомых русскоязычной среде. Так, можно определить следующие источники пополнения фондов «новой лексики» – источники, наиболее актуальные, на наш взгляд, для современных толковых словарей русского языка:

1) многочисленные *языковые единицы*, в том или ином плане *не соответствовавшие литературным нормам*, т. е. признанным и описанным в «Академической грамматике» нормам русского литературного языка, а потому ранее в нормативные словари не включенные;

2) теоретически знакомая носителям русского языка *лексика, подвергавшаяся раньше идеологической цензуре* разного типа, а также имеющая при этом развитую словообразовательную систему, не зафиксированную нормативными словарями в советский период развития российской лексикографии;

3) *языковые единицы иноязычного заимствования*, заимствованные в силу актуальной для современного развития государства и общества тематики и обладающие тенденцией к последующему производному словообразованию;

4) *лексем-производные от трех, названных первыми в этом ряду, разрядов лексических единиц*, актуальные в контексте современной языковой словообразовательной деривации (при этом это языковые единицы как вновь заимствованные, так и уже в речи освоенные, наравне с исконно русскими).

Естественно, что актуализация именно этих источников для пополнения русскоязычных словарей в постсоветский период развития российской лексикографии имеет свои естественные причины. Это объясняется, с одной стороны, резкой сменой в 80-х годах политического и экономического курса государства, с другой же, относительной свободой печати, поскольку именно она стала первым более-менее серьезным завоеванием постсоветской эпохи. Тем самым «свобода слова», провозглашенная в период горбачевской *перестройки*¹, довольно скоро обернулась, что весьма печально, для российской лексикологии полным отсутствием нормативного контроля, а для говорящих на русском языке внутри страны – отказом от соблюдения чистоты литературного языка, т. е. собственно какой-либо *языковой нормы*. Демонстративность такого отказа была мотивирована иллюзией «вседозволенности» и стало, пожалуй, одним из следствий отсутствия элементарной культуры

¹ *Перестройка* – вот еще одно «новое слово», претендовавшее новым своим значением на статус *неологизма*, в контексте новых фразем, типа многообещающей – *ветер перемен* или снисходительной – *дядя Миша*, как величали в просторечии самого последнего Генсека КПСС и, одновременно, первого и последнего президента СССР.

демократических преобразований – культуры, которой не было и не могло быть в недемократической тоталитарной России.

В то же время, для очередной волны так называемого «новояза», на сей раз постсоветского, а не советского, наряду с неожиданно обретенной в печатных изданиях свободой самовыражения мыслей, эмоций, чувств и даже критических суждений по поводу того, что всех много лет окружало, стала характерна некая «раскованность» речи, также нередко демонстративная и граничащая с «развязностью». Вывод был прост: если говорить можно все, что хочешь, в том числе и о том, о чем раньше говорить было запрещено, то и говорить можно теперь так как хочешь, не стесняясь в словах, средствах выражения и проч. А то, что накопилось в русских душах за десятилетия молчаливой покорности, требовало экспрессии и слов, не укладывавшихся в привычное понимание нормы русского литературного языка.

Но в этом таилась определенная опасность: поток всевозможных проявлений живого просторечия, доселе не описанного и не изученного, бесконтрольно вырвался на просторы газет и журналов, захлестнул политические трибуны, телевизионные экраны, радиорепродукторы, наводнил книжные страницы и кинопродукцию. По существу, язык улицы, шумно врываясь в тишь да гладь привычной гражданской пассивности, агрессивно отвоевывал себе право на существование и, надо признать, что отвоевал...

Жаргонные слова в общеупотребительной речи

Лексем-жаргонизмы, с новым для них статусом «новые слова», из лексикона маргинальных сред все чаще переходят в речь общеупотребительную. А из словарей жаргонов они постепенно «перебираются» в солидные справочные издания русского языка. И, продвигаясь в сферы лексики общеупотребительной, эти жаргонизмы, по дороге как бы теряют свою не нейтральную окраску: теперь как бы примелькались в речи, побледнели, стерлись и, как результат, не удостоились даже какой бы то ни было словарной пометы, кроме разве что «разговорно-сниженное», семантически безликое в случае слов-жаргонизмов. Таким образом, в современных словарях непоследовательно и скупо, но все же представлены следующие разновидности русскоязычных жаргонов:

1) тюремно-лагерный жаргон тоталитарной России (сталинского и постсталинского периодов);

2) профессиональные жаргоны разных социальных групп (музыкантов, политиков, военных, предпринимателей, учителей, инженеров-информатиков, журналистов и других);

3) молодежный жаргон (школьников, студентов, неформальных группировок, наркоманов);

4) административно-партийный жаргон (как советский, так и постсоветский, хотя последний

словари отражают весьма фрагментарно, чаще всего на уровне *фразем*);

5) жаргонные элементы, освоенные просторечием (однако этот факт не оправдывает – что еще раз подчеркнем – попытку введения в русскую лексикографию термина «общий жаргон», в разряд единиц которого составители словарей обычно включают лексические единицы самых разных жаргонов).

Приведем ниже для иллюстрации по два-три примера на каждый случай – из тех языковых единиц просторечия, которые ошибочно можно посчитать за лексемы так называемого «общего жаргона»:

1) *выступать* в чем-л. или где-л.; *фраер*; *крутануть* кого; *замочить* кого; *увести из-под носа* что-л. у кого-л.; *заставить землю жрать*, или *пыль глотать, слизывать*;

2) (*слабать* что (муз.); *сделать прозрачным* что (полит.; калька с англ.); *стоять по стойке смирно* (воен.); *отмывка денег* (фин.); *наехать* на кого; а также *гонять товар* и *быть челноком* (бизн.); *черный нал* (наличные); *теневая экономика* (полит., экон.);

3) *тусоваться* где или с кем; *тащиться* на что или от кого; (*большой*) *умат* с чего-л.; *пристебаться* куда или к кому; *прикинуться шлангом*; *стеб* и *стебать(ся)*;

4) *вызвать на ковёр* кого и за что; *поставить раком* кого; *заставить* кого кому-л. или себе (говорящему) *жопу лизать*; *придавить к ногтю* кого;

5) *челнок*; *буратин(к)о* и *папа Карла*; *зайчик*; *тёлка*; *скотобаза*; *втык*; *прочистить* или *вправить мозги* кому; *утечка мозгов* и *разбазаривание мозгов*.

Здесь подробнее остановимся на тех жаргонизмах, которые принимают сегодня в разговорную речь и там остаются, меняя при этом экспрессивную, а подчас и стилистическую окраску. Именно такими лексемами, воспринимаемыми составителями словарей и, отчасти, носителями языка как «новые», пестрят в два последних десятилетия лингвистические справочники. Примерами жаргонизмов, активно освоенных русским просторечием как единицы общеупотребительные и включаемых в словари как «новая лексика», могут служить следующие лексикографические статьи, в современных лингвистических словарях также весьма многочисленные:

Тюкнуть, сов. перех. разг.-сниж. То же, что: *убить*. [НСРЯ²] (Заимствовано из уголовного жаргона.)

Жевачка, -и, ж. разг. Жевательная резинка. *Купить жевачку*. [СТСРЯ³] (Заимствовано из школьного жаргона.)

Квиртанутый, -ого, м. шутл.-ирон., арм., курс. Курсант Киевского высшего инженерного

училища (КВИРТУ). [ТСМС; БСРЖ⁴] (Заимствовано из лексикона инженерно-технических работников советского периода.)

КПЗ [ка-пэ-зэ], неизм.; ж. Камера предварительного заключения; место, куда помещают арестованных сразу после задержания. [СТСРЯ] (Заимствовано из жаргона работников правоохранительных и карательных органов.)

КПП [ка-пэ-пэ], неизм.; м. Контрольно-пропускной пункт. [СТСРЯ] (Заимствовано из армейского жаргона и лексикона работников правоохранительных органов.)

Кидала, -ы; м. и ж. жарг. Тот, кто занимается мошенничеством, обманом. [СТСРЯ] <-- Заимствовано из уголовного жаргона, от *Кидать*, -аю, -аешь, несов. Обманывать кого-л., мошенничать при совершении коммерческих операций [ТСМС]; 1. Обкрадывать, грабить кого-л. 2. Обманывать, надувать кого-л. [ТСНЛРЯ⁵]; кого. Обворовывать путем обмана, грабить кого-л. [ТСУЖ⁶].

Лажа, -и; ж. жарг. Обман, подделка. // Вздор, ерунда (1). [СТСРЯ] (Заимствовано из лагерного жаргона.) Смотри и ср.: *Лажа* - 1. Сочувствие. 2. Обман. 3. Позор. 4. Поблажка, снисхождение. 5. Чушь ерунда. *Лажу гнать* - то же, что *лажать*. <-- *Лажать* или *лашать* - 1. Лгать, обманывать. [Собственно лагерно-уголовный жаргон.] 2. Фальшивить (при пении, игре на музыкальном инструменте). [Из жаргона музыкантов; заимствовано из лексикона наркоманов.] [СТЛБЖ; МС⁷]

Лагерник, -а; м. разг. Тот, кто находится, содержится в лагере (3). <-- *Лагерница*, -ы; ж. <-- *Лагерь*, -я; мн. *лагери* и *лагеря*; м. [нем. Lager]. ... 3. Место, где содержатся заключенные, военнопленные. *Исправительно-трудовой л. Концентрационный л.* [СТСРЯ]

Левачество, -а; ср неодобр. Система взглядов и действий, характерных для *левака*. <-- *Леваческий*, -я, -ое. <-- *Левацкий*, -ая, -ое; разг. Имеющий левый (2) уклон. *Л. взгляды*. <-- *Левак*, -а; м. 1. пренебр. [СТСРЯ] (Заимствовано из жаргона советской номенклатуры, который можно также охарактеризовать как *номенклатурная «феня»*⁸, либо *жаргон партийно-административный*.)

⁴ Никитина Т. Г. Толковый словарь. Молодежный сленг. – М., 2003; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2000.

⁵ Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. – М., 2003.

⁶ Толковый словарь уголовных жаргонов / Под общей ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. – М., 1991.

⁷ Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авт.-сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Юсупов. – М., 1992; Никитина Т. Г. Там же.

⁸ Термин наш; впервые был использован в монографии: Надель-Червинская М., Червинская А. Номенклатура и феня. Уголовно-партийный жаргон как коммуникативная форма «советской зоны» // Slavica Electronica Erfordiensis. – Erfurt Electronic Studies in Slavonic Languages. 1999 (1) – Erfurt (<http://www.slavica.ph-erfurt.de>). – 155 с.

² Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Т. 1-2. – М., 2000.

³ Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2003.

Крэйзи [рэ] и *крези* [ре], неизм. [англ. crazy], жарг. Сумасшедший, психически ненормальный человек. [ТСРЯ] (Заимствовано из молодежного жаргона, заимствовано из жаргона наркоманов.) [МС; ТМСС]

Наивняк, м. прост. Очень наивный, доверчивый человек. (Заимствовано из молодежного жаргона, заимствовано из жаргона наркоманов.) [ТСРЯ; ТСНЛРЯ]

Как видно даже на этих немногих примерах, состав жаргонизмов в толковых словарях последних лет весьма разнороден и по своему происхождению, и по характеру бытования. Следует обратить внимание и на тот факт, что определенная часть жаргонизмов, притом немалая, постепенно переходит на уровень лексики общепотребительной, не переставая при этом оставаться жаргонной по своему происхождению. Поэтому проникновение подобных лексем в стилистически разные речевые контексты объясняется не только и не столько смешением стилей, свойственным современному русскому языку особенно, сколько маргинальностью речевых сред, которые еще несколько десятков лет назад не соприкасались или же почти не соприкасались.

Взаимопроникновение лексических единиц пограничных речевых сфер и создает сегодня феномен стилистических смещений и семантических расширений. Именно эти процессы наиболее продуктивны в контексте созидания в русском языке активного слоя так называемой «новой лексики»: старое и уже знакомое, претерпевая некоторые семантические изменения, кажется уже новым. И таких малоприметных метаморфоз в языке и особенно в его просторечных проявлениях сегодня гораздо больше, чем показалось бы на первый взгляд.

Отражение в словарях новых аббревиатур

Подобным включением «новой лексики» в словниках является и обилие *аббревиатур*, ранее в словари русского языка не включавшиеся из идеологических соображений, поскольку эти аббревиации были характерные, прежде всего, для тоталитарной действительности и потому не желательны для огласки как элементы русскоязычной – советской – картины мира. Надо отметить, что к аббревиатурам советского периода и производным от них лексемам добавляются в настоящее время весьма многочисленные новообразования постсоветского периода, которые и можно рассматривать как собственно «постсоветский новояз», в одном из его наиболее ярких проявлений. Однако в словарных фондах такие лексические единицы появляются спонтанно, нерегулярно, субъективно избирательно:

МРОТ – сокр. Минимальный размер оплаты труда. [ТСРЯ-XX⁹]

НПРС – сокр. Народно-патриотический союз России. [ТСРЯ-XX]

НПФ – сокр. Негосударственные пенсионные фонды. [ТСРЯ-XX]

ОВИР – сокр. Отдел виз и регистрации. [ТСРЯ-XX]

БОМЖ – сокр. Без определенного места жительства. [ТСРЯ-XX]

ЕХБ – Евангельские христиане-баптисты. [ТСРЯ-XX]

ФСБ [эф-эс-бэ и фэ-эс-из], неизм.; м. Федеральная служба безопасности. [ТСРЯ]

В том же, последнем из упомянутых, словаре¹⁰ мы находим такие лексемы-аббревиатуры, которые в других лингвистических справочных изданиях вообще отсутствуют. Приведем несколько таких примеров:

1) *втуз* (высшее техническое учебное заведение, уже устаревшее);

2) *ВТЭК* (Врачебно-трудовая экспертная комиссия, в словарях не отражавшееся);

3) *ГИБДД* (Государственная инспекция безопасности дорожного движения, новое; однако чаще известное как *БД* [бэ-дэ], безопасность дороги, современными словарями, однако не отражаемое).

К слову сказать, последнее, и именно *БД*, в передачах российского телевидения регулярно выступает в устойчивой фраземе *отчетность по БД*, что звучит довольно комично, поскольку в русский словарный фонд уже вошла заимствованная лексема *бидэ*, в просторечном произношении оказывающееся к *БД* омофоном:

14) *Биде* [фр. bidet], раковина для подмывания. [НСИСиВ¹¹]

В то же время *ГО* [гэ-о], известная раньше носителю русского языка как *гражданская оборона*, теперь в том же словаре [ТСРЯ] обратилась в новую лексему, с совершенно иной семантикой:

5) *ГО* [го], ж. неизм., Игра черными и белыми фишками (камнями) на квадратной доске, пересеченной горизонтальными и вертикальными линиями в 361 точке.

6) Точно так же, как *ВТО*, некогда известное носителю языка как *Всесоюзное театральное общество* [БСЭ], теперь понимается в речевом контексте российских телепередач исключительно как *Всемирное торговое общество*. Кстати, ни первое, ни второе значение аббревиатуры *ВТО* анализируемыми здесь словарями, как оказалось, не зафиксировано.

Надо отметить, что аббревиатуры в новейших словарях русского языка встречаются крайне редко. Во всяком случае, в нормативных словарях советского периода, и особенно в словарях, регулярно издаваемых «Военной книгой»,

¹⁰ Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2003.

¹¹ Новейший словарь иностранных слов и выражений. Справочное издание. – М - Минск, 2002. (Без составителя.)

⁹ Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. – СПб., 1998.

они встречались гораздо чаще. Как ни странно, нечасто встретишь их теперь даже в таких словарях, как «Словарь языка Совдепии» [ТСЯС¹²] и «Словарь перестройки» [СП¹³].

Наибольшее число таких лексем в настоящее время встречается в «Русском семантическом словаре» [РСС¹⁴], если, конечно, не брать во внимание «словари тюремно-лагерного жаргона», о которых будет сказано ниже. В «семантическом словаре», в частности, находим употребительные единицы языка, которые в других изданиях почему-то отсутствуют, а именно:

7) ООН (Организация Объединенных Наций);

8) ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры);

9) МПС (министерство путей сообщения);

10) МВД (министерство внутренних дел);

11) МИД (министерство иностранных дел);

12) НТП (научно-технический прогресс) [РСС].

Здесь же, в [РСС], появляется, к примеру, сравнительно новая для русского уха аббревиатура:

13) МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии).

Наряду с ними в «Семантическом словаре» Н. Шведовой мы находим довольно много сложносокращенных слов, хорошо известных носителям русского языка, более того – в разговорной и книжной речи регулярно употребляемых. Однако, по идеологическим соображениям, в словники до недавнего времени такие лексемы не попадали, поскольку они являются отражением картины мира *тоталитарного государства*, сталинской и постсталинской эпох. Вот примеры таких специфических языковых единиц:

14) *Торгпред*, -а, м. Сокращение: торговый представитель – глава *торгпредства*, государственного органа, представляющего за рубежом права соответствующего государства в области внешнеэкономической деятельности. // прил. *торгпредовский*, -ая, -ое (разг.). [РСС]

15) *Гаишник*, -а, м. (разг.) Сотрудник ГАИ – Государственной автомобильной инспекции. // прил. *гаишнический*, -ая, -ое. [РСС] (Прилагательное словообразование мы бы отнесли к *неологизмам* либо к *московскому городскому аргю*, поскольку многие годы в русской речи была употребительной форма *гаишный*, -ая, -ое.)

16) *Гэпзушник*, -а, м. (разг.) Служащий ГПУ – Государственного политического управления (в РСФСР в 1922-1923 годах). [РСС]

¹² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб., 1998.

¹³ Максимов В. И. Словарь перестройки. – СПб., 1992.

¹⁴ Русский семантический словарь / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1-2. – М., 1998.

17) *Кагэбэшник*, -а, м. и *кэгэбэшник*, -а, м. (разг.) Служащий КГБ – Комитета государственной безопасности.

18) *Оперуполномоченный*, -ого, м. Сокращение: оперативный уполномоченный – то же, что *оперативник*. // ж. *Оперуполномоченная*, -ой. [РСС]

19) *Сексот*, -а, м. (разг.) Сокращение: секретный сотрудник – лицо, осуществляющее тайное наблюдение за кем-н. по заданию специальных органов. // ж. *сексотка*, -и, род. мн. -ток. // прил. *сексотовский*, -ая, -ое. [РСС]

20) *Цэрэушник*, -а, м. (разг.) Служащий ЦРУ – Центрального разведывательного управления США. [РСС]

21) *Чекист*, -а, м. Сотрудник Чека (в России с 1917 по 1922 год: Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем), а также (разг.) в СССР – вообще работник органов государственной безопасности. *Старый чекист*. // ж. *чекистка*, -и, род. мн. -ток. // прил. *чекистский*, -ая, -ое. [РСС] (Кстати сказать, правильно эта комиссия называлась ВЧК или сокращенно – ЧК, что семантический словарь почему-то не отражает.)

22) *Эмвэдэшник*, -а, м. (разг.) Служащий Министерства внутренних дел¹⁵. [РСС]

Здесь, пожалуй, следует оговорить, что приведенные в пример лексические единицы не произвольная выборка из материалов словаря, а лексемы, расположенные на страницах 254-256. На этих же двух страницах находятся также другие *сложносокращенные слова*, условно относящихся к тому же разряду лексем, что и *аббревиатуры*, в том числе и другого типа словообразования: *дипкурьер*, *полпред*, *пресс-аташе*, *горноспасатель*, *контрразведчик*, а также *вице-консул* и *оперативник*. [РСС]

Однако особое место в языке занимают аббревиатуры, созданные тоталитарным государством в системе *карательных органов* и подвластных им *лагерей*. Поскольку эта лексика долгое время находилась за пределами не только словарей русского языка, но и за пределами общего речевого словоупотребления, то теперь она представляется для нас условно «новой» и в большей части своей неожиданной, ведь раньше она считалась как бы «табу», была в обиходе только *для внутреннего пользования*: внутри *органов (правоохранения и госбезопасности)*, для сотрудников их), а также внутри *тюрем, лагерей* (для заключенных). Такие языковые единицы и будут предметом нашего дальнейшего анализа и описания.

Аббревиатуры в лагерной жизни

Обратим внимание сразу на то, что наиболее последовательно и полно, во всяком случае, для той специфической области русского языка, которую они описывают своими лексемными

¹⁵ Служащий МВД. Данная дефиниция сформулирована в словаре иначе, чем аналогичные.

фондами, приводят аббревиатурные и иные сложносокращенные образования *словари уголовного и тюремно-лагерного жаргонов*. Впрочем, с нашей точки зрения, это в настоящее время один и тот же жаргон, с той только разницей, что первое понятие, «уголовный», по сравнению со вторым, «тюремно-лагерный», значительно уже, поскольку объем второго включает в себя также объем первого.

В то же самое время первый из названных жаргонов – это лишь лексикон представителей преступного мира, в то время, как второй является лексиконом и всех подследственных, заключенных, и всех работников карательных органов: от лица, возглавляющего пирамиду *госбезопасности* (государственной безопасности) до последнего тюремщика или лагерного работника *ВОХРа* (ведомственной охраны). И если, по определению С. Снегова [ЯКН¹⁶], это – «язык, который ненавидит», то это язык также и тех, кто пережил репрессии, и семей тех, кто не вернулся из сталинских лагерей, и не только этих людей – поскольку это лексикон, составляющий органическую часть собственно *языка тоталитаризма* [ТЯ¹⁷], или *языка тоталитарного государства*.

Причем этот язык отражает уголовную психологию не только отдельных лиц (воров, бандитов, рецидивистов, а также представителей милиции, ведомственной и тюремно-лагерной охраны, т. е. людей, непосредственно вращающихся, по долгу службы, в криминогенной среде), но язык этот является также отражением уголовной психологии целого государства, превращенного в *зону заключения*, или, как она еще называется в жаргоне, «большую зону», «паханом» которой был И. Сталин. Язык этот является неотъемлемой частью языка тоталитарного государства, породившего *красный террор и систему лагерей* (ГУЛаг), поставившие значительную часть населения в положение «уголовных преступников», каковыми считались *враги народа*, и «заключенных» (ЗК, зэк, зек). Это язык, будучи порождением официальной политики и официальных государственных структур, правоохранительных и карательных, в результате как бы получил статус проявления тоталитарной государственности, в ее правоохранительном и административно-партийном узальных контекстах.

Неудивительно, что страна, породившая, насадившая и более полувека культивировавшая такими средствами уголовную психологию масс, как бы пропиталась за эти десятилетия «ароматом» так называемого *блатного языка*. Отсидевшие свои сроки в лагерях вернулись домой уже как носители уголовного жаргона и в большинстве случаев, к сожалению, как носите-

ли уголовной психологии, насильственно привитой им в лагерях. Опыт отцов передается, как водится, детям, а выразить его можно только знаковой системой тюремно-лагерного бытия и на языке этой маргинальной среды. Именно поэтому подобная лексика настолько активна, выразительна и живуча. Одновременно с тем эта лексика разъедает литературный русский язык изнутри, как раковая опухоль: многолетняя и последовательная деструкция человеческой личности в СССР неизбежно ведет к разложению и нивелированию языковой культуры, с ее академическими нормами, правилами хорошего тона, шкалой общечеловеческих ценностей и многовековым литературным наследием. Печальные приметы этой общезыковой тенденции мы, если приглядеться, обнаруживаем и в новейших словарях русского языка.

Итак, в заключение приведем некоторые из огромного числа сталинистских аббревиатурных образований, фиксируемых *словарями тюремно-лагерного жаргона* и которые мы, в частности, находим у Ж. Росси, ставшего после многолетней *отсидки* в сталинском *ГУЛАГе* (Главное управление лагерей) носителем также и русского языка:

1) *АСА* – антисоветская агитация; см. *буквы*, 1. Формулировка, кот. Первоначально употреблялась параллельно с *КРА*, но к концу 30-х годов почти вытеснила эту последнюю. – *КРА* – контрреволюционная агитация. [СпГУЛАГ¹⁸] (Кодированная пометка на *личном деле* заключенного.)

2) *АСВЗ* – антисоветский военный заговор; см. *буквы*, 2. Формулировка, применявшаяся особенно часто в 1937-38 годах. [СпГУЛАГ] (Кодированная пометка на *личном деле* заключенного.)

3) *АСЭ* – антисоветский элемент; см. *буквы* (3). [СпГУЛАГ] (Кодированная пометка на *личном деле* заключенного.)

4) *АТП* или *а. т. п.* – *адмтехперсонал*, административно-технический персонал. К этой категории относятся: акушерка (см. *дети*, 1); диспетчер; зав. баней, аптекой, кухней, пошивочной или сапожной мастерской и т.п.; инспектор *КВЧ*, *санчасти* и т.п. Паек *АТП* ниже *ИТР*, но лучше *м.о.п.* Благодаря близости к начальству, некоторым работника этой категории удается получить паек *ИТР*. У многих блат на кухне (см. *придурок*, 3). [СпГУЛАГ]

5) *КВЧ* – Культурно-воспитательная часть. Ср. *культпросветработа*; *культурно-воспитательная деятельность*; *политвоспитательная работа*. [СпГУЛАГ] (Все эти лексемы в лагерном жаргоне имеют еще дополнительную, всегда негативную, семантику.)

6) *ИТР* – инженерно-технические работники. Примеч.: Те из *зэков*, которым разрешено работать как *ИТР*, пользуются рядом преимуществ.

¹⁶ Снегов С. Язык, который ненавидит. – М., 1991.

¹⁷ Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург - Пермь, 1995.

¹⁸ Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: В 2 т. – Лондон, 1987; М., 1991.

[СпГУЛАГ] (ЗК или зэк – заключенный. О работе ИТР в *шарашке*, или в *шарашкиной конторе*, см., в частности, у А. Солженицына, в его романе *В круге первом*.)

7) *м.о.п.* или *МОП* – младший обслуживающий персонал (подметальщики, уборщицы, сторожа, дневальные и др.; ср. *СФТ*). По правилам на эти работы следует направлять физически неполноценных, но очень часто они попадают к крепким, умеющим устроиться людям. Питание *МОП* – плохое (*гарантийка*). Но все же не на *общих работах!* [СпГУЛАГ] (Не путать с аббревиатурой *МООП* – Министерство Охраны Общественного Порядка. Работников его, кстати, в просторечии называли, по буквенному сокращению названия министерства, *мопсами*. *СФТ* расшифровывается: средний физический труд. Название одной из лагерных категорий трудоспособности – см. *комиссовать* 1-5 - между *ЛФТ*, легким физическим трудом, и *ТФТ*, тяжелым физическим трудом. На практике это часто оказывалось фикцией, – отмечает в своем словаре Ж. Росси.)

Обратим также внимание на то, что от сокращения *ТФТ* в лексиконе заключенных было образовано слово *туфта*, иногда *тухта*, – «липа, обман; очковтирательство; работа, сделанная лишь для видимости; заведомо ложные, завышенные показатели в официальном отчете». Отсюда и выражение *знать туфту*. Однако старались *знать туфту*, чтобы окончательно не надорваться, выжить, на самой тяжелой гулаговской работе – на сибирском *лесоповале*. А направляли работать на лесоповал именно тех, кто был обречен лагерным начальством на *ТФТ*. И были это обычно политические: *ВН* (враги народа), *ДВН* (дети врага народа) и прочие *АС* (антисоветские элементы). Новой в этом ряду поэтому представляется аббревиатура *БОМЖ*, как маркер на деле арестованного, а потом заключенного, уже новейшего времени.

Мы привели для иллюстрации на этих страницах только незначительную часть буквенных образований, которыми пестрит вся история не только сталинских лагерей, но, пожалуй, и всей России, после октября 1917 года. Более того, в пример приводились только аббревиатуры, и почти не был на этих страницах затронут обширный слой словообразования на базе этих буквенных сокращений. Не был поднят здесь также вопрос и о *сложносокращенных словах* разного типа (того же авторства, что и печально известные теперь *аббревиатуры*). Не касались мы вопроса также и о словотворчестве на базе этих единиц. А надо сказать, что этим словотворчеством, на разные лады, занимались и начальство лагерей, и охранники, и рецидивисты, и репрессированные. Возможно, поэтому подобных лексем в лагерном языке особенно много.

Аббревиатуры в армейской жизни

Хочется подчеркнуть, что русскоязычные *аббревиатуры* и примыкающие к ним *сложносо-*

чинные слова, особенно советского и постсоветского периодов, не только представляют интереснейший материал для самостоятельного лингвистического исследования, но и являются сами по себе, как понятийные комплексы, ценными фрагментами русской *картины мира*, во всяком случае – одной из ее обширных, но еще практически не описанных научно, в языковом отношении, сфер. Правда картина эта в историческом развитии России так часто, к сожалению, видится только в перспективе узкого зарешеченного окошка. В результате специфические лексемы *тюремно-лагерного жаргона* представляются порой лишь единицами «общего жаргона», как бы присущего всем носителям современного русского языка самым естественным образом.

Отдельным вопросом в этом контексте представляются также аббревиатурные образования в *армейском лексиконе*, или, как его реже называют, *армейском жаргоне*. Поскольку армейская жизнь в России всегда напоминала и напоминает *лагерную*, причем жизнь *лагеря особого* или *строгого режима*, то нет ничего удивительного в том, что и оба жаргона, тюремно-лагерный и армейский, в определенных смыслах чем-то очень похожи. Правда, если посмотреть на этот вопрос с другой стороны, то ничего здесь удивительного нет: во главе подразделений советской армии, так же, как во главе тюрем и лагерей, стояли и стоят высшие военные чины. И подчиняются им чины низшие: и там и там есть офицеры, солдаты, сержанты и вольнонаемные служащие, приравненные к контингенту военных. И там, и там *армейский жаргон*, который отличается от второго, *лагерного*, только узкопрофессиональным уклоном.

Примеры аббревиатур армейского языка находим в многочисленных изданиях словарей-справочников, осуществлявшихся и осуществляющихся в СССР, как уже упоминалось выше, а теперь в России «Воениздатом». Новое словообразование в контексте лексики военной тематики представлено, в частности, в так называемом *афганском лексиконе* (военный жаргон ветеранов афганской войны 1979-1989 годов), на российской странице интернета <http://afgan@pus.org>:

- 1) *эрэсы* или *РС* – реактивные снаряды;
- 2) *энша* или *НШ* – начальник штаба;
- 3) *бэтээр* или *БТР* – бронетранспортер;
- 4) *взлетка* или *ВПП* – взлетно-посадочная полоса;
- 5) *ДШБ* [дэ-шэ-бэ] – 1. десантно-штурмовая бригада; 2. десантно-штурмовой батальон (потенциальные смертники, группа повышенного риска);
- 6) *БШУ* [бэ-шэ-у] – опасная операция, жертвами которой в Афганистане нередко оказывались свои же части; а также другие сложносокращенные лексемы: *дисбат* - дисциплинарный батальон; *сухпак* – сухой паек; *индпакет* – ин-

дивидуальный пакет для оказания первой медицинской помощи в случае ранения.

Следует отметить также некую новую тенденцию, наметившуюся в современном русском языке с приходом на пост бывшего президента России, В. Путина. Это, с одной стороны, множественные новые *аббревиатурного словообразования*, с другой же – поспешная замена старых, примелькавшихся аббревиатур (сталинской и постсталинской эпох на новые) – приблизительно с тем же, или даже с более дифференцированным, содержанием. Примеры такого современного словотворчества можно было найти, в частности, на странице российского Интернета <http://www.zona.com.ru>, очень быстро ставшей, к сожалению, неактуальной. Этот огромный, по представляемому историческому и лингвистическому материалу, и продуманно сделанный гипертекст попросту исчез из виртуального пространства российского Интернета, как бы по мановению чьего-либо указующего перста, что очень, на наш взгляд, досадно.

Наравне с хорошо известным носителям русского языка *СИЗО* (следственный изолятор), появились новые, нередко просто замещающие прежние, старые аббревиации:

1) *УИС* – Уголовно-исполнительная система, функционирующая в рамках Министерства юстиции Российской Федерации с августа 1998 года, является составной частью системы правоохранительных органов страны и представляет собой совокупность учреждения и органов, исполняющих наказания, а также обеспечивающих содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;

2) *ВК* – воспитательная колония;

3) *ИК* – исправительная колония (общего, строго или особого режима);

4) *ЛПУ* – Лечебно-профилактическое учреждение; вместо прежнего *ЛТП* (лечебно-трудоустройственной профилакторий);

5) *УИС* – Уголовно-исполнительная система.

6) *ГУИН* – Главное управление исполнения наказаний, вместо *ГУЛаг*.

Значения последней буквы этой новой аббревиатуры, фигурирующей на данном *сайте*¹⁹, установить, к сожалению не удалось. Так же непонятными остаются – для нас, во всяком случае, – буквенные образования *ВВТК*, колония для подростков (очевидно, по-прежнему та же *воспитательно-трудоустройственная колония*, но который теперь предшествует загадочная буква *В*), *ОБЭ*, *ОСБ УИН*, *НОПЧ* и другие, данные на странице Интернета, посвященной новой российской *тюремно-лагерной зоне*, без расшифровки. Итак, мы имеем дело сегодня с активным созданием новых аббревиатурных образований, а также с заменой, или замещением, старых шифрованных названий новыми, приблизительно с теми

же значениями, но иначе пишущимися и потому звучащими для русского слуха пока незнакомо. Тем самым всем носителям языка понятное и давно освоенное в тоталитарной действительности как бы становится «новым» – непонятным, а потому еще более пугающим и устрашающим.

Это последнее языковое явление (замена «старого» на «новое», аналогичное) в свою очередь ждет своего научного описания и также составляет часть сложной проблемы активного процесса создания русскоязычных аббревиатур. Такие словари, в частности, как «Словарь языка Совдепии» и «Язык тоталитаризма» дают богатый материал для анализа аббревиатурных и сложносочиненных русскоязычных единиц. Практически в этих справочниках представлены все типы сложения корней и частей корней. И на примере этих лексем наглядно видны словообразовательные русскоязычные процессы как таковые.

К вопросу о русскоязычных жаргонах

В этом разделе обобщены выводы работы по указанному направлению исследований, проводившихся индивидуально и в различном составе, с соавторами (инициативный Научно-исследовательский центр лингвopsихологии NICOMANT²⁰, в 1991-1998 гг.).

I. Составление полной картины мира (объемной и целостной), представленной в *Толковом словаре живого великорусского языка* Вл. Даля. Описана она с помощью 12-ти условных групп и 96-ти тематических словарных фондов (проективных описаний картины мира). Причем современный жаргон любой криминальной (и пограничной) среды составляют лексемы

1) соотносящиеся только с 6 из 12-ти возможных групп человеческого (и традиционного) мироощущения, а также

2) только с 24-мя из 96-ти тематических групп проективного описания модели мира (и то лишь частично).

Наиболее активной лексикой в криминальном жаргоне является относящаяся к следующим тематическим фондам:

1) Еда. Питье. (6 гр.); Огонь. (1 гр.); Тело. Секс. (9 гр.); Одежда. Обувь. (8 гр.) – *удовлетворение естественных потребностей*;

2) Имена (*называние и обзывание; пренебрежительное*). Смех. Драка. Брань. (9 гр.) – *формы защиты, а по сути – агрессии*;

3) Жилище. Вещи. (7 гр.); Ткани. Одежда. Обувь. (8 гр.); Профессии. Орудия. Оружие. (10 гр.); Счет. (3 гр.); Речь (но только *по фене*, или *блатная музыка*). Смерть (а именно: *убийство*). (4 гр.) – *связанное с профессиональной деятельностью (воровством, бандитизмом)*.

II. Анализ лексико-семантического фонда XIX в., в той или иной мере повлиявшего на современное состояние криминального жаргона и

¹⁹ Еще одно новое слово – на этот раз из лексикона информатиков, или компьютерщиков (разг.).

²⁰ См.: <http://nicomant.blogspot.com/>.

пограничной ему общеупотребительной лексики русского языка, а также лексем, ставших жаргонизмами в XX в. как следствие смыслового искажения, смещения или замещения.

Словарь Даля включает в себя

1) *афеню, офеню, офенскую речь* более как профессиональный, или цеховой, жаргон, часто использовавшийся для обмана и надувательства (покупателя, заказчика), а потому пограничный с языком воров, конокрадов, а также с языком деклассированной среды – нищих, бродяг, цыган: “*кантюжный, ламанский, аламанский или галивонский язык*; это частью переиначенные русские слова: *мастья*, мать, *мастырить*, делать; или им дано иное значение: *косать*, бить, *костер*, город; или вновь составленные, по русскому складу: *шёрсно*, сукно; *скрыпы*, двери; *пащенок*, дитя; или вовсе вымышленные: *юсы*, деньги; *воксари*, дрова; *Стод*, Бог и пр. Грамматика русская, склад речи также. На этом же языке австрийские (белокриницкие) раскольники переписываются с нашими. Похожий, но менее полный язык есть у кстрмск(их) шерстобитов, у тверских и др. нищих, где нищенство составляет промысел; также у конских барышников, из татарских и немногих цыганских слов; у воров или мазуриков, в столицах (см. *байковый язык*) и пр.” (Даль, 1980-82: I, 30.);

2) *байковый язык* более как профессиональный, но уже собственно *воровской*, а потому крайне табуированный и намеренно малопонятный, жаргон маргинальной среды: “(от *байки*, суконный, картавый? Или от гл. *баить*?) или *музыка*, вымышленный, малословный язык столичных мазуриков, воров и карманников, нечто вроде *афенского*; есть даже несколько слов общих, напр., *лепень*, платок; но б.ч. придуманные свои: *бутырь*, городской; *фараон*, будочник; *стуканцы*, *веснухи*, часы; *скамейка*, лошадь; *ходить по музыке*, говорить *байковым* языком; *подначить*, *захороводить*, подкупить прислугу; *перетьрить вещь*, передать наскоро; *стрема*, опасность; *камышевка*, лом; *голуби*, белье на чердаке; *мешок*, скупщик краденого, и пр.” (Там же: I, 38.);

3) *музыку* как специфическое проявление последнего, т.е. как полностью закрытый и непонятный для не своего, не посвященного жаргон деклассированных представителей общества, составивших собственную субкультуру, противоположную и противопоставленную общепринятой: “*музюкать*, вор(онежск.) говорить шепелевато, *зюкать*; тмб. – беседовать, балагурить; ниж-ард. – толковать, обсуживать.” (Там же: II, 358.)

III. Анализ разных по времени бытования групп русскоязычных жаргонизмов, которые можно рассматривать как разные формы *жаргона* (соотносимые, в своем развитии, с пятью ступенями инициации):

1) *офеня* – основой которой является язык так называемых *татарских башкир*, с преобладанием тюркских корней;

2) *байковый язык*, переиначивший бытовую лексику русского языка, близкий *мещанскому*, и *музыка*, или собственно *арго* (однако им не знакомо понятия *блат* и *блатной*), последняя включает непонятные для городской среды диалектные корни, а также лексикон различных поселений, ограниченных чертой оседлости и национальной обособленностью; искажения, типа “неправильного” словообразования, объяснимы, в частности, восприятием говорящего русской речи как *инородной*;

3) *блатная музыка*, или *феня*, как собственно *язык арготический*, т.е. тайное коммуникативное орудие представителей деклассированной среды, обусловленное средствами существования (воровством, разбоем, нищенством), либо искусственной обособленностью (принудительным поселением, работами, поражением в правах) – активно использовалась, в частности, в среде террористических групп, революционеров; появление жаргонизмов, заимствованных из *идиша*, либо образованных от корней *иврита*; так *баить по фене* превращается в *ботать* (*бдая* – ложь, выдумка; *бад*, или *бод*, с оглушением *д – т* – выдумка, вымысел и ткань; ср.: *(за)бодать* и *бодяга* – болтун; а также: *(за)бурить(ся)* от *бур* – невежда; *блат*, *блатной*, *блотяк* от *бло(а)т* – изнаситься, *бло(а)ш* – следить, *б(а)лаш* – сыщик; *блоф* – пускание пыли в глаза, т.е. *блеф*; и т.п.)

4) так называемая “*русская*” *феня* – значительно дополненный (лексически и семантически), расширенный (сферы употребления, предметные поля, словообразовательные и фразеологические возможности), а также “продвинутый” (семантические смещения, замещения, искажения; переосмысления и новые ассоциации) фонд профессионального *воровского языка*, или *блатной музыки*; “обогащен” языковыми неологизмами и речевыми *официальными штампами* из практики сталинских репрессий (судопроизводства НКВД) и лагерной жизни; внедрение в жаргон корневых основ из языков “многонациональных народов” СССР;

5) современная *феня* – как нарочито раскованная, а потому упрощенно жаргонизированная форма разговорной речи (независимо от среды употребления – при тенденции их взаимопроникновения, слияния и даже подчинения среде *криминальной*); активное заимствование из *иностранных языков*, как правило, с искажением фонетическим, семантическим, а также с изменением сферы употребления.

Как видим, *феня* не является однородной массой уголовного жаргона, а четко расслаивается – по времени использования, принципу организации и интенции употребления – на три пласта, а точнее сказать на *три разных “фени”* – на *блатную*, или язык *воровской среды* (I), на *лагерную*, или язык специфической субкультуры тех, кто *поражен в правах* (II), и на *советскую*, или язык *криминогенной* и *маргинальных сред*,

уже как проекция *массового уголовного сознания* (III); последняя при этом подразделяется на два подтипа криминального *арго* – на *партийно-административный жаргон*, или *номенклатурная феня* (III-а), и на *общеупотребительный жаргон*, или *разговорная феня* (III-б).

IV. Анализ сред, благоприятных для бытования и развития жаргона, а также для создания, в силу каких-либо обстоятельств, специфической, асоциальной и деструктивной, субкультуры.

Криминальными и криминогенными (пограничными) средами, для которых собственный “закрытый”, или тайный, язык необходим как средство личной и коллективной безопасности, в условиях России до 1917 года являлись следующие:

1) среды, или исторически сложившиеся “цехи” – *производственные* и *торговые*, где в силу профессиональной замкнутости и обособленности, а также общности целей – получить как можно более высокую выгоду (от продажи или перекупки-перепродажи), появляются условия, возможность и кастовая необходимость в *обмане* и *обворовывании* заказчиков, клиентов, покупателей; из этих сред составилась постепенно некий круг промышляющих *мошенничеством*, т.е. весьма отличный от круга промышляющих *грабительством*, однако близкий живущим за счет *воровства*;

2) маргинальные среды, искусственно социально обесцененные и отгороженные, т.е. деклассированные, напр., деревенское и заводское население (сначала *крепостные*, или *беглые*, а затем *нищенствующие* и *бродяжничающие*, с *не выправленными бумагами*) или принудительно обязанные жить *в черте оседлости*, либо в *монастырях*, а потому, за их пределы, люди *беспаспортные* и полностью *бесправные*, находящиеся вне закона и потому не имеющие никаких иных средств для существования, кроме *попрошайничества* и(ли) *грабежа*; их сред этих нередко пополнялись *воровские шайки* и *бандитские группы*, демонстративная асоциальность и агрессивность последних нередко оказывались благодатной почвой для революционных идей (мир разрушим; кто был ничем, тот станет всем);

3) среда *беднейших* и *бесправных слоев населения*, в силу крайнего недовольства своим положением склонным принять революционные идеи, участвовать в политических аферах и спекуляциях, а также склонный к приступам агрессии, немотивированной деструкции, направленной на общественную формацию в целом и на отдельных индивидов, имеющих какое-либо материальное или социальное преимущество (это есть наш последний и решительный бой; грабь награбленное); “борьба с социальной несправедливостью” принимает асоциальный (криминальный) характер, – следуя уголовной психологии представителей деклассированных сред,

куда примыкают и собственно *уголовные элементы*.

Криминальными и криминогенными (пограничными) средами, использующими тайный жаргон (*арго* или его элементы) для личной, либо коллективной, выгоды и безопасности, в условиях республик бывшего СССР и современной России являются следующие:

1) собственно *уголовная среда*, или так называемые *деклассированные элементы* (воры, грабители, убийцы, проститутки любого пола) пограничная среде условно “не криминальной”, – как паразитирующая на второй, живущая за ее счет, конфликтующая с ней и сотрудничающая (в той или иной форме и степени); *феня* здесь используется для обеспечения замкнутой клановости, надежности подзаконных сделок, а также для манипуляции внутри преступной группы (унижения, угрозы, иерархическая зависимость, внушение страха и послушания);

к ней, как пограничная, примыкает *среда работников сферы обслуживания* (торговли, общественного питания – в первую очередь, а также коммунального хозяйства, строительства и автосервиса) как дающая не ограниченные – т.е. не контролируемые – возможности легкой наживы (при помощи воровства и мошенничества), получения взяток, припрятывания *дефицита* (вещей и продуктов), перепродажи и спекуляции и т.п.; сюда же следует отнести работников любых сфер, в той или иной мере обслуживающих *номенклатуру* и живущих от ее щедрот, излишков; эта среда преобразовалась затем в криминально-мафиозную структуру *дикого рынка* и *черного бизнеса* (круг *предпринимателей*, *работодателей* и *челноков*, *новых русских*, *крутых бизнесменов* и т.п.);

2) пограничная деклассированной среде *беднейшая часть населения*, т.е. та часть, в основном, мало образованных и склонных к спонтанной агрессивной реакции рабочих и крестьян, в которой не было пассивного законопослушания, а недовольство настоящим своим положением порождало асоциальные проявления – поступки и модели поведения в целом (пьянство, дебоши, драки, поножовщину, грязную брань (*мат*), воровство, беспорядочные сексуальные отношения);

в частности, ее пополняют граждане страны, возвращающиеся к “нормальной жизни” после *отсидки* (в тюрьмах и лагерях, а потому естественно использовавшие в речи *лагерный жаргон*), т.е. неполноправные – как следствие *поражения в правах*, отсутствия *прописки*, возможности *работать по специальности* – члены общества; при Сталине таковыми оказывались и работники *колхозов*, не имевшие ни заработка (вместо которого *засчитывались трудодни*), ни паспорта;

3) криминогенная среда предоставленных самим себе детей и подростков (это – так называемые *дети улиц* и *подворотен*, в основном –

дети первых двух категорий; причем не обязательно – *беспризорные* или *детдомовские*, т.е. социально обездоленные вследствие революции, гражданской войны, голода и массовых репрессий); из нее, прежде всего, пополнялись ряды “*шестерок*” уголовного мира, а потом – его *профессионалов* (*карманников, белочников, домушников, медвежатников, мокрушников* и т.п.) и *авторитетов* (*паханов, воров в законе, блатных, тузов*);

позитивной программой, трудно достижимой и потому притягательной для этой категории, всегда являлось *получение теплого* (и *хлебного*) *местечка* – в сфере обслуживания, либо при номенклатуре и правовых структурах, т.е. там, где действовал *распределитель*, раздавались *спецлайки*, можно было себя почувствовать *королем* – находясь *при кормушке* (*шефа, начальника, доброго дяди*), а потому пользуясь отчасти чужими *благами, не доступными для простого смертного* (уголовный принцип перераспределения благ как установление относительной справедливости, что созвучно революционному лозунгу: *грабь награбленное!*);

4) кастово ограниченная – и близкая элитарной – среда работников правоохранительных органов (милиции, прокуратуры, органов государственной безопасности, тюрем, исправительно-трудовых лагерей, любых видов охраны – *совоков, барбосов, батей, красноперых, падлы, пасечников, хомяков*, а также *делегатов, гнили*), непосредственно соприкасающихся с уголовными элементами и представителями деклассированной среды (в том числе, по политическим причинам, т.е. по 58-й ст. УК), а потому – машинально, нарочито или с определенными целями – *перенимающих коммуникативные формы этой среды* (и ее психологию);

характерно также и то, что, с одной стороны, эти органы всегда пополнялись представителями данных маргинальных субкультур, с другой же – из *органов* в условиях тоталитаризма легко было пересечь сначала на скамью подсудимых, а потом за решетку;

5) среда номенклатуры, снизу доверху, партийно-административная элита унитарного государства, куда попадали, прежде всего, люди мало образованные, а потому чванливые (новым своим состоянием и положением по отношению к остальным – низшим, подчиненным, зависимым) и, в силу отсутствия истинной культуры, создававшие и диктовавшие на свой лад некую суррогатную – свою, *аппаратную* и *партийную*, – субкультуру;

они, с одной стороны, привносили в эту среду уголовную психологию и криминальный жаргон, с другой же – его охотно принимали в этой структуре управления люди более образованные и культурные, но не уверенные в прочности своего положения и личной своей безопасности, а потому *стремившиеся всемерно ассимилироваться* и “*слиться с массами*”; в то же время она

активно навязывалась “сверху” подчиненным-исполнителям самими *функционерами*;

б) среда так называемой *золотой молодежи* – в первую очередь, детей партийных функционеров, различных работников номенклатуры (и правоохранительных органов), воспитывающихся в атмосфере *вседозволенности* и *безнаказанности*, а потому становящимися непосредственными носителями уголовной психологии (своейственной их элитарно-кастовой субкультуре);

к ним же, следуя их образцами (речевым, коммуникативно-поведенческим), стремится приблизиться молодежная, студенческая и творческая – как столичная, так и провинциальная; в этой маргинальной среде уголовный жаргон считается своеобразным *шиком* и *высшим классом* (вследствие чего он активно проникает и на страницы русскоязычной художественной литературы, куда уголовная психология криминальных отношений, как правило, проецируется без особого анализа и без критического отношения к воссоздаваемому материалу, нередко приобретая при этом *видимость коммуникативной нормы*);

7) специфическая *субкультура советской школы*, которую составляют учащиеся (привносящие в ученическую среду криминальный жаргон и тип межличностных отношений, являющихся проекцией уголовной психологии), учителя (принимающие навязываемые им учениками коммуникативные формы и нередко активно их использующие – как средства сближения с учениками, установления взаимопонимания, манипулирования детским коллективом); если раньше *школьный жаргон* включал лишь отдельные *аргоизмы*, то в последнее десятилетие он окончательно *ассимилировался с уголовным*;

все чаще уголовное сознание школьника формируется непосредственно в семье, либо там приживаются формы коммуникативных (иерархических) отношений, свойственных криминальной группе, и соответственно – жаргон, отражающий и выражающий эти отношения.

V. Анализ лексических фондов разных типов жаргонов (и прежде всего - трех типов *фени*) и сходной по смыслу общеупотребительной, а также диалектной лексики русского языка – по материалам толкового словаря Вл. Даля. Такое сопоставление позволило сделать весьма интересные и неожиданные выводы, а именно:

1) *офенский*, а затем *байковский языки*, а также *музыка* (очевидно, как переходная форма к более развитому и уже многофункциональному *воровскому жаргону*), преследовали только цель *отгородиться от посторонних* – людей не своей профессии, не своего круга или компании, не своей национальности (как в случае с *башкирскими татарами*), но, к примеру, не от конкурентов, соперников, занятых таким же промыслом (*коробейничаньем, лотошничеством*, т.е. торговлей в разнос, *барышничеством*, коно-

крадством, ремесленничеством или, допустим, рыбным промыслом, так же имевшим свой специфический жаргон); здесь принципиальное значение имело – *свой ты или не свой, разумеешь по-нашему* или нет, *умеешь ли говорить так, как мы* (традиционная модель сакрализации коллективного знания и проверок пришлого на *ложность / истинность*, т.е. на *осведомленность, умелость и изворотливость*);

эти “тайные” языки составляют лексемы, нейтральные по своей окраски – только *называющие* действия, предметы и свойства – как объекты действия, и лишь иногда – лица, так же более как объекты действия, чем как его субъекты; лексика, выражающая действия группы “драка”, а также составляющая группу “брань”, носит *демонстративно-преувеличенный и шутивно-пренебрежительный характер*; очевидно в этом контексте носителями жаргонов активно использовались общеупотребительные лексемы этих двух, весьма объемных в словаре Даля, групп, – лексемы *традиционно-фольклорного характера* (соотнесенные с мужской инициацией и ее этапами, эротикой, ярмарочным мерянием в силе и ловкости, смеховой культурой), когда демонстративная агрессивность не является в действительности таковой, а есть лишь предупреждение: *меня не трожь, ко мне не подходи – а то как дам, тогда у меня получишь*;

2) *блатная музыка* начала 20 в. (назовем ее собственно *воровская, блатная феня*, или *блатной жаргон*), равно как – отчасти – и первоначальная *музыка*, ей предшествовавшая и ее породившая – как специфическая часть *городского (мещанского) жаргона* (лакейского, приказнического, купеческого – в немалой части своей *мошеннических*, по цели использования, а также собственно *воровского*), – суть детально разработанный профессиональный инструмент преступного мира; здесь *дифференцированно называются* как объекты, так и субъекты преступных действий (мошенничества – напр., картежного, воровства, грабежа, убийства), сами преступные действия и детали их исполнения (формы, орудия, а также предметы-объекты);

однако этот язык составляют лексемы ярко выраженного *оценочного характера* (здесь значимо деление на *плохое* и *хорошее, нужное* и *ненужное, бросовое, полезное* и *бесполезное*, и даже на *красивое* и *некрасивое*, а потому *неприятное* говорящему), в то же время – эта лексика носит *объективно-оценочный характер* и лишена внешней *агрессивности* и какой-либо активной, значимой для говорящего окраски: она свидетельствует об избиении, убийстве, драке как о само собой разумеющихся фактах преступного быта – *отстраненно-безэмоционально*, возможно, *насмешливо-иронически* либо *хвастливо-преувеличенно*; в этом и состоял традиционно своеобразный *воровской шик*: всегда и во всем быть невозмутимым, сдержанным и, на свой лад, корректным, в т.ч. – в языке (та-

кой *поведенческий и речевой идеал-шаблон* насаждали, в частности, одесская и столичные криминальные субкультуры);

мотивация жаргона значительно изменяется: он не только отделяет *своих* от *чужаков*, но также позволяет говорящему выставляться и рисоваться перед другими – своим превосходством, опытом (*блатным*), и это превосходство должно, с точки зрения *ботающего по фене*, вызывать *зависть, восхищение* и даже *страх* у окружающих (*фраеров*, т.е. не своих, и *лохов*, своих, но ниже стоящих в преступной иерархии, которая теперь весьма развита и значима в среде *бандитов*, а также в среде деклассированных *революционных элементов*); так, *плевать картошки* будет – бросать бомбы; *пле(у)товать* – бежать из ссылки, но также – избивать и удирать (ср.: *купить плеть* – бежать из заключения, а *плешить* – сбивать с толку); *обратник* – беглый их ссылки и каторги; *взять на аннушку, на прихват, на храпок, на пушку, на якорь* и проч. – популярные выражения времен гражданской войны;

3) *лагерная феня* сталинского и постсталинского периодов как *тюремно-лагерный (блатной) жаргон*, равно употребляемый *заключенными* (зэками, в т.ч. и *бывшими*), *лагерной охраной* и *администрацией*, а также на всех уровнях института советского права; ее отличает, прежде всего, переориентация интенционально нейтральных слов *блатной фени* в негативно – контрастно – окрашенные, эмоционально огрубленные, вульгарные, садистские, с ярко выраженной тенденцией унижить, поставить на место, морально уничтожить, с угрозой искалечить и уничтожить физически, а также с явной тенденцией (с)манипулировать собеседником и окружающими;

так, напр., *зверь*, первоначально “жертва не русской национальности”, превратился в “азиата, кавказца” (т.е. в “не человека”), в “насилника” (сексуального, или маньяка, убийцу), в “сбытика наркотиков” и в “начальника”; *звонарь*, “лжец и хвастун”, – в ненавидимого и презираемого “стукача, доносчика; провокатора”; *замочить*, “продать”, – в “убить” или “предать, по доносу”; *купить*, “украсть; задержать; выпытывать секрет; совершать легкую кражу” – в “обмануть, войдя в доверие; спровоцировать (, чтобы потом донести); выведать, выпытать” и проч.; особенно резко меняется окраска лексем, называющих субъектов насилия (особенно разных национальностей, а также женщин и гомосексуалистов), их качества и агрессивные действия по отношению к ним;

4) *советская феня* как *партийно-административный жаргон* (или *номенклатурная феня*), естественно образовавшийся из агрессивного *революционно-уголовного лексикона* поры становления “рабоче-крестьянской”, а затем “советской” власти – т.е. диктатуры коммунистической партии;

та часть лексики советского *административно-лагерного жаргона* (и даже *административно-партийного лагерного жаргона*), как точнее будет его назвать, которая, в отличие от остальной, сравнительно нейтральной (в окраске своей и интенции – каковыми являются, напр., глаголы, выражающие отношение, а чаще равнодушие, к краденому имуществу, еде, выпивке и даже приему наркотиков), составляет обширный и весьма активный в разговорной речи фонд *садического языка* (термин А. Chervinsky, 1994) тоталитарного государства, отличается, прежде всего, деструктивностью (в одних случаях - направленной и конкретно уничижающей, унижающей, уничтожающей, в других - ненаправленной абстрактной, а потому всеобъемлющей и бесконтрольной);

для него актуальны такие оппозиции, как *шеф* и *мальчик на побегушках*, *дока* и *шланг*, *пахан* и *васёк*, *дед* и *салага*, *заказчик* и *чукча*, *настоящий мужик* и *сука* (*баба*, *подстилка*, *кошёлка*), *бугор* и *жид* (*вонючий*, *пархатый*, *жидкий на расправу*) – во всех оттенках расизма, антисемитизма и других форм дискриминации (национального или сексуального меньшинства, интеллигенции, верующих, женщин и детей, как более слабых, зависимых, а потому презираемых);

5) *советская феня* как *криминальный жаргон*, *активно внедренный в общеупотребительную лексику* (или *разговорная феня*);

оно, это насилие сверху, будучи *подавлением* другой личности (личностей), всегда является доказательством собственной правоты и власти, с одной стороны (диктующей условия игры), и вины, зависимости – с другой (эти условия игры принимающей), а потому всегда является *наставлением* для собеседника и одновременно его *унижением*);

специфика этого лексикона, его семантические смещения и окраска, непонятные или означающие нечто неизвестное собеседнику – особенно носителю любой иной, не тоталитарной, культуры – речевые штампы, словоупотребление, интенции и коммуникативные отношения, эвфемизмы, весьма осложняют сегодня межличностные, и даже международные, контакты.

VI. Анализ той значительной части *фени* – а именно: *фени лагерной* и *фени советской*, – которая носит специфический *садический характер*, содержит в себе заряд слабо мотивированных *агрессии*, (*само*) *деструкции* и *негативизма*.

Специфика уголовного жаргона и его проникновение в другие речевые сферы

Садический язык составляет значительную часть современного уголовного и административного жаргонов, и заимствован он, прежде всего, из *зоны заключения*. Под *зоной* подразумеваются *тюрьмы* и *лагеря*, места принудительного ограничения свободы индивидов, а по-

тому обесценивания человеческой личности как таковой. Это жаргон *заключенных* (*зэков*) и *вохров* (всех видов *начальничков*), т.е. язык унижения, приспособления (с одной стороны), уничтожения, подчинения (с другой); однако и в ту и в другую группу могут входить – избирательно – как первые, так и вторые.

Под *зоной* также – и это зафиксировано в самом жаргоне – подразумевается также и вся *Страна Советов*, отделяемая от мира – в той или иной мере, на разных этапах ее существования – *железным занавесом*. Но он, этот специфический язык манипуляций и подавления, заимствован также из *среды советских номенклатурных работников* (где основой всех отношений является принцип «дам – не дам» и где, вследствие самих этих отношений, вербализованных в специфическом *административном* и *партийном жаргоне*, все подчинено моделям уголовной психологии).

Потому этот специальный язык только называет явления, предметы, субъекты, но имя это не выражает сущности объекта. Немалую часть лексического состава *садического языка* тоталитарного государства составляют уничижающая брань, оскорбительные, пренебрежительные прозвища и определения объекта речи – в процессе диалога либо говорения о третьем лице. Если сам по себе садический язык не жесток, то основная функция его – как контекстуальное и коммуникативное речевое проявление – это *насилие*, всегда направленное сверху вниз.

Носитель *садического языка* перекраивает окружающий мир по своему образцу (свойственному его собственному садистскому пониманию и мироощущению власть имущего). Поэтому сам садический язык не способствует – и не может, вследствие своей специфики, ни в коей мере способствовать – принятию этого, всегда конфликтного, мира конфронтации и взаимного неприятия.

На протяжении десятилетий Россия, отрезанная от цивилизованного и демократического мира "железным занавесом", создавала в условиях всеобщего бесправия и государственного террора свою специфическую маргинальную субкультуру, оправдывающую (равно как и обусловливающую) отношения "насилие" (со стороны государства и стражей его устоев) – "жертвы насилия" (как нравственного, так и физического). Одним из результатов этого длительного ассимилятивного процесса и стал своеобразный язык общения и взаимного подчинения, некий *тоталитарно-административный жаргон*, проникающий во все сферы взаимоотношений (деловых, межличностных и даже интимных). И разлагающий эти отношения изнутри – постепенно подчиняя себе все и вся, и прежде всего – русскоязычное просторечие.

Базируется этот табуированный язык на актуализированном (благодаря развитию системы ГУЛАГа) воровском *арго*, превращаясь, с одной

стороны, в то, что мы называем сегодня *тюремно-лагерным (блатным) жаргоном*, а с другой, в *партийно-административный лексикон*. Это – тот же – и даже один и тот же – *жаргон*, официально *сухой* – в обращении к посторонним и к подчиненным, и одновременно, среди *своих людей*, – *“забористый”* и даже *“заборный”*, нередко *“многоэтажный”*, т.е. активно включающий в себя словообразования и конструкции *“матом”* или *“по фене”*.

Оба эти лексические фонда легко совмещаются, образуя при взаимном проникновении и смешении специфическую коммуникативную форму отношений *“начальничков”* и *“зеков”* (заключенных), *“хозяев”* и *“шестёрков”*, *“блатовиков”* (они же в криминальной среде *воры в законе*) и *“вонючих козлов”* (всех тех, кого первые, оказавшиеся в силу обстоятельств над ними, *дрючат, опускают, макают, достают*, а также заставляют на себя, или за себя, *ишачить*, что и выражают приниженной, или так называемой *опущенной*, стороне *открытым текстом*, т.е. во всем разнообразии и псевдообразности конструктивного – уголовного – *мата*).

Деструктивность этой лексики проявляется как в *бессмысленности* названия (и *обзывания, клеймения* – отдельных личностей и групп, чувств, действий, предметов, свойств и умений индивида), а также интенций (*приказов, желаний, идеалов, мечтаний, отраженных лексемами*), так и в *агрессии*, эмоциональной окраске высказываний, скрытой и явной угрозе (собеседнику или третьему лицу), *негативности* мироощущения.

Для тоталитарного государства характерно использование тех же лексем (садического языка) в речи номенклатурных работников и представителей права – исключительно для обозначения лиц подчиненных, зависимых (воспринимаемых обычно как жертва – избитая, убитая, абортированная и(ли) проститутка), выражения приказа, распоряжения, которому обязаны безусловно подчиняться (широко используется набор глаголов, выражающих совершение акта полового насилия) и т.п.

Те же особенности словоупотребления, первоначально свойственные только *тюремно-лагерному жаргону* – в контексте зафиксированной им уголовной специфики межличностных отношений, – мы все чаще встречаем у преподавателей школ (особенно в последние десятилетия), в студенческой среде, в речи людей с высшим образованием (врачей, журналистов, предпринимателей, деятелей искусства, политиков, офицерского состава).

Потому садический язык и должно рассматривать как слияние и взаимодействие значительных частей *тюремно-лагерного* и *административно-партийного жаргонов* в специфическом лексиконе, объединенном общей интенцией – ограничения свободы и подавления личности в условиях советского тоталитаризма. В то

же время, он является лишь активной частью лексического фонда *советской фени* – прежде всего, *номенклатурной фени* и уж потом *разговорной фени*.

Заимствованный из лексики *лагерной фени*, в которой он составляет весьма значительный процент, этот язык насилия постепенно становится в русскоязычной среде эквивалентом и потому манифестацией мужественности, силы и власти, права и личностной значительности. Использование его очень часто – если не всегда – имеет еще и другую интенцию: обезопасить себя от возможного, и вполне вероятного, насилия со стороны кого-то другого и даже всех окружающих сразу путем создания вокруг себя мифа о собственной силе, защищенности (*крутой, бугор, имеет волосатую руку*, т.е. поддержку в определенных кругах, с которыми не стоит тягаться и меряться силой – в партийных, криминальных, правовых, напр.), опытности в подзаконной деятельности (напр., отношение к *рэкету, наркобизнесу, фашистской группировке*), некой собственной “непредсказуемости” и “опасности” для других (*псих(опат), бешеный, горлом берет, прирежет – если что*).

Эта функция *пугания*, еще не оформившаяся как таковая на уровне *блатной фени* начала века, но ставшая основой иерархической системы *фени лагерной* и *номенклатурной*, а теперь органически вписавшаяся в многофункциональную структуру *разговорной фени* – языка межпартийного, языка новых поколений и “темного бизнеса”, представляет немалый интерес для изучения и анализа. К сожалению, этот специфический язык стал сегодня едва ли не основным, а для маргинальных структур и единственным, коммуникативным средством – в общении, самовыражении и деловых контактах.

Нормативность и ненормативность языковых единиц

Так, на первый взгляд, казалось бы, что основным параметром отказа от включения в нормативные словари русского языка той или иной лексемы должно быть несоответствие данной языковой единицы литературным нормам, т.е. признанным и описанным *академической грамматикой* нормам русского литературного языка. И действительно, значительная часть лексики, появляющейся сейчас в современных лингвистических словарях ранее не включалась в подобные издания именно по этому признаку.

Среди таких языковых единиц, описываемых сегодня нами в словарных изданиях как *новая лексика* оказываются, в частности, и стилистически сниженные единицы русского языка: разговорные и просторечные формы слов (а), и жаргонизмы (б), и вульгаризмы (в), нормами литературного языка еще недавно категорически отвергавшиеся.

Приведем примеры такой *новой словарной лексики*, отобран для этого в первую очередь глагольные формы, где это было возможным. Не

всегда возможным же это оказывается постольку, поскольку разные словари представляют лексем, не только различные по тематике и словообразованию, но также и преимущественно те или иные части речи.

а) разговорные и просторечные формы слов:

1) *всыпаться, грызться, жить-поживать, жульнически, жуликоватый* [НСРЯ];

2) *раскорячить* и *раскорячиться, сплавить* и *сплавлять* (о товаре); *сплоховать* [СТСРЯ];

3) *голоснуть, зажать* и *зажимать* (кого или критику), *законтрактовать* [ТСЯС];

4) *слямзить, обещаться, обжиматься, обжираться* и *обжираться* [БТСРЯ];

5) *спонсировать, приостанавливать, приторговывать, прокормить, зацикливаться, затариваться* [ТСРЯ-XX];

б) жаргонизмы:

1) *ухлопать* (в значении *убить*), *сдернуть, шалман, шваркнуть, шпана* [НСРЯ];

2) *обрез, обуть* (3), *губа*³, *видик* (о видеомагнитофоне), *доходяга, загнуть* [СТСРЯ];

3) *Вова,дохлый Вова, Вовчик* (о мумии В. Ленина в Мавзолее), *болтушка* (женское к *болтун*, лагерное), *казёнка* (о школе), *чернобровый* (о Л. Брежнев), *папа Карло* (о К. Марксе) [ТСЯС];

4) *дошурупить, драный*², *дрючить, дурь, жакан, железка*¹ (2 зн.) [БТСРЯ];

5) *балдеть, коробейничать, расколоть* (кого), *взламывать* (о система компьютерной защиты), *тусоваться, прокрутить* и *прокручивать* (деньги) [ТСРЯ-XX];

в) вульгаризмы:

1) *пащенок, сволочь* и *сволота, шелопут, шельма* и *шельмовка, шлюха, хрен, хреновый* [НСРЯ];

2) *обормот* и *обормотка, обрубок* (об изуродованном, лишенном подвижности человеке), *очкарик* (об интеллигенте), *голубой, говно* [СТСРЯ];

3) *членовоз* (в первую очередь об автомобилях, в которых возят *членов Политбюро КПСС*), *кибальчиш* (о бабнике), *сопля* и *сопля чекистская* (о доносчике, в лагере) [ТСЯС];

4) *говнистый, говно, говнодавы, блядь, блядский, блядство* [БТСРЯ];

5) *намыливаться, бомжировать* и *бомжевать, затрахать* и *затрахаться* [ТСРЯ-XX].

Нечеткая грань между вульгаризмами и просторечием, а также проникновение жаргонизмов и в просторечие и в разговорную речь²¹ приводят к тому, что составители словарей русского языка по-разному соотносят ту или иную

лексему со сниженными речевыми стилями. Для словаря Т. Ефремовой [НСРЯ], в частности, эта проблема вообще не актуальна, поскольку практически не учтена системой стилистических помет. А, допустим, авторы *комплексного словаря* [КСРЯ²²] старались, по возможности, избегать включения стилистически сниженных лексем в свое издание, претендующее на *нормативное*. В словарях же, напр., Д. Квеселевича [ТСНЛРЯ] и Т. Никитиной [ТСМС] такая лексика, напротив, преобладает и составляет большую часть собранного и отобранного составителями для данных изданий фонда слов современного русского языка.

Однако, несмотря на очевидную многочисленность лексем, еще недавно находившихся за пределами словарной и литературной нормы, а теперь широко – и подчас, к сожалению, некритично – включаемых в современные справочные издания, они в общем фонде так называемой *новой лексики* занимают меньше места, чем, напр., лексика, подвергавшаяся раньше идеологической цензуре разного типа. Как показывает анализ словарей последнего десятилетия, эти языковые единицы, объективно существующие в языке, но при этом тщательно вычеркиваемые из печатных текстов пером цензора, мощным потоком хлынули на страницы словарей русского языка. Приведем примеры *новой лексики* этого типа:

1) *инакомыслящий, инакомыслящая, инакомыслие; репрессия, репрессировать, репрессированный; лагерник, лагерница, лагерный; оболванивать* [НСРЯ];

2) *иеромонах; кошерный; кошт; лакцы и лаки; мат*⁵ и *матерный, матерщина; новомученик; новопредставленный; ниспослать; пересылка* и *пересильный* (о тюрьме и этапе) [СТСРЯ];

3) *единоличник; единобожие; ждановщина; жидомасон* и *жидомассонский; жмурик; заграничная поездка; зона* и *зонавский; зэк, зэка* и *зэчка* [ТСЯС];

4) *матюги; маца; месяцеслов; ничегонеделание; новокрещенец; перекаптоваться; отовариться; поезжанин; подчалок; подчистка* [БТСРЯ];

5) *водоосвящение, военно-гэбистский, возвращенец* и *возвращенка, гэбист* и *гебист, гэкачепист* и *гэкачепистский, деидеологизированный, католикос, квазиперестройка, КГБшвей, кивала, клубничка, колядование, комковый* (от *комок*, комиссионный магазин), *коммунистическо-фашистский, контркультура, лезбиянство* [ТСРЯ-XX].

Третьим видом лексических нововведений, существенно изменивших за последние годы характер издаваемых в России словарей русского языка, стал мощный поток *иноязычных заим-*

²¹ В традиции русского языкознания, в отличие от польского, как известно, различаются стили *разговорный* и *просторечный*. Также и стиль *вульгарный* охватывает гораздо больший круг лексики, чем принято считать, к примеру, в среде полонистов. При этом русскоязычная вульгарная лексика весьма дифференцирована по происхождению, бытованию и окраске.

²² Комплексный словарь русского языка / Тихонов А. Н. и др. / Под ред. А. Н. Тихонова. – М., 2001.

ствований, активно и сразу включившийся в русскоязычный словообразовательный процесс. Приведем примеры такой заимствованной лексики, оказавшейся к тому же в словообразовательных отношениях для русского языка весьма продуктивной:

1) *Инаугурация; мобильность, мобильный; инвазия, инвазионность, инвазионный; индикт*, [НСРЯ];

2) *ваучер, ваучерный; круассан; крекер; кардиган; каратэ; маракуйя; караоке* [СТСРЯ];

3) *евангелизация и евангелист; евровалюта; европарламент; еврочек; катридж; квази-деньги* [ТСЯС];

4) *меркантилист, мизогинизм, мимезис и мимесис, минералотерапия, муниципализировать, НЛО, нищезанство, нищезанец, нитратомер* [БТСРЯ];

5) *дансинг, дампинг, дебюрократизация, девальвировать, деимпериализация, дисплей, долларизация, киднеппинг, кичмен, клиринг, инвектива и инвективный, инвестор и инвеститор* [ТСРЯ-XX].

Словообразовательные возможности, как показывает анализ современных справочно-лингвистических изданий, вообще оказались свойственны *новой лексике* как таковой. И такая тенденция как производство новых слов в современном русском языке, на наш взгляд, склонна сегодня все к большему развитию и расширению (4). Примером этому явлению могут служить следующие *лексемы-производные*:

1) *беженец, беженка --> беженский, беженство; безвременный --> безвременье; выдвигать* (кандидатуру, например) --> *выдвигаться, выдвигание*; а также *вседозволенность, всеевропейский* [НСРЯ];

2) *иждивение --> иждивенец, иждивенка, иждивенческий, иждивенческий, иждивенчески; извращённый --> извращение, извращенец, извращенка, извращённость, извращёно* [СТСРЯ];

3) *бюрократизм --> забюрократизованность, забюрократизованный, забюрократизировать, забюрократизироваться; идеология --> заидеологизировать, заидеологизированность, заидеологизированный*; а также *ельцинист, жёлтопрессник, жириновец, забугорный* [ТСЯС];

4) *штопать --> подштопать, подштопаться, подштопываться, подштопывание; тираж --> растиражирование, растиражировать, растиражироваться; растопить --> растопка, растопочный*; а также *подпрограмма; посмеяние и посмешище, растеряха, елдык --> подьелдыкнуть, --> подьедание* [БТСРЯ];

5) *диссидент --> диссидентка, диссидентский, диссидентство, диссидентствовать*;

перестройка --> доперестроечный; а также *доприватизационный, дотироваться, дээсовец* (член партии ДС, Демократический союз), *инвалидизация и инвалидизироваться, иномарка, инофирма* [ТСРЯ-XX].

Такой же анализ, например, *комплексного словаря* А. Тихонова показал, что это издание практически новой лексики не включает, либо включает – и то крайне редко – лексемы, в ряде словарей не фиксировавшиеся:

а) *колготки, лагерный* (режим) [КСРЯ];

б) *кед, ксерокопировать* [КСРЯ];

в) типа *басня --> басенный и баснописец; бесправный --> бесправность, бесправие*; а также *кассовый, качественный, кашлянуть, кисленький* (с включением дериваций, которые входят далеко не во все словари) [КСРЯ].

В то же время составители данного словаря ставят перед собой совсем иные цели, о чем и свидетельствует само название нового издания: комплексный, тяготеющий к словарям универсального типа, а потому формирующийся на базе толковых и грамматических словарей. Объясняется это тем, что изучающему русский язык удобнее и проще обращаться за справками к одному и тому же словарному источнику, чем искать ответы на свои вопросы в разных лингвистических книгах.

Поэтому данное издание содержит в первую очередь материал *дидактический* – с точки зрения самих авторов словаря, "необходимый и вполне достаточный чтобы довести работу над словом до правильного употребления его в русской устной и письменной речи". [КСРЯ, 2001: III.]

Итак, названный словарь *толковым* является только постольку, поскольку авторы его считают необходимым дать потенциальному пользователю самые необходимые и, пожалуй, минимальные сведения о семантике каждой из включенных в дидактический материал лексем. Довольно избирательно и скупое, по той же причине, представлены здесь и словообразовательные возможности отдельных слов. Зато грамматическое описание каждой единицы отличается полнотой и обстоятельностью. А именно этого требуют учебные цели такого нормативного лингвистического справочника, рассчитанного на повышение общей культуры речи носителей русского языка. Как мы видим, далеко не все новейшие издания стремятся отражать на своих страницах новую лексику и современные языковые тенденции. Продолжают выходить в свет и такие словари, как [КСРЯ], в той или иной форме, а также с той или иной целью дать образцы *нормы языка литературного*.

© Надель-Червиньска М., 2008

А. Одебунми
Ибадан, Нигерия

ТРЭКИНГ И ИДЕОЛОГИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ НОВОСТЯХ СМИ

УДК 321.0

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Аннотация. Статья посвящена идеологической нагрузке трэкинга в представлении новостей СМИ, недостаточно изученной проблеме политической и медийной дискурсологии. Одно заглавное сообщение и четыре связанных с ним новости из нигерийской газеты *Punch*, посвящённые непростою решению нигерийского Верховного суда касательно выдвижения бывшего вице-президента Атику Абубакара на выборы 2007 года, были проанализированы с точки зрения медиального дискурса, критического дискурса-анализа и прагматики.

Проанализированы отношения между политическими и юридическими институтами. Исследование завершается выводом о том, что преобладание упоминаний вопросов, которые благоприятны для Абубакара, доминирование авторитарных голосов и стратегический трекинг голосов общественных участников раскрывает ангажированность исследуемой газеты в пользу Атику Абубакара и поддержку демократической власти в Нигерии.

Ключевые слова: Политический дискурс; политическая лингвистика; трэкинг; язык СМИ, медиа-лингвистика; институты власти.

Сведения об авторе: Одебунми, Акин

Ученая степень, звание: Доктор философии, профессор

Место работы: Университет Ибадана

Должность: профессор

Контактная информация: Department of English, Faculty of Arts, University of Ibadan, Agbowo, Ibadan, Oyo State, Nigeria, 200001.

E-mail: akinodeb@yahoo.com.

Введение

До настоящего времени изучение политического дискурса проводилось, в основном, на материале докладов политических деятелей (Fairclough 2005; van Dijk 2005; Mazidat 2007), политических интервью в СМИ (Mullany 2002; Zbernovich 2007; Odebunmi 2008), политических дебатов (Christie 2002; Fento-Smith 2008) и др. Немногие из этих исследований были посвящены средствам репрезентации политических новостей (Nunn 2007). В большинстве случаев ученые анализировали новости с точки зрения критического дискурса-анализа, игнорируя прямую связь между трэкингом и идеологией, которая, в свою очередь, влияет на способы представления и значимость публикуемых материалов. С другой стороны, трэкинг не рассматривался как средство идеологической реализации в новостях СМИ. К примеру, ученые исследовали трэкинг лишь как способ представления людей в материалах СМИ (Alo 2007). Другие рабо-

A. Odebunmi
Ibadan, Nigeria

TRACKING AND IDEOLOGY
IN POLITICAL NEWS REPORTING

Abstract. This paper focuses on the ideological value of tracking in news reporting, an area that is yet to be significantly explored in the literature on political discourse, media studies and discourse analysis. One lead and four related reports of the Nigerian *Punch* newspaper on the sensitive Nigerian Supreme Court judgement delivered on the qualification of Former Vice President Atiku Abubakar for the 2007 general election were purposively sampled and analyzed using insights from media discourse, critical discourse analysis and pragmatics.

Two institutions, namely political and judicial, are found to be tracked in the reports through esphora and homophora. The power relations between these institutions and Atiku Abubakar are tracked largely through bridging and anaphora, showing different ideological exploitations and conflicts between the groups. The paper concludes that the preponderance of references to issues that favour Abubakar, a dominance of authorial voices and strategic tracking of public participants' voices unveil the principal's (the *Punch*'s) bias for Atiku Abubakar and support for democratic governance in Nigeria.

Key words: political discourse; political linguistics; tracking; mass media; media linguistics; political institutions.

About the author: Odebunmi, Akin

Academic degree, academic status: PhD in philosophy, professor

Place of employment: University of Ibadan,

Position: professor

ты по изучению трэкинга были либо не связаны с политическим дискурсом, либо ограничивались одними и теми же видами трэкинга.

Данная работа посвящена исследованию политических новостей СМИ с точки зрения связи трэкинга и идеологии. В качестве материала использовались одна основная и несколько дополнительных статей из газеты «Панч», в которых освещалось решение нигерийского Верховного суда о восстановлении прав бывшего Вице-президента Нигерии Атику Абубакара. Это событие сыграло решающую роль в сохранении нигерийской демократии.

Сложная ситуация сложилась в связи с результатами выборов: Абубакар, его партия, конгресс и большинство нигерийцев считали, что президент Нигерии Олусеган Обасанджо повлиял на независимую избирательную комиссию (национальный избирательный орган) с целью не допустить Абубакара к участию в президентских выборах 2007 года. Ситуацию усу-

губило решение суда (которое в дальнейшем было опротестовано Абубакуром в Верховном суде) в поддержку независимой избирательной комиссии о дисквалификации Абубакара.

В результате, Верховный суд был вынужден проявить осторожность как в правовой процедуре, учитывая время (с момента выборов прошло несколько дней), так и в принятии решения. Такую же осторожность в отражении этих событий проявила ведущая газета «Панч», известная прямоотой и взвешенностью суждений.

Таким образом, целью данного исследования является выявление средств репрезентации данного материала и определение способов взаимодействия этих средств с идеологией.

Основная тема конфликта была отражена в публикации газеты «Панч» 17 апреля 2007 года под заголовком «Верховный суд восстановит Атику в избирательных списках» (Т. Сонийи и О. Фабийи). Последующие статьи лишь дополняли эту публикацию: 1) «Мы подчинимся решению Верховного суда», – сказал Иву» (М. Можеед); 2) «Байо Оджо объявляет решение суда» (Т. Сонийи и О. Фабийи); 3) «Реакция НБА, Гани и других» (М. Можеед, С. Оканлауон, Т. Амokuодо, К. Кетefe, К. Обасола); 4) «Это победа демократии» (М. Можеед).

Приведенные материалы были проанализированы с учетом теории трэкинга, дискурс-анализа СМИ и критического дискурс-анализа. Кроме того, учитывалась теория совместимости текстов на лексическом и структурном уровнях (Meu 2000; Odebunmi 2006). Считаем, что данное исследование, проведенное на материале политических новостей, позволит понять структуру власти и социо-политические взгляды нигерийского общества.

Трэкинг и новости (в Нигерии)

Трэкинг является средством не только языка, но и дискурса. Соединяя части текста, трэкинг усиливает прагматический потенциал последнего.

В специальной литературе выделяют четыре основных источника трэкинга: представление, предположение, владение и сравнение (Martin, Rose 2003). Представление вводит объекты в текст, тогда как, предположение обнаруживает их. Репрезентантами представления и предположения являются: *are, a, an, one, someone, somebody, anyone, the, that, I, me, you, she, it, we, us, имена собственные*. Различие между представлением и предположением обусловлено использованием новой и данной информации (Brown, Yule 1983). Владение и сравнение (включая притяжательные местоимения и существительные – *his, my, John's* и др., а также прилагательные и существительные – *same, similar, other, another, related, different* и др.) могут использоваться как в качестве

представления, так и в качестве предположения.

Трэкинг реализуется в тексте при помощи различных средств, таких как анафора (отсылает читателя к предыдущей информации, например, *Tolu sings. She also dances*); сцепление (косвенно отсылает к предыдущей информации, например, *They just brought the fridge, but the door fell down*); катафора (направляет к последующей информации, например, *There is one saviour. Jesus Christ*); эсфора (направляет к последующей информации в рамках словосочетания, например, *The song of freedom*); омофора (указывает на информацию, которая хранится вне текста и хорошо известна читателям, например, *The redemptive council*); экзофора (указывает на ситуацию вне текста, например, *God sees what we don't see*) (Martin and Rose).

Идеология, трэкинг и новости

Водак (1996: 18) представляет идеологию как «особый способ создания общества, который предполагает неравные структуру власти и общественный строй». Таким образом, идеология – это политика, связанная с использованием языка, в то время как язык является средством идеологической репрезентации. Это означает, что язык может быть исследован как источник скрытых устремлений и политических склонностей человека. В связи с этим, языковые уровни рассматриваются с точки зрения репрезентации идеологии. При этом анализируется не только лексический уровень, но и текстовой. На лексическом уровне идеология представлена достаточно широко (Fairclough 1998, 2001; Wodak 1996; Verdonk 2002).

На уровне текста, по словам Фэрклафа (1998), важным инструментом идеологии является согласованность. Согласованность представляется ключевым фактором, как в идеологическом устройстве, так и реконструкции единиц дискурса: текст «требует» использование таких единиц, которые бы обладали способностью сочетаться друг с другом, отличались многообразием и их связь не была бы выражена эксплицитно (Fairclough 1998: 74).

Данная точка зрения свидетельствует о приемлемости использования трэкинга в отношении к идеологии, так как трэкинг позволяет показать скрытые текстовые связи. Наибольшую важность в исследовании представляют такие средства, как слияние, эсфора, омофора и анафора (используемые в представлении, предположении, владении и сравнении), которые включены в текст с целью репрезентации максимального уровня идеологии. В широком смысле эти средства могут быть рассмотрены с точки зрения стилистики, поскольку стиль сам по себе обладает идеологической важностью (Fairclough 1998: 75). Стиль раскрывает политическую направленность журналиста и/или организации СМИ.

Важность политических устремлений обычно присутствует в публикациях СМИ, в которых закреплены авторские права. Фактически, над сводками новостей работает несколько журналистов, что затрудняет определение авторства. В связи с этим, например, во многих публикациях Малави не указывается имя журналиста, и ответственность переносится на организацию СМИ (Chimombo and Roseberry, 1998). Это свидетельствует о том, что принадлежность авторства является идеологической позицией организации, которая, в свою очередь, репрезентируется посредством трэкинга.

Гоффман (1981) определяет идеологические репрезентанты новостей во взаимосвязи с тремя составляющими: отправитель, автор и редактор. Отправитель записывает материал на пленку или бумагу; автор (журналист) оформляет этот материал в статью; редактор отражает свою точку зрения. Чтобы понять идеологию, выраженную при помощи трэкинга в новостях СМИ, требуется определить действующих лиц публикаций, особенно автора и редактора, а также участников, включенных в репрезентацию новостей. Это позволит четко выделить идеологические репрезентанты текста.

Анализ и результаты

В тексте выделяются две основные функции трэкинга как средства репрезентации идеологии: представление институтов власти и представление структуры власти. Первая выражена посредством эсфоры и омофоры, а вторая – посредством сцепления и анафоры.

Институты власти

В тексте репрезентируются два института власти: политический и юридический. Политическая власть представлена независимой национальной избирательной комиссией, которая в случае необходимости играет роль глашатая для нигерийского правительства. Независимая национальная комиссия включает: (а) электорат (б) политическую власть (в) независимых наблюдателей. Независимая избирательная комиссия как электорат репрезентируется исключительно при помощи омофоры *the Independent National Electoral Commission*, предполагая, что сущность электората известна реципиенту, то есть среднему нигерийцу. Информация об электорате как социальном и политическом органе широко распространена и поэтому находится вне рамок текста.

В некоторых случаях независимая избирательная комиссия представлена как политическая власть, что, большей частью, репрезентируется посредством омофоры и эсфоры. На пример:

Пример 1:

He further said the power (96)
conferred on INEC to organize (97)

undertake and supervise all (98)
elections to the offices of the (99)
President and Vice-president (100)

Эсфора “elections to the offices...” продвигает информацию от слова “elections” к слову “the offices”, являясь одновременно омофорой. Эта связь определяется дальнейшим текстовым проникновением, то есть актуализируется контекстом “organize undertake and supervise” и “the President and Vice-president”. Контекстуальная поддержка эсфоры и омофоры способствует представлению независимой национальной избирательной комиссии как органа власти, обеспечивающего проведение выборов на избирательных участках.

Эта политическая власть имеет границы, которые также репрезентированы эсфорой и омофорой (строчки 104-105):

Пример 2:

And other elective posts, under (101)
paragraph 15 of the third (102)
schedule to the constitution, did (103)
not vest the power of disqualification of any candi-
date in INEC (105)

Именно словосочетание “the power”, а не “power” закладывается в сознании нигерийцев. В данном случае “the power” при помощи предлога “of” указывает на слово “disqualification”, которое фокусирует внимание на власти, обладающей правом дисквалифицировать. В контексте это передают словосочетания “did not vest” и “in INEC”, которые репрезентируют ограниченные рамки власти независимой избирательной комиссии, так как она лишена права осуществлять законную власть.

В тексте юридическая власть определяется как (а) институты закона и их функции (б) правовые решения и действия (с) законодательные учреждения (д) решение спорных дел и апелляций. Каждая из этих характеристик репрезентируется посредством эсфоры или омофоры и будет проанализирована ниже. В тексте представлены три законодательных учреждения: Верховный суд, апелляционный суд и Федеральный Верховный суд. Однако рамки статьи позволяют проанализировать только репрезентацию первых двух судов.

Эсфора в словосочетании “the Court of Appeal” не несет указаний на институт закона, упоминаются только функции принимать апелляции, то есть Апелляционный суд – это суд, где рассматриваются апелляции. При помощи трэкинга представлены правовые решения и действия этого суда. Приведем два примера.

Пример 3:

Earlier attempts by counsel (27)
for INEC, Mr. Joe-Kyari (28)
Gadzama (SAN), to seek for an (29)
adjournment was rejected as (30)
Justice Kastina-Aliu confirmed (31)

the readiness of the court to proceed (32)
with the matter in view of (32)
time factor (34)

В этом примере посредством эсфоры “the readiness of the court” игнорируется информация о решении суда. То же самое происходит в контексте словосочетания “to proceed with the matter in view of time factor”. Потеря информации, репрезентируемая при помощи эсфоры, представляется значительной для нигерийской демократии и институтов власти, раздавленных подозрительным решением суда, которое в дальнейшем было рассмотрено в апелляционном суде.

Другой пример:

Пример 4:
The notice of the appeal stated, (118)
the learned justices of the court of Appeal erred....
(119)

Словосочетание “the notice” указывает на словосочетание “the appeal” чтобы обозначить правовой документ, предполагающий правовые действия, поскольку обращение обязательно рассматривается компетентными органами в процессе обсуждения.

Кроме правовых действий посредством трэкинга репрезентируются правовые инстанции. В связи с этим, приведем следующие примеры:

Пример 5:
Earlier attempts by *counsel* (77) (омофора)

Пример 6:
Five justices of the court, with the (77)
President of the Court of (78)
Appeal.... (79) (эсфора/омофора)

Пример 7:
The learned justices of the Court of Appeal armed in law.... (119) (эсфора)

В примере 5 представлен статус адвоката, который защищает данное дело. В примере 6 словосочетание “five justices of the Court of Appeal” указывает на высшую инстанцию суда. В том же примере словосочетание “the President of the Court” репрезентирует статус главного судьи. Этот статус имеет идеологическое значение и будет проанализирован во второй части нашего исследования. В примере 7 “the learned justices of the court” фокусирует внимание на самом высоком статусе апелляционного суда.

Приведенные примеры, представляющие юридический институт власти, репрезентируют обычную правовую процедуру, которая может быть выражена в тексте при помощи различных видов трэкинга:

Пример 8:
Gadzama had wanted an (35)
adjournment to enable him to (36)

provide a better presentation of (37)
the subject matter before the (38)
court.... (40)

Пример 9:

In arguing *the appeal*, coun – (41)
sel for Abubakar, Mr. Rickey.... (42)
Tarfa, (SAN), however, prayed (43)
the court to set aside *the judg-* (44)
ment of the Court of Appeal on (45)
the ground that *it* was in error (46)

В примере 8 результат спора о дисквалификации вице-президента Атику Абубакара в выборах 2007 года, репрезентируется посредством омофоры “the subject matter”; в примере 9 – посредством омофоры “the appeal” и эсфоры “the judgment of the Court of Appeal”.

Трэкинг и отношения институтов власти

Отношения институтов власти выражены в тексте, в основном, при помощи сцепления и анафоры, но в некоторых случаях используются омофора и эсфора. Отношения институтов власти могут быть представлены следующими вариантами:

- I. Сильная власть против слабой власти (независимая национальная избирательная комиссия против кандидатов)
- II. Слабая власть + идеология/социальная структура против сильной власти (кандидаты против независимой национальной избирательной комиссии)
- III. Слабая власть против правовой силы (кандидаты против Апелляционного суда)
- IV. Слабая власть + идеология/социальная структура против высокой правовой силы
- V. Высокая правовая сила против низкой правовой силы (голос демократии против подавления)
- VI. Юридическая сила против политической силы.

Эти варианты будут детально рассмотрены ниже.

Власть независимой национальной избирательной комиссии распространяется на политических кандидатов, одним из которых является вице-президент Атику Абубакар, дисквалифицированный из списка участников президентских выборов 2007 года. Такие отношения власти представлены авторами следующим образом:

Пример 10:
The supreme court on Mond (1)
ay held that Independ (2)
ent National Electoral Commis- (3)
sion had no power to disqualify (4)
Vice-President Atiku Abubakar.... (5)
or any other candidate for the (6)
2007 general election (7)

Сцепление и анафора в примерах 11 и 12 указывают на дисквалификацию, предпринятую национальной независимой избирательной комиссией, которая также была представлена в примерах 1 – 7:

Пример 11:

... INEC had the (74)
power to screen and disqualify (75)
candidates for the election (76)

Пример 12:

That INEC had such power (81)

“INEC” (строка 74) в примере 11 посредством сцепления репрезентирует полное название “The Independent National Electoral Commission” (строки 2-3), соединяясь с “power to screen and disqualify candidates for the election”, где “candidates” и “election” представляются также сцеплением к “Vice-President Atiku Abubakar” и “the 2007 general election”. В рамках данного текста трэкинг репрезентирует сильную власть независимой национальной комиссии, которая превалирует над слабой властью кандидатов и ограничивает ее. В примере 12 “such power” (строка 81) является сцеплением к “power to disqualify” (строка 4). Подобная интерпретация может быть предложена в примере 11.

Другая связь находит место между слабой властью (идеология/социальная структура общества) и сильной властью (независимая национальная избирательная комиссия). В дебатах кандидат демонстрирует свое представление социальной структуры общества, которое дает ему лишь ограниченные права на восстановление ситуации. Это представление и тот вызов, который бросает кандидат независимой избирательной комиссии, репрезентируется посредством различных видов трэкинга во взаимосвязи с ситуацией вокруг дисквалификации и власти независимой избирательной комиссии в строках 1-7. Пример 13 показывает следующие виды трэкинга:

Пример 13:

In the appeal, *Abubakar* ar – (85)
gued that the decision of the (86)
Court of Appeal that provi (87)
sions empowering INEC to dis – (88)
qualify candidates were not in – (89)
cluded in the constitution for the (90)
fun of it (91)

В этом примере ‘Abubakar’ (строка 85: сцепление) указывает на “Vice-president Abubakar”. Связь с ‘argued that ...fun of it’ свидетельствует о вызове Абубакара против дисквалификации, репрезентированного при помощи (в этом примере) слова “the decision”, которое возвращает к информации “had no power to disqualify” (строка 4) и “the judgment” (строка 8).

Пример 14:

Following the invitation by (213)

INEC to all presidential candid (214)
dates to appear before it for (215)
screening, *Abubakar and his* (216)
Party filed a suit at the Federal (217)
High Court in Abuja, challeng (218)
ing the commission’s power to (219)
carry out the screening (220)

The court partly in his (221)
favour and held that though (222)
INEC could screen candidates, (223)
it lacked the power to disqualify (224)
candidates (225)

INEC was dissatisfied with (226)
both findings. *Abubakar* was (227)
also irked by *the ruling, that INEC* (228)
could screen candidates. He (229)
filed a cross-appeal on that is – (230)
sue while INEC appealed (231)
against the whole judgment (232)

В этом примере внимание фокусируется на отношениях власти. Независимая национальная избирательная комиссия, являясь сильным органом правительства, обладает правом отбирать кандидатов в президенты, которое репрезентируется посредством различных видов трэкинга в примере 14. “Abubakar” через сцепление и предположение связывается с “his party” (представлением) для того, чтобы показать силу и важность правовых действий. Слово “challenge” несет определенную идеологическую нагрузку. Связанное сцеплением с “the commission’s power” (в этом случае находят место также внутритекстовые связи), оно репрезентирует спор.

В представленном конфликте Верховный Федеральный суд в Абуджа принимает решение в пользу одновременно как Абубакара, так и независимой избирательной комиссии, что ведет к новому спору в апелляционном суде. Неудовлетворенность Абубакара и его идеологические принципы, представленные при помощи трэкинга в словосочетании “irked by the ruling, that INEC could screen candidates” (строки 228-229), привели к дальнейшим правовым действиям, которые были репрезентированы в словосочетании “a cross-appeal” (строка 230) и связаны посредством анафоры со словосочетанием “that issue going back to the ruling that INEC could screen candidates” (строки 230-231).

Связанные в тексте “challenge” и “the commission’s power” направлены на привлечение внимания к реакции независимой избирательной комиссии, в особенности, к ослаблению ее власти. Эта реакция представлена при помощи сцепления “INEC” (пострадавшая сторона), “appealed” (указывает на “cross-appeal” (строка 230) и показывает противодействие в споре за власть) и “the whole judgment” (указывает на “the court ruled” (строка 221) и “the ruling that INEC could screen... (строки 228-229)).

Другие отношения власти представлены между слабой властью Атику Абубакара и

сильной властью апелляционного суда. Суд отдает предпочтение независимой избирательной комиссии как правительственному органу. Это можно обнаружить в тексте посредством трэкинга. Примеры 15 и 16 репрезентируют несколько видов трэкинга:

Пример 15:

... The Court of Appeal (14)
of Appeal, Abuja... had (15)
claimed that INEC had powers (16)
to disqualify candidates (17)

Пример 16.

The Court of Appeal had on (73)
April 3 ruled that INEC had the (74)
power to screen and disqualify (75)
candidates for the election (76)

В приведенных примерах правовая власть в лице апелляционного суда принимает решение суда не в пользу Абубакара, что противоречит Федеральному Верховному суду. Власть независимой избирательной комиссии репрезентируется посредством анафор "INEC had powers to disqualify candidates" и "had the power to screen and disqualify candidates for the election", которые возвращают к представлению "... to disqualify Vice-President Atiku Abubakar or any other candidate for the 2007 general election" (строки 4-7).

Такой поворот событий привел к новому изменению в отношениях власти, перенеся «поле битвы» между Абубакар и независимой избирательной комиссией в новую стадию: решение апелляционного суда оспаривается в Верховном суде. Идеологические принципы Абубакара, направленные против решения апелляционного суда, отражены в следующем отрывке.

Пример 17:

Abubakar was dissatisfied (82)
and appealed to the Supreme (83)
Court. (84)

In the appeal, Abubakar ar- (85)
gued that the decision of the (86)
Court of Appeal that provi- (87)
sions empowering INEC to dis- (88)
qualify candidates were not in- (89)
cluded in the constitution for the (90)
fun of it was wrong (91)

Слово "dissatisfied" (напоминая, что "the Court of Appeal had ruled. INEC had the power ... the election" – строки 73-76) показывает реакцию Абубакара на решение суда. Слово "appealed" (связанное с "dissatisfied") репрезентирует дальнейший правовой шаг, который предпринимает Абубакар в споре с апелляционным судом, обращаясь к более высокой юридической власти Верховного суда. Действия Абубакара репрезентируются в словосочетании "in the appeal", а его неудовлетворенность – в словосочетаниях "the decision of the Court of Ap-

peal" (сцепление, которое может быть выражено как "the judgement" (строка 14), "the court of appeal ... in error to hold ..." (строки 22-24), "five justices of the court ... agreed that INEC had such powers" (строки 77-81) и т.д.). Другим примером использования трэкинга является отрывок (строки 87-90), в котором решение суда подвергается сомнению, так как не соответствует конституции, и в тексте репрезентируется омофорам "the provision (empowering INEC)", "(included in) the constitution".

Заслуживают внимание отношения между высокой правовой и низкой правовой властями в представленных публикациях. Превосходство Верховного суда показано посредством решения суда, которое ослабляет власть апелляционного суда. Решение суда, переданное представителем средств СМИ, репрезентируется при помощи трэкинга представления и предположения:

Пример 18:

Justice Aloysins Katsina – Alu, (18)
who delivered the lead judge- (19)
ment said, "I have no doubt in (20)
coming to the conclusion that the (21)
Court of Appeal was in error in (22)
holding that INEC has the power (23)
to disqualify any candidate".

"I" при помощи анафоры указывает на "Justice Aloysins Katsina – Alu", представляя правовую инстанцию и власть, которая не признала решение апелляционного суда. "The conclusion" предполагает решение суда (возвращаясь к информации "held in" – строка 2), которое противоположно информации, представленной в ранее цитируемых строках 1-7: "The Court of Appeal" и "holding that INEC... the power to disqualify". Некомпетентность апелляционного суда репрезентируется посредством трэкинга в словосочетании с "in error" (произнесенное представителем Верховного суда), которое является представлением для последующего предположения, к примеру, в словосочетаниях "in error" (анафора, использованная адвокатом Абубакара мистером Рики), "its decision" (сцепление, использованное автором публикации – строки 48-49) и др. Фактически, во всех примерах, которые отражают решение апелляционного суда, присутствует заблуждение.

В сводках новостей представлен апелляционный суд, находящийся под сильным идеологическим давлением:

Пример 19:

Five justices of the court with (77)
The President of the Court of (78)
Appeal, Justices Umar Abdullahi (79)
presiding ... (80)

Предположение "five justices" является основной анафорой к словосочетаниям "the Court of Appeal" (строки 14-15), "the appeal court"

(строки 47-48) и др. Предположим, что данное решение апелляционного суда не было передано ни представителями СМИ (т.е. не были представлены аргументы, выдвинутые судом), ни отражено в публикациях, где находит место представление "the President (of the Court)". На первом месте предстает основная информация, которая не является избыточной или неуместной. Следовательно, данная информация несет в себе идеологические представления: журналисты и редактор стараются показать некомпетентность суда, неуважительное отношение к его статусу и профессионализму его членов, предполагая, что пятно позора некомпетентности легло на апелляционный суд и всю юридическую систему Нигерии.

Таким образом, власть Верховного суда и Атику, выступающие против апелляционного суда и независимой национальной избирательной комиссии, добиваются правды, вскрывая фальшь и коррупцию. По мнению многих нигерийцев, правда была искажена, чтобы избавиться от Абубакара в период президентских выборов. Как говорилось ранее, решение суда является важным для политической и, в особенности, избирательной истории Нигерийцев, и пренебрежение этой историей может спровоцировать кризис в Нигерии. Это утверждение отражено в нескольких дополнительных публикациях:

Пример 20 (Дополнительное статья 3):

"We are happy that Supreme Court has once again lived up to expectations and saved the country's democratic from collapse"

Пример 21 (Дополнительная статья 3):

"... the judgment has saved a lot of things. INEC could have plunged the country into chaos if the Supreme Court did not rule in this way"

Эти отрывки из утверждений общественных деятелей были целенаправленно отобраны редактором или автором публикации. При этом был вырезан тот материал, который не соответствовал актуальной теме статьи.

Один из наиболее важных отрывков, репрезентирующих значимость решения суда посредством трэкинга, был представлен в строках 8-11 этого же текста:

Пример 21:

The judgment came barely (8)
five days to the presidential elect – (9)
ion.

"The judgment" является сцепление к строкам 1-7 данного текста, где речь шла об управлении Верховного суда. Важность связи с "came barely five days ..." обусловлена указанием на временную значимость события. Словосочетание "the presidential election" предполагает выборы 2007 года. Результат восстановления статуса кандидатов, представленного посредством трэ-

кинга, был передан одним предложением в рамках отдельного параграфа, чтобы сфокусировать внимание на успехе демократии над насильственными методами правительства Обасанджо.

Борьба между силами демократии и принуждением отражена в публикации следующим образом:

Пример 22:

Earlier, attempts by counsel (27)
for INEC, Mr. Joe-Kyari (28)
Gadzama (SAN) to seek for an
adjournment was rejected as (30)
Justice Katsina-Aliu confirmed (31)
the readiness of the court to pro- (32)
ceed with the matter in view of time factor (34)

В данном случае внимание уделяется представлению "counsel for INEC... Gadzama", которое является эсфорой, репрезентирующей главного участника. Не менее важны представление "an adjournment" и предположение "Justice Katsina-Aliu". При помощи трэкинга представлена реакция Алиу на предложение: "rejected"; решительность суда: "the readiness of the court"; временные рамки для решения суда: "in view of time factor". Временные ограничения в словосочетании "time factor" предполагают "barely five days to the presidential election", указывая на важность результатов и угрозу последствий, которые может иметь задержка.

В этом конфликте политические силы терпят поражение, поскольку, во-первых, Верховный суд отказывает в отсрочке; во-вторых, как уже упоминалось, политические силы не получают поддержки. Решение суда становится победой в борьбе за демократию Нигерии. Эта победа представляется одновременно поражением правительства, как отмечает журналист в дополнительной статье 1:

Пример 23 (Дополнительная статья 1):

The chairman of the Independent National Election Commission, Prof. Maurice Iwu, on Monday said that Vice-President Atiku Abubakar's name would appear on the ballot paper for Saturday's presidential election. He said the inclusion of the name of Abubakar in the ballot paper was in line with the Supreme Court's judgment.

В этом примере представление "The chairman, Prof. Maurice Iwu" указывает на правительственного агента, который работает над вынесением решения суда. Словосочетания "the Vice-President..." и "Saturday's presidential election" возвращают к информации о главной теме – восстановлении Абубакара в списках избирателей. Выступающее в качестве связующего звена, словосочетание "his name would appear" является одной из интерпретаций решения суда, упомянутого в основной статье. В дальнейшем это интерпретация получает объяснение автора в словосочетании "in line with the Supreme Court's judgment".

Победа демократии репрезентируется посредством различных видов трэкинга в других публикациях. К примеру, в дополнительной статье 2 отражена точка зрения министра юстиции Байо Ойо:

Пример 24 (дополнительная статья 2):

Ojo ... said democracy was about upholding the tenets of the rule of law as enshrined in the 1999 constitution.

В этом отрывке под словом “democracy” понимается “the [victorious] judgment”, которое находит отражение в основной статье, а словосочетание “the 1999 constitution” указывает на правовые обязанности всех судов: Федерального суда, апелляционного суда и Верховного суда. Подобная точка зрения отражена в дополнительной статье 4 под заголовком “It’s Victory for Democracy” (предписанное Атику Абубакару высказывание): “It’s” и “victory” при помощи анафоры указывают на решение суда, которое описано в основной статье.

Заключение

Итак, трэкинг позволяет репрезентировать социальные институты и отношения власти на основе политических событий в Нигерии. В качестве материала использовались одна основная и несколько дополнительных публикаций СМИ. Посредством эсфоры и омофоры были представлены политический институт власти (независимая национальная избирательная комиссия) и три юридических института власти: Верховный суд, апелляционный суд и Федеральный верховный суд. Сцепление и анафора позволили раскрыть отношения власти между политическим институтом власти, кандидатом (кандидатами) и юридическим институтом власти. При этом было обнаружено, что использование трэкинга в большинстве случаев не было объективным. Решение суда в пользу Абубакара (который считается жертвой авторитарной политики) и мнение авторитетных общественных деятелей, отраженное на страницах основного текста, повлияли на репрезентацию материала в других публикациях. Очевидно, что газета «Панч» поддерживает Атику Абубакара как представителя демократического движения, осуждая правительство Обасанджо, которое, как передано в публикациях, использует противозаконные и подозрительные методы, чтобы разрушить демократический строй Нигерии.

REFERENCES

Alo, Moses. “Representation of People in the News in the Nigerian Print Media”. In Rotimi Taiwo, Akin Odeunmi and Akin Adetunji (eds). *Perspectives on Media Discourse*. – Muenchen: Lincom Europa, 2007.

Amouzadeh, Muhammed. “Language as Social Practice: Persian Newspapers in Post-revolutionary

Iran” // *Journal of Language and Politics*. – 7 (1). – 2008. – Pp. 53-70.

Brown, G. and George Y. *Discourse Analysis*. – New York: Cambridge, 1983.

Chimombo, Muira and Robert Roseberry. *The Power of Discourse: An Introduction to Discourse Analysis*. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1998.

Christie, Chris. “Politeness and the Linguistic Construction of Gender in Parliament: An Analysis of Transgressions and Apology Behaviour” // *Sheffield Hallam Working Papers: Linguistic Politeness and Context*. – 2002.

Fairclough, Norman. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. – London and New York: Longman, 1998.

Fairclough, Norman. *Language and Power* (second edition). – England: Pearson Education Limited, 2001.

Fairclough, Norman. “Blair’s Contribution to Elaborating a New ‘Doctrine’ of International Community”. In Lilie Chouliaraki (ed). *The Soft Power of War: Legitimacy and Community in Iraq War Discourses*. – 2005. – Pp. 41-63.

Fenton-Smith, Ben. “Discourse Structure and Political Performance in Adversarial Questioning” // *Journal of Language and Politics*. – 7 (1). – 2008. – Pp. 99-120.

Goffman, E. “Footing”. In *Forms of Talk*. – Oxford: Blackwell, 1981.

Martin, J. and Rose David. *Working with Discourse*. – London and New York, 2003.

Mazid, Bahaa-eddin. “Presuppositions and Strategic Functions in Bush’s 20/9/2001 Speech: A Critical Discourse Analysis” // *Journal of Language and Politics*. – 6 (3). – 2007. – Pp. 351-375.

Mey, Jacob. *When Voices Clash: A Study in Literary Pragmatics*. – New York: Mouton de Gruyter, 2000.

Mullany, Louise. “I don’t think you want me to get a word in edgeways do you John?” Re-assessing (im)politeness, Language and Gender in Political Broadcast Interviews”. *Sheffield Hallam Working Papers: Politeness and Context*. – 2002.

Nunn, Françoise. “Values and Truth in International News”. In Rotimi Taiwo, Akin Odeunmi and Akin Adetunji (eds). *Perspectives on Media Discourse*. Muechen: Lincom Europa. – 2007.

Odeunmi, Akin. *Meaning in English: An Introduction*. – Ogbomoso: Critical Sphere, 2006.

Van Dijk, Teun. “War Rhetoric of a Little Ally: Political Implications and Aznar’s Legitimization of the War in Iraq”. In Lilie Chouliaraki (ed) *The Soft Power of War: Legitimacy and Community in Iraq War Discourses*. – 2005. – Pp. 65-91.

Verdonk, Peter. *Stylistics*. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

Wodak, Ruth. *Disorders of Discourse*. – London and New York: Longman, 1996.

© Одебунми А., 2008

Посохова Я. А.
Сургут, Россия

Posokhova Y. A.
Surgut, Russia

**ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА
КАК СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ
ОБРАЗА ВРАЖДЕБНОЙ РОССИИ
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ**

**ANIMAL METAPHOR
AS AN ENGLISH MEDIA MEANS
OF A HOSTILE RUSSIA
PATTERN MODELING**

УДК 321.0

Код ВАК 10.02.05; 10.02.19

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли зооморфной метафоры в манипулятивном воздействии англоязычными политическими СМИ на сознание западной аудитории. Рассмотрена функционирующая на Западе модель представления России в образе Медведя как варианта метафорической модели ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЖИВОТНОЕ, а также определены причины, способы и цели увеличения частотности использования соответствующих метафор.

Ключевые слова: Зооморфная метафора; политический дискурс; метафорическая модель; Россия – это медведь; политический престиж России, фрейм; слот; пятидневная война на Кавказе.

Сведения об авторе: Посохова, Яна Александровна

Место работы: Сургутский государственный университет, факультет лингвистики

Должность: аспирант

Контактная информация: 628400, Тюменская обл., г. Сургут, ул. Энергетиков 14, Сургутский государственный университет, факультет лингвистики.

E-mail: yana_ap@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to identifying the role of the animal metaphor in manipulating the minds of the Western audience by the English political press. The paper gives consideration to a popular western model of understanding Russia as a Bear being a variant to the metaphorical model A STATE IS AN ANIMAL, and defines the reasons, means and aims of the corresponding metaphors' frequency to be increased.

Key words: Animal metaphor, political discourse, metaphorical model, Russia is a Bear, political prestige of Russia, emotive force, frame, slot, danger, the Caucasus 5-day war

About the author: Posokhova, Yana Alexandrovna

Place of employment: Surgut State University, department of linguistics

Position: post-graduate student

Address: 628400, Tyumen region, Surgut, Energetikov St. 14, Surgut State University, Faculty of Linguistics.

В современном англоязычном политическом дискурсе активно функционирует метафорическая модель «ГОСУДАРСТВО – это ЖИВОТНОЕ» и, в частности, ее вариант «РОССИЯ – это МЕДВЕДЬ», который «проснулся» и которому, вследствие этого, необходимо противостоять. В качестве такого рода характеристик могут метафорически представляться политический авторитет России и ее правящей верхушки, внутренняя политика, а также статус страны в рамках международных отношений как следствие внешней политики страны. Ср.:

The sleeping giant stirs (Patrick Glynn / The Times, 2001). Спящий гигант шевелится; Russia jumps Georgia: The bear is awake and hungry (Kevin O'Brien / The Plain Dealer, 13.08.08). Россия напала на Грузию: Медведь проснулся и он голоден; With the pundits questioning the next Washington administration's ability to handle the reborn aggressive and demanding Russia, the Putin/Medvedev junta has made clear their intentions (The Growling Bear, George H. Witham / The American Spectator, 05.09.08). Ответом на волнующий экспертов вопрос о способности последующей администрации Вашингтона справиться с возродившейся Россией, которая весьма агрессивно дала понять, что будет защищать свои интересы и впредь, стало предельно ясное и четкое представ-

ление своих намерений хунты Путина и Медведева; "The picture emerging from this pattern of behaviour is that of a Russia increasingly authoritarian at home and aggressive abroad." (Condoleezza Rice's Speech on Russia, The German Marshall Fund of the United States, 18.09.2008). Образ, возникающий из этой модели поведения, – образ России, все больше авторитарной у себя дома и агрессивной во вне.

Использование зоонимов обеспечивает полное понимание метафор всеми членами языкового сообщества, что очень важно для политической коммуникации [1].

В настоящей статье рассматривается модель, в соответствии с которой слова, относящиеся в первичном значении к понятийной сфере МЕДВЕДЬ (в том числе обозначающие внешний вид и размер животного, место обитания медведя, признание его хозяином леса, способ добычи пищи, а также характерное для него поведение), метафорически обозначают особенности нашей страны, в том числе ее размеры, внутреннюю политику, отношение к президенту, способ защиты своих интересов, связанную с этим внешнюю политику и ее значение для восприятия и представления России западными СМИ и, как следствие, народами.

Для описания рассматриваемого варианта метафорической модели ГОСУДАРСТВО – это

ЖИВОТНОЕ, определим его сферу-источник и сферу-мишень, которыми являются имя животного МЕДВЕДЬ и государственное образование РОССИЯ соответственно. Относящиеся к данной модели фреймы, структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу). По определению З. Д. Поповой, фрейм – «это дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [3]. Каждый фрейм составляют слоты, являясь каким-то аспектом его конкретизации [4]. При характеристике составляющих слота мы используем термин «концепт», который представляет собой «фрагмент жизненного опыта человека» [2: 3], «переживаемая информация» [2: 128]. Совокупность всех существующих в национальном сознании концептов образует концептуальную систему, концептосферу. Также необходимо определить компонент, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц. Первым шагом на пути к определению основания для использования соответствующих концептов для метафорического моделирования, проведем семантический анализ источника метафорической экспансии, который показал следующее:

LONGMAN Dictionary of English Language and Culture, давая определение зоониму BEAR (МЕДВЕДЬ), приводит следующую статью: 1. a usually large heavy animal with thick rough fur, that eats flesh and also fruit and insects *крупное животное с густой жесткой шерстью, которое питается мясом, а также фруктами и насекомыми*; 3. a rough bad-mannered bad-tempered man *грубый невоспитанный раздражительный и злой человек*; 4. a bear with a sore head a person who is very bad-tempered and does not seem to want the company of other people *очень злой, раздраженный и нелюдимый человек*.

Словарь Collins выделяет следующие семантические признаки:

Surly –	угрюмый, грубый
Churlish –	грубый, неприветливый
Sulky –	мрачный, угрюмый

Данные выборки из фразеологических словарей также подтверждают превалирующее отрицательное коннотативное значение зоонима BEAR:

1) *hungry as a bear (to be as ~)*: the one who has a voracious appetite (букв. «голодный, как медведь») – о человеке с ненасытным аппетитом; 2) *angry (cross) as a bear (to be as ~)*: to be in a bad mood, angry, ill-tempered. (букв. «злой как медведь») – зол, как черт; 3) *as savage as a bear with a sore head*: acting with irritation, quarrelsome (букв. «злой (дикий) как медведь с больной головой») – зол, как черт; 4) *bearish (to be ~)*: to be gruff and surly; to be pessimistic about the direction of the stock market. (букв. «медвежий») – быть грубоватым, сердитым, угрюмым; быть пессимистичным относительно успехов, роста цен на рынке ценных бумаг; 5) *play the bear (to ~)*: to have bad manners, to be ill-bred, to conduct abusively. Вести себя похамски, грубо, быть невоспитанным; 6) *Had it been a bear it would have bitten you*: you don't see what is right under your nose. (букв. «Будь оно медведем, оно бы тебя ударило (укусило)») – ты не видишь того, что лежит у тебя под носом; 7) *Catch your bear before you sell its skin*: don't count your chicken before they are hatched (букв. «Вначале поймай медведя, а лишь потом продавай его шкуру») – не дели шкуру неубитого медведя.

Таким образом, медведь в сознании представителей англоязычной культуры маркирует только негативные качества, предсказуемые человеку.

Как известно, образ медведя давно и довольно широко используется в культурах Запада (традиционно эксплуатируется устрашающий грозный вид и агрессивное поведение). Так, например, газета The New York Times от 16 декабря 1887, характеризуя военную мощь России, озаглавила статью «*The Russian Bear Grows*» *Русский Медведь Рычит*, а 23 декабря 1887 та же газета опубликовала статью под заголовком «*The Sulky Russian Bear*» *Мрачный Русский Медведь*.

Заметная активизация медвежьей метафоры в последние годы связана с возросшей экономической и политической активностью России. Ср.: заголовок статьи «*Gazprom Becomes the Bear of Russia*» (Andrew E. Kramer / The New York Times, 27.12.05) *Газпром становится русским медведем*, «*Keep the bear's paws off our gas*» (Phillipe Legrain / The Guardian, 07.07.06) *Медведь, лапы прочь от нашего газа*.

«Новая» Россия после распада СССР воспринималась как медведь, залегший в спячку, и не представляющий опасности для других народов. Возросший интерес к русскому медведю был связан с избранием нового прези-

дента России. Неслучайно одна из первых западных статей, посвященных результатам выборов 2008 года была озаглавлена «Beware Dmitry Medvedev the Bear» (Robert Service / The Sunday Times, 02.03.08) *Дмитрий Медведев...ев: осторожно – опасен возможно*, где рассуждается о том, кто он такой – симпатичный мишка или злобный медведь: it is true that Medvedev has spoken warmly about democracy (*Медведев тепло говорит о демократии – это правда*); He talks a good talk. His face is bland and smiling – he looks like a former member of a 1980s boyband (*Говорит он хорошо, выглядит тоже неплохо – улыбается так, словно в 80-е пел в какой-нибудь мальчиковой поп-группе*); In reality the future Russian president belongs to a ruthless ruling group (*В реальности будущий правитель России целиком и полностью принадлежит безжалостному кругу властвующих*).

Вторая причина активизации рассматриваемой модели – это ее широкие возможности для формирования эмотивных смыслов, связанных с агрессивностью и опасностью, что очень важно в период обострения социально-политических взаимоотношений в обществе, особенно после событий на Кавказе в августе 2008г. и восприятию роли России в этом конфликте.

Рассмотрим систему фреймов и слотов медвежьей метафоры в современном политическом дискурсе американских и британских СМИ.

1. Фрейм «Физические характеристики»

Слот 1.1. Большой

Сравнение России, как самого большого по площади государства в мире, которое метафорически обозначается как гигант по сравнению с менее крупными государствами, ассоциативно основано на внешнем преимуществе медведя перед другими обитателями леса, который значительно превышает их в росте. Ср.:

“The Sleeping Giant Stirs” (*Patrick Glynn / The Times, 2001*). *Спящий гигант шевелится*; Today, tiny Georgia and giant Russia are at war, thousands lie dead and President Saakashvili is pleading for a ceasefire. (How Georgia fell into Putin’s trap, Trevor Kavanagh / The Sun, 11.08.2008) *Сегодня крошечная Грузия и гигантская Россия находятся в состоянии войны, тысячи погибли, а президент Саакашвили умоляет прекратить огонь*.

Слот 1.2. Сильный

В естественной среде медведь является одним из самых сильных животных. В современной политической речи в качестве силы метафорически могут быть представлены во-

енная и энергетическая мощь государства. Ср.:

But the mighty Russian Bear hit back, shell-
ing the city and driving Georgian troops out. (Wrath of Russia has led Georgia to beg for ceasefire, Tom Parry / The Mirror, 11/08/08) *Но могучий русский медведь дал сдачи, накрыв город артиллерийскими снарядами и вытеснив грузинские войска*; However, American intelligence believes Russia's military may have rebounded to become the second most powerful in the world, behind only the United States, after suffering from mismanagement and insufficient resources after the collapse of the Soviet Union. (How strong is Russia, Kirit Radia / The New York Times, 22.08.08) *Однако американская разведка полагает, что военная сила России возродилась, чтобы стать самой могучей в мире, уступив разве что США по причине некогда неумелой ее организации и отсутствия достаточных средств после развала Советского Союза*; Secretary of State Condoleezza Rice voiced her concern about Russia's military might in an interview with ABC News during a trip to Moscow last year. (How strong is Russia, Kirit Radia / The New York Times, 22.08.08) *В прошлом году во время своего визита в Москву Госсекретарь Кондолиза Райс, давая интервью Эй-Би-Си Ньюз, выразила обеспокоенность военным потенциалом России*; MOSCOW, May 9 – The Red Square parade, once a Soviet standard, enjoyed a revival Friday as phalanxes of military hardware, including intercontinental ballistic missiles, rumbled noisily over paving stones to deliver a message: The bear is back. (Soviet-Style Display of Might Fills Red Square, Peter Finn / Washington Post Foreign Service, 10.05.08) *Москва, 9 мая – В пятницу парад на Красной площади, ставший традиционным со времен Советского Союза, красноречиво заявил о своем возрождении, когда военная техника, включая МБР, ровным строем прогрохотала по выложенной камнем площади, давая понять – «Медведь вернулся»*; “The U.S. doesn't like it that Russia has become more powerful,” said Zoya Khmyrystova, 59, who was celebrating Victory Day on Friday. “The parade shows the might of our country.” (Soviet-Style Display of Might Fills Red Square, Peter Finn / Washington Post Foreign Service, 10.05.08) *«США не нравится, что Россия стала сильнее», говорит 59-летняя Зоя Хмырева, которая также пришла на торжество по случаю Дня Победы, «Парад демонстрирует мощь нашей страны»*; It used to be tanks and submarines and missiles that we were frightened of, now it should be banks and pipelines, and Russia has made tremendous strides in consolidating its monopoly of gas exports (Edward Lucas for the BBC News, Russia's energy

giant flexes its muscles, Duncan Bartlett / www.bbc.co.uk, 24.02.08) *Танки, подводные лодки, ракеты – вот чего мы боялись раньше, теперь нам стоит бояться банков и газопроводов, Россия же сделала лучше – она создала монополию на экспорт газа.*

2. Фрейм «Модель поведения»

Слот 2.1. Проявление власти

Медведь, занимая одно из важнейших мест в мифологии и в зооморфном коде культуры, выступает как хозяин леса, поведенческие характеристики которого в политическом дискурсе могут быть представлены как стремление России проявить свою силу и мощь в противостоянии другим государствам. Ср.:

Modern Georgian history is a record of submission to superior Russian power. (Taunting the Bear, James Traub / The New York Times, 10.08.2008) *История современной Грузии – это история подчинения превосходящей силе России*; The combination of Vladimir Putin's reforms and the dizzying rise in the price of oil and gas have rapidly restored Russia to the status of world power. (Taunting the Bear, James Traub / The New York Times, 10.08.2008) *Сочетание реформ Владимира Путина и головокружительного взлета цен на газ и нефть быстро вернули России статус мировой державы*; "The Return of History and The End of Dreams," Robert Kagan, the neoconservative foreign policy expert who is advising John McCain, writes of Mr. Putin and his coterie: "Their grand ambition is to undo the post-cold war settlement and to re-establish Russia as a dominant power in Eurasia." (Taunting the Bear, James Traub / The New York Times, 10.08.2008) *В книге «Возвращение истории и конец иллюзиям» эксперт по внешней политике Роберт Кэган, неоконсерватор и советник Джона МакКейна, так пишет о г-не Путине и круге его приближенных лиц: «Великий замысел этих людей есть возвращение к мироустройству времен окончания холодной войны и восстановление России как доминирующей силы в Евразии»; Pursuant to this he had his visit with Kissinger, who believes in steady diplomatic engagement with such erstwhile powers as Russia and China. (www.cnn.com); *В соответствии с чем, он встретился с Киссинджером, который верит в возможность поддержания устойчивых дипломатических отношений с такими некогда враждебными державами как Россия и Китай*; Here, for him, was further proof, as if it were needed, that imperialist expansion and brute subjugation are coded in Russia's DNA. (Taunting the Bear, James Traub / The New York Times, 10.08.2008) *Для него это было лишним доказательством того, что и так понятно, – империалистическая экспансия и грубое подчинение закодированы в ДНК России*; He has*

repeatedly stated that dismantling the Soviet Union was a mistake, and has not hidden his intention of making Russia a true heir of the former Soviet world power. (Russians Are Coming, Michael Webster / American Chronicle, 08.09.08) *Он не раз повторял, что развал Советского Союза был ошибкой и не скрывал своего намерения вернуть России статус мировой державы бывшего Союза, наследницей которого она является по праву.*

Слот 2.2. Подчинение своей воле

Зависимость поведения медведя от его собственной физической природы позволяет ему быть на вершине цепи питания, заставляя других жителей подчиняться его воле. В политическом дискурсе в качестве такой модели поведения животного могут быть представлены политический режим внутри страны, методы осуществления политической власти, степень политической свободы в обществе, фактическое состояние правового статуса личности. Ср.:

And Putin's dictatorship is anything but democratic. (Russia's Aggression: Old Communist Habits Die Hard, David Karki / The American Chronicle, 19.08.08) *Диктатура Путина – это что угодно, но не демократия*; Georgia, with its open embrace of the West, thus represents a threat to the legitimacy of Russia's authoritarian model. (Taunting the Bear, James Traub / The New York Times, 10.08.2008) *Грузия, открыв свои объятия Западу, тем самым стала представлять угрозу легитимности авторитарной модели правления в России*; In an 1855 letter to his law partner, Joshua Speed, Abraham Lincoln cited Russia as the home to a more honest form of despotism than the United States. (By its Own Choice, Russia is Our Enemy, Dan Calabrese / America Chronicle, 19.08.08) *В 1855 году, Авраам Линкольн в письме к Джошуа Спиду, своему партнеру по юридическим вопросам, назвал Россию более ярким проявлением деспотизма, чем представляет собой США*; "The picture emerging from this pattern of behaviour is that of a Russia increasingly authoritarian at home and aggressive abroad." (<http://www.gmfus.org/template/index.cfm>: *Condoleezza Rice's Speech on Russia, The German Marshall Fund of the United States, 18.09.2008*) *На фоне этой политики возникает картина усиления Россией авторитарной власти у себя в стране и агрессии за рубежом*; Hence, those who recall Russia's long history under czars and communist tyrants and suspect Putin of being a creature of Russian history are suspicious that Russia is reverting to some sort of tyranny that could present problems for democratic countries nearby. *Таким образом, те, кто помнит долгую историю России как историю царского режима и коммунистической тирании, кто*

считает, что Путин вырос по законам именно такой истории России, подозревают, что она в своем правлении возвращается к некой тирании, создавая при этом немало проблем ближайшим демократическим странам (<http://edition.cnn.com/>).

Слот 2.3. Хозяин

В естественной среде медведь – это хозяин леса, хозяин тайги. В политическом дискурсе роль «хозяина» России отдается юридически бывшему президенту России В. В. Путину, который, став премьер-министром при нынешнем президенте Д. А. Медведеве, фактически не теряет своей лидирующей позиции и метафорически обозначается как царь, имеющий при себе помощника в лице Д. А. Медведева. Ср.:

In the meantime Putin has taken the traditional Czarist position of building support within the armed forces (The Growling Bear, George H. Wittam / The American Spectator, 05.09.08) Тем временем Путин занял традиционную позицию царствующего правителя, который опирается на вооруженные силы; Vladimir Putin, ever the tough guy, will challenge John McCain, the fighter jock, or alternatively will have his acolyte Medvedev intellectualize and con Barack Obama. (The Growling Bear, George H. Wittam / The American Spectator, 05.09.08) Владимир Путин, парень как всегда жесткий, бросит вызов летчику-истребителю Джону МакКейну, или же его приспешник Медведев посостязается умом с Баракком Обамой и таки обведет его вокруг пальца; Russia's swift, well-coordinated onslaught against the small democracy that used to be a Soviet satellite and would like to be a NATO member stands as a masterfully orchestrated statement that Russia is through tolerating neighboring states' challenges to the authoritarian system built by former President and current Czar Vladimir Putin. (Russia jumps Georgia: The bear is awake and hungry – Kevin O'Brien / The Plain Dealer, 13.08.08) Стремительное и грамотно организованное нападение России на маленькую страну-демократию, которая раньше была государством-сателлитом Советского Союза, а теперь хочет стать членом НАТО, стало неким мастерски выстроенным посылом о том, что Россия более не может и не будет терпеть вызывающее поведение соседних государств, которое расценивается как угроза авторитарной системе правления, построенной бывшим президентом, а ныне Царем Владимиром Путиным; A crackdown on the Opposition in November, bullying of the media and instances of abuse of power among senior officials have allowed detractors to draw uncomfortable parallels between Georgia and Vladimir Putin's Russia. (How Georgia fell into its

enemy's trap, Edward Lucas / The Times, 09.08.08) Подавление Оппозиционного движения в ноябре, запугивание средств массовой информации, а также случаи превышения должностных полномочий среди крупных чиновников дали критикам основания провести параллель между Грузией и Россией Владимира Путина.

3. Фрейм «Проявление внешних отношений»

Будучи представителем отряда хищных, медведь, из-за особенностей рациона и крупных размеров, оказывают заметное влияние на флору и фауну своих местообитаний, контролируя популяцию многих животных. В природе они также часто нападают на людей. Особую опасность представляют медведицы с медвежатами. В политической речи британских и американских СМИ такое поведение медведя метафорически представляется проводимой внешней политикой России, ее агрессией, враждебностью и жестокостью, характерными для страны при защите своих геополитических интересов, а также желанием расширить ее территориальные границы. Вышеперечисленные характеристики рассмотрены в следующих слотах. Ср.:

Слот 3.1. Враждебность и агрессия

Georgians are a melodramatic people, and few more so than their hyperactive president; but they have good reason to fear the ambitions, and the wrath, of a rejuvenated Russia seeking to regain lost power. Indeed, a renascent and increasingly bellicose Russia is an ominous spectacle for the West too. (Taunting the Bear, James Traub / The New York Times, 10.08.2008) Грузины – люди эмоциональные, таких больше, чем их сверхактивный президент; но у них есть все основания опасаться тех амбиций и той ярости вставшей России, которая жаждет вернуть утерянную силу. Несомненно, для западного зрителя возрождающаяся и всё более враждебная Россия представляет собой страшное зрелище; This new round of bellicosity struck Georgians as frighteningly familiar. (Taunting the Bear, James Traub / The New York Times, 10.08.2008) Этот очередной приступ агрессии оказался для грузин до боли знакомым; Mr. Saakashvili was shaken by the naked hostility. (Taunting the Bear, James Traub / The New York Times, 10.08.2008) Г-н Саакашвили был потрясен такой откровенной враждебностью; But Russia's bellicose behavior, and now the hostilities along its border, make it increasingly difficult to act on such a premise without seeming naïve. (Taunting the Bear, James Traub / The New York Times, 10.08.2008) Однако такое агрессивное поведение России, а теперь уже и военные действия у границ, усложняют процесс принятия решения по

сложившейся ситуации, не оставаясь при этом наивными; Saakashvili almost certainly realizes the potential danger he is now in, after inviting the wrath of Russia with this attack. (Russia Shows Georgia and the World the Bear Has Claws, Ian Brockwell / American Chronicle, 10.08.08) Саакашвили почти наверняка осознает потенциальную опасность, в которой он оказался, умудрившись навлечь на себя энев России приказом атаковать.

Слот 3.2. Отсутствие жалости и жестокость

It's like the Cold War never ended. To the UK press, Russia is once again a fierce grizzly bear. (How Russia became a Bear again / The Guardian) Складывается такое впечатление, что холодная война и не кончалась вовсе. Для британской прессы Россия в очередной раз является жестоким медведем гризли; Mr. Saakashvili, for his part, describes today's Russia as a belligerent power ruthlessly pressing at its borders, implacably hostile to democratic neighbors like Georgia and Ukraine. (Taunting the Bear, James Traub / The New York Times, 10.08.2008) Г-н Саакашвили, в свою очередь, говорит о современной России как об агрессивной державе, безжалостно притесняющей граничащие с ней страны, неизменно враждебной к своим демократически соседям Грузии и Украине; Russia's ruthless attack on Georgia is a dramatic and depressing reminder of the willingness of the Soviet Union (and, before it, imperial Russia) to pursue its foreign policy across the borders of sovereign nations. (Georgia: The return of Cold War diplomacy / The Telegraph, 10.08.08) Безжалостная российская агрессия в отношении Грузии стала пугающим и печальным напоминанием того, как Советский Союз (а ранее, имперская Россия) был готов строить свою внешнюю политику, расширяя свои границы за счет суверенных государств.

Слот 3.4. Ненасытность

In recent conversations there, President Saakashvili compared Georgia to Czechoslovakia in 1938, trusting the West to save it from a ravenous neighbor. (Taunting the Bear, James Traub / The New York Times, 10.08.2008) В своих последних интервью г-н Саакашвили сравнил Грузию с Чехословакией 1938, доверив Западу спасти ее от ненасытного соседа; With the pundits questioning the next Washington administration's ability to handle the reborn aggressive and demanding Russia, has made clear their intentions. (The Growling Bear, George H. Wittam / The American Spectator, 05.09.08) Ответом на волнующий экспертов вопрос о способности последующей администрации Вашингтона справиться с возродившейся Россией, которая весьма агрессивно дала понять, что бу-

дет защищать свои интересы и впредь, стало предельно ясное и четкое представление своих намерений хунты Путина и Медведева; To think that Russia's appetite will be sated here is about as naïve and foolish as thinking Adolf Hitler would be satisfied with the Sudetenland. (Russia's Aggression: Old Communist Habits Die Hard, David Karki / The American Chronicle, 19.08.08) Полагать, что Россия на этом удовлетворит свои аппетиты было бы также наивно и глупо как и считать, что Адольф Гитлер остановится на Судетской области.

4. Фрейм «Последствия общения»

Слот 4.1. Опасность

Последствия встречи с медведем в естественной среде опасны как для животных, так и для человека. Внешние отношения недружественных с Россией государств через сравнение первой с медведем также представляются опасными. Ср.:

Foreign Minister Sergei Lavrov has threatened that Georgia's ambition to join NATO "will lead to renewed bloodshed," adding, as if that weren't enough, "we will do anything not to allow Georgia and Ukraine to join NATO." (Taunting the Bear, James Traub / The New York Times, 10.08.2008) Министр иностранных дел Сергей Лавров пригрозил, что желание Грузии вступить в НАТО «приведет к очередному кровопролитию», добавив, будто этого было мало, «мы сделаем всё возможное, чтобы Украина и Грузия не стали членами НАТО»; Russia, humiliated and angered by the shabby way it was treated in its hour of economic need, has the upper hand. (How Georgia fell into Putin's trap, Trevor Kavanagh / The Sun, 11.08.2008) Россия, униженная и обозленная тем, как ужасно к ней относились, когда ей так нужна была экономическая помощь, сама теперь на коне; During the Cold War, it always seemed the Russians were menacing because they were communists. Maybe the communists were menacing because they were Russians. (By its Own Choice, Russia is Our Enemy, Dan Calabrese / America Chronicle, 19.08.08) Во время холодной войны, казалось, русские были опасны, потому что были коммунистами. Может коммунисты были опасными, потому что были русскими; The next American administration will have to deal with a Russia under stress. The bear will be growling. (The Growling Bear, George H. Wittam / The American Spectator, 05.09.08) Следующей администрации Америки придется иметь дело уже с другой, опасной Россией. Медведь будет огрызаться.

Слот 4.2. Противостояние врагу

В силу агрессивного поведения в естественной среде медведь стал объектом охоты. Так, в политической речи Россия, представ-

ляющая опасность для европейских государств, согласно призывам западных СМИ, становится их врагом, которому, надо противостоять, объединив совместные усилия. Ср.:

Any way you look at it, therefore, Russia is not our friend – and the next U.S. president had better be prepared to implement a foreign policy that recognizes that fact. (By its Own Choice, Russia is Our Enemy, Dan Calabrese / America Chronicle, 19.08.08) Поэтому, как ни крути, Россия нам не друг – и лучше бы следующий президент был готов проводить внешнюю политику с учетом этого факта (Название статьи – Россия – наш враг); But Washington can't afford to stand by helplessly while one of its staunchest regional allies is under siege. (The Bear Lashes Out / The New York Post, 09.08.08 - <http://www.nypost.com>) Однако Вашингтон не может позволить себе беспомощно стоять в стороне, когда один из его самых верных региональных союзников находится в осаде; Stopping Russia. The U.S. and its allies must unite against Moscow's war on Georgia. (Editorials / Washington Post, 09.08.08) Остановим Россию. Соединенные Штаты и союзные государства должны объединиться для противостояния войне Москвы против Грузии; The United States and Europe must stand up to this kind of behavior, and to all who champion it. For our sake – and for the sake of Russia's people, who deserve a better relationship with the rest of the world – the United States and Europe must not allow Russia's aggression to achieve any benefit. (Condoleezza Rice's Speech on Russia, The German Marshall Fund of the United States, 18.09.2008) Соединенные Штаты и Европа должны противостоять подобному поведению и всем, кто его поддерживает. Во имя нашего будущего – и во имя будущего российского народа, который заслуживает лучших отношений со всем миром – Соединенные Штаты и Европа должны не допустить достижения каких бы то ни было целей российской агрессией.

Рассмотренные материалы показывают, что медвежья метафора в последние годы, и особенно, в последние месяцы, превратилась в одну из самых ярких метафор политического дискурса британских и американских СМИ. Пятидневная война на Кавказе дала новую жизнь образу медведя, увеличив частотность использования соответствующих метафор, кото-

рые встречаются как в тексте через проводимые сравнения, перенос физических и поведенческих характеристик медведя на действия и образ России, так и непосредственно в названиях (The Bear is Awake and Hungry – *Медведь проснулся и он голоден*; Growling Bear – *Рычащий медведь*; Taunting the Bear – *Не дразни медведя*; The Bear Lashes Out – *Медведь отвязался* и др.), несущих пейоративную эмотивную нагрузку, поскольку в национальном сознании, как показывают исследования в области зоолексикологии, среди отрицательных качеств, которые осуждаются англичанами и вызывают наибольшее порицание с их стороны, относятся лексемы: *агрессивный, опасный, безжалостный, хищный, прожорливый, грубый, непослушный/неуправляемый*. [5]. Дата 8 августа 2008 года стала новым днем рождения метафоры российского медведя в американской и британской политической жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Невинская М. Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: Дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2006
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия)
4. Чудинов А. П. Финансовая метафора в современной политической речи // Известия Урал. гос. пед. ун-та. Лингвистика. – Вып. 7. – Екатеринбург, 2001.
5. Куражова И. В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Иваново, 2007.
6. Курбанов И. А. Сопоставительный анализ зоосимволики в русском и английском языках: Дис. канд. филол. наук. – М., 2000. – С. 294-430 (Приложение II – Список зоонимов английского языка).
7. Collins English Dictionary 21st Century Edition. – HarperCollins Publishers, 2000.
8. Collins Internet-linked Dictionary of Synonyms and Antonyms. – HarperCollins Publishers, 2005.
9. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Pearson Education Limited, 2006.

© Посохова Я. А., 2008

Садуов Р. Т.
Уфа, Россия

Saduov R.T
Ufa, Russia

МИФОЛОГИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
АНАЛИЗ РЕЧЕЙ ТОНИ БЛЭРА

MYTHOLOGY
IN POLITICAL DISCOURSE: TONY BLAIR'S
SPEECHES ANALYZED

УДК 82-54

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение политического мифа в речах Тони Блэра в период с 2001 по 2007 г.г.; технологических характеристик политического мифа и способов его конкретной реализации в речах политика. В статье также представлена сравнительная характеристика использования политического мифа в речах У. Черчилля и Т. Блэра, наглядно продемонстрирована роль использования политического мифа для обретения поддержки народа и парламента Соединенного Королевства.

Ключевые слова: Политический дискурс, манипуляция, политический миф, Тони Блэр.

Сведения об авторе: Садуов, Руслан Талгатович

Место работы: Башкирский государственный университет, факультет романо-германской филологии, кафедра межкультурной коммуникации и перевода

Должность: аспирант

Контактная информация: 450077, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 106, кв. 36

E-mail: rtsf@bk.ru

Abstract. The article focuses on the research of the political myth in the speeches delivered by Tony Blair in the period of 2001-2007. The author dwells upon the technological characteristics of the political myth and its actual realization in the speeches under study. A certain analogy to the use of the political myth in the speeches by W. Churchill is also observed. The article shows Tony Blair as a masterful user of the political myth, a gifted Prime Minister who enjoyed a considerable support from the Parliament and the people of the United Kingdom.

Key words: Political discourse, manipulation, political myth, Tony Blair.

About the author: Saduof, Rouslan Talgatovich

Place of employment: Bashkir State University, Department of Romance and Germanic philology, Chair of Intercultural Communication and Translation

Position: post-graduate student

В статье рассмотрены пути реализации одного из характерных для политического дискурса способов воздействия, политического мифа, в речах Тони Блэра, лидера Лейбористской партии, премьер-министра Великобритании с 1997 по 2007 г. Материалом для исследования послужили речи и заявления политика, сделанные в период с 2001 по 2007 г.

Понятие «дискурс» в данной статье понимается как «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что важно для порождения данного высказывания / текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом» [Чернявская 2006: 69]. Дискурс предполагает наличие экстралингвистического фона, из этого можно заключить, что всегда существуют некие цели, продиктованные ситуативным контекстом, которые становятся основой для построения концепции высказывания или речи и которые необходимо достичь. Дискурс, в том числе и политический, таким образом, полностью открыт для широкого манипулирования, то есть «психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко 1997: 59]. При этом способы манипулирования могут быть разными, и зависит это не только от данной конкретной цели, но и от индивидуальных особенностей оратора,

отдающего предпочтение тем или иным способам.

Большинство способов манипуляции входят в разряд стилистических фигур, тропов, средств образности. Вкупе, они обладают ошутимой силой воздействия вследствие того, что, потворствуя чувству эстетизма и отчасти заглушая голос разума, создают благоприятное впечатление от речи в целом, а значит, и от ее непосредственного содержания, направленного на определенные цели.

Политический миф относится к более сложным способам манипулирования, и восходит в своей основе к глубинным структурам сознания. Последние по-разному назывались в литературе: «мотивы» в исследованиях по мифологии, «representations collectives» (коллективные представления) у Леви-Брюля, «категории воображения» (Юберг и Мосс) в сравнительном религиоведении и т.д. Швейцарский психиатр Карл Юнг называл их архетипами [Юнг 1995: 71]. Последние есть ни что иное, «как пустая форма, которая должна выводиться или извлекаться посредством абстракции из класса известных по опыту образов и символов», и которая «проявляется во многих ситуациях, местах, орудиях, событиях наших сновидений, определяя соответствующие мотивы фольклора» [Коан 2006: 41]. Другими словами, архетипы заложены в сознании человека, и их можно найти в былинах, сказках и мифах, созданных человеком на протяжении истории.

Именно поэтому, воздействуя через архетип, можно более уверенно и плодотворно воздействовать на слушателя. Исследователь Г. Почепцов пишет: «Миф предстает перед нами как сценарий развертывания имиджа, в котором сразу заполняются до этого пустые роли друзей и врагов главного героя. Миф является целой конструкцией, в этом его принципиальная выгода, поскольку большое число нужных характеристик теперь будут всплывать автоматически. В случае подключения мифа уже нет необходимости порождать как бы целые тексты, можно только намекать, подсказывая существенные характеристики, подводящие массовое сознание к тому или иному мифу». [Почепцов 2001: 105-106]. Отсюда, миф – очень мощное средство манипулирования, которое было взято на вооружение ораторами и политиками, и в новой своей роли получило название политического мифа – «мифа, используемого для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства» [Цуладзе 2003: 56]. Возможности политического мифа поистине безграничны. «Поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом. Определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается. <...> Наш мир бесконечно суггестивен. Любой предмет этого мира может из замкнуто-немого существования перейти в состояние слова, открыться для усвоения обществом» [Барт 2000: 233-234]. Именно поэтому исследователи уделяют пристальное внимание способам функционирования мифа в политическом дискурсе.

Политический миф обладает целым рядом технологических характеристик: в нем есть свои действующие лица, временные и пространственные особенности, правила поведения и действия. Далее будет рассмотрена реализация политического мифа в речах и заявлениях Тони Блэра, который на протяжении всей своей карьеры мастерски использовал весь суггестивный потенциал данного способа манипулирования, что, отчасти, обеспечивало ему уверенную поддержку в Парламенте и среди простых граждан Великобритании.

Прежде всего, в каждом мифе должны быть свой центральный герой, наделенный определенными положительными качествами, и враг, олицетворение ужаса и тьмы. Таким образом, миф – это двухполюсная система, черно-белый мир. В нем не допустимы краски и полутона. Миф должен быть прост и ясен. Чем проще формула, по которой действует миф, тем более он будет понят и принят аудиторией. Причем герой и враг должны постоянно противостоять друг другу, другими словами, должно быть действие, борьба: нет действия – нет мифа. Поэтому на создание главных действующих лиц Блэр не жалеет ни средств, ни сил. В качестве

главного героя в его речах выступает Великобритания либо народ Великобритании, которые могут заменяться местоимением «мы», подразумеваемая и лично премьер-министра:

E.g. (1) In other words, *Britain*¹ has been at the forefront of the fight against terrorism: in defeating Milosevic; to help prevent Sierra Leone falling into the hands of gangsters - all of which have required military action; and have also been leaders in the fight against poverty in Africa, for action to combat climate change, in debates over world trade or the MEPP - all of which have required diplomatic and financial commitment of a different kind (Blair 2007c).

E.g. (2) Sometimes, like with Europe, where I believe *Britain* should keep its position strong, you know you are fighting opinion but you are content with doing so (Blair 2007e).

Внимание привлекает и другой пример, где герой предстает в выгодном свете, как доблестный защитник слабых и противник этнических чисток в Косово:

E.g. (3) Sometimes, as with the completely unexpected, you are alone with your own instinct. In Sierra Leone and to stop ethnic cleansing in Kosovo, I took the decision to make *our country* one that intervened, that did not pass by, or keep out of the thick of it (Blair 2007e).

При этом герой обладает сверхъестественными способностями, либо наделен магической силой, либо наделен божественным благословением [Цуладзе 2003: 171]:

E.g. (4) This country is a *blessed nation*. The British are *special*, the world knows it, in our innermost thoughts, we know it (Blair 2007e).

E.g. (5) We had had an *international coalition blessed* by the UN in Afghanistan (Blair 2004).

Так, в данных примерах по отношению к герою используется слово *blessed*. В Longman Dictionary of Contemporary English глагол *to bless* определяется в том числе как: «to make something holy» и «if God blesses someone or something he helps and protects them». Прилагательное *blessed* – как «holy», то есть «святой, праведный» [Longman Dictionary of Contemporary English 2001: 124]. Таким образом, исходя из того, что герой благословлен, все его действия так же получают благословение и оправдание перед Богом и людьми, что придает силу, спокойствие и уверенность в том, что все происходящее предопределено либо просто верно в силу своего божественного происхождения.

Во всех примерах Великобритания – это сильный, отважный, справедливый герой, олицетворение Добра (I took the decision to make *our country* one that intervened, that did not pass

¹ Здесь и далее курсив наш – P.C.

by; this country is a *blessed nation*). Как и в сказаниях, у главного героя всегда должен быть верный союзник – один или несколько, который помогает герою во всех его начинаниях:

E.g. (6) This is an agreement in which we want *all the major countries to be involved, including America, China, India and others* – in other words the developed and the developing world (Blair 2007b).

E.g. (7) Then came the utterly unanticipated and dramatic. September 11th 2001 and the death of 3,000 or more on the streets of New York. I decided we should stand shoulder to shoulder with *our oldest ally* (Blair 2007e).

Особенно любопытны следующие два примера:

E.g. (8) This is my major reflection on 10 years of trying to meet these challenges, 10 years in which, as a deliberate policy, *Britain has been at the forefront*, for better or worse, *of each of these major global issues* (Blair 2007f).

E.g. (9) In other words, *Britain has been at the forefront of the fight against terrorism*: in defeating Milosevic; to help prevent Sierra Leone falling into the hands of gangsters – all of which have required military action; and have also been leaders in the fight against poverty in Africa, for action to combat climate change, in debates over world trade or the MEPP – all of which have required diplomatic and financial commitment of a different kind.

<...>We have suffered casualties, each one of which represents not just a life lost, but a family bereaved, a unit of comrades mourning their loss; and a nation, concerned and questioning the cost (Blair 2007c).

В приведенных примерах четко вырисовываются союзники героя: это все основные страны, под которыми подразумеваются страны Большой Восьмерки, включая Америку, Китай, Индию, в первом примере и «самый старый союзник Великобритании» – Соединенные Штаты – во втором. Хотя тут следует оговориться, что Америка с немного более чем двухсотлетней историей и колониальным прошлым, что ничуть не умаляет ее успехи на международной арене, едва ли претендует на роль самой старой союзницы Англии. Таким союзником было бы в пору назвать Португалию², а США – это, скорее, самый мощный союзник Соединенного Королевства. Однако в мифологическом про-

странстве у героя не может быть союзника, обладающего большей силой, чем сам герой, поэтому Блэр умело использует нейтральную характеристику «самый старый» союзник.

Наиболее любопытны два последних примера, где герой (Великобритания) находится на передовой борьбы со всеми основными мировыми проблемами и, в особенности, терроризмом. Фактически, наибольший урон от мирового терроризма понесла Америка, она же была и остается самым активным участником противостояния, тем не менее, о борьбе США с «мировым злом» в речах Блэра почти ничего не упоминается. Америке отводится роль верного союзника. На переднем плане именно Великобритания. И это притом, что американский контингент в Ираке в разы превышает общее число войск Соединенного Королевства: 153000 военнослужащих против 8800, соответственно, по состоянию на 2005 год [Международные коалиционные силы в Ираке]. Снова, в обширном мифологическом пространстве попросту не остается места сухой статистике – побеждает образность:

E.g. (10) *We become leaders in the fight against climate change, against global poverty, for peace and reconciliation* (Blair 2007c).

E.g. (11) Britain is not a follower, it is a *leader* (Blair 2007e).

Особую важность в мифе приобретает враг. Тони Блэр как никто другой понимает, что именно противодействие с врагом дает жизненно важное противостояние и тратит огромные усилия на создание его образа. Так, враг наделяется сверхъестественными способностями, силой, хитростью, коварностью. Другими словами, чем сильнее враг, тем больше героичности в мифе:

E.g. (12) What was unclear then but is very clear now is that what we were and are confronted with, is of a far more *fundamental character* than we supposed. September 11 wasn't the incredible action of an isolated group, a one-off strike masterminded by Osama Bin Laden. It was the product rather of a *world-wide movement*, with an ideology based on a misreading of Islam, *whose roots were deep, which had been growing for years and with the ability to mount a radically different type of warfare requiring a radically different type of response*. What we face is not a criminal conspiracy or even a fanatical but fringe *terrorist organisation*. We face *something more akin to revolutionary Communism in its early and most militant phase*. It is global (Blair 2007c).

В данном примере зло – это движение, развернувшееся по всему миру (it was the product rather of a *world-wide movement*), имеющее фундаментальный характер (*fundamental character*). Более того, движение имеет глубокие корни (*whose roots were deep*) и, что самое

² Согласно сведениям сайта Би-би-си и газеты «Индипендент», благодаря договору 14 века между Англией и Португалией, англичане очень часто называют своим старейшим союзником именно Португалию. «Дейли телеграф» так же пишет в пользу этого утверждения, упоминая, что Португалия вступила в Первую мировую войну только из солидарности с Соединенным Королевством [Смотряев]. Заметим, что, по данным британской «Уикли Телеграф», аналогичный дружеский жест со стороны США последовал только после появления непосредственной угрозы их безопасности [Fenton].

главное, требует нестандартный ответ (*requiring a radically different type of response*) – в этом проявляется необычность задачи, стоящей перед героем.

Аналогичные мотивы дублируются и в других его речах:

E.g. (13) *But, this terrorism did not begin on the streets of New York. <...>We will not defeat this terror until we face up to the fact that its roots are deep, and that it is not a passing spasm of anger, but a global ideology at war with us and our way of life* (Blair 2006b).

E.g. (14) *The roots of global terrorism and extremism are indeed deep* (Blair 2006a).

Особенно примечателен следующий пример:

E.g. (15) *The Cold War froze military conflict and allowed the ideological battle to play out. Britain's main strategic interest for 45 years was the need to protect Europe against the Soviet threat* (Blair 2007c).

В этом примере, как и в одном из предыдущих, идет ссылка на уже существующий, мощный миф о героине-Британии, которая защищает Европу от угрозы в лице Советского Союза. Сравнивая врагов из мифов существующего и строящегося, Блэр усиливает свой собственный миф. Необходимые характеристики врага-терроризма всплывают сами собой в сознании людей: те черты, свойственные врагу в мифе об СССР, накладываются на нового врага – терроризм. В результате Блэр экономит значительные силы, используя уже существующий каркас врага и уделяя больше внимания проработке «штрихов», деталей, облика нового врага:

E.g. (16) *So our enemy will see their strategic advantages as terrorism and time. They are not a conventional army. They can't be defeated by conventional means. This is the enemy our Armed Forces face today. The enemy knows something else also. That when they kill our soldiers, it provokes not just understandable grief and anguish, but resulting from that, a questioning of why we are "there"; what it's got to do with "us"; how can the struggle be worth the sacrifice in human terms* (Blair 2007c).

E.g. (17) *Public opinion will be divided, feel that the cost is too great, the campaign too long, and be unnerved by the absence of "victory" in the normal way they would reckon it. They will be constantly bombarded by the propaganda of the enemy, often quite sympathetically treated by their own media, to the effect that it's really all "our", that is the West's fault* (Blair 2007c).

Так, у врага есть несомненные преимущества, его не победить обычным способом. Враг также обладает особым знанием (*The enemy knows something else also*): убивая солдат, он заставляет задуматься, нужна ли Британии война. Таким образом, Блэр наносит удар по мирным демонстрациям, требующим вывода

войск из Ирака, – как оказывается, это все происки врага, на которые ни в коем случае нельзя соглашаться.

В результате мы видим великолепную репрезентацию образа врага – Блэр блестяще проводит четкое разграничение по линии «друг-враг»:

E.g. (18) *We are democratic. They are not. We have respect for human life. They do not. We hold essentially liberal values. They do not* (Blair 2001).

Надо заметить, что при этом, с одной стороны, враг имеет вполне реальное воплощение – это Осама Бен Ладен и Саддам Хусейн со своими соратниками, а с другой – это невидимый враг. Он везде и нигде одновременно: ничто не наводит страх так, как неизвестность. Неизвестность – это еще одно средство мифологизировать противника. Его удара можно ждать, где угодно. Последствия этого удара могут быть неограниченно разрушительными:

E.g. (19) *We know that these groups are fanatics, capable of killing without discrimination. The limits on the numbers they kill and their methods of killing are not governed by morality. The limits are only practical or technical* (Blair 2001).

Борьба – это ось, объединяющая героя и врага в круговороте событий. Противостояние является связующей нитью персонажей мифа и, одновременно, его локомотивом. В речах Блэра очень часто встречаются ссылки на мотивы тяжелой битвы, долгого и сложного пути, который необходимо пройти, чтобы достичь цели или победить. Иногда противостояние представлено достаточно просто:

E.g. (20) *Our challenge is to support the good. Africa's challenge is to eliminate the bad.* (Blair 2007g).

Здесь мы как раз наблюдаем пресловутый монохромный мир, о котором было сказано выше. Миф разделяет действительность на два полюса: белое и черное, Добро и Зло – просто, ясно, доступно, заманчиво. В других случаях описанию борьбы уделяется больше внимания, но опять все остается в рамках этой простой двучленной формулы оппозиции:

Смотри пример 1.

E.g. (21) *It has also involved our Armed forces in some of the most difficult and intractable fighting they have seen since WWII or at least since Korea* (Blair 2007c).

E.g. (22) *The battle will be conducted in a completely new world of modern communication and media* (Blair 2007c).

В последнем примере Блэр делает упор на нестандартность и новизну предстоящей битвы (*the battle will be conducted in a completely new world*), что вполне логично проистекает из того

факта, что враг, как это было видно из примеров выше, в речах Блэра позиционируется как совершенно новый и необычный (смотри пример 16).

При этом если говорить о борьбе с терроризмом, то Блэр часто делает упор на ценностное противостояние. Таким образом, террористы посягают не только, а, порой, и не столько на жизни людей и государственность, сколько на сам образ жизни западного человека, его ценности и институты, такие как демократия, свобода слова и печати и т.д., которые, кстати, уже успели стать архетипической особенностью человека Запада:

E.g. (23) I thought it particularly important in view of the fact that these attacks were not just attacks upon people and buildings; nor even merely upon the USA; these were *attacks on the basic democratic values in which we all believe so passionately and on the civilised world* (Blair 2001).

E.g. (24) When the Taleban murder a teacher in front of his class, as they did recently, for daring to teach girls; that is an act not just of cruelty but of ideology. Using force against them to prevent such an act is not "defence" in the traditional territorial sense of that word, but "security" in the broadest sense, *an assertion of our values against theirs* (Blair 2007c).

E.g. (25) The final challenge I wanted to mention is about *the battle of values* (Blair 2007g).

Кроме темы борьбы Блэр использует традиционный мотив долгого и сложного пути, выпавшего на долю героя и мотив длительной битвы [Цуладзе 2003: 171]:

E.g. (26) We have come *a long way in higher education* over the last ten years. But the global challenges will intensify in the years ahead. It is vital that our universities are empowered to excel as they meet those challenges (Blair 2007a).

E.g. (27) So from the perspective of our Armed Forces, how do we define this new situation? *The battle will be long. It has taken a generation for the enemy to grow. It will, in all probability take a generation to defeat* (Blair 2007c).

Потратив усилия на создание образов героя и врага, мотива битвы, Блэр делает вывод (звучащий, впрочем, как призыв) по поводу происходящего, описанного в мифе, и этот вывод, собственно, и выражает цель построения оногo, – убедить общественность поддержать военные действия и прочие начинания правительства:

E.g. (28) Yet to *retreat* in the face of this threat would be a *catastrophe*. It would strengthen this global terrorism; proliferate it; expand its circle of sympathisers. Given the nature of it and how its roots developed, long before any of the recent controversies of foreign policy, such *retreat would be futile. It would postpone but not prevent the confrontation* (Blair 2007c).

В приведенном примере Блэр говорит о том, что отступить перед натиском врага нельзя: это только усугубит ситуацию – и это и есть тот самый вывод, к которому так умело вел политик, для чего героизировал роль Великобритании и рисовал образ врага.

Отметим, что миф по Блэру не является его собственным изобретением. Все, или, по крайней мере, многие, успешные политики пользовались и пользуются этим инструментом для успешного манипулирования. Для сравнения обратимся к речам выдающегося премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. Известно, что жизнь и деятельность этого премьер-министра выпала на очень тяжелое время – на время второй мировой войны. Поэтому в его речах можно встретить «обращение к героическому». Для наглядности можно приведем сводную таблицу сопоставлений.

Сравнительная таблица использования политического мифа в речах У. Черчилля и Т. Блэра

	У. Черчилль	Т. Блэр
Герой	E.g. <i>We have before us an ordeal of the most grievous kind</i> (Churchill 1940). E.g. <i>At this time I feel entitled to claim the aid of all, and I say, "come then, let us go forward together with our united strength"</i> (Churchill 1940).	E.g. <i>We become leaders in the fight against climate change, against global poverty, for peace and reconciliation</i> (Blair 2007c). E.g. <i>Britain is not a follower, it is a leader</i> (Blair 2007e).
Сверхъестественные способности героя, божественное покровительство	E.g. <i>...with all our might and with all the strength that God can give us</i> (Churchill 1940).	E.g. <i>This country is a blessed nation. The British are special...</i> (Blair 2007e).
Враг	E.g. <i>We had the unmeasured menace of the enemy and their air attack still beating upon us, and you yourselves had had experience of this attack...</i> (Churchill 1940).	E.g. <i>But, this terrorism did not begin on the streets of New York. <...>We will not defeat this terror until we face up to the fact that its roots are deep, and that it is not</i>

	E.g. ... <i>to wage war against a monstrous tyranny</i> , never surpassed in the dark, lamentable catalogue of human crime (Churchill 1940).	a passing spasm of anger, but a <i>global ideology at war with us and our way of life</i> (Blair 2006b).
Мотив испытания/борьбы	E.g. We have before us <i>an ordeal of the most grievous kind</i> (Churchill 1940). E.g. ...but it must be remembered that we are in the preliminary stage of one of the <i>greatest battles in history</i> (Churchill 1940). E.g. ...the <i>air battle</i> is continuous and that many preparations, such as have been indicated by my hon. Friend the Gangway, have to be made here at home (Churchill 1940).	E.g. In other words, Britain has been at the <i>forefront of the fight against terrorism</i> : in defeating Milosevic; to help prevent Sierra Leone falling into the hands of gangsters - all of which have required military action (Blair 2007c). E.g. It has also involved our Armed forces in some of the <i>most difficult and intractable fighting they have seen since WWII</i> or at least since Korea (Blair 2007c). E.g. The <i>battle</i> will be conducted in a completely <i>new world</i> of modern communication and media (Blair 2007c).
Мотив пути	E.g. We have before us <i>many, many long months of struggle and of suffering</i> (Churchill 1940). E.g. ...victory, however <i>long and hard the</i>	E.g. We have come <i>a long way in higher education</i> over the last ten years... (Blair 2007a). E.g. So from the perspective of our Armed

	<i>road</i> may be (Churchill 1940).	Forces, how do we define this new situation? <i>The battle will be long. It has taken a generation for the enemy to grow. It will, in all probability take a generation to defeat</i> (Blair 2007c).
Вывод/Призыв	E.g. <i>Never yield to force; never yield to the apparently overwhelming might of the enemy</i> (Churchill 1941). E.g. It is <i>victory, victory at all costs</i> , victory in spite of all terror (Churchill 1940).	E.g. Yet to <i>retreat</i> in the face of this threat would be a <i>catastrophe.. retreat would be futile. It would postpone but not prevent the confrontation</i> (Blair 2007c).

Как видно из таблицы, Блэр и Черчилль примерно одинаково выстраивают образы героя и врага, одинаково призывают к мотиву битвы и мотиву длительного, сложного пути. Следовательно, механизм функционирования мифа у обоих политиков примерно одинаков, что говорит о преемственности инструмента политического мифа во власти.

Нельзя не заметить, что использование политического мифа требует особой тематики, а именно, военной. Действительно, данный способ манипуляции появляется именно там, где описываются военные действия. Представляется, что это обусловлено тем, что в любом конфликте всегда есть оппонент, враг, следовательно, имея оба полюса противостояния, героя и врага, можно легко построить миф. Это не значит, однако, что определенных элементов мифологичности нельзя найти в речах мирной тематики:

E.g. (29) From the establishment, in 1909 by William Beveridge, of labour exchanges to *combat unemployment*, the state, encouraged by trade unions, began to recognise the importance of work in law and regulation (Blair 2007d).

E.g. (30) On resources, we currently provide around £10 billion a year for higher education. Tuition fees will provide an extra £1.3 billion a year from 2010. *But this battle too is waged globally*. You are competing with better-funded competitors abroad, not least in the United States (Blair 2007h).

E.g. (31) We know we have a clear interest in *combating climate change*; but we feel it too, as a moral

duty to successive generations as well as our own (Blair 2007f)

Так, в приведенных примерах Блэр вводит мотив борьбы (*to combat unemployment; this battle too is waged globally; combating climate change*), что, несомненно, делает отсылку к мифологическим архетипам. Тем не менее, как уже было сказано, только милитаристская тематика дает возможность полностью использовать все ресурсы политического мифа как инструмента манипуляции.

Таким образом, мы рассмотрели механизм формирования и функционирования политического мифа в речах Тони Блэра. Последний искусно выстраивает образы героя и врага, закручивая их в одну сюжетную линию вокруг оси противостояния. Продолжая традиции ораторского мастерства своих предшественников, Тони Блэр не только использует наработанный опыт, но и вводит свои, индивидуальные черты мифа, умело присоединяется к уже существующим мифам, оставляя при этом простор для собственного мифотворчества. Представляется, что, как и У. Черчилль, Т. Блэр в совершенстве овладел искусством конструирования политического мифа, и наличие данного инструмента в арсенале средств манипулирования положительным образом сказалось на его карьере как политика, помогло обрести широкую поддержку среди граждан своей страны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барт Р. Мифологии. – М., 2000.
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. – М., 1997.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием // <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul3.htm> – 2007.
4. Коан Р. В. Архетипы // Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха; Науч. ред. А. А. Алексеева. – 2-е изд. – СПб., 2006. – С. 41-42.
5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа: Дополнение к «диалектике мифа» / Сост., общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого; Примеч. В. П. Троицкого. – М., 2001.
6. Международные коалиционные силы в Ираке // Википедия // http://ru.wikipedia.org/wiki/Международные_коалиционные_силы_в_Ираке – 2008.
7. Почепцов Г. Имиджология. – М., 2001.
8. Смотряев М. У Евросоюза появится «северное измерение» / Обзор М. Смотряева, Русская служба Би-би-си // [BBC.Russian.com](http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/press/newsid_5139000/5139732.stm) // http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/press/newsid_5139000/5139732.stm – 2008.
9. Цуладзе А. Политическая мифология. – М., 2003.
10. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого взаимодействия. – М., 2006.
11. Юнг К. Г. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / Сост. В. В. Зеленский, А. М. Руткевич. – М., 1995.
12. Blair Tony Prime Minister's statement to the House of Commons following the September 11 attacks on 14 September 2001 // <http://www.number10.gov.uk/Page1598> – 2008.
13. Blair Tony Prime Minister warns of continuing global terror threat 5 March 2004 // <http://www.number10.gov.uk/Page5461> – 2008.
14. Blair Tony "Clash about civilisations" speech on 21 March 2006a // <http://www.number10.gov.uk/Page9224> – 2008.
15. Blair Tony Global alliance for global values" speech on 27 March 2006b // <http://www.number10.gov.uk/output/Page9245.asp> – 2008.
16. Blair Tony Cultural speech at Tate Modern on 6 March 2007a // <http://www.number10.gov.uk/output/Page11166.asp> – 2008.
17. Blair Tony Doorstep in Heiligendamm on 7 June 2007b // <http://www.number10.gov.uk/output/Page11898.asp> – 2008.
18. Blair Tony Our Nation's Future – Defence on 12 January 2007c // <http://www.number10.gov.uk/output/Page10735.asp> – 2008.
19. Blair Tony Our Nation's Future – the role of work on 30 March 2007d // <http://www.number10.gov.uk/output/Page11405.asp> – 2008.
20. Blair Tony Resignation speech on 10 May 2007e // <http://www.uksbd.co.uk> – 2008.
21. Blair Tony Speech at Davos on 27 January 2007f // <http://www.number10.gov.uk/output/Page10858.asp> – 2008.
22. Blair Tony Speech in South Africa, 2007g // <http://www.number10.gov.uk/output/Page11790.asp> – 2008.
23. Blair Tony Speech on University Funding on 15 February 2007h // <http://www.number-10.gov.uk/output/Page10980.asp> – 2008.
24. Churchill Winston First Speech as Prime Minister, British House of Commons 13 May 1940 ("I have nothing to offer but blood, toil, tears and sweat.") // <http://www.ryanandassociates.com.au/speeches4.htm> – 2008.
25. Churchill Winston Address at Harrow School, 29 October 1941. ("Never give in, never, never, never") // <http://www.ryanandassociates.com.au/speeches6.htm> – 2008.
26. Fenton Ben Telegram that brought US into Great War is found // [Telegraph.co.uk](http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1500812/Telegram-that-brought-US-into-Great-War-is-found-found.html) // <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1500812/Telegram-that-brought-US-into-Great-War-is-found-found.html> – 2008.
27. Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow, 2001.

© Садуов Р. Т., 2008

Серю П.

Лозанна, Швейцария
Перевод И. Д. Белеевой

**ЯЗЫК – ПЛОТЬ НАЦИИ.
БЕСЕДЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ
ЭПОХИ БРЕЖНЕВА**

УДК 811.161.1

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

Аннотация. Автор размышляет о русском языке брежневской эпохи. Основное внимание уделено следующим символическим аспектам: отношение русских к русскому языку, отношение русских к языку «нерусских», и отношение русских к высказываниям о русском языке нерусскоязычного населения.

Ключевые слова: Русский язык; советология; Л. И. Брежнев; родной язык; Советский Союз; политическая лингвистика.

Сведения об авторе: Серю, Патрик

Ученая степень, звание: доктор философии, профессор

Место работы: Университет Лозанны, департамент филологии

Должность: профессор

Контактная информация:

University of Lausanne, department of philology, Anthropole, CH – 1015, LAUSANNE, Switzerland

E-mail: Patrick.Seriot@unil.ch

Сведения о переводчице: Белеева, Ирина Дамировна

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук, доцент

Место работы: Российский государственный профессионально-педагогический университет, кафедра иностранных языков

Должность: доцент, зав. кафедрой

Контактная информация: 620089, г. Екатеринбург, ул. Крестинского, д. 57, кв. 43

Seriot P.

Lausanne, Switzerland
Translated by I. D. Beleva

**LANGUAGE AS THE BODY OF NATION.
DISCOURSE ON THE RUSSIAN LANGUAGE
OF THE BREZHNEV ERA**

Abstract. The author presents his reflections on the Russian language of the Brezhnev era. The emphasis is placed on the following symbolic aspects: attitude of the Russians to the Russian language, attitude of the Russians to the languages of "non-Russians", and attitude of the Russians to the opinions on the Russian language as pronounced by the non-Russian-speaking population.

Key words: Russian language; sovietology; L. I. Brezhnev; native language; Soviet Union; political linguistics.

About the author: Seriot, Patrick

Academic degree, academic status: PhD in philosophy, professor

Place of employment: University of Lausanne, department of philology

Post: professor

About the translator: Beleva, Irina Damirovna
Academic degree, academic status: candidate of philological sciences, associate professor

Place of employment: Russian State Vocational Pedagogical University, Chair of Foreign Languages

Position: associate professor

Любой энтомолог может с точностью определить, какое количество насекомых обитает на нашей планете: их огромное количество (несколько миллионов). Однако ни один лингвист не сможет ответить на вопрос, на скольких языках говорят на планете Земля. Дело вовсе не в тотальном неведении. На этот вопрос очень сложно ответить лишь по одной причине: невозможно сосчитать, сколько языков существует на самом деле.

В действительности, ученые полагают, что разделять единый диалектический континуум по территориальному признаку не совсем правомерно. От Бордо до Ницы разница между различными окситанскими диалектами практически неощутима. Однако между жителями этих крайних точек страны взаимопонимание – сложный процесс. С другой стороны, говорить о французском языке, на котором говорят жители Квебека, и о французском языке европейского континента как о двух одинаковых языках не представляется возможным. Где же проходит грань, отделяющая частное от целого? По ка-

ким критериям следует разбивать что-либо на группы или объединять в единый сегмент [1]?

В данном конкретном случае следует придерживаться современной номиналистической позиции. ИМЯ – вот что является индикатором, эта привилегированная форма символа, дающая возможность предмету быть, т.е. существовать. Та же самая ситуация наблюдается и с народами и нациями, которые отличаются от множества других благодаря своему имени (названию). «Народ Корсики, состоящий преимущественно из французского народа» или «Приднестровская республика» в Молдавии – яркие примеры того, что не существует предела огромному множеству названий, которые выступают в качестве гарантов онтологии.

Однако установить точное количество существующих государств и государственных языков представляется вполне возможным. К сожалению, ориентируясь лишь на государственный язык, мы мало что сможем узнать о национальном языке. Такие государственные языки, как письменный «арабский» в Алжире

или «катаревусса» (katharevousa) в Греции имеют лишь отдаленное сходство с местными наречиями, на которых говорит население страны.

Что же представляет собой язык, такой туманный, такой близкий и в тоже время такой неуловимый? Что представляет собой язык и нация, и как они соотносятся друг с другом?

СССР и Россию можно изучать через специфичность её отношения к языку, воспроизведению и знаку. Это далеко не единственная страна, в которой политика управляла «символами», однако, как мы знаем, только эта страна расстреливала своих лингвистов за вопросы определения языка (Поливанов, Дурново, Дрезен и др.).

В данной работе я бы хотел поразмышлять о языке, и в самом широком смысле, вообразить себе язык Советского Союза брежневской эпохи. В таком «мультинациональном» государстве как СССР, огромное значение должно было уделяться изучению всего того, что является гранями, не административными, но символическими. Изучению составляющих того, что представляет собой государство: народов, языков, наций. В данной работе описываются следующие символические моменты: отношение русских к русскому языку, отношение русских к языку «нерусских», и отношение русских к высказываниям о русском языке нерусскоязычного населения.

Обращение к брежневской эпохе мне кажется необходимым и целесообразным для определения места языка в национальном возрождении нерусских народов в советскую эпоху. При выборе источников ставилась цель получения «гомогенной структуры языка», отсюда необходимость обращения к «научно-популярным источникам»: паралингвистической литературе, дополнительной литературе для школьников и студентов, предисловиям к учебникам грамматики и т.д.

Действительно, выбирая книги о языке, которые не читаются лингвистами, мы рассчитываем пойти менее известным, но более эффективным путём. Эффективным с точки зрения рассмотрения связи идеологии государства и языка в такой стране как СССР, где языковая политика стала предметом особой недвусмысленной теоретической конструкции, которой «восхищался» весь мир [2].

1. Любовь.

«Пусть «Великий Русский Язык» (именуемый далее ВРЯ) станет объектом любви» – такие строки часто можно найти в советской научно-популярной литературе. Но в СССР жили не только русскоговорящие народы, и эта любовь, невзирая на расхождения и противоречия, могла их сплотить.

1.1. Русский язык – родной язык русофонов

Любовь к родному языку может зародиться в процессе чтения книг по грамматике, которые сочетают в себе как любовь, так и понимание изучаемого предмета: «Эта книга стимулирует интерес к русскому языку и любовь к нему» (Прокопович, 1972, с. 6).

Однако в процессе изучения языка признание любви к языку является основополагающей составляющей успеха: «Чтобы овладеть этими средствами, уметь воспользоваться этими возможностями русского языка, нужно постоянно изучать русский язык, стремиться проникнуть в суть его законов, осознать их и, самое главное, полюбить [3] этот язык» (Шермухамедов, 1980, с. 210) [4].

И наконец, как причина и следствие познания, любовь питает стремление к изучению языка: «Знаете ли вы, что подлинная любовь к русскому языку невозможна, если не познать, не углубиться в этот язык, не изучить всё его богатство» (Люстрова, 1982, 154) [5].

1.2 Родной язык

На русский язык фраза «la langue maternelle» переводится как «родной язык», что в буквальном переводе звучит как «язык местности, где родился», «язык рождения» («la langue natale»). На самом деле, прилагательное «родной» произошло от существительного «род»: «потомство», «раса», «племя», «клан», «родоначальник» (латинское *gens*, греческое *genos*). Все эти понятия являются лишь частью общего лексикона, используемого с целью подчеркнуть патриотический характер слов *рождение*, *родители*, *родина*, *народ*, и все синтагмы образованные от прилагательного «родной»: *родная речь*, *родное слово*, *родная страна*, *родной край*, *родная литература*, *родной брат* или *родная мать* и т.д. Родной язык так же будет означать язык клана, группы, приобретенный ее членами после рождения. Очевидная равнозначность слов *язык/Родина* лежит в основе общего корня *род* – и понятий «родной язык» и «Родина». Поскольку любить русский язык – это то же самое, что и любить Родину (как наглядно демонстрируют тексты). Любить ту Родину, где на нём говорят, и где этот язык является родным. «Друзей русского языка объединяет любовь к родному слову, интерес к его доблестному прошлому, блестящему настоящему и великому будущему». (Люстрова, 1982, с. 54). Так, любовь к родному языку становится своего рода наказом, долгом для гражданина любить Родину. «Любовь к русскому языку – одна из неотъемлемых частей того чувства, которое мы называем любовью к родной земле. Каждый советский человек, каждый русский должен знать и любить свой язык. Нужно любить и непрерывно изучать русский язык» (Пау-

стовский, 1953, цит. Шермухамедовым, 1980, с.52) [6].

Любовь – это своего рода долг. «Каждый человек, прежде всего, *должен любить* свою советскую Родину» (Из личного архива маршала Рокоссовского, Литературная газета, апрель 1982).

Понятия Родная Земля и Родной Язык есть две составляющие одного понятия «Родины», которое в СССР ассоциируется со святым образом матери – «Родина-Мать».

Напрашивается вопрос! Долг любить родной язык или Родину-Мать, не является ли это символической (бессознательной) любовью? Любовью, в которой не отдают себе отчёт и о которой молчат? Любовью к телу матери, которая, обычно, сублимируется и на которую поставлен запрет [7].

Подобную фиксацию на языке г-н Пьерсен (Pierssens) называет «логофилией», т.е. любовью к языку людей, которые «помешаны на языке». Нам представляется интересным и значимым определить, опираясь на научно-популярные тексты советского периода, наблюдается ли в СССР «логофилия нового типа», а так же в чем заключается особенность любви к ВРЯ.

1.3. Защитить язык

Как видно из текстов советского периода, одним из последствий логофилии является потребность «защиты» языка и его целостности. Ниже представлена ещё одна метафора, ярко отражающая борьбу за сохранность чистоты языка. «Советские люди должны постоянно, неустанно проявлять заботу о русском языке, о его чистоте, о сохранности и дальнейшем развитии его выразительности, образности, силы» (Шермухамедов, 1980, с. 204). «И все мы, начиная со школьного возраста, должны стремиться к тому, чтобы русское слово сверкало всеми своими гранями, чтобы оно полно раскрывало свои значения, точно использовалось, чтобы русский язык не засорялся жаргонизмами, излишними иностранными словами, вульгаризмами» (Шермухамедов, 1980, с. 205) [8].

Верховным гарантом защиты языка должен будет стать т.н. *моральный аспект*, получивший в лингвистике название «сталинский стиль»: «Равнодушие к языку, скудость его, небрежное с ним обращение, порча этого языка, засорение его совершенно нетерпимы» (Паустовский-53, цит. Шермухамедовым, 1980, с. 52).

Однако охрана целостности языка может иметь и политические мотивы: создание эффективного инструмента, посредством которого возможно «управлять массами». Такой позиции придерживался Ленин, изложив ее в *Энциклопедии русского языка* [9] в статье «Об очистке русского языка».

Ленинская утилитарная концепция чистого слова легла в основу т.н. «социалистической профилактики» (борьбы со «словами-паразитами») и применялась непосредственно к языку. Сегодня совершенно иначе звучат пророческие слова Максима Горького, призывавшего бороться за чистоту русского языка: «В числе грандиозных задач создания новой, социалистической культуры перед нами поставлена и задача организации языка, очищения его от паразитического хлама. Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено – тем оно победоносней» (М. Горький. Полное собр. сочинений. Т. 27, с. 169-170, цит. Шермухамедовым, 1980, с. 204).

Целью «социалистической профилактики» является очистка организма от паразитов, поскольку любое пораженное тело считается патологией: Б. С. Шварков говорил о «деградации языка» как о «болезни» (ЭРЯ, статья «Бюрократизм в языке»).

Что же это за язык, единство и целостность которого, как и сама Родина, «находятся в опасности»? Что же есть это ВСЕ, которое все так любят? Этот «неуловимый» объект [10], который все пытаются «защитить», «построить», «организовать» и «очистить»? Такую же идеологическую позицию по отношению к языку мы встречаем в III республике во Франции [11]. Однако в силу своего многонационального характера, в СССР все же имелись некоторые принципиальные отличия.

1.4. Омографы и «второй родной язык»

Совершенно иной является проблема любви к русскому языку нерусскоговорящего населения. Очевидно, что любовь эта иной природы, нежели любовь к родному языку. Однако «страсть» к русскому языку от этого лишь ярче. Книга Шермухамедова – настоящая антология нерусских поэтов и писателей Советского Союза, в унисон воспевающих свою любовь к русскому языку.

Вот что писал узбекский писатель советской эпохи Мирмузкин:

Стал матери язык – поэта языком.
Я зрелости достиг – и выучил другой,
То русский был язык, для сердца дорогой:
По-русски прозвучал свободы гордый клич,
По-русски говорил с народом наш Ильич.
Люби его, мой друг, как любит весь народ,
Он мост между людьми, единство и союз.
(цит. Шермухамедовым, 1980, с. 107)

В каждой братской республике можно встретить поэта, любящего русский язык. Обращаясь к Западу, известный киргизский поэт Кубаник Акаев в поэтической форме выразил мысль о великой миссии русского языка:

Знай же, Лондон, Париж, Вашингтон,
Я в Москву, я в Россию влюблен.
Слушай мир: я люблю тот язык,
Что по-русски могуч и велик,
Как мне пушкинский стих не беречь!
Я по-русски марксизм изучил,
Брат мой русский мне знамя вручил.
С нашим Лениным в сердце живет
Весь двухсотмиллионный народ,
Перед лицом всего мира горжусь
Языком твоим, славная Русь!
(цит. Шермухамедовым, 1980, с. 65)

Парадоксальным является отношение нерусского населения к русскому языку. Мысль, наиболее часто звучащая в публичных заявлениях о русском языке, является мыслью о том, что русский язык стал для всех «вторым родным языком». Великий туркменский писатель, Герой Социалистического Труда, Б. М. Кербабаев (1894-1974), автор выдающихся работ, ставших частью сокровищницы советской литературы, писал: «Русский язык стал для нас, националов, вторым родным языком. Однако грамматический строй русского языка очень сложен. Поэтому необходимо изучать русский язык с самого детства» (цит. Шермухамедовым, 1980, с. 91).

Однако подобные заявления вызывают скептическое отношение со стороны иностранных лингвистов. «Несмотря на многочисленные заявления, что русский язык стал для народов дружественных республик «вторым родным языком», утверждать этого в полной мере все же не стоит» (Крессель, 1977, с. 28). В настоящей статье для нас неважно действительно ли русский язык стал «вторым родным языком» для нерусского народа. Важно, почему подобные утверждения вообще имели место быть. Мы вовсе не собираемся обвинять советских лингвистов «во лжи», сравнивая то, что провозглашалось, с тем, что было на самом деле. Мы хотим проследить взаимосвязь между идеологией и политикой на официальном уровне. И если уж русский язык стал вторым родным языком для нерусского населения, Россия стала соответственно их «Матерью»: «...Законы братства нам дано по-русски понимать затем, что дружбе учит нас Россия, наша Мать» (Мирзо Турсун-Заде, «Законы братства») (цит. Шермухамедов, 1980, с. 138).

Подобный перенос любви и привязанности к родного языка на русский влечёт за собой, как следствие, просьбу «о принятии». «Каждый миг народ Дагестана ощущает свою неразрывную связь с этим языком», – пишет известный писатель Эфенди Капиев. «О, Великий Русский язык! Я встаю пред тобой на колени: прими и благослови меня!» «Эти слова не только образ: в этой фразе можно ощутить всю глубину чувств, которые жители Дагестана испытывают по отношению к русскому языку, сплотившему их как друг с другом, так и с другими народами» (Гамзатов, 1983, с. 247).

Самым интересным для нас является попытка понять, как же возможно полюбить чужую мать также сильно, как и свою собственную родную мать. Отметим тот факт, что разницы между тем чувством любви, что испытывают к русскому языку русскоязычное население и чувствами нерусского народа, практически нет, если только речь не идет о страсти. Несмотря на то, что слова «мать» и «море» не имеют в русском языке подобного сходства при написании, как во французском «mère» и «mer», в поэме Максима Геттуева «Русский язык» можно четко пронаблюдать явление транспозиции. Любовь к матери ассоциируется с бескрайними морскими глубинами, отражается в глубинах водной глади, такой манящей и успокаивающей, способной утолить жажду, разжигая желание. Изобилие этих образов присутствует в психоаналитических трактатах об эдиповских мечтах и рассказах:

Спросите меня: Что похоже на
море?
– Русский язык, – не
замедлю с ответом.
– Он, словно море,
согреет землю,
Свежесть подарит
засушливым летом.
Воды его, разливаясь без
края,
Блещут немеркнувшим
солнечным светом;
К людям хорошим
в дальние страны
Катятся волны с горячим
приветом.
Русский язык –
безграничное море!..
В глуби морской
я дождался улова:
Выловил ключ, открывающий
радость, –
Этим ключом было русское
слово...
... В сад прихожу под зеленые
своды:
Как здесь отрадно, красиво
и ново;
Если ж в саду и садовник
отменный,
Кажется – в мире нет
счастья иного!
Также и в класс мой пришел
я когда-то –
Он был подобен зеленому
своду;
Русская женщина с доброй
душою
Не уступала ни в чем
садоводу...
(Цит. Шермухамедов, 1980, с.111)

Подобное погружение в язык, которое возвращает нас к традиционной метафоре «языковая баня», так же открывает перед нами любопытнейший феномен, который мы могли бы сформулировать не иначе как риторическим вопросом: *как эдипов комплекс может возникнуть по отношению к приемной матери?*

1.5 Большая Семья

Как возможно полюбить чужой язык так же сильно, как свой собственный, родной?

Этот вопрос о «втором родном языке» рождает ряд метафорических понятий на тему «*семейные узы*»:

- Дружная семья всех народов Советского Союза

- Старший брат
- Братские народы
- Братские республики
- Братские языки
- Матушка Россия
- Родина Мать

Именно эти понятия доказывают возможность существования частного в общем, одном большом мире, каким являлся Советский Союз, некая асимметричная пирамида, где огромное количество близких друг другу языков, но все же существует один, объединяющий их все, являющийся одновременно и частью и целым, язык «равный среди равных» – ВРЯ (Шермухамедов). Именно благодаря *родственным связям* удалось избежать внутренних противоречий в понимании единого общества и признания отдельных «национальностей». Именно ВРЯ – это родной язык (первый или «второй») всего советского народа, а другие языки – это равные между собой языки. Всё это в качестве *социальной профилактики* позволило представить русский язык как нечто живое, объединяющее всех и каждого, нуждающееся в постоянной защите и очистке от «паразитов». «ВРЯ, объединяющий членов одной семьи, не может быть заменен другими языками в силу своих отличительных особенностей, ибо только он может отражать в себе самом существование единого гомогенного общества, связи между ним самим и «народом № 1», – как говорил С. Леффорт [12], – «...народом, объединенным любовью к своему средству общения».

1.6 Тожество, принадлежность и отличие

Отношение между частью и целым, в ракурсе семейной метафоры не так уж сложно, в сравнении с тем, как соотносятся части между собой, либо внутри себя. Именно так рождается вопрос тождества, вопрос отношений Части и Целого. Если считается возможным говорить о языках «народов Советского Союза», то значит эти «народы» существуют. Но что же такое «народ», в своем бесчисленном множестве? Реально существующий объект, или предмет

дискуссии? В СССР «народ» являлся «дискретной сущностью», не больше и не меньше. Однако, народ может исчезнуть лишь для того, чтобы вновь появиться годы спустя [13]... Один народ должен был противопоставить себя как нечто целое другим народам:

«В рожденной Октябрьской революцией «общечеловеческой симфонии», культуре будущего коммунистического общества, культуры народов Средней Азии и Казахстана составляют те звуки, которые в единстве с культурами других братских народов образуют «богатую и свободную гармонизацию» (Луначарский. Цит: Шермухамедов, 1980, с. 113).

Народ – это особая «графа» в паспорте, которая не должна оставаться пустой, это совершенно определенный ответ на вопрос (например, при переписи населения). Человек всегда принадлежит к какому-то народу, к какой-то национальности. Следовательно, существуют *народы*, один народ отличается от другого. Но границы отличий очень подвижны. Известны случаи, когда «малые народы» добровольно входили в состав более крупных. Так происходили метаморфозы, где смешивалась любовь, тревога [14], административные сложности, всегда сопутствующие процессу поглощения и рождению новой, отличной от других, самобытности. И появлялось какое-то имя для новой принадлежности, как две капли воды похожей на ту, что уже существует.

«Некоторые малочисленные народности, этнические группы населения добровольно, в связи с длительным дружеским общением с более крупными нациями, полностью признали общность с ними. Так, например, с 1926 по 1939г. поморы, проживающие на севере Архангельской области, камчадалы, кержаки, живущие в Алтайском крае, и другие перестали считать себя особыми народностями и полностью примкнули к русским. Эти процессы консолидации языков в нашей стране характеризуются тем, что носители языков сами добровольно соединились с другими народами, ибо это полностью отвечало их интересам, способствовало их экономическому и культурному развитию». (Шермухамедов, 1980, с. 35).

Но, если есть народ, есть и его собственный язык. «В исследованиях дореволюционного периода и времени до 50-ых гг. встречаются упоминания о кайтагском (kaitagh) и кубатском (koubatch) языках. В дальнейшем эти языки стали воспринимать как диалекты даргинского языка (darghienne) и говорящие на них, согласно данным переписи населения, получили одноименное название» (Гамзатов, 1980, с. 125).

Что же всё-таки является отличительной особенностью языка? (Мильнер, 1978).

Что же такое «народ», и что же такое «язык», если их границы могут меняться при желании заинтересованных лиц или же под действием административных норм? Если су-

существует множество языков, значит должен существовать и один язык (Мильнер, 1978), однако границы этого языка, согласно советским источникам, странным образом размыты...

Проблема «отличительной особенности» языка, собственно гносеологическая проблема, относящаяся к лингвистике, затрагивает так же и политический аспект. К примеру, произошёл ли молдавский от румынского языка или это его разновидность, диалект? Или же молдавский является отдельным языком? Карельский язык, произошёл ли он от финского? Азербайджанский и турецкий – это два разных языка или один? Имеет ли смысл данная постановка вопроса? Думается, что да. Поскольку даже с административной точки зрения, невозможно говорить на чём-то, что не имеет отличие от другого [15]. Необходимо выбрать в административном порядке название для этого языка, как выбирают принадлежность к той или иной национальности. Следует, таким образом, выбрать название своему языку, как выбирают название национальности в рамках существующей административной системы: татары и башкиры говорят на столь похожих языках, что можно было бы считать его одним языком. Однако различия между языками были искусственно созданы, в том числе и в орфографии, поэтому и пришлось делать серьёзный выбор. (Крессель, 1977, с. 4). Выбор этот исходит от национальности (эстонцы, киргизы), либо от гражданства (советские): такова участь советских эмигрантов (так называемых «отщепенцев», тех, что отреклись от Родины), которые потеряли своё место в советской топологии. Они стали ненужными элементами, отрезанными от общей системы. Но если они больше не являются нацией (русскими, скажем), на каком же тогда языке они говорят? По этому вопросу в СССР долгое время молчали. Молчание прервал Солженицын, создав словарь «забытых терминов русского языка», настоящего русского языка, более подлинного, чем тот, на каком говорили в СССР...

Так, где же настоящий язык? И как его «найти»?

2. Познание

Мы остановимся на вопросе, как любовь к ВРЯ влияет на процесс познания. В частности, думается, важно определить, что же общего имеет «объект любви» с тем, что в лингвистике принято называть языком. Это поможет «поймать» его связь с такими понятиями как «народ» и «нация».

2.1. То, что дано и то, что создано

В текстах, которые мы выделили в группу «научно-популярная литература о языке», ВРЯ представлен как некая объективная реальность, существующая сама по себе, за которым скорее можно наблюдать и восторгаться, чем

постигать его глубины. Так считает большинство писателей (Серио, 1982). ВРЯ не является чем-то искусственно созданным, он является чем-то уже существующим, воспринимаемым интуитивно теми, кто умеет видеть и чувствовать, может разглядеть этот язык, то есть авторами литературных произведений, называемых часто авторитетными источниками. Однако, язык достаточно восприимчив к внешним факторам, поэтому, с целью его «кардинального улучшения», он должен быть защищен от «паразитов» и «активного вмешательства» любого рода.

2.2 Форма и содержание.

Как нам думается, если ВРЯ и может быть объектом любви, то только потому, что само понятие базируется на постоянном смешении двух терминов биполярной оппозиции: *системы и реализации*: совершенно не различается то, что «сказано» в языке и язык, который позволяет это сказать: «Весь мир отныне слушает русское слово, ибо в XX веке именно русскими словами впервые были воспеты надежды и чаяния миллионов людей, заветные слова о счастье всех трудящихся» (Правда, от 29 ноября 1972 г., № 334, Цит. Шермухамедов, 1980, с. 24).

В то же время нельзя сказать, что язык может существовать отдельно от тех, кто на нем говорит, от их действий и поступков: «Русский язык – язык Ленина. Язык, в котором олицетворены борьба людей за их права во имя всеобщего счастья, во имя светлого будущего. Это язык, на котором были созданы бессмертные работы великих ученых и поэтов, язык исследователей и первопроходцев на пути к новой жизни (С. М. Рашидов, первый секретарь коммунистической партии Узбекистана, член Политбюро; в предисловии книги Шермухамедова, 1980, с. 4).

2.3 Язык – это память народа.

Согласно немецким грамматистам-романтикам начала XIX столетия, язык идентифицируется с народом, который на нём говорит. «Язык как летопись рассказывает о том, как жили наши предки, с какими народами они встречались, с кем вступали в общение и т.д.» (Шермухамедов, 1980, с. 18). «Язык есть средство коммуникации, общения, средство закрепления и передачи достижений человеческого мышления, человеческого знания и опыта, средство выражения говорящим своего отношения к окружающей действительности, средство выражения эмоций и воли» (Шермухамедов, 1980, с. 19). Следовательно, чтобы знать язык, нужно научиться познавать народ, говорящий на этом языке. «Язык это история народа, его любимое детище», – писал известный русский поэт Вяземский. «Язык есть вера на-

родная. С ним в гармонии природа, душа и сама жизнь (Гамзатов, 1983, с. 250).

Великий русский язык: инструмент или оружие?

В советской паралингвистической литературе существует несколько учений на тему, чем же является язык:

1) это инструмент. «Язык – это орудие для выражения мысли» (М. И. Калинин, *Коммунистические учения*, Москва, 1958, 275, цит. Шермухамедов. 1980, с. 17).

2) это средство общения. «Язык существует для того, чтобы общаться» (Шермухамедов, 1980, с. 92).

Бессмысленно настаивать на том, что вышеизложенные трактовки – результат влияния «духа» сталинской эпохи и его вторжения» в лингвистику в 1950 году. Однако, язык – это еще и оружие, средство борьбы, он должен быть чистым, ясным точным, чтобы довести битву до победного конца. Пример отношения к языку мы видим в работах Ленина. «Для Ленина – политика и революционера – язык служил оружием в борьбе против врагов революции. Именно поэтому Владимир Ильич был особенно строг и требователен к языку и стилю документов, обращенных непосредственно к народу, к трудящимся массам» (Шермухамедов, 1980, с. 217). «Учась русскому языку у классиков родной литературы, Владимир Ильич всегда стремился писать просто, доступно, выразительно, был врагом пустословия, фразерства, вычурности изложения» (там же, с. 208).

Согласно Ленину, (полное собрание сочинений, т. 24, с. 295, российское издание), если великорусский язык «велик и могуч», если это средство общения, значит, он предназначен для чистого общения. Язык, как средство общения, как орудие борьбы и зеркало нации – вот три характеристики, вступающие между собой в некое противоречие. В действительности, совокупность этих противоречий и определила выдающуюся «роль» ВРЯ в Советском Союзе. ВРЯ, который все должны были любить, учить, защищать и совершенствовать, занимал в СССР особое место, являясь фундаментальным, быть может, наиболее важным звеном в становлении идеологии и однородной структуры советского общества.

Спустя 10 лет после смерти Брежнева, насколько изменилось представление в бывшем СССР о русском языке? Можно усомниться в могуществе ВРЯ, если послушать, как нерусскоязычное население отзывается о «своем собственном языке». Уже нет речи о любви к чужому языку, но в сознании ещё царит былая романтика, если судить по отрывку из книги, недавно появившейся в Молдавии: «Язык - это душа народа. Он похож на тех, кто на нем говорит. Наш язык похож на пастухов, которые говорили на нём тысячелетия, он похож на каждого

из нас. Он похож на наших детей, на их будущее. Язык так же похож на места, где на нем говорят. Красота нашей родины отражается в нём. Из всего этого каждый день рождается и продолжает существовать молдавский язык. Язык – самое главное творение народа. Язык есть воплощение людской гениальности. Он и есть своего рода метафора. Метафора метафоры. Стих стихов. Песня народных песен. Его история идет бок о бок с историей народа. Благодаря ему, мы выжили в трудные времена, он был для нас оружием защиты. Язык отражает историю народа, его быт, его чувства, его мировидение, его характер, его опыт, его привычки... Язык сумел выжить вместе с народом, потому что был с народом. Язык это духовная сокровищница народа, завещание последующим поколениям. Это наш язык» (Николя Дабижа, *Нюша или скрытое сокровище?* Кишинев, 1989).

Те новые этнические группы, возникшие после распада СССР, на самом деле являются лишь новыми названиями старых отношений нации и языка.

[1] – Самым характерным примером являются без сомнения Сербия и Хорватия. С лингвистической точки зрения, они говорят на очень близких вариантах одного языка, который со времён Тито носил название «сербохорватского», и который был разделен на два языка *актом о назначении*. Хорватским языком отныне называется диалект хорватов, а сербским языком диалект сербов.

[2] – Х. Карер Данкосс – 78, 203, «Лингвистическая политика, без всякого сомнения, наиболее оригинальный способ оказывать влияние на национальные основы. Это также наиболее успешный способ».

[3] – Во всех цитатах этой статьи слова были выделены курсивом нами.

[4] – Саид Шермухамедов является министром Образования Узбекистана. Его сочинение «Русский язык – великое и могучее средство общения советского народа, Книга для внеклассного чтения для учеников старших классов средней школы», является незаменимым источником цитат и информации касательно Великого Русского Языка (ВРЯ).

[5] – Книга Люстровой – версия радиопрограммы «В мире слов», целью которой – изучение русского языка (рассуждения о сложностях русского языка, конкурсы на лучшего знатока языка и т.д.).

[6] – Мы цитируем автора 1953 г. в строгом соответствии с тем, что он привел в 1980 г, опираясь на материалы диссертации, подготовленной к защите.

[7] – Недавние исследования показали, насколько язык может быть любим до безумия, стать составляющей частью, физической и символической, того, кто на нем говорит. См: М. Пьерсен «Вавилонская башня», Рудинеско

«Беседы с реальностью», Гадэ и Пешо «Потерянный язык», Милльнер «Любовь к языку», Вольфсон «Шизо и языки». Это формы, в которые облечена любовь к русскому языку, и которые мы попытались здесь несколько смягчить.

[8] – Вопрос на самом деле заключается в том, насколько «народный» русский язык является «русским». Не станет ли он опять «объектом перестройки»? (См. далее: «Познание»).

[9] – Энциклопедия русского языка. Под редакцией Ф. П. Филина, Москва, 1979 год. Речь идет о словаре, содержащем в предисловии описание основных проблем русского языка и славянской лингвистики в целом.

[10] – См. название книги Гадэ и Пеше «Неуловимый язык».

[11] – См: Мэнгено Доминик, 1979 «Школьные книги республики», 1870-1914 (Беседы и идеология), Париж: Сикомор; «Левые и Правые поворачиваются в сторону чистоты и ясности французского языка, иллюзорный консенсус III республики», из архивов SHESL, № 2, 1982 г.

[12] – К. Лефорт, «Картинка тела и тоталитаризм» в издании Лефорт-81.

[13] – «Крымские татары, признанные национальностью в 1921 г, и депортированные в Сибирь в 1944 году, считают, что их республика была ликвидирована, национальная самоидентификация уничтожена, а язык объявлен «существующим лишь в устной форме». Будучи реабилитированными, в 1967 году как «татарское население, проживавшее на территории Крыма», они совершенно не потеряли свою связь с территорией» (Карьер Данкосс, 1978, с. 236-245).

[14] – Лакан, безусловно, увидел в этом возможную сексуальную связь: кто-то становится «телом» другого, в результате взаимного слияния, через «полное поглощение».

[15] – Так, например, за пределами СССР, это проблема македонского и болгарского языков. Македонский, официальный язык в Югославии, расценивается в Болгарии как «болгарский», что позволяет правительству Болгарии не соблюдать юридический статус национального меньшинства македонцев, проживающих на территории Болгарии.

[16] – Нужно отметить, что несколько лет спустя, лингвист Е. Поливанов стал воздерживаться от использования термина «Великорусский язык», заменив его на «Современный русский язык» (Поливанов, 1968, с. 206-224).

БИБЛИОГРАФИЯ:

Carrère d'Encausse Hélène, 1978: L'empire éclaté. – Paris: Livre de poche.

Creissels Denis, 1977: Les langues de l'URSS (Aspects linguistiques et sociolinguistiques). – Paris: Institut d'Études slaves.

Gadet Françoise; Pecheux Michel, 1981: La langue introuvable. – Paris: Maspero.

Lefort Claude, 1981: L'invention démocratique. – Paris: Livre de poche.

Maingueneau Dominique, 1979: Les livres d'école de la République, 1870-1914 (Discours et idéologie). – Paris: Le Sycomore.

Maingueneau Dominique, 1982 : «La Droite et la Gauche face à la clarté de la langue française, un consensus illusoire sous la IIIe République» // Dans Archives et documents de la SHESL. – N 2. – Pp. 16-32.

Milner Jean-Claude, 1978: L'amour de la langue. – Paris: Seuil.

Pierssens Michel, 1976: La tour de Babil. – Paris: Ed. de Minuit.

Roudinesco Elisabeth, 1973: Un Discours au réel. – Paris: Mame.

Sériot Patrick, 1982: La socio-linguistique soviétique est-elle 'néo-marxiste'? (Contribution à une histoire des idéologies linguistiques en URSS) // Archives et documents de la SHESL. – N°2. – Paris. – Pp. 63-84.

Wolfson L., 1970: Le schizo et les langues. – Paris: Gallimard.

Гамзатов П. Е, 1980: Развитие языковой жизни Дагестана в условиях зрелого социалистического общества // Вопросы языкознания. – № 3. – С. 123-129.

Люстрова З. Н., Скворцов Л. Л., Дерягин В. Я. 1982: Друзьям русского языка. – М.

Паустовский К. Г, 1953: Статья из Пионерской правды. – 23 февраля 1953 г.

Поливанов Евгений, 1968: Статьи по общему языкознанию. – Москва.

Прокопович Н. Н, Белошапкина В. А, 1972: Предисловие к книге В. В. Виноградова «Русский язык».

Шермухамедов С., 1980: Русский язык – великое и могучее средство общения советского народа. Книга для внеклассного чтения (VIII-X классы). – М.

ЭРЯ, 1979: Энциклопедия русского языка / Под ред. Ф.П. Филина. – М.

© Серио П., 2008

Червиньски П.
Катовице, Польша

СЕМАНТИКА СОВЕТСКОГО ПОЗИТИВА
В КОНТЕКСТЕ ПРОДУЦИРУЕМОГО
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

УДК 321.0

Код ВАК 10.02.05; 10.02.19

Аннотация. Данная статья посвящена теоретическим основаниям для дифференциации трёх советизированных языков: русский язык советской эпохи, советский новояз и язык советской реальности. Выводятся их признаки и критерии разграничения, возможность рефлексии в словарях, тенденции угасания в так называемый постсоветский период. Язык советской реальности соотносится с языковым сознанием и языковой картиной мира носителей и определяется как результат возросшего советского коллективного опыта и сосуществования. Отсюда проистекают сложности преодоления, невидимое присутствие в последующие периоды языкового развития. На словарных примерах показаны признаки каждой из трёх версий советизированного языка; планируются подходы системного прагматического исследования языка советской реальности, который характеризуется порождающим отношением к реальности и к человеку как представителю советского общества.

Ключевые слова: Советский политический дискурс; политическая лингвистика; обозначения лиц; негативная оценка; позитивная оценка.

Сведения об авторе: Червиньски, Петр

Ученая степень, звание: Доктор филологии, профессор

Место работы: Силезский университет, Институт восточнославянской филологии, кафедра русского языка.

Должность: профессор, зав. кафедрой

Контактная информация: ul.Zytia, 12. 41-205, Sosnowiec, Poland.

E-mail: czerwinski@ares.fils.us.edu.p

Czerwinski P.
Katowice, Poland

SEMANTICS OF THE SOVIET POSITIVE
IN THE CONTEXT OF CREATING
THE REPRESENTED REALITY

Abstract. The article is devoted to the theoretical bases consideration of three Sovietized language versions differentiation – Russian of the Soviet epoch, Soviet newspeak and language of the Soviet reality. There are deduced the attributes and bases of their distinction, opportunity of reflection in dictionaries, tendencies of fading in so called Post-Soviet period. Language of the Soviet reality contacts to the language mentality and language world picture of speakers, being defined as result of accrued Soviet collective experience and Soviet combined being. Hence follow the complexities of overcoming, opportunity of invisible presence in the subsequent periods which have stepped after a leaving of the Soviet time language and its changing by subsequent phases of language development. On examples from the dictionaries there are shown the attributes of each of three versions of Sovietized "languages", there are planned the approaches to the sytem-paradigmatic research of the Soviet reality language characterized on the basis of the producing attitude to the real world and man as to the representative of Soviet community.

Key words: Soviet political discourse; political linguistics; personal nominations; negative connotation; positive connotation.

About the author: Czerwinski, Petr

Academic degree, academic status: PhD in philology, professor

Place of employment: University of Silesia, Institute of East Philology, Chair of Russian Language

Position: professor

Одна из ведущих задач той формы национального языка, которую было принято во времена ее бытования определять языком советской эпохи, русским языком советского времени, языком послеоктябрьского периода, русским языком после Октября, после Октябрьской революции [Ожегов 1951; 1953; Протченко 1975; Супрун 1969 и др.], иногда, не подчеркивая, просто современного русского языка, подразумевая при этом советский период, что также связывало язык с его временной, т.е. дихотомической, перспективой, – одна из ведущих задач определяемого таким образом языка состояла в формировании нового человека. Советского человека как достойного представителя не менее достойного советского общества, порожденного и воспитанного, вызванного к жизни и выпестованного все тем же, давшим начало всему тому, Октябрем.

Определение и изучение особенностей этой возникшей и развивавшейся формы-стадии язы-

ка, отмечаясь временем и характеризуясь, соответственно, как язык эпохи, непосредственно связывались с развитием общества. Советского общества, как было принято обозначать [Панов 1962; Русский язык и советское общество 1968; Русский язык по данным массового обследования 1974], подчеркивая в нем то, что делало его социальной формацией, наделенной признаками собственного, ни с чем другим во времени до и в пространстве вокруг, не сравнимого существования. Замкнутого, изолированного, обособленного, а потому в известном смысле искусственного и культивируемого. Удобного, как казалось (не рискую сказать – оказалось), для претворения в жизнь известных идей, для привития их общественному сознанию, социальному организму и воспитания в новом духе подрастающих, рождающихся, а потому не испорченных ничем предыдущим во времени и вне пределов данного государства, поколений советских (теперь с полным правом) людей. Удобного также, как

следствие, для претворения в жизнь и затем закрепления определенного рода манифестаций – привычек, навыков, установок, реакций, знаковых форм и символов, стереотипных, шаблонных, стандартных по своей изначальной природе, поведенческих, психологических, ментальных и экспрессивных, объявляющих и обнаруживающих себя в том числе и вербально, в узусе речи и языка. Удобного для претворения и удобного для обнаружения, а тем самым, и для исследования, в задачи которого могло бы входить, наряду с другими, не менее важными, и то, чтобы определить, как, каким образом, по каким законам и в каких пределах возможно намеренно ориентированное, в условиях исключительности и отсутствия альтернативы, воздействие, через эти самые шаблонные форматы, на язык и общественное, равно как и индивидуальное (в какой только мере?), языковое и речевое сознание.

Повышенный интерес 20-х годов к проблемам языковой эволюции, изучению и определению форм и стадий языкового существования, в том числе, если не прежде всего, в его революционном, качественно переходном (скачкообразном), сменяющем проявлении, интерес к социальным феноменам языковых состояний, взаимодействию языка и мышления, языковым межнациональным контактам в пространстве общего идейного, политического и социального бытия¹, – был поэтому не случаен. Как естест-

¹ См. известные работы А. М. Селищева, Е. Д. Поливанова, В. М. Жирмунского, Л. П. Якубинского, С. И. Карцевского, Г. О. Винокура, Р. Якобсона и др., а также Н. Я. Марра и его направления, широко и последовательно занимавшихся теми вопросами, которые, пользуясь современными представлениями, можно было бы отнести к проблемам социолингвистическим, лингвокультурологическим, лингвокогнитологическим, проблемам, связанным с изучением появления, становления и эволюции языка в связи с развитием языкового сознания, стадий и форм исторического и формационного развития общества и т.п. Поскольку обзор научной литературы вопроса в предлагаемом случае требует самой серьезной, последовательной и обстоятельной разработки, возможно, на принципиально новых основах и с концептуально иными, чем это было ранее, методологическими позициями и предпосылок, простое упоминание имен исследователей как 20-30-х, так и последующих годов, мало бы что дало. В связи с чем исследовательская история поднимаемой проблемы, в ее намечаемом концептуальном ключе, не бывши предметом данного, а также последующего предполагаемого рассмотрения, была отложена. Предпринять подобный обзор имело бы смысл уже после того, как будут предложены принципы описания системы, лежащей в основе порождения и восприятия изучаемого языка, определяемого в понятиях семантического языка, или кода, в собственном, характерном для него парадигматико-синтагматическом проявлении и устройстве. Поскольку подобный подход к языку советской действительности, в силу понятных причин, в целом не был, да и не мог быть, свойствен работам предшественников, обращение к их отдельным высказываниям и, без сомнения, ценным и важным идеям, работающим на предлагаемый исследовательский контекст, не может быть только отсылочным, требуя сложного процедурного определения с целью включения, вписывания их в новые представления и ментальные парадигмы. Все это не может быть в настоящее время осуществлено, исходя из чего, в отношении представления подходов и взглядов других исследователей предлагаем читателю обращение к не редким и широко доступным работам, содержащим подобного рода отсылки и отнесения.

венная реакция на процессы, непосредственно наблюдаемые и происходящие, и потому хорошо поддающиеся тому, чтобы, подняв соответствующие проблемы, попробовать их описать. Однако естественность, будучи мало свойственна накладываемой на общественно-государственное бытие социальной идее, могла бы, сама в себе, не туда, куда следовало, куда декретировалось и куда намечалось в ближайшем и отдаленном будущем советские мысль и общество завести, в связи с чем подобного рода исследования, не поощряясь, были отчасти переориентированы во что-то другое, а в основном остановлены и прекращены.

Последующий к ним интерес, в 60-е и 70-е годы, принял иные формы. Не только и даже не столько в силу естественным образом себя проявляющей невозможности возвращения к прошлому в его прежнем виде, т.е. на том же этапе, сколько в силу вполне понятных, все тех же идейных причин, объективно и субъективно сводивших научный лингвистический интерес к языковому советскому состоянию либо к изучению языка вне этих его, описываемых как явные, советизированных приобретений, либо ограничивая их в отношении новое и старое в языке, обновление и устаревание, пассив и актив словаря, его пополнение, обогащение и динамика, теория и практика описания, добавляя к этому, представленные в контексте развития новой социальной формации – советского общества – социолингвистические проблемы влияния этого общества, его развития и изменений на виды и формы динамики (т.е. опять-таки пополнения, обогащения или устаревания) словаря языка². Исследуются процессы активного пополнения и развития лексики в словообразовательном и сематическом отношениях. Рассматриваются проблемы влияния социальных и профессиональных факторов на лексемный состав языка. Изучаются группы общественно-политической лексики, группы обозначения лиц, делаются попытки исследования особенностей газетного языка, языка пропаганды, языка полемических текстов и выступлений основоположников советского государства, известных партийных деятелей и т.п.³

Обстоятельный экскурс в проблематику исследований советизированного языка, современных ему (советизированных признаков русского языка), предполагал бы лишь уточнения сказанному, однако интересующие нас аспекты в них не затрагивались. Не только в силу из-

² Достаточным в этом контексте будет упомянуть фундаментальное, обобщающее и вместе с тем намечавшее перспективу подобного изучения исследование [Русский язык и советское общество 1968], с последующими разработками заданной проблематики на том же исследовательском и методологическом основании.

³ Обзор указанной проблематики и следующих из этого направлений и тем исследования довольно подробно представлен в работе [Протченко 1975].

вестных идеологических ограничений, но также и в силу существовавшего взгляда на сам объект. Советизировавшийся русский литературный язык (жаргонные, сленговые и арготические проявления в расчет не брались) воспринимался, не без оснований, как **современный** русский язык, т.е. как его временная форма и стадия, еще одна, очередная по времени, вызванная к жизни революционными социальными изменениями, радикальными и неотвратимыми по своему существу. Вряд ли что-нибудь из этого можно было бы опровергать, поскольку одно дело русский язык советской эпохи – в своем социальном и временном представлении, принимать его субъективно или не принимать, другое дело тот русский язык, точнее та форма его, которая определяется как новояз, новомова, ньюспик, а также другими словами, воспринимаемый как упрощение, извращение, отклонение, порча, одеревенение, как искусственный, как пропагандистский, не информативный, не коммуникативный, односторонне воздействующий, лишенный признаков живого общения и коммуникантов, ритуализованный (см. об этом [Dieckmann 1969; Język propagandy 1979; Pisarek 1979; Łuczaj 1980; Bednarczuk 1984; Bralczyk 2001; Серио 1999; Шарифуллин 1990] и др.), идеологизированный, политизированный и т.п.

С прекращением его такого односторонне идеологизированного общественного действия и воздействия появились возможности ставить очередные вопросы. Уходящий в пассив новояз 1) не сменяется ли каким-то очередным – одним или не одним – новоязом? 2) не порождается ли это преемственностью каких-то все же имеющих свое право на существование или, точнее бы было сказать, присвоивших себе это право узуально-речевых форм языка? 3) чем отличается в таком случае тот уходящий от приходящих ему на смену? и 4) не является ли это какой-то формой его перехода, перемещения, претворения, мимикрии, а где-то в какой-то сущности это все тот же он? И тогда тот советский можно было бы интерпретировать как вариацию общего, возможно типологического, инварианта, наиболее полно себя ухитрившуюся реализовать. Инварианта какого-то проявления, какой-то особой формы того или иного национального языка (может быть, языка вообще, без специфических признаков национального, объявляющих себя лишь в словах, на поверхности, на вербальном верху). Какой-то формы, определяемой как пропагандистская, или воздействующая, манипулятивная, как язык политики, т.е. осуществляемой, достигаемой с помощью средств языка общественно ориентированной суггестии, предполагающей необходимость включения в сознание воспринимающего некоего желаемого шаблона – отношения, понимания, оценки, и на этой основе затем такого же желаемого и побуждаемого к осуществлению ответного, реактивного действия.

Провожаемый с облегчением (может, кем-нибудь с сожалением), замещаемый ли либо оставляющий присвоенное себе, достойное некогда, место пустым, воспринимается он теперь, советский язык-новояз, в основном в двух отношениях. С одной стороны, как набор советизмов – узнаваемых, отмеченных средств, лексических, фразеологических, клишированных, шаблонных, устойчивых языковых единиц, к которым можно было бы добавить также структурные – словообразовательные, синтаксические и текстовые (порождения и восприятия текста). С другой, и нередко в связи с советизмами, на основе и на материале их, – как набор категорий мышления, определяемого часто как тоталитарное [Arendt 1989; Гаджиев 1992; Данилов 1999], а отсюда и тоталитарный язык [Rzevskij 1951; Broński 1979; Зильберт 1994; Купина 1995 и др.], со своими особенностями и признаками, проявляющими себя в приемах и способах оформления и восприятия значений, приемах и способах речевого воздействия, приемах и способах вербальных и не только вербальных манифестаций – реакций, ориентаций, оценок, выборов, системоценностных установок и пр. Определяясь при этом, вполне обоснованно, как такая ментально организованная (организующая) система, которая, действуя на сознание, производит это при помощи языка, т.е. его лексических и структурных средств, а вне себя положенной целью имеет проекцию, проявление человека к действительности, его провоцируемое участие в ней.

Сразу необходимо поставить важный для представления всего дальнейшего, имеющий методологический смысл, вопрос. Может ли, для большей точности – мог ли, советский язык-новояз, тот уходящий или уже ушедший, а следовательно, и какой-то другой, т.е. как форма, как таковой, быть – не предназначенным, а способным к решению подобного рода задач? Можно было бы выйти из этого легко находимым ответом – не мог, и потому-то поставленной перед ним задачи не осуществил. Не осуществил и потому отошел. Далее из этого можно множить суждения типа будь бы на его месте другой какой новояз, более подходящий и совершенный, тогда бы еще, может, что-то и как-то, а этот слишком уж вышел какой-то дубовый, негибкий и ни к чему непригодный. Можно добавить к этому, также вполне обоснованно, аргументы иного рода – не мог он этого сделать по самому своему существу, потому что ведь не язык, а действительность, жизнь, ее условия и обстоятельства, регулирует и направляет действия и проявления человека. Инструментальный характер (каковой, видимо, следует приписать новоязу) воздействующей на сознание человека в его отношении к действительности вербальной системы сам по себе ничего или мало что, применительно к заложенной в инструменте цели, (не) будет обозначать без согла-

сования всех составляющих – человека с его сознанием, языка-инструмента и изменяемой в планируемой сознанием через язык, определяемой отношением к поставленной цели действительности.

Поставленный в предыдущем абзаце вопрос, таким образом, требует более сложного разрешения, упирающегося не в язык советской официальной политики и пропаганды, не в тоталитарный язык, не в новояз, как бы его ни назвать, пусть даже и с выходами из него в язык антитоталитарный, язык противодействия, язык противостояния [Вежбицка 1993; Купина 1995; 1999] или как-то еще, а в нечто большее, частью чего, может быть, ведущей и направляющей, продуцирующей, а может, наоборот, ведомой и направляемой, т.е. продуктом, а может, и это скорее всего, с заменой и разнообразием всех возможных ролей, частью чего этот самый советский язык-новояз и является. Назовем условно этот язык языком советской действительности, подчеркнув в нем отличие, с одной стороны, от прямого конструкта и инструмента – пресловутого новояза, а с другой, и это не менее важно, от русского языка советского времени, или советской эпохи, русского языка послеоктябрьского периода и пр. Отличия, как представляется, и в том и в другом отношении концептологически важные.

Язык советской действительности, в силу такого определения и понимания, с одной стороны, не представляет собой узурпаторскую форму, форму особого употребления того или иного национального языка, русского в данном случае, с приписываемыми ему признаками пропагандистски-официозной, односторонней воздействующей функциональности, искусственной ограниченности и замкнутости, ведущими к его особому положению в системах коммуникаций распознаваемости и гибкости. Особенности его положения, создавая приоритеты и выгоды в условиях унитарной системы, равно как искусственность и узнаваемость, становятся неизбежной причиной его падения и ухода в пассив. Тесно связанный с существующей политической и идейной доктриной, новояз неизменно уходит со сцены одновременно с ней. С другой стороны, язык советской действительности не следует определять и привязывать, как русский язык советского времени или советской эпохи, послеоктябрьского периода и т.п., к исключительно временной и общественной, социально-темпоральной, если объединить, перспективе. Язык советской действительности, как это следовало бы из определения, является порождением не вводимых обществом и вызванных временем, во времени и ко времени, изменений, намеренно и ненамеренно, в силу диктуемых натуральных либо навязываемых причин, а следствием существующей (существовавшей) во всем ее многообразии, планировавшемся и нет, советской действительности,

с ее особенностями, отличающими ее от других. Действительности, однако, не только и даже не столько реальной, имевшей место в своем бытовании и наблюдавшейся, сколько ментальной и сенситивной, присутствовавшей в сознании и несознании, чувствуемой, переживаемой человеком, его психологическим естеством. Той действительности, которая, давая и порождая внутреннее, часто неясное, осознание и ощущение, присутствует имманентно, как способ существования и ориентации в ней, далеко не всегда обладая для человека – носителя этого ощущения возможностью себя явным образом обнаружить, охарактеризовать и определить.

Отсюда важное следствие, которое будет связано с пониманием данного языка как особой формы его проявления и бытования. Язык этот не прекращает своего существования вместе с изменившимся временем, как, скажем, то, что определяют понятием язык советской эпохи. С прекращением, уходом советской эпохи в прошлое ее язык, надо думать, уходит в прошлое вместе с ней, сменяясь другими формами-стадиями русского языка. Определяемый нами язык не прекращает быть вместе с изменившимся, точнее сказать, исчезнувшим, отошедшим в минувшее, узусом, как советский язык-новояз. Язык советской действительности, вызванный к жизни этой действительностью, условиями и ментальностью, ей порожденными, способен меняться, переходя во что-то другое, под действием новых условий, которые можно было бы определить как такие, которые изменяют характер, образ, ментальность и ощущение действительности, устраняя в них признаки, делавшие их советскими. А поскольку речь идет об изменении внутри человека тех ему свойственных ощущений, привычек, эмоций, интерпретаций, реакций, манифестаций, оценок и восприятий, закрепленных в его сознании в формах, структурах, образах и значениях языка, которые не поддаются контролю, часто не регулируются сознательно и не корректируются, язык советской действительности перестает таким быть не в связи с изменившимся временем или новыми узурпаторскими наворотами и не в связи с изменением социальных условий, а в связи со своими носителями. Человек, говорящий на языке, должен стать ментальным и речевым носителем не советского ощущения и восприятия действительности, а какого-то совершенно иного. Речь идет, говоря по-другому, о переориентации, переклассификации (но не перекодировании) внутренних, с помощью языка усваиваемых (и усвоенных некогда), в языке проявляемых ориентиров и появлении каких-то иных, прежнему состоянию не свойственных. Насколько это возможно и достижимо и в какой мере и для кого – вопрос не к лингвистике. Так же как не к лингвистике, по крайней мере не только к ней, видимо, сле-

дует отнести и вопрос о соотношении русской языковой, т.е. национальной, этнокультурной, и русской советской языковой, т.е. этносоциопсихологической по природе своей, ментальности. Возможно, поставив эту проблему в тот ряд (либо с ним соотнеся), который интересовал в свое время философов, историков, социологов, советологов, политологов. В какой мере, хотелось бы уточнить, не социализм, но мораль, психология, навыки, императив, «гуманизм» восторжествовавшего большевизма, в его отношении к обществу, человеку, действительно, природе свойственны (были свойственны?) русскому национальному ощущению и характеру, русскому отношению к жизни, вытекали и следовали из них, были связаны с ними? Что повлияло на их живучесть, привязчивость, прививаемость русскому национально-общественному организму? Объявляемые кровно-родственными, близкими, прямо следующими из русской ментальности либо, напротив, навязанными извне, внедренными силой, держащимися на страхе, привычке к покорности, внутренней обособленности от власти национального самосознания, эти соотношения сталкивали постановкой проблем идеологию (большевизм) с особенностями национальных привычек и предпочтений, не затрагивая две существенные, на наш взгляд, отличающие предлагаемую постановку вопроса, особенности. Во-первых, язык, а во-вторых, действительность, в их общем соединении, сплаве в носителе того и другого как целого – человеку.

Язык, в связи с этим, и это следовало бы подчеркнуть еще раз, не столько русский, как национальный и литературный, сколько русский язык определенного рода, определенного вида и типа действительности, свойственный и характерный ей, следующий из нее, порожденный ею, способный длиться и существовать поэтому вне ее, помимо и после нее, поскольку отображается, воплощается и существует в своем носителе (в своих носителях). Это первое. И второе, не менее важное для представления данного языка и всего последующего. Не идеология, не учение, не доктрина, мировоззрение как таковое, будь то превратно понятый и искаженный социализм, коммунизм, большевизм либо что-то еще, и не спускаемый сверху и одобряемый как единственно правильный способ оценок и восприятий, а с этим формулировок, идущий от пропаганды, лежат в основе его, этого языка, а то, что это и все остальное в себе перемешало, переварило и перекрутило – все остальное всей жизни, опыта, ощущения советской действительности. А это все далеко не только одно всем известное «одобряем-с», хотя бы и в широком смысле этого слова, т.е. как вольное или невольное, вынужденное принятие существующего, поскольку в противном случае не удавалось бы ему так массово существовать. И как принятие оно неизбежно там есть.

Это и не непринятие, с другой стороны, сопротивление, противление, неодобрение, нежелание, отторжение, неучастие, принимавшее формы иронии, горечи, неудовольствия, обличения, противодействия, хотя и оно там есть, но как нечто похожее, видимо, на отстраненность и самостийность. Это и не стояние в стороне, наблюдение издали, с желанием сохранить себя, не распасться и не втянуться в общее, куда-то катящееся, определяемое фразой «маразм крепчал (крепчает)», осознавая, что самому при этом, с другими всеми, не избежать маразма. Все это точнее можно было бы определить как общий советский контекст совместного сосуществования, требовавший и предполагавший как выработку общих, совместных, знаний, мировоззренческих, социальных, психологических, политических, так и знаний того, как жить, и выжить, и, собственно, существовать, равно как и способов отношения, взаимодействия, достижения, обретения, а также защиты в этой и от этой действительности.

Укладывается сказанное, отчасти, а может, и полностью, в то, что принято в последние десятилетия в языкознании определять как принцип антропоцентризма и понятие языковая картина мира, с тем уточнением, что речь должна идти о советской языковой картине мира в русском ее оформлении с точки зрения формальных и семантических средств. Затронутые вопросы об отношении, соотношении, близости, свойственности ее признаков и сторон русскому национальному сознанию и характеру, мере, видам и типологии сходств того и другого, равно как и русской языковой (наивной?) картине мира, о соотношении в ней идеологических, политических, мировоззренческих, нововозом навязываемых, внедряемых, намеренно советизирующихся и ненамеренно в ней присутствующих советизированных признаков, равно как и кардинальный вопрос, языковая это картина мира или что-то другое и что в таком случае, – все это, а также другое, можно было бы начинать решать, как нам представляется, по мере ее (картины) выявления и описания, и именно в этой связи, не умозрительно и не на основе языкового и не только языкового чутья, а на основе признаков свойственной ей парадигматики и синтагматики, ее виртуального и актуального, плана ее оформления и плана ее содержания. То есть на основе определения ее системности и функциональности, но не так, как это делается для национального языка, с описанием его словаря и грамматики, а по-другому, в каком-то ином ключе, который, в связи с этим, необходимо определить и представить.

Таким подходом к ее изучению могло бы быть рассмотрение тех ее семантических и номинативных особенностей, которые проявляют характер ее отношения к действительности. Описание при этом должно было бы предполагать выявление системы, согласно устройству и

внутренним закономерностям которой она могла бы предположительно действовать. Выбор соотношения с действительностью, имея отчасти условный характер (поскольку какой еще может быть?), предполагает скорее, и это требует уточнения, необходимость внутренней обращенности построения в продуцирующий, генерирующий, создаваемый характер описываемой номинативной системы. Продуцирующий по отношению к называемому, обозначаемому внешнему, к объектам, действиям, признакам и, едва ли не в первую очередь, людям, организациям и коллективам. Позиция подобного рода следует из природы выбранного для описания явления. Присутствующее в сознании человека в виде закрепляемых и выражаемых с помощью языка как кода-носителя значений и форм устройство, о котором речь, служит в его сознании средством установления особого отношения к действительности. Отношения, способного, с одной стороны, порождать из себя, продуцировать, собственные, заложенные в устройстве и в необходимом ключе, оценки и ориентиры действительности, а с другой, допускающего возможность последующего их, такого же необходимого для того же интерпретирующего ключа, подключения.

Известное соотношение языка как кода, сознания человека как отражающего, воспринимающего и интерпретирующего носителя и действительности как отражаемого и обозначаемого с помощью языка, того внешнего по отношению к субъекту, знания о котором способны накапливаться и передаваться с помощью языка, – это соотношение модифицируется в том языке, о котором речь, т.е. в языке советской действительности и для него, в отношении **продуцирующее**. Язык советской действительности, как язык, скажем так, за неимением лучшего, социально-идеологической (единственно правильной идеологии, следует подчеркнуть) общности, в отличие от национального русского языка как языка этнической, этнокультурной общности, не просто и не только дает представление о действительности, позволяя, на основе знаний и опыта, своего и других, вырабатывать носителю, говорящему субъективное отношение к ней, он его, это отношение, в сознании носителя, говорящего намеренно производит. Отличие того и другого, следовательно, в том, что национальный язык, с помощью текстов, высказываний, своих значений и номинативных форм, классифицирующих мир парадигматических, категориальных средств, обеспечивает возможность выработки субъектом своего отношения к миру, хотя бы в какой-то мере и национально предопределенного, язык советской действительности не предоставляет такую возможность, не обеспечивает ее, а такое необходимое отношение в сознании человека не то чтобы воспроизводит, но продуцирует. Продуцирующий характер зало-

жен в нем таким образом, что может действовать и действует в двух направлениях – через включение, введение, сообщение извне и через способность преобразования и выработки внутри, через самовоспроизведение, продуцирование в себе, для себя, от себя, т.е. *интериориально*, самим субъектом. И то и другое, при этом, имеет характер длящийся, организующийся, способный к развитию и пополнению, к последующим включениям, воздействиям, продуцированию, адаптациям. И, что необходимо заметить, в условиях существующих, созданных некогда фильтров и ориентиров и в том же, некогда заданном и практически неизменяемом, ключе.

Язык советской действительности, следовательно, играет роль ментального кода определенного рода опыта, определенной матрицы, выполняя ту функцию, которую выполняет в связанных единой традицией коллективах, передаваемое с помощью текстов и ритуалов, воспроизводимое в бытовой своей повседневности, коллективное знание. Закрытое для чужих, непонятное для непосвященных, но действующее императивом для них, а потому ими, без понимания и рефлексии, переживаемое, оно, это знание, и требуя, и не требуя своего объяснения и своей дешифровки, воспроизводит и продуцирует определенное отношение, определенный ключ восприятия действительности, в ее прошлом-будущем и настоящем. Находясь в поле регулярного воспроизведения-действия этого знания, которое вовсе не обязательно, а в основном даже и не предполагается, знать-понимать, человек, проникаясь им, заряжается определенным образом. Как представитель данного коллектива, как действующий специфическим образом и таким же каким-то образом мыслящий, воспринимающий окружающее, реагирующий и регулирующий субъект. Сам себя регулирующий и регулируемый общим либо направленным на него непосредственно полем действия, к которому определение *знание* может быть отнесено лишь отчасти, поскольку это лишь часть, когнитивная составляющая, общего опыта и повседневного коллективного бытия. Бытия себя повторяющего, воспроизводящего и продуцирующего, воздействующего на сознание субъектов-носителей всем своим целостно организуемым и целостно действующим существом. В этом смысл того продуцирования, о котором шла речь в связи с языком советской действительности.

Интересующий нас объект, таким образом, можно было бы определить, с учетом его природы, как в отношении русского, национального и литературного, языка, так и в отношении русского языка советского времени (советской эпохи) и узальной его проекции – языка пропаганды и официоза (т.е. новояза), из чего будут следовать важные методологические предпо-

сылки. Те предпосылки, которые позволяют установить характер и принципы аналитического отношения к нему как языковому, но не исключительно языковому по природе своей, объекту, что и будет предполагать не сугубо языковые приемы подхода к его описанию. Язык советской действительности, в связи со сказанным, можно было бы определить как передаваемую и воплощаемую с помощью языка, направленно ориентированную, парадигмосистему продуцирующегося в себе знания-опыта коллективного бытия, в продуцируемой данной общностью и ею поэтому, но не только поэтому, а зависимо и обусловленно, переживаемой, проживаемой и на себе, в ее действиях и последствиях, ощущаемой действительности.

Русский, национальный и литературный, язык в отношении языка советской действительности выполняет роль почвы, источника и оформителя языкового материала. Язык советской действительности, в известном и неизбежном смысле, это тот же русский, литературный в основе своей, язык, только в еще одном парадигмо-функциональном приспособлении и проявлении. Русский язык советского времени, или советской эпохи, вполне обоснованно определяемый как очередная по времени стадия развития и становления русского, литературного и национального, языка (оценки и комментарии данного положения, как бы к советскому времени ни относятся, не отменяют языкового его существа), этот язык, в связи с этим, можно было бы определять точно так же – как почву и как источник, но актуальные и непосредственно взаимодействующие, в общем общественном времени связанные, а потому обуславливающие не только словарно-системный, но и узурально-функциональный, актуализируемый характер взаимодействия.

Русский язык советского времени, в отличие от рассматриваемого нами языка советской действительности, также русского языка, будучи связан с общественным временем, не заряжен и ни в каком таком специфическом отношении не определен. Он уходит вместе со временем, заменяясь на язык пришедшей на смену эпохи. Меняются средства и формы, лексический, фразеологический, синтаксический, стилистический материал. При этом какая-то часть, не заряженная чересчур специфически и хорошо усвоенная, остается, наследуется последующей стадией развития языка. Язык советской эпохи отражает в себе (было бы странно, если бы не отражал), включает, вводит, перерабатывает и обрабатывает, советскому времени свойственный, для него характерный, типичный, но не обязательно только советизированный, со знаком советскости, материал. Представляя собой, по верному наблюдению С. И. Карцевского (1923), впрочем, равно как других исследователей, его изучавших (можно было бы назвать А. М. Селищева, Г. О. Виноку-

ра и др.), расширение и освоение в языке существующих средств, потенциальных либо до этого, может быть, так широко не использованных, ограниченных, не задействованных активно [Карцевский 2000: 224]. Русский язык советского времени так напрямую не связан с носителями, как язык советской действительности, в отношении их какого-то определенного, предопределенного, в том числе и ментального, типа. Не надо быть ни советским, ни не советским, ни антисоветским, чтобы им пользоваться и на нем говорить. Что-то могло в нем не нравиться, что-то старался кто-нибудь в современном ему языке, слишком явное и разящее, избегать, в своей речи не употреблять, как-то там обходиться другими словами, слишком уж по-советски не говорить. Советскость его обуславливала характер и выбор включаемого и осваиваемого материала, свойственного данному обществу и данной эпохе. Подобное отношение у носителя всякого языка может быть к своему языку ему современной либо какой-то иной эпохи, советский характер, будучи по своему существу подчеркнуто унитарным и навязчиво прокламируемым, в известном смысле навязываемым, придавал ему, этому отношению, неизбежную остроту.

Следующая из сказанного еще одна отличающая черта языка советской действительности от языка советского времени, применительно к разбираемому вопросу, состояла бы, таким образом, в том, что по числу и составу своих носителей, говорящих на нем, язык советского времени не был в советское время в каком-нибудь отношении определен. В то время как язык советской действительности требует такого предопределения. Число и состав на нем говорящих, определяясь типом ментального отношения к действительности, должно было быть ограниченным и меньшим по сравнению с языком советской эпохи. Одновременно с этим, в другую, последующую эпоху язык советского времени постепенно, но неизменно уходит в типично советском своем материале в пассив, в то время как язык советской действительности, связанный со своими носителями, не уходит так явно и очевидно, оставаясь, следами и отпечатками, и при этом не только лексемной, фразеологической, а потому легко узнаваемой, стороной, продолжая в употреблении, в узусе существовать, ощущаться и жить. Что и как от этого в этих процессах живого употребления себя оставляет и проявляет, давая чувствовать, – на этот вопрос нелегко ответить сколько-нибудь определенно и полно без достаточных к тому оснований, т.е. без представления материала в виде системы для него характерных, его отличающих значений и форм.

Язык пропаганды и официоза (советский язык-новояз) можно было бы определять как одну из форм функционального, речевого, письменного и устного, проявления русского

литературного языка как языка советской эпохи. По отношению к языку советской действительности эта форма ведет себя как воздействующая, какой-то частью своей входящая, какой-то влияющая, но ограниченно, выборочно (с точки зрения языка советской действительности), как форма искусственная, сознательно формируемая, создаваемая и не имеющая носителей, на ней как таковой говорящих.

Наиболее полной, включающей и не заряженной, не сугубо идеологизированной, формой, тем самым, следовало бы, к контексте сказанного, признать язык советского времени. По отношению к нему язык-новояз представлял бы собой искусственно формируемую узально-функциональную часть, а язык советской действительности – совпадающую по времени и развивающуюся, формирующуюся одновременно, однако не часть, а проекцию, непосредственно связанную с советской ментальностью, языковой советской картиной мира и с наделенными этой ментальностью и соответствующими представлениями о мире носителями, кругом своих говорящих.

С точки зрения языкового материала, в наблюдаемом и явном своем проявлении – лексического и фразеологического, язык советской эпохи, советский язык-новояз и язык советской действительности в какой-то части имели бы общий состав единиц (язык эпохи и язык действительности в первую очередь). Общий состав в отношении вида и формы, но далеко не всегда это были бы те же самые их значения, контексты, конструкции, формы употребления. Смысловое и функциональное отличие этих внешне, по форме своей, совпадающих единиц (насколько их стоит определять как тождественные себе, вопрос не такой простой, как может на первый взгляд показаться), это отличие следовало бы из природы, т.е. парадигматики и синтагматики каждого из трех проявлений «советского» языка. Попробуем показать это, неполно и приблизительно, на каком-то примере (трактовка при этом, без представления целого, может быть далеко не единственной).

Стахановец как лексему языка советского времени можно было бы определить примерно следующим образом: передовой рабочий-ударник, работающий с превышением существующих производственных норм.

Как лексему языка пропаганды – тот, кто самоотверженно и бескорыстно, во имя общего блага, отдавая всего себя, трудится на производстве, являясь примером настоящего советского отношения к работе и обществу, значительно перевыполняя обычные нормы.

И, наконец, как лексему языка советской действительности: тот, кто своим выделяющимся на фоне других отношением, работая с превышением существующих производственных норм, способствует укреплению советского строя, возможности проведения политики госу-

дарства и партии в массы, являясь пропагандистским примером для подражания.

Небезынтересно в указанном отношении было бы сопоставить определения, даваемые слову по словарям. Возьмем для этого дефиниции из словаря под ред. Д. Н. Ушакова (ТСУ, 1940 г.), Словаря русского языка в 4-х томах (МАС, 1984 г.), Большого толкового словаря, гл. ред. С. А. Кузнецов (БТС, 2000 г.).

Стах`ановец, вца, м. (нов.). Работник социалистической эпохи, к-рый в социалистическом соревновании добивается наивысшей производительности труда, наилучшего использования техники и превышения производственных планов путем преодоления старых технических норм и существования проектных мощностей. ...*Стахановцы являются новаторами в нашей промышленности...* Сталин. *Стахановцы тяжелой промышленности. Стахановцы социалистических полей.* [По имени Алексея Стаханова, забойщика шахты «Центральная – Ирмино» в Донбассе, начавшего в 1935 году борьбу за высокие показатели социалистического труда.] (ТСУ)

Стах`ановец, -вца, м. Передовой рабочий, творчески овладевший средствами новой техники и достигающий в социалистическом соревновании значительного превышения норм выработки (название, распространенное в Советском Союзе в 30-40 гг.). *Стахановцы наглядно показывают нам, что любой человек может быть артистом в своем деле.* М. Горький, О новом человеке. [По имени донецкого шахтера А. Стаханова] (МАС)

Стах`ановец, -вца, м. 1. Передовик, много и плодотворно работающий человек, превышающий обычные нормы выработки (было распространено в СССР в 30-70-е гг.; по имени донецкого шахтера А. Стаханова). *Он у нас стоящий с. 2. Ирон.* О человеке, работающем с целью, чтобы его заметили. *Стахановцем хочешь быть? Эй, с., кончай работу!* (БТС)

Сравнение первых двух, дефиниций советского времени, в его начале, в связи с появлением слова (1940 г.), и в конце (1984 г.) дает представление прежде всего о временной перспективе. Воздействующий, воспитательно-дидактический, характер лексемы заметен в обоих случаях. В ТСУ основное внимание уделяется идее нового, характерного для советской эпохи, социалистического отношения к труду как соревнованию, предполагающему необходимость стремления к максимально возможному (и невозможному, но не для советского человека *implicite*), преодолевая существующие *старые* технические нормы и мощности (наследуемые от не советских спецов!). Раскрывается смысл триады желаемого достижения (с использованием суперлативов) – наивысшая производительность труда, наилучшее использование техники, превышение производственных планов. Определение имеет, тем са-

мым, характер вводящий, нацеливающий (заряжающий, мобилизующий) и разъясняющий. Смысл явления, характерного исключительно для новой, советской, эпохи, и такого же нового, социалистического, отношения к труду, имеет целью служить примером и руководством к действию. Приводимые иллюстрации подчеркивают идею новаторства, связываясь с задачами индустриализации, подсказывая необходимость новаторского подхода и применения новых методов с превышением существующих норм не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Подробно, с ближайшей смысловой перспективы, дается фигура инициатора, фамилия которого послужила мотивирующей основой слова. МАС, в контексте иных идейных задач, обращает внимание на передовой и творческий характер подхода к средствам новой техники, оставляя актуальность социалистического соревнования и необходимость значительного превышения норм, но ограничивая описываемый пример такого подхода сферой промышленности (словами *рабочий, выработка* в определении) и временем (в 30-40 гг.). Толкование в результате приобретает характер обобщенного позитивного опыта – некогда было так-то и так-то, и из этого стоит извлечь для себя актуальные представления и выводы, приспособив их и переосмыслив для современных задач. В отличие от дефиниции в ТСУ, определение слова в МАС в его воздействующей направленности можно было бы охарактеризовать как обобщающее и прагматическое.

БТС устраняет из определения советскую идеологическую направленность, оставляя, однако, идею советского позитива (неотъемлемо свойственного данному слову) – *передовик*, переводя его в обобщенное представление *человека, много и плодотворно работающего*, но не минуя при этом советской привязанности – *превышающий обычные нормы выработки*. Время распространения слова, по сравнению с МАС, получает, на первый взгляд неожиданное, расширение – 30-70-е гг. Меняется перспектива, теперь постсоветского, восприятия слова, и раздвигаются неизбежно границы того представления, которое связывается с его использованием. В этом, видимо, состоит некий весьма интересный феномен. В 70-80-е гг. *стахановец* воспринимается как историзм, советского времени 30-40 гг., когда это слово и связанное с ним явление возникли, были вызваны к жизни, активны и актуальны и, что не случайно, имели, по-видимому, иной, более узкий и приближенный к представляемой пропагандой действительности характер и смысл. В 90-е и последующие за ними годы *стахановец* также воспринимается как историзм, но советского времени как такового, без отнесения только к началу (в 30-40-х гг.). Поэтому не в активной и актуальной, а в обобщенной и соответствующим образом позитивно заряженной семанти-

ческой форме, типично советского (чтобы не сказать пропагандистского) позитива, на почве которого возникает значение ироническое, определяемое как второе – *о человеке, работающем с целью, чтобы его заметили*. Можно было бы с известной долей предположения сказать, что *стахановец* 30-40-х и *стахановец* 80-х гг., с точки зрения, но не языка советской эпохи, а языка советской действительности, не одно и то же. В последующие за 80-ми годы слово воспринимается в этом последующем, а не первоначальном своем значении.

Попробуем данное положение объяснить. Поможет в этом, как это ни странно, может быть, прозвучит, определяемое нами ранее третье – советский язык-новояз, язык советского официоза и пропаганды, своими воздействующими, эксплицитными и имплицитными, сторонами присутствующий, далеко не всегда и только навязчиво себя проявляющий, но в желаемом направлении, когда он есть, заряжающий определение семантики слова. Язык этот (узкая форма языка советской эпохи) уснащает, каждый раз актуализируемый, привязываемый к актуальному времени, характер соотношения языка советского эпохи (описываемого, как правило, по словарям советского времени) к продуцируемой, а потому и меняющейся в задаваемом представлении, советской действительности. Продуцируемое им (хотя далеко не обязательно только им, этим языком, но им в соответствующем направлении, а потому и наиболее явно и полно, определяемое), продуцируемое им или только им отображаемое представление, образ советской действительности 30-40-х и 70-80-х гг. был, естественно, разным. Для него это было пропагандистское представление и пропагандистский образ, существовавшие наряду с другими, в словарях советского времени также отображаемыми. Однако, поскольку мы связаны условиями разбираемого слова, ориентирующее системоценностное присутствие языка пропаганды в нем, несомненно, есть.

В контексте сказанного *стахановец* 30-40-х годов предстает как тот, кто являет собой образец воплощения в человеке нового, социалистического, отношения к труду. Не как к вынужденной условиями существования необходимости, как это было раньше (материальное обеспечение, обогащение, реализация жизненных планов, удовлетворение личных амбиций и пр.), а как к средству наиболее полного и скорейшего достижения обществом поставленных перед ним задач преобразования (продуцирования советской) действительности (определяемых как социалистическое строительство). В связи с чем такой человек, работающий на производстве, должен и будет стремиться к тому, чтобы максимально производительно и с полной отдачей использовать собственные физические, умственные, профессиональные (новаторство)

ресурсы, равно как и объективные, внешние – технику, нормативы, выжимая из них все возможное и невозможное (для большевиков невозможного нет) во имя скорейшего достижения поставленных партией и государством задач. *Стахановец* этого времени, тем самым, в себе проявляет идею внутренней свойственности, продолжения, отображения в человеческом материале советской, устанавливаемой как общее социальное дело, в его поступательном, продуцируемом развитии, системы, в контексте ее укрепления, обеспечения в смысле постоянно наращиваемого, увеличивающегося, нормы числа производства (по принципу $n + 1$, где n представляет число, каждый раз на какую-то единицу растущее). В отношении к продуцируемой советской действительности, к ее продуцированию, *стахановец* этого времени, следовательно, оказывается в его актуальном центре (времени советской действительности 30-40-х гг.), семантически отображая ведущую формулу отношения пропаганды (явно – в ее интенциональной, не слишком явно – в прокламационной части) к человеку как средству и материалу поставленных обществу производственных, значительно превышающих его ресурсы и силы, заданий.

Стахановец 70-80-х гг. предстает по-другому. Актуальность отличающего его от прежнего отношения к работе снимается. Снимается также, утрачивая свою прежнюю значимость, идея преобразующего и постоянно наращиваемого усилия в отношении достижения желанного образа советской действительности (социалистическое строительство, человек для которого – средство и материал). Остается поощряемый, одобряемый, положительный образ-типаж передового, ответственного, творчески подходящего к поручаемому делу советского человека, участника производства, благодаря умению, профессиональным навыкам и труду которого производственный коллектив достигает в социалистическом соревновании значительных показателей. Системоценностное мобилизующее напряжение *стахановца* 30-40-х гг. из императива и образца для настойчиво прокламируемого подражания переходит в плоскость этического и личностного, не столько необходимого для строительства социализма, как раньше, сколько желательного, связанного с внутренними возможностями и выбором, а потому образца, в известной мере высокого и исключительного, не для всех и далеко не всегда потому достижимого. *Стахановец* времени 70-80-х гг. отображает идею отмеченной знаковости, приобретая признаки символического, а потому обобщенного и отвлеченного, не в полной мере реального воплощения. На основе чего развивается отношение отстраненности и сомнительности, которое, вступая в соединение с эмпирическим знанием действительности советского производства, приводит к

представлению о вполне допустимой и вероятной фальши, неискренности внутренних побуждений, о демонстративности такого субъекта, желании привлечь к себе, своей работе внимание начальства и получить таким образом от него поощрение (2-е значение БТС).

Общим, объединяющим смыслом того и другого значения было бы, таким образом, представление об исключительности, выделенности данного человека на фоне других. *Стахановец*, прежде всего, привлекает к себе внимание – начальства, коллег, своим исключительным, повышенно-энергетическим отношением к производимой работе, предполагающим выжимание из себя и всего, в производстве используемого, до последней возможности ради реализации каких-то собственных, возможно небескорыстных, но в каждом случае демонстративных, затей. И именно тут возникают различия и характерные, по-видимому, для позднего восприятия значения слова, сомнения. Ради чего им это делается, какова подоплека подобного поведения?

В 30-40-е годы, определяясь как бескорыстное, характерное для новой, советской эпохи, такое его отношение к работе мотивировалось и пропагандировалось как вызванное порывом, энтузиазмом ударников очередных пятилеток, стремлением больше работать, с тем чтобы больше производить. Страна, в представлении средств пропаганды, во многом также и в массовом восприятии, была на подъеме, в невиданном по внутренней силе и мощи рывке.

В 70-80-е годы идея мобилизующегося на скорейшее строительство социализма, как желаемой и достижимой цели, энтузиазма-подъема ударников не проходила. Ударничество, в условиях развитого социализма, по объективным и по субъективным причинам, должно было получить какое-то новое объяснение. Творческого, не рутинного отношения к своему труду, результатом, возможно отчасти и целью, которого было бы достижение коллективом, в котором такой ударник работает, т.е. своим для него коллективом, значительных показателей, лучших и больших по сравнению и на фоне других (социалистическое соревнование). И, что из этого следовало, для него, своего коллектива, определенных выгод и поощрений, премий, наград, благодарностей, благосклонного отношения со стороны партийно-советского руководства, что определялось понятием *быть на хорошем счету у начальства*, со всем из этого вытекающим. В условиях общего кризиса коллективизма и разлагающего влияния (в представлении средств пропаганды) индивидуалистской морали (чему отчасти и противопоставлялось как средство преодоления извлекавшаяся из фанфарного времени первых социалистических пятилеток идея ударничества, с чем связывается упор на этическую ее составляющую) подобное представление должно бы-

ло порождать и, естественно, порождало не только коллективистскую (значение в МАС и 1-е в БТС), идущую от пропаганды, но и индивидуалистскую форму интерпретации (2-е значение в БТС), существовавшее, но не отражавшееся в словарях советского времени.

Значения слова 30-40-х и 70-80-х годов, таким образом, можно было бы представлять как разные, вводимые, переводимые, акцентуемые, грани чего-то общего, какого-то общего представления, заложенного в семантике, трудно сказать чего – желаемого отношения человека к своей производственной деятельности, как агента-производителя и продукта одновременно советской действительности, не в реальном ее, а представляемом, опосредуемом средствами интерпретации (не только и не исключительно пропаганды), виде. Агентно-продуктное это отношение к продуцируемому представлению действительности в *стахановце* выражалось бы как такое, которое предполагает причастность, внутреннюю свойственность его (как агента силы и одновременного, движущего, ее результата) этой самой действительности, процессу ее продуцирования, по показателям, семантическим признакам наращивания, количественного роста, увеличения массы числа, превышающего обычное среднее, норму. Значение это можно было бы воспринимать как значение того «языка», который определялся нами как язык советской действительности.

Язык советского времени имеет свою позицию в подобном образом представляемой семантике. Человек, поскольку объектом описания в данном случае является он, определяется в отношении к обществу и ко времени – советскому обществу и советскому времени, соответственно. Определяясь как представитель советского общества и советского времени, *стахановец* был бы тем, кто в условиях, порождаемых временем, применял особенные, превышающие обычные формы и методы производства, демонстрируя этим необходимость не стандартного отношения к процессу и результатам труда.

Значения советского языка пропаганды поворачивали бы, акцентировали в каких-то своих частях совпадающий, пересекающийся и общий смысл в ту сторону, которая тяготеет к представлениям *ударник* и *передовик*, т.е. идейно, морально и производственно лучший, максимально использующий имеющиеся возможности, показывающий пример, мобилизующий остальных, ведущий их за собой к достижению общей цели. Акцентировались, подчеркивались, эксплуатировались бы признаки, связанные а) с идейно-коммунистической сознательностью (бескорыстие, преданность делу, ради общего блага и достижения цели, не ради себя); б) с максимальной наилучшего из возможного, наивысшей степени, оптимального проявления; в) образцовостью мобилизующей

силы примера, способного своим действием на массы, на окружение заражать, заряжать, поднимать и г) с устремленностью к цели (скорейшее построение социализма в СССР). И ср.: агент-продукт причастного отношения к советской действительности по показателю растущего увеличения производимой им массы-числа. Или – производитель, по собственным либо не собственным, вызванным социальным временем (политическим временем), побуждениям и причинам, демонстрирующий большее, чем среднее и необходимое, достижение своих производственных результатов. Характерные то и другое для языка советской действительности и языка советской эпохи.

Рассматриваемые три формы советского русского языка, таким образом, имеют свои позиции, свои акценты и повороты в интерпретации и мотивации включаемых, осваиваемых, перерабатываемых или вновь вводимых и создаваемых, лексических форм и значений. Условно, поскольку крупно и обобщенно, эти позиции можно было бы охарактеризовать как опытно-ментальную – носителя советского опыта и советской ментальности, в отношении языка советской действительности; как социально-темпоральную – в отношении к общественному времени и состоянию советской действительности, для языка советской эпохи и как когнитивно-воздействующую – для языка официоза и пропаганды.

Вполне естественно, что для советского времени и языка периода актуального существования советской действительности, в условиях регулярного, не сходящего с экранов, страниц газет и других источников информации, неизменно звучащего и видимого повсюду, действия и воздействия официоза, разграничение в единицах семантики, тем более в случае формально единых и общих, признаков, организующих комбинаций каждого из трех языков, – такое разграничение в советское время было бы, как представляется, и затруднительным и малорезультативным. Необходимость и важность, поучительность (можно бы было сказать), равно как и более вероятная осуществимость такого разграничения появляется, видимо, после, т.е. во времени последствия и последействия. Когда язык советского официоза и пропаганды неизбежно уходит со сцены, переставая активно воздействовать и влиять, язык советского времени перемещает что-то в себе значительное в пассив, преобразуясь в какой-то новый, другой язык, язык последующей, наступившей эпохи. И когда, наконец, язык советской действительности также что-то начинает в себе менять, как-то преобразовываться и переходить (а может, и нет), приобретая какие-то новые, очередные формы. Сказать, какие формы он начинает приобретать, во что превращаться, и уходить ли, и на-

сколько и в чем, если все-таки уходить, – на эти вопросы можно было бы более или менее определенно ответить, после того как его, язык этот, обстоятельно изучить, представив в его специфике и вероятном отличии от двух других, несомненно уходящих, советского состояния действительности и советского времени, языков.

Определения словарей, далеко не случайно поэтому, но часто вслед за ощущением меняющегося состояния времени и проживаемой советской действительности, а также под действием воздействующего и вездесущего официоза, представляют значения интересующих нас лексем (впрочем, не только их) в смешении, соединении и различных по своему образу и характеру соотношениях признаков всех трех форм советского языка, хотя, при этом, и на какой-то общей, объединяющей их основе. Тенденция, действующая по своей неизменной инерции и в лексикографической практике последующего периода.

Если еще раз сравнить приведенные ранее определения из трех словарей (см. последующие абзацы в квадратных скобках), можно заметить следующее. В ТСУ от языка пропаганды-официоза эксплицитно представлен признак максимальности наилучшего (три других – сознательность, образцовость, цель – присутствуют как имплицитные). От языка советской действительности – признак причастности отношения (два раза слово *социалистический* и *соревнование*), агента-продукта (*работник эпохи*) и в меньшей, не акцентируемой степени признак растущего увеличения производимой массы-числа (во второй части определения). От языка советского времени – признак производителя социального времени (причины и побуждения не акцентированы, имплицитны либо опущены), признак демонстрирования (но не демонстративности) – *добывается, наивысшей, наилучшего, превышения* – и признак большего, чем среднее, достижения. Две последних формы, по-разному сочетаясь в своих характерных признаках, таким образом, почти полностью находят свое отражение в определении ТСУ. Признаки языка пропаганды подчеркнуты, акцентированно представлены только одним, остальные воспринимаются как неявно присутствующие, т.е. имплицитные.

[ТСУ: Работник социалистической эпохи, крый в социалистическом соревновании добывается наивысшей производительности труда, наилучшего использования техники и превышения производственных планов путем преодоления старых технических норм и существующих проектных мощностей.]

В определении МАС от языка пропаганды имплицитно использован только признак идейной сознательности, следующий из восприятия слов (фон социальных знаний) *передовой* (в отношении к *рабочий*), *творчески овладевший*;

три других – максимальность наилучшего, образцовость мобилизующей силы примера, устремленность к цели – практически в нем не задействованы. От языка советской действительности можно заметить причастность (*в социалистическом соревновании*, овладение *средствами новой техники*) и увеличение производимого (но не растущего – достижение *значительного превышения норм выработки*). От языка советского времени – производитель (*рабочий, выработка*), предполагаемые побуждения и причины, следующие из социальных знаний (снова *передовой*), социальная (политическая) актуальность времени (*творчески овладеть средствами новой техники*), демонстрирование (*достигающий, значительного*) и большее, чем среднее, достижение результатов (*превышения норм*). Определение МАС, таким образом, в большей мере, чем ТСУ, тяготеет к признакам языка советского времени, чем советской действительности, и еще в меньшей степени отображают язык пропаганды.

[МАС: Передовой рабочий, творчески овладевший средствами новой техники и достигающий в социалистическом соревновании значительного превышения норм выработки.]

В определении БТС идея сознательности и образцовости (из языка пропаганды) может быть связываема только со словом *передовик*, неизменно в себе содержащим советские коннотации. В контексте уже не советского восприятия слово это может быть также привязано к проявлению признаков причастного (теперь некогда) отношения к советской действительности либо вызванных социальным (политическим) временем побуждений-причин (не следует забывать, что толкуется слово советского языка, советизм, и это подчеркивается – в СССР в 30-70-е гг.). Остальное в определении (за исключением лишенных советскости *много и плодотворно работающий человек*), с учетом 2-го значения, представляется более обоснованным связать скорее с признаками языка советского времени, чем языка советской действительности, определив их в отношении (опять же *передовик, превышать, обычные нормы выработки*) демонстративности, большего, чем среднее и необходимое, достижение производственных результатов. Из чего следует, что БТС отражает в представленном определении признаки языка советского времени, а из этого, только как неизбежное проявление-следствие, некоторые типичные, наиболее важные признаки языка советской действительности и языка пропаганды, сочетающиеся у них с языком советского времени, совмещающимися в общих, используемых в определении, словах.

[БТС: 1. Передовик, много и плодотворно работающий человек, превышающий обычные нормы выработки 2. *Ирон.* О человеке, работающем с целью, чтобы его заметили.]

Показательно, что в других, постсоветского времени, словарях можно увидеть такое же предпочтение. Лексема *стахановец* определяется в них скорее как единица языка советской эпохи, чем языка советской действительности, что вполне объяснимо и не случайно. «Новый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой дает такое определение: **стаха́новец** м. 1. Тот, кто добился высокой производительности труда (в СССР в 30-40-х годах). Задействуются признаки производителя и большего, чем среднее, достижение результатов. Всё остальное либо отсутствует, либо может быть выведено как имплицитное, на основе советского знания о труде, отношении к труду, идее высокой производительности. «Толковый словарь языка Совдепии» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, намеренно обращенный к советскому представлению, определяет *стахановца* словами 'передовой рабочий, ударник', в которых можно увидеть признаки, сближающие его с определением в МАС: производитель (*рабочий*), предполагаемые побуждения и причины (*передовой*), в контексте послесоветского восприятия – демонстративность (*ударник*). В последнем слове возможно также определение идеи сознательности, максимальности, образцовости, причастного отношения, следующих из социальных знаний, однако, как представляется, все же на фоне и в соединении с признаками языка советской эпохи.

Интересно отображение слова *стахановец* в сленговом употреблении конца советского и уже не советского времени, дающее представление о признаках, закрепленных в его значении как остающиеся (отстоявшиеся), и потому существенные, если не основные, вершинные, для восприятия. Сошлемся на материалы 1980-1990-х гг. «Словаря русского арго» В. С. Елистратова: **Стаха́нов**, -а, **стаха́новец**, -вца, м. (или **горбатый** ~). Активный человек, ведущий большую работу; энтузиаст. *Что я тебе, горбатый стахановец, что ли, в магазин переть! Вот и работай, если Стаханов.* Данное определение в его составляющих, едва ли не полностью, можно было бы отнести к группе признаков языка советского времени: производитель (отсюда *активный*), демонстрирующий, проявляющий большее, чем у других (*активный, большую работу*), достижение (рвение), выделяющийся этим на фоне других, по сравнению с ними (*энтузиаст*). Ведущий для данного слова признак языка советской действительности – причастное отношение к ней, равно как и показатель растущего увеличения производимого, оказываются нейтрализованными. Признаки языка пропаганды (сознательность, преданность делу, максимальность, образцовость примера – *активный, большая работа, энтузиаст*) воспринимаются как перевернутое их переосмысление, в издёвке, иронии, и на

основе прежнего знания, отстраненного в социальном времени, особенностей этого языка.

Слова словарных определений, используемые для описания значений, как можно было заметить по ходу нашего рассуждения, могут быть отнесены, а тем самым, и содержать в себе признаки, в равной степени как языка советского времени, так и языка советской действительности или языка пропаганды. И это естественно, поскольку толкуемые ими слова также могут быть единицами одного, другого и третьего. Одновременно трех, при этом каких-то двух или какого-то одного в предпочтительной степени, двух каких-то из трех, и также не обязательно равным образом, предпочтительно одного из трех либо, в конечном счете, ни одного, что будет предполагать, что данное слово не обладает признаками, делающими его советским. Поскольку слова толкования слов по существу такие же, как и определяемые ими, лексические единицы, воспринимаемые и нередко используемые из общего фонда советизированного русского языка, языка советского времени, они обладают общими, объединяющими их с толкуемыми, смысловыми, ассоциативными и коннотативными характеристиками. Для различения трех, наделенных советскостью, языков поэтому, равно как и для представления отнесенности слова (набора, списка слов) к одному из них, к двум или ко всем трем, потребуется такой анализ и такая его процедура, которые, как в принятых для семантических языков описания правил [Жолковский, Леонтьева, Мартемьянов 1961; Мартемьянов 1964; Апресян 1966; 1969; Жолковский, Мельчук 1969; Мартынов 1977], предполагают воспринимать используемые при определении слова как семантические маркеры, показатели, признаки, кванты смысла, а не как слова, т.е. лексические единицы нормального языка. Набор таких маркеров смысла при этом должен быть ограничен, четко охарактеризован, вписан в систему соотношений и показан в своем дефинитивном действии. Иными словами, предполагать разработку парадигматики и синтагматики описываемой предметно-понятийной области как систему и как процедуру в их порождающем и объясняющем проявлении. Однако прежде чем перейти к представлению подобной системы и процедуры, целью которого было бы описание языка советской действительности как вербализируемого, т.е. передаваемого словами, способа восприятия мира и человека, стоило бы коснуться еще одной важной проблемы. Решать ее в более или менее полном объеме и даже наметить достаточно основательно невозможно в рамках статьи, к тому же такое решение видится как перспектива, себя открывающая после определения видимых контуров предполагаемой системы, однако поставить проблему, о ней заявить, следовало бы уже в самом начале. Речь идет о границах, объеме, видах и типах

советскости в языке, советского заряжения, индустриализации единиц языка и, как следствие, самого языка.

Попробуем показать отдельные стороны этой проблемы еще на одном примере. Возьмем для этого слово иного рода, не воспринимаемое как слово советского языка, не определяемое как советизм, внешне с советскостью вроде никак не связанное, но между тем появившееся, возникшее и получившее широкое распространение в советское время. В определенный период советского времени бывшее воплощением советского позитива – человека мужественного и устремленного, уверенного в себе, в своих силах, надежного, крепкого, твердого, героя, романтика, труженика и открывателя, покорителя и опоры страны, обеспечение ее оборонной и народнохозяйственной мощи. Речь идет об отважном советском покорителе воздуха и надежных крыльях Родины, иными словами, о *летчике*.

На примере этого слова как раз и можно будет увидеть и показать интересующее нас отличие слова и того, кого или что оно означает. Слово *летчик* не советизм, в том числе и не семантический советизм типа *болтун*, *беседа*, *вожак*, *пионер*⁴, т.е. вряд ли та единица, которую можно было бы определять как лексему языка советской действительности, языка советской эпохи или языка пропаганды. Другое дело, что и как она в языке советского времени обозначает, с чем, с какими сторонами советского восприятия, в интересующем нас случае советского позитива, связана, какие, определяющего для него значения, признаки, стороны выражает, способна передавать. Иными словами, здесь мы подходим к тому, что семантика советского представления о мире, советское продуцирующее отношение к действительности, равно как и созданное (создаваемое, продуцирующее себя) представление действительности, субъективный и массовый образ ее, в своем устройстве и своих механизмах, существует как нечто само в себе, в словах языка себя воплощая и отображая, заряжая собою слова, подчиняя их и затем, как следствие, подчиняясь им, организуясь и утверждаясь ими. Процесс, тем самым, осуществляется в обе стороны – от желаемого представления действительности к языку и от языка к представлению действительности. Причем таким, видимо, образом, что организация, заряжение и обустройство того и другого происходят по принципу взаимного уточнения и дополнения, сообщающимся и взаимно перетекающим, одновремен-

ным образом. Природу и философский смысл семантического насыщения и оформления единиц сознания и единиц языка оставим, однако, без дальнейшего в них погружения. Этим их соотношением важно было лишь подчеркнуть их внутренне обособленный и одновременно взаимно зависимый, сопологаемый и дополняющий друг друга характер. Для того, чтобы можно было исследовать и описывать семантику языка советской действительности, не искажая способности видения и адекватности выявления единиц и свойств интересующего объекта, по крайней мере на первом этапе, явлениями и законами собственно языка, законами единиц его лексического наполнения, развития и состава.

Толковые словари как советского, так и постсоветского времени не содержат в своих дефинициях никаких указаний, которые могли бы давать возможность предположить хоть какую-нибудь идеологическую нагруженность семантики разбираемого слова. Отдельные признаки ее можно почувствовать, при условии знания ассоциативного и социального фондов, лишь в иллюстрациях. *Лётчик*, а, м. (авиаци.). Лицо, самостоятельно совершающее полеты на аэроплане и управляющее им. *Школа летчиков*. (ТСУ) *Лётчик*, -а, м. Водитель самолета. *Военный летчик*. *Морской летчик*. *Летчик-испытатель*. ◦ *Летчик должен знать свойства воздуха, все его наклонности и капризы так же, как хороший моряк знает свойства воды*. Каверин, Два капитана. (МАС) *Лётчик*, -а; м. Специалист, умеющий управлять каким-л. летательным аппаратом (обычно самолётом, вертолётном). *Военный л. Лётчик-испытатель*. *Л. поднял в воздух самолёт*. *Опытный л. Учить на лётчика*. (БТС)

Динамика развития представления о летчике, отраженная в трех различных по времени словарях, связывается со степенью социального освоения в сознании говорящих авиации, авиаторов и пилотируемых ими машин. ТСУ обращает внимание на признаки самостоятельности совершаемых летчиком действий и управлении аппаратом, определяемым словом аэроплан. МАС определяет слово через вождение, т.е. профессиональные действия того, кто находится в самолете. БТС – с точки зрения носителя, обладателя профессиональных умений и навыков (специалист, умеющий управлять), распространяя их на любой летательный аппарат, не только аэроплан-самолет, как отмечалось раньше. Социальное время, тем самым, нашло свое отражение в последовательном уточнении 1) от представления о том, кто совершает определенного рода действия, отличающиеся от похожих других (ср. не самостоятельно совершаемые и не управляемые полеты на аэроплане), каковым может быть лицо, не обязательно делающее это профессионально или имеющее к этому разрешение;

⁴ «...новые общественно-политические значения и оттенки значений изначально нейтральных, неидеологизированных слов», или политизированные, «советские» лексико-семантические варианты: *беседа* 'собеседование на политические темы'; *болтун* 'тот, кто разглашает тайну, секретные сведения' и т.п. [Мокиенко, Никитина 1998: 10]

2) через такие же, совершаемые действия, но требующие специальных умений и подготовки, т.е. действия, представляемые как профессиональная деятельность, похожая на другие и вместе с тем отличающаяся от них (ср.: водитель автобуса, троллейбуса, такси, грузового автомобиля и пр.); 3) к определению совокупности соответствующих навыков, действий, умений и профессиональной деятельности как специальности, отличающей и характеризующей своего обладателя в каком-либо отношении. Развитие представления, следовательно, осуществляется, для данного случая по шкале, укладываемой в показатели производитель определенного рода действий → деятель в определенном рода сфере, области → обладатель, носитель определенного рода признаков. Показатели, которые связываются с представлением о категориальном и парадигматическом в устройстве интересующего нас предмета, в данном случае в его отношении к социально-темпоральной проекции.

Применительно к языку советской действительности это категориальное и парадигматическое должно укладываться в систему отражаемых референциалий того окружаемого внешнего, того представляемого в сознании средствами языка как внешнее и существующее (либо того, что будет существовать), которое характеризуется как советское представление о действительности. Как сама советская экзистенциальная, жизненная реальность и как советское представление о реальности не советской (тавтологии в этом случае не получается избежать). Категориальную и парадигматическую специфику интересующего нас, таким образом, проявления языка будут составлять референциальные соотношения с имеющимся (имевшимся) в сознании говорящих советским образом существующего. С его оценками, знаниями, значениями, не обязательно и не исключительно повторяющимися пропагандистки ориентированные, но связанными, коллективно и опытно переработанными и в известной мере следующими из них, т.е. коррелятивными.

Прежде чем предложить описание данной парадигматики, наметив подход и возможный начальный фрагмент к нему, вернемся к советскому представлению о летчике, но теперь не как к слову в его семантике, а значению как вероятному элементу соответствующей референциальной системы. С тем чтобы на наглядном примере попробовать вывести то, что, с одной стороны, может быть для нее характерно и представлять, намечать подход к дальнейшему описанию, а с другой, что давало бы основание взгляда, позволяло увидеть отличие между словом, семантикой слова русского (советизированного) языка, и словом, в его семантике, отражающей, воплощающей в себе советские

представления о действительности⁵. В ее поступательном осуществлении, революционном развитии, как это было принято определять, имея в виду умение и необходимость видеть и находить в настоящем начатки будущего, которое предстоит и которое следует достигать, работать на него и его приближать, усиливать их, развивать, акцентировать, а следовательно, и на них акцентироваться. Свойство, которое, будучи важным и неотъемлемым для понимания, тем самым, и описания советского представления действительности, было определено нами как продуцируемость и которое, как следствие, предполагает такое ее отражение, которое не обязательно, а часто вовсе и не должно, соответствовать ей как реальности существующего, поскольку задача его в совершенно другом. Задача в том, чтобы отражать ее таковой, каковой она долженствует быть, навязывая ей, включая в нее, подчиняя своим субъективным намерениям, политическим и идейно-концептуальным задачам. А поскольку желания и результат, при слишком сильном, воодушевленно-приподнятом и интенсивном воздействии, напоре со стороны желающего, неизбежно расходятся, все это, действительности навязываемое и приписываемое, как ее настоящее, прошлое или будущее, составляет не реально-действительное, а желательно-продуцирующее, в интересующем нас случае советское, воображение о ней.

Представление о летчике, в контексте сказанного, вписывается в образ, имеющий по крайней мере тройную природу, связываемую (пока условно, поскольку об этом уже говорилось) с идеей действителя, деятеля и обладателя признака. В отношении и с позиции действителя, т.е. лица, человека, точнее образа человека-лица, производящего действия, заключенное в летчике содержание связывается с идеей обеспечения, укрепления, поддержания и устройства того, что существует и создается как новое общественное устройство – страна победившего социализма, СССР. Летчик, в контексте такого своего представления, это тот (*надежные крылья страны*), благодаря которому реализуется план укрепления обороноспособности, обеспечения безопасности настоящих и будущих достижений, безопасности и надежности территории и границ. Он же одно-

⁵ В связи со сказанным возникает еще одна представляющаяся важной проблема, которую на данном этапе придется оставить без рассмотрения, с тем чтобы вернуться к ней после и на основе парадигматического определения системы советской действительности. Проблема, которой отчасти уже приходилось касаться. Речь идет о границах советскости в отношении лексического состава. Почему, на основе каких семантических свойств *стахановец, передовик, ударник*, к примеру, должны и могут определяться как слова-советизмы, а выражающие не менее важные для советского позитива и также часто и регулярно использовавшиеся в советское время *летчик, моряк, солдат* и т.п., обозначая, передавая что-то неодолимо в себе советское, советизмами вместе с тем не являются.

временно тот, кто обеспечивает способность внутритерриториального сообщения и перемещения, быстрых и недоступных для других транспортных средств перевозок, доставок, а также химическую либо другую какую-то обработку посевов, массивов, лесных насаждений и т.п. Назовем этот общий, объединяющий данные проявления признак статьсяно-экзистенциальным аффирмативом [лат. *affirmo, affirmatum* 'поддерживать, укреплять'], предполагающим обеспечение, укрепление экзистенциального состояния, статуса, существующего положения советской действительности в ее отношении к институтивной и территориальной стабильности и коммутативности, ненарушенности границ (лимитатива), темпорального обеспечения, длительности во времени (дуратива) и оптатива поддерживающих и обеспечивающих нормальное жизненное функционирование (*vitalia*) сторон. Идея летчика-действителя, таким образом, состоит в таком обобщенно-социализированном результате, итоге, общественном благе свойственных его проявлениям действий, которое определяется смыслом обеспечения и поддержания, аффирматива а) стабильности, б) коммутативности и в) оптатива витального проявления сложившегося положения вещей (*genum natura*). В отношении и с позиции деятеля идея летчика может быть передана понятием расширения, распространения, выхода за пределы имеющегося, освоенного, и освоения нового, земного и околоземного, пространства (воздуха) – пространственный ампликатив (экстенсив). В отношении и с позиции обладателя, носителя признака ведущими будут направленность поднимающей вверх и вперед, отрывающей, порывающей силы⁶ – от земли, от земного ее притяжения, тяжести, связей, привязанностей, ограничений, условий, условностей и т.п. Идея порыва, отрыва, преодоления – интенсивностный (*super et prae* 'вверх и вперед') абруптив (лат. *abrupto, abruptum* 1) 'отрывать, срывать'; *se a.* 'вырывать'; 2) 'внезапно прерывать, прекращать'; 'нарушать'; 'отделять').

Три выведенных стороны отраженного в определяемом значении проявления дают возможность задаться вопросом об их отношении к определяемому, его значимой для представления советской действительности позиции, ее перцептивного образа в сознании говорящих. Иными словами, поставить вопрос о том, чем является, в разбираемом случае летчик, пред-

ставление о нем, идея и образ его, для сознания носителей языка советской действительности в соответствии с выведенными для него основаниями-признаками.

Другой вопрос будет связан с идеей характера представления. Чем отличаются, в интересующем нас отношении, применительно к описанию будущей парадигмосистемы, понятия действителя, деятеля и обладателя, или носителя, признака. В каких отношениях находятся, могут оказываться не только сами эти понятия, но также и то, что они собой представляют, значения, смыслы, которые передают.

И, наконец, в связи поставленными, не менее важными для понимания описываемой системы могут быть два следующих и также взаимосвязанных, объясняющих смысл процедуры вопроса. Что такое лицо, человек применительно к сознанию носителей языка советской действительности, что и как оно, точнее его идея, содержит в себе и собой воплощает для этой действительности как перцептивного образа. Это было бы одной частью вопроса, другая часть которого заключалась бы в том, чтобы выяснить, чем является идея и смысл, оформление смыслом, лица в предлагаемой к описанию парадигмосистеме, семантическом кодовом построении описания языка советской действительности. Второй вопрос касался бы определения образа представляемой действительности. Что она есть, чем является, что представляет собой в двух обозначенных перед этим проекциях – применительно к сознанию носителей ее языка и применительно к предлагаемой семантической форме его описания.

Первый из четырех поставленных, вопрос о позициях трех признаковых сторон описанного значения – обеспечения-поддержания, расширения-распространения и преодоления-отрыва – следовало бы решать в отношении ряда проекций. Социально-темпоральный аспект, отразившийся некоторыми своими особенностями по словарям (ТСУ, МАС, БТС), предполагал бы последовательно развертывающиеся, взаимно переходящие и дополняющие друг друга акценты на обеспечении-поддержании (начальная фаза, отчасти нашедшая отражение в ТСУ, – статьсяно-экзистенциальный аффирматив), на расширении-распространении (конечная, завершенная фаза, передаваемая более в МАС, – пространственный аффирматив-экстенсив) и на преодолении-отрыве (обобщенная фаза после, отраженная, наряду с другими, но в большей степени, чем в МАС и ТСУ, в БТС, – интенсивностный (*super et prae*) абруптив).

Основаниями этих акцентов были бы отношения а) к поставленной перед советским обществом цели строительства социализма (*opus finitum*), предполагающего достижение и поддержание важных для этого оборонных и народнохозяйственных рубежей; б) к советской

⁶ Применительно к сказанному ср.: аналогичное значение для советского мифа о летчике у [Вайс 2007: 42], определяемое им в отношении внушающей силы, общей семантики интенсификации и перевода идеи движения вперед в вертикальную плоскость – «вперед и выше!», а также слова популярной в советское время песни, объединяющие разбираемые признаки обладателя, деятеля и действителя, *Все выше и выше и выше Стремим мы полет наших птиц И в каждом пропеллере дышит Спокойствие наших границ...*

стране, как стране и обществу построенного социализма, функционирующему в своем существующем и стабильном режиме, который необходимо, чтобы усиливать, расширять; в) к советским людям и отдельно к каждому советскому человеку, как носителю и воплощению в жизнь необходимых, составляющих сущность советского отношения к действительности, задач и идей. Эти три позиции-отношения могли бы стать составляющими для того представления, которое кладется нами в основу идеи советской действительности, отображаемой в свойственным ей сознанию и языке.

Что касается второго вопроса, о соотношении действователя, деятеля и носителя (обладателя⁷) признака, характеристики эти могли бы укладываться в последовательность одно в другое включаемых представлений. В этом случае действительность мог бы описываться как совершающий действие или действия, наблюдаемый в их совершении, воспринимаемый как такой, который их совершает или в любой предполагающий соответствующие условия момент способен их совершить. Деятель, соответственно, как обобщенное представление действий, внутренне свойственных, присущих, потенциально возможных в своем совершении для лица, не обязательно видимых, представляемых для него в их таком совершении. И, наконец, обладатель – как тот, кто воспринимается не в отношении действий, ему присущих, возможных, потенциальных или им совершаемых, а в отношении внутренних, ему наличных характеристик. В отношении параметров, смыслов, отличающих его от других, составляющих его неотъемлемую природную свойственность.

Три рассмотренных представления человека-лица в его отношении к действиям, определяющим, характеризующим его самого, укладываемые в соотношение того, что можно было бы интерпретировать как актуализация – потенциальность – наличие, позволяют наметить решение третьего поставленного вопроса.

⁷ В этом месте хотелось бы обратить внимание на двойственные в ряде случаев характеристики – носитель и обладатель, аффирматив-экстенсив, расширение-распространение, обеспечение-поддержание и т.п., которые не столько загромождают или, напротив, дополнительно уточняют определяемую ими идею, сколько нередко дают представление о двух возможных позициях, направлениях взгляда – извне либо изнутри. Носитель признака, таким образом, будет представлять собой характеристику для взгляда извне, обладатель, напротив, изнутри, для него самого. Аффирматив – как то, что имеет своим направлением-выходом силу на подкрепление, поддержание, исходящую изнутри, от себя вовне. Экстенсив – простирается, растягивание, расширение, распространение, овладение – как то, что постигается, воспринимается, обобщается так, соответствующим данному представлению образом, взглядом извне. Расширение, соответственно, будет связано с экстенсивом, распространение – предполагать позицию аффирматива (направление-выход вовне из себя) в экстенсиве, имеющем результатом охватывание, овладение пространством. Подобным образом, но применительно к данному смыслу, могут быть объяснены и другие используемые удвоенные характеристики.

Лицо, человек, применительно к сознанию носителей разбираемого языка, можно было бы представлять как сгусток, пучок внутренне ощущаемых признаков, замкнутых в заключающей их в себе, объединяющей, распознаваемой и потому несущей и значимой для них, оболочке. Признаков, обладающих внутренне наделенной способностью заряжаться, накапливаться и себя проявлять – в наблюдаемом выходе, в отражении, действии, месте, позиции, отношении к советской действительности, той действительности в том ее представлении, о котором речь. Само лицо и сам человек, в отношении к этому сгустку себя отражающих признаков, оказывается, представляется тем, что наделяет их этой способностью, что сообщает динамику и обеспечивает им проявление, придает наблюдаемую, распознаваемую, различаемую форму, являясь заряженным ими и одновременно их отображающим, выводящим наружу, кинетическим оформителем-энергетизатором. Иными словами, лицо, человек, в представляемой действительности, присутствует в ней не как данность, не как обособленность и самоценность, не как биологический и социальный, наблюдаемый, имеющий форму и идентифицирующую его очевидность, репрезентант, индивид, элемент. Но как то, что, будучи свойственно определяемой действительности, воплощающее ее и воплощенное в ней ее живое придает, заряжает энергией этого своего живого и объявляет, выводит наружу некую совокупность свойств, необходимых, типичных, желаемых ей.

Две названных ранее стороны вопроса – отношение к сознанию носителей и к описанию парадигмосистемы, таким образом, совместились в идее того, что представляет собой определяемая действительность и чем является в ней, для ее представления, человек. Действительность, о которой речь и в контексте сказанного, что и должно найти свое отражение в способе ее представления в предлагаемой парадигмосистеме, а с нею и в ней, соответственно, человек, предстает как организованная определенным образом совокупность признаков. Как своего рода поле их проявления, отражения и обнаружения, не имеющее, в отличие от представления о человеке, способности к энергетизирующему, сообщающему движению, выводящему их из себя проявлению. Как то, что содержит, выводит, вводит, соединяет, разъединяет, организует, меняет, но не оживляет, не динамизирует их. Иными словами, производитель, транслятор, организующее и одновременно продукт и носитель выводимых из нее, на ее основе, ей придаваемых и в ней замечаемых признаков. Действительность и в ней относящийся к ней человек, наделенный (наделяемый) присущими ей и ему, характерными признаками, становятся распознаваемыми и воспринимаемыми на их основе и в виде их

(действительность также в отдельных своих проекциях и фрагментах), представителями, референтами и репрезентантами которых они выступают. Поскольку действительность и человек распознаются и определяются по этим признакам, признаки эти способны стать средством их характеристики и описания. Парадигматический образ того и другого – советской действительности применительно к позитивному представлению в ней человека – будет предметом дальнейшего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА:

Апресян Ю. Д. О языке для описания значений слов // Известия АН СССР ОЛЯ. – 1969. – № 5.

Апресян Ю. Д. Семантическая модель анализа // Апресян Ю. Д. Идеи и методы структурной лингвистики. – М., 1966.

Большой толковый словарь русского языка. (БТС) / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург, 2000.

Вайс Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23).

Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше. Механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4.

Винокур Г. О. Культура языка. – М., 1929.

Гаджиев К. С. Тоталитаризм как феномен двадцатого века // Вопросы философии. – 1992. – № 2.

Данилов С. Ю. Жанр проработки в тоталитарной культуре // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 1999.

Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980-1990-х гг.). – М., 2000.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (т. 1-2). – М., 2000.

Жолковский А. К., Леонтьева Н. Н., Мартемьянов Ю. С. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Машинный перевод, Труды Ин-та ТМ и ВТ АН СССР. – Вып. 2. – М., 1961.

Жолковский А. К., Мельчук И. А. К построению действующей модели языка «Смысл ↔ Текст» // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – Вып. 11. – М., 1969.

Зильберт Б. А. Языковая личность и «новояз» эпохи тоталитаризма // Языковая личность и семантика. – Волгоград, 1994.

Карцевский С. И. Язык, война и революция // Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. – М., 2000.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург – Пермь, 1995.

Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры // Серия «Studia Humanitatis». – Том V. – Екатеринбург, 1999.

Мартемьянов Ю. С. К построению языка лингвистических описаний // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем, АН СССР. – М., 1964.

Мартынов В. В. Универсальный семантический код. – Минск, 1977.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб., 1998

Ожегов С. И. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху // Вопросы языкознания. – 1953. – № 2.

Ожегов С. И. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху // Известия ОЛЯ АН СССР. – 1951. – Вып. 1.

Панов М. В. О развитии русского языка в советском обществе (к постановке проблемы) // Вопросы языкознания. – 1962. – № 3.

Протченко И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект – М., 1975.

Русский язык и советское общество: 1 – Лексика современного русского литературного языка; 2 – Словообразование современного русского литературного языка; 3 – Морфология и синтаксис современного русского литературного языка; 4 – Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. – М., 1968.

Русский язык по данным массового обследования. – М., 1974.

Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). – М., 1928.

Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.

Словарь русского языка в 4-х томах. (МАС) / Гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд. – М., 1981-1984.

Супрун А. Е. Русский язык советской эпохи. – Л., 1969.

Толковый словарь русского языка. (ТСУ) / Под ред. Д. Н. Ушакова (т. I-IV). – М., 1935-1940.

Шарифуллин Б. Я. О лексике и фразеологии политизированного языка // Лексика и фразеология: Новый взгляд. – М., 1990.

Arendt H. Korzenie totalitaryzmu, tłum. D. Grinberg i M. Szawiel. – Warszawa, 1989.

Bednarczuk L. Nowo-mowa (zarys problematyki i perspektywy badawcze) // Nowo-mowa. – Warszawa, 1984.

Bralczyk J. O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych. – Warszawa, 2001.

Dieckmann W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik den politischen Sprache. – Heidelberg, 1969.

Język propagandy, red. S. Amsterdamski, A. Jawłowska, T. Kowalik. – Warszawa, 1979.

Łuczaj L. Zniewolony język // Kultura. – 1980. – Nr 12.

Pisarek W. Język służby propagandzie. – Kraków, 1979.

Rzevszki L. Jazyk i totalitarizm. – München, 1951.

© Червиньски П., 2008

Шехтман Н. Г.

Екатеринбург, Россия

**РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТОБРАЗУЮЩЕЙ
ФУНКЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

УДК 321.0

Код ВАК 10.02.05; 10.02.19

Аннотация. Рассмотрены функции концептуальной метафоры в тексте и взаимодействия метафорических моделей со сферами-источниками «война», «спорт», «театр», «живая природа» и др.

Ключевые слова: Политическая лингвистика; концептуальная метафора; метафорическая модель; текст статьи; заголовок статьи.

Сведения об авторе: Шехтман, Наталья Георгиевна

Ученая степень, звание: Кандидат филологических наук, доцент

Место работы: Уральский государственный педагогический университет, Институт иностранных языков.

Должность: доцент

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, Институт иностранных языков

E-mail: shehtman@k66.ru, natalia.sh2@gmail.com

Shekhtman N. G.

Ekaterinburg, Russia

**TEXT-FORMING FUNCTION
OF CONCEPTUAL METAPHORS:
ITS REALIZATION IN POLITICAL TEXT**

Abstract. The article considers the functions of a conceptual metaphor in the text and the interaction between metaphoric models with such source domains as "war", "sport", "theatre", "living nature", etc.

Key words: Political linguistics, conceptual metaphor, metaphoric model, text of an article, title of an article.

About the author: Natalya Georgievna Shekhtman Academic degree, academic status: candidate degree in philology, associate professor

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Institute of Foreign Languages

Position: associate professor

Концептуальная метафора способна обеспечивать связность и цельность текста. Политические тексты часто организованы таким способом, что в них ясно ощущается доминирование какой-то одной метафорической модели. В этом случае в тексте обнаруживается значительное число взаимодействующих метафор, соответствующих этой модели. И эта система метафор способствует восприятию текста как определенного единства, она связывает отдельные части текста в единое целое.

Связность относится к числу наиболее важных параметров текста и в самом общем плане определяется через повтор: в тексте имеет место повторяемость различных знаков, их форм, а также смыслов. Связность в общем виде проявляется в тексте тремя способами: через когезию, ретроспекцию и проспекцию. Когезия (от англ. cohesion – сцепление) обеспечивают континуум, т.е. логическую, темпоральную и пространственную последовательность и взаимосвязь сообщений в тексте [2; 3].

Отдельным типом может быть выделена образная когезия [2, с. 80], наиболее ярким ее примером может служить развернутая метафора. В этом типе когезии говорящий связывает не предметы и явления действительности, а образы, при помощи которых эти предметы и явления представлены. Данный вид наиболее характерен для художественного текста, а также, что является более близким нашей работе, для публицистики.

Кроме когезии, связность текста обеспечивается за счет проспекции и ретроспекции, проявляющихся в основном имплицитно. Рет-

роспекция основана на способности нашей памяти удерживать ранее сообщаемое и сцеплять его с последующими сообщениями. В проспекции имплицитность при переплетении с некоторыми эксплицитно выраженными сигналами направляет внимание читателя, заставляет его предугадать то, что будет в дальнейшем разворачивании текста. Проспекция – такой тип связности текста, который относит слушающего к тому, о чем будет сказано далее. Она может служить основой для реализации эффекта обманутого ожидания, который представляет собой не что иное, как нарушение проспекции, или же эффекта усиленного ожидания, при котором, например, заголовок интригует читателя и побуждает прочесть статью.

Связность обычно представляется как основное свойство текста. Это объясняется тем, что в лингвистике установился взгляд на текст как на информационное и структурное целое. К числу обеспечивающих связность текста элементов языка во многих случаях относится и система метафор: как показывают даже предварительные наблюдения, метафоры в рассматриваемых политических текстах часто представляют собой не случайный набор абсолютно автономных элементов, а своего рода систему. Организующим стержнем этой системы становится та или иная метафорическая модель.

Метафоричным является зачастую уже сам заголовок статьи. Для понимания важности заголовка следует обратиться к такому существенному для обеспечения целостности текста компоненту, как сильные позиции и их

заполненность. Эффективным средством задержать внимание читателя на важных по смыслу моментах является помещение их в сильную позицию, то есть на такое место в тексте, где они психологически особенно заметны. Такими сильными позициями являются начало или конец текста или его формально выделенные части (главы, строфы и т.д.) [2].

Заглавие любого текста является важной частью начального стимула вероятностного прогнозирования и выработки стратегии восприятия. В сочетании с другими элементами начала оно дает опору для прогноза возможного круга тем и создает преднастройку, очень важную для понимания целого. Связь в заполнении сильных позиций является важным фактором целостности текста, а содержание их становится понятным, взаимодействуя с остальным текстом, который таким образом функционирует как адаптивная система. Заголовки чрезвычайно значимы для газетно-журнальных публикаций, поскольку именно они вызывают у читателя интерес к публикации, желание познакомиться с ней.

В данной статье мы рассматриваем реализацию текстообразующей функции метафоры на примере американских политических статей.

Общеизвестно, что в политической жизни Соединенных Штатов центральным событием являются президентские выборы, и именно данное мероприятие и его участники являются областью самого сильного метафорического притяжения.

Показательно, что в текущей периодике большое количество статей содержат метафоры, не только подчеркивающие состязательность, соревновательный характер политической деятельности, но и словоупотребления, несущие ярко выраженные агрессивные характеристики. Спортивная и военная метафора наилучшим образом подходят для передачи подобных смыслов. Исходные понятийные сферы «спортивные состязания», «состязания в скорости передвижения», «бокс и борьба», «военные действия» дают богатый материал для переосмысления многих аспектов политической жизни.

Например, статья *Sparring Starts as Republicans Ponder Future* [2] уже с заголовка нагружается агрессивным прагматическим потенциалом – метафорическое словоупотребление *sparring* побуждает читателя провести аналогию между столкновением в боксе (или кулачным боем) и борьбой за лидерство в Республиканской партии. Состязательность и жесткое противостояние кандидатов переосмысливаются далее в тексте статьи уже не только в спортивных терминах (*sparring*), но и в терминах, одинаково применимых и к спортивной, и к военной сфере (*fight* – бой, борьба, *defeat* – поражение), а также через исключительно военную

лексику (*battle* – бой, сражение, *the front of the line* – передовая линия фронта), ср.: *One week after the Republicans were routed in the presidential election, the fight is on over who will be the new leaders of the party. Republicans representing diverse views about the party's direction are preparing to fight for the chairmanship of the Republican National Committee; The competition to fill the vacuum left by Senator John McCain's defeat and by the unpopularity of President Bush as he prepares to leave office — will be on full display; These struggles come as the party prepares for a broad ideological battle; ...the party would be wiser to offer a broad idea of what it stood for and how it would lead the country, and pick its battles carefully; The extent of her [Ms. Palin] interest in repairing her image and moving to the front of the line was reflected in the series of interviews.*

Агрессивность передается также через вспомогательный образ *backbiting* – огрызаться, злословить (букв. |кусаться в ответ|), ср.: *I hope we are going to stop the infighting and the backbiting and move forward as a party.*

На фоне общего вектора агрессивности и жесткого противостояния, который несут спортивные и военные метафоры, в тексте также прослеживается развертывание концептуальной метафоры с исходной понятийной сферой «зрелища». Работа политических деятелей на публику, важность популярности у населения, разъезды по стране и выступления перед избирателями придают политической жизни Америки сходство с театральной постановкой или шоу, что уже не раз отмечалось исследователями. В рассматриваемой статье данные характеристики политических мероприятий реализуются через метафорические словоупотребления *to showcase* – проводить показательный спектакль, шоу (в ходе которого актеры демонстрируют свои способности и сценические возможности продюсерам и режиссерам) и *to play a role* – играть роль, ср.: *The session will showcase a roster of governors positioning themselves as leaders or future presidential candidates; the former House speaker, who has played an increasingly assertive role in the debate over the party's future.*

Спортивные и военные метафоры в данной статье эпизодически взаимодействуют с метафорами других моделей, ср.: *There's anger about losing the majorities in 2006 and losing the White House and suffering a political tsunami of proportions that are very resemblant of the 1992 election. a wave of enthusiasm from social conservatives when Mr. McCain named her [Ms. Palin] as his running mate; people wake up from their Bush hangovers.* Здесь создается развернутый метафорический образ огромной волны, передающий непропорциональное соотношение представителей двух партий в Белом Доме. Во втором случае мы имеем дело со стертой метафорой – «волна энтузиазма», которая,

тем не менее, в непосредственной близости от метафоры «цунами», за счет развертывания одного образа, становится более экспрессивной.

Отдельно в данном контексте стоит метафора *похмелье [после Буша]* – словоупотребление не получает дополнительных образов, и используется лишь для наглядного представления одной сферы в терминах другой, дает ясную оценку правлению Джорджа Буша.

Таким образом, в проанализированном выше тексте происходит многоаспектное развертывание метафор, принадлежащих двум параллельным моделям, приобретающим функцию метафорической доминанты, которая лишь эпизодически взаимодействует с метафорами других моделей.

Метафорические единицы, объединенные общими исходными понятийными сферами «состязание» и «война», разворачиваясь в данной статье, способствуют созданию связного, целостного текста. Неоднократное их повторение способствует созданию атмосферы состязательности, борьбы или даже битвы, где победа приходит к сильнейшему. Выбор доминантных моделей кажется вполне мотивированным особенностями исходной понятийной сферы, очень подходящей для описания борьбы за власть и расстановки сил в политике.

Анализ политических текстов показывает, что выделить доминанту не всегда представляется возможным – иногда авторы прибегают к разнообразному набору метафорических средств.

Рассмотрим далее статью, которую несколько метафорических моделей пронизывают от начала до конца, способствуя достижению связности и целостности ее текста и созданию многопланового метафорического образа. В данной статье текстообразующая функция концептуальной метафоры также реализуется еще в заголовке, при этом создавая эффект усиленного ожидания и интригуя читателя. Статья посвящена той же теме, что и текст, приведенный выше, а именно – вопросу о том, кто станет лидером республиканской партии США. Сложившаяся в партии ситуация переосмысливается в заголовке довольно необычным и экспрессивным способом: борьба двух кандидатов за лидерство в партии представляется как дуэль: *Gingrich, Steele duel privately for RNC job* [1].

Тема противостояния развивается далее через метафорические образы *fight* – борьба, бой и *battle* – битва, сражение, ср.: *A behind-the-scenes battle to take the reins of the Republican National Committee is taking off; ...the fight over the RNC post*. При этом одновременно с развертыванием военной метафоры в тексте вводится еще одна метафорическая модель – театральная: битва определя-

ется эпитетом «закулисная» (*behind-the-scenes*).

Метафора огня используется для представления того, какая напряженная деятельность ведется членами партии, поддерживающими соперничающих кандидатов, ср.: *Neither man will acknowledge his interest in the post, but Republicans close to each are burning up the phone lines and firing off e-mails to fellow party members in an effort to oust RNC Chairman Mike Duncan in the wake of the second consecutive drubbing of Republican candidates at the polls*. Одновременно в данном контексте за счет словоупотребления *drubbing* (избиение) получает развертывание тема ожесточенного противостояния, введенная ранее метафорами *duel*, *battle* и *fight*. Далее военная метафора развивается в следующей фразе: *...Democrats regained and expanded control of Congress and captured the White House* – демократы представляются захватившими (взявшими в плен) Белый Дом, также в выражении *Mr. Obama's chief of staff, Rahm Emanuel, who is considered the strategic architect of Democrats' congressional victories* – через метафору «победы». Последнюю также можно отнести и к спортивной метафоре. В спортивных терминах в тексте данной статьи также переосмысливается начало исследовательской работы политического деятеля, ср.: *...he [Mr. Steele] was going to use his GOPAC conference ... to kick off his exploratory*. Термином *to kick off* в американском футболе обозначается введение мяча в игру, и метафорически это выражение традиционно обозначает начало какого-либо процесса. Еще одна стертая метафора с исходной понятийной сферой спорт используется далее: выборы в Сенат представляются гонкой, ср.: *U.S. Senate race*.

Театральная метафора получает развертывание через образы «сцена» и «суперзвезда», ср.: *...a leader who can formulate a counter-agenda to President-elect Barack Obama's administration and articulate it on the national stage; the RNC ought to recruit a superstar*. Под суперзвездой в данном случае подразумевается известная в стране политическая фигура.

Природоморфная метафора в анализируемой статье, кроме образа огня, упомянутого выше, представлена словоупотреблением «землетрясение», в данном случае обозначающем неожиданные, потрясшие страну результаты выборов, ср.: *the electoral earthquake in 1994 that brought the Republican Party into the majority*.

Анализ примеров метафорического употребления рассмотренной статьи показывает, что набор, к которому прибегает автор, довольно разнообразен, и в рамках данного текста сложно выделить доминирующую метафорическую модель.

В целом, рассмотренный материал свидетельствует, что развертывание в тексте метафорической модели (особенно при метафоричности заголовка) может быть важным средством создания образной когезии, отношений проспекции и ретроспекции, которые, в свою очередь, способствуют обеспечению связности политического текста и целостности его восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.
2. Halliday M. A. K. Explorations of Language. – London: Edward Arnold, 1974.

3. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. – London: Longman, 1976.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Hallow, R. Z. Gingrich, Steele duel privately for RNC job // The Washington Times. – 2008. – 11 ноября. – Режим доступа <http://www.washingtontimes.com/news/2008/nov/11/gingrich-steele-duel-for-rnc-leadership>.
2. Nagourney, A. Sparring Starts as Republicans Ponder Future // The New York Times. – 2008. – 11 ноября. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2008/11/11/us/politics/11repubs.html?hp>.

© Шехтман Н. Г., 2008

РАЗДЕЛ 2.
ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Григорьева О.В.

Нижний Тагил, Россия

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
В КОНТРАКУЛЬТУРНОЙ РОК-ЛИРИКЕ
США И СССР**

УДК 811.1/9

Код ВАК 10.02.20; 10.02.19

***Аннотация.** В статье последовательно сопоставляются доминантные метафоры, участвующие в репрезентации социальных проблем в контркультурной рок-лирике США и СССР, и анализируются их семантическая и прагматическая составляющие.*

***Ключевые слова:** когнитивная теория метафоры; социальные проблемы; контркультура; рок-лирика.*

***Сведения об авторе:** Григорьева, Ольга Владимировна*

Ученая степень, звание: -

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, кафедра иностранных языков

Должность: преподаватель

***Контактная информация:** 622052, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Зари, д. 33, кв. 141*

E-mail: olgagrigroryeva@mail.ru

Драматургия борьбы рока во многом базируется на рефлексии социальных язв, тотальном отрицании существующего мироустройства: «рок [...] вряд ли существует имманентно, изолированно [...] Связи его с окружающим миром, обществом и культурой многоплановы» [Сыров 1997: 5]. Реакция на глубинные социальные преобразования, такие как кризис системы ценностей буржуазной идеологии в США, а также застой и общественная фрустрация в СССР, выразилась в феномене рок-контркультуры, которая с неистовой яростью принялась за критику социальной действительности.

Материалом для исследования послужили тексты рок-композиций, выявленные методом сплошной выборки, которые принадлежат периоду 1963-73 гг. в США и 1985-91 гг. в СССР. Мы придерживаемся максимально широкого определения термина «рок-лирика»: это текст музыкальных композиций, которые не принадлежат коммерческой поп-музыке, рассчитанной на подростковую аудиторию в США [Mitchell 2005: 7], или массовую эстрадную музыку в СССР.

Методологией изучения метафорического моделирования социальных проблем служит сложившееся в мировой лингвистике когнитивное направление исследований метафоры. Принято считать, что концептуальная метафора состоит из двух доменов, которые

Grigoryeva O. V.

Nizhny Tagil, Russia

**METAPHORICAL REPRESENTATION
OF SOCIAL PROBLEMS
IN THE COUNTERCULTURAL ROCK-LYRICS
OF THE USA AND USSR**

***Abstract.** The article touches upon the dominant metaphors which represent social issues in the counter-cultural rock-lyrics of the USA and the USSR. Metaphorical expressions are being contrasted and compared; their semantic and pragmatic components are being analyzed.*

***Key words:** the cognitive theory of metaphor; social injustice; counterculture; rock-lyrics*

***About the author:** Olga Vladimirovna Grigoryeva*

Academic degree, academic status: -

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy, Chair of Foreign Languages

Position: lecturer

можно описать как сферу-магнит (моделируемое) и сферу-ресурс (моделирующее) [Lacoff, Johnson 1980]. Она может усложняться несколькими связями между различными концептуальными областями, в результате метафорических и метонимических проекций возникает бленд или интегральная сеть [Turner / Fauconnier 2002 и др.].

Рок-лирика представляет собой прекрасный источник данных для метафоролога. По мнению М. Ноулс и Р. Мун, в ней могут содержаться авторские и стертые метафоры, эволюционировать и быть подвергнутыми экспансии конвенциональные метафоры и идиомы, или целый текст может прочитываться как одна метафора, например, LIFE IS A JOURNEY (ЖИЗНЬ-ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ), LOVE IS HEAT (ЛЮБОВЬ-ЭТО ЖАР) в классических рок-текстах Боба Дилана и The Doors [Knowles / Moon 2006: 162]. В совместном пособии по когнитивной поэтике исследователи Дж. Гэвинс и Дж. Стин приводят примеры анализа концептуальной метафоры PASSION IS NATURAL FORCE (СТРАСТЬ – ЭТО ПРИРОДНАЯ СИЛА) в текстах групп The Doors, The Garbage и у некоторых исполнителей, таких как Ван Моррисон, Нил Янг, Брайан Ферри, а также HAPPINESS IS UP (СЧАСТЬЕ – ЭТО ВЕРХ) в композициях U2, The Smashing Pumpkins, P.J. Harvey [Gavins / Steen 2003: 70-72]. Подробному анализу концептуальных метафор в рус-

ской рок-поэзии посвящено диссертационное исследование М. Б. Шинкаренковой [Шинкаренкова 2005]. Автор описывает основные тенденции метафорических словоупотреблений и проводит глубинный анализ концептуальных метафор, связывая их возникновение с общими тенденциями развития русской культуры.

Категории – «я», «мы», «семья», «народ», «общество», «человечество» и т.д., которые привлекаются авторами рок-текстов для моделирования социальных проблем, рассматриваются в рамках данной статьи в качестве домена-мишени метафорической экспансии. «Я-мы» конструкты в этом смысле принадлежат широкой социальной реальности (обществу, человечеству в целом). Они необходимы для того, чтобы продемонстрировать солидарность, сопричастность с общими проблемами. Они противопоставляются «чужим»: тем, кто нами управляют, кто привел это общество в такое плачевное состояние.

I. Метафорическое представление социальных проблем в контркультурной рок-лирике США.

Метафоры со сферой источником «**больной организм**» помогают акцентировать отклонение от естественного порядка вещей. При описании состояния социальной жизни в контркультурной рок-лирике США наиболее часто используются **морбиальные** метафоры: общество становится рассадником заболеваний, оно изъязвлено, покрыто шрамами. Все окружающее не внушает доверия, абсурд в социальных и политических процессах свидетельствуют о тяжких душевных расстройствах. События, которые происходят в жизни людей нельзя назвать никак, кроме **массового помешательства**: *We wonder/mindless in degree (Times Change, Damage, Jim Morrison)*. Так, наряду с вполне безобидными национальным занятием – пристрастием к сладкому, американская нация в свободное время с удовольствием «точит зуб» на ближнего, подкупает юридическую власть, отравляет дожди опасными химикатами, и, «притворившись безумцами» причиняет боль другим народам: *One of America's great national pastimes is chocolate fudge / Carrying a grudge bribing a judge / One of America's great national pastimes is poisoning rain / Acting insane inflicting pain (America's Great National Pastimes, the Byrds)*.

Общество довольно часто представляется подверженным врожденным **физическим недостаткам**, которые характеризуют его немощность, бездействие, недееспособность. В мире происходят важные события, которые заслуживают острой и своевременной общественной критики, однако типичный гражданин американского общества предпочитает «теле-

визионную жвачку», прячется за пустой моралью и лживыми ценностями, с готовностью верит тому, что говорят политики и с равнодушием смотрит на то, как молодых ребят, не имеющих право даже на избирательный голос, отправляют на войну: *Tolling for the deaf an' blind, tolling for the mute (Chimes of Freedom, B. Dylan); our actions are cruel and awkward and generally obscene, like an invalid who has forgotten how to walk (The Lords, J. Morrison)*.

Общество в контркультурной рок-лирике часто представляется при помощи метафор со сферой-источником **фермерское хозяйство**: *I just want to talk to you / I won't do you no harm / I just want to know about your different lives, / on this here people farm / I heard some of you got your families, / living in cages tall and gold / and some just stay there and dust away, / past the age of old (Up From the Skies, Jimmy Hendrix Experience)*. Люди по собственному желанию заключили себя в «золотые клетки», в узы материальной культуры, тем самым оградившись от многообразия духовных проявлений мироздания.

Робость и страх, характеризующие общество, представлены при помощи метафор **домашнего скота и птицы**. Например: *As you well know, not ever bird can roam the sky / I see your wings, man, but can you fly? / All I see when I look down, something jumpin' on the ground, scratchin' dirt / Cluckin' in the barnyard, tell me, could that be you? / In that case, lay another egg / Try to save yourself from the bar-b-cue (Chicken Wolf, Steppenwolf)*. **Курицу**, действительно, сложно полноправно причислить к птицам. У нее есть крылья, но она ими не пользуется. К тому же, курица – животное, существующее во благо человека и удовлетворяющее его первичные потребности. Если курица ведет себя «благопристойно», регулярно принося яйца, то она проживет дольше курицы, которая не несется (последнюю ожидает страшная участь попасть на стол хозяев в виде ужина). Данный сценарий прекрасно подходит для описания общества-контроля, в котором индивид покоряется общим правилам (работать, платить налоги, исполнять свою воинскую повинность). Если же кто-то отказывается подчиниться, то за отступничество придется платить горькой ценой.

Еще одной метафорой, характеризующей репрессивное общество, является метафора **тюрьмы**. Социальная структура разделена на тех, кто повинуется законам тюрьмы и надзирателей, присматривающих за заключенными: *Sometimes I think this whole world / Is one big prison yard. / Some of us are prisoners / The rest of us are guards (George Jackson, Bob Dylan)*. Свобода, одна из центральных ценностей контркультуры, отсутствует в данном общест-

ве: *Did you know freedom exists / in a school book / Did you know madmen are / running our prison / within a jail, within a goal / within a white free protestant / maelstrom (Freedom Exists, The Doors)*. Идея американского свободного общества настолько иллюзорна, что нашла себе место только на страницах школьных учебников, в реальности – люди, подобно заключенным, заперты в темнице «белой протестантской» морали.

Американская контркультура своего древнего и мудрого союзника находит в природе, оттого прогресс, разрушающий первозданную гармонию индивидуума и универсума, расценивается как высшее проявление человеческих злодеяний. Антисциентичные настроения выражаются в нападках на развитие науки, технологий, совершенствование производства и экономических отношений. Метафоры **технократии** обладают резко отрицательным прагматичным потенциалом: *Stay away from people made from plastic in a mold, / And keep your stamped ideas inside your head untold, / Because I, I, I, baby am protecting you, / Yes, against the kind of things that other people do. (Stamped Ideas, Iron Butterfly)*. Люди, как капли воды похожие друг на друга, в головах которых царят «штампованные мысли» – антиутопия американского общества, заключенного в тесные объятия массовой культуры. Здесь все, подобно роботам, послушно ходят на работу, улыбаются в ответ на унижения, стараются иметь ухоженный внешний вид, а на досуге развлекаются потреблением и телевиденьем, т.е. тем, что так ненавистно контркультуре: *Be a loyal plastic robot / For a world that doesn't care / Smile at every "ugly" / Shine on your shoes and cut your hair / Be a jerk and go to work Be a jerk and go to work / Be a jerk and go to work Be a jerk and go to work / Do your job, and do it right / Life's a ball! (TV tonight!) / Do you love it, do you hate it? / There it is, the way you made it (Brown Shoes Don't Make It, Mothers of Invention)*. Общество берется за воспитание своего послушного элемента, начиная с раннего детства: *We'll call you when you're six years old / And drag you to the factory / To train your brain for eighteen years / With promise of security / But then you're free / And forty years you waste to chase the dollar sign / So you may die in Florida / At the pleasant age of sixty-nine (The Ostrich, Steppenwolf)*. Согласно сюжету песни, в возрасте шести лет ребенок попадает на производственную фабрику-школу, где в него вселяют поклонение американским идолам: лживой свободе и «доллару». Человек начинает стремиться к этой вульгаризированной мечте о безоблачном существовании, губит свою молодость и силы в надежде заработать, не замечая, как приходит старость и смерть.

Американское общество также описывается как пребывающее в перманентном состоянии **гражданской войны**: *Well alright! / Well it's 1969 okay. / We've got a war across the USA. / There's nothing here for me and you. / We're just sitting here with nothing to do (1969, The Stooges); In this world, if you read the papers, darling, / You know everybody's fighting with each other. / You got no one you can count on, dear, / Not even your own brother (Get It While You Can, Kozmik Blue Band)* Неоднократно авторы текстов апеллируют к кровопролитной истории своего народа: американская нация возникла благодаря непоколебимой идее о собственном беспрекословном превосходстве, которое дает право на непрерывное уничтожение и порабощение других. Об этом, к примеру, повествуется в длинной балладе Боба Дилана, которая начинается с того, что лирический герой рассказывает, как вырос на Среднем Западе, где ему внушили, что землю, где он живет, хранит сам бог. Затем автор лирики переходит к описанию жестоких сцен из истории американского общества: уничтожению коренного населения конкистадорами, Испано-Американской, Гражданской, Первой Мировой войне. В конце Второй Мировой, согласно автору, американцы благополучно «простили немцев» даже не смотря на то, что те «сожгли в печах» «6 миллионов», скорее всего, отнюдь не следуя божьим законам. В итоге речь заходит об ужасах холодной войны, а вывод, который делает автор достаточно однозначен: *So now as I'm leavin' / I'm weary as Hell / The confusion I'm feelin' / Ain't no tongue can tell / The words fill my head / And fall to the floor / If God's on our side / He'll stop the next war (With God on Our Side, B. Dylan)*. Подобные протесты против нехристианской «кровожадности» американцев отчетливо звучали и у других исполнителей: *Once the religious, the hunted and weary / Chasing the promise of freedom and hope / Came to this country to build a new vision / Far from the reaches of kingdom and pope / Like good Christians, some would burn the witches / Later some got slaves to gather riches (Monster-Suicide-America, Steppenwolf)*.

Иерархия взаимоотношений между сильными мира сего и обычными гражданами представлена при помощи метафорической **игры в шахматы**: *No matter if you're born / To play the King or pawn / For the line is thinly drawn 'tween joy and sorrow / So my fantasy / Becomes reality / And I must be what I must be and face tomorrow (Flowers Never Bend With The Rainfall, Simon and Garfunkel)*. На поле шахматного боя ради спасения короля, ферзя и прочих титулованных фигур в расход, прежде всего, идут пешки. При этом функция пешки значительна: ведь именно при помощи верной

го расчета, правильного принесения в жертву этой фигуры возможно выиграть партию. **Пешка** – типичная сфера-источник, характеризующее бесправное подчиненное положение гражданина по отношению к верховной власти. В песне Боба Дилана, посвященной убийству борца за права Медгара Эверса, автор пытается показать, что такие вещи являются лишь определенной и незначительной частью более глобальной проблемы расизма: *A South politician preaches to the poor white man / "You got more than blacks, don't complain / You're better than them, you been born with white skin" they explain / And the Negro's name / Is used it is plain / For the politician's gain / As he rises to fame / And the poor white remains / On the caboose of the train / But it ain't him to blame / He's only a pawn in their game* (Only a Pawn in Their Game, Bob Dylan). В песне-пародии на американское общество, Фрэнк Заппа и его группа остроумно представляют его как детскую **игру с куклами**, которые имеют разительное сходство с реальностью: *A box of ugly plastic things / Marked UNCLE BERNIE'S FARM. / There's a little plastic Congress / There's a nation you can buy / There's a doll that looks like mommy / She'll do anything but cry. / There's a doll that looks like daddy / He's a funny little man / Push a button and ask for money / There's a dollar in his hand [...] There's a man who runs the country / There's a man who tried to think / And they're all made out of plastic / When they melt they start to stink* (Uncle Bernie's Farm, Mothers of Invention). Уродливые, пластмассовые, мертвые куклы – прекрасная метафора общества потребления: традиционные американские ценности, такие как демократичное правительство (в лице Конгресса), патриотизм (Нация), семья (типичный семейный сценарий, счастливая мама и отец, приносящий зарплату по нажатию кнопки), президент, который, если его расплавить, начнет издавать дурной запах. Неудивительно, что в конце песни члены группы Mothers of Invention уничтожают это общество при помощи пластмассового арсенала оружия.

II. Метафорическое представление социальных проблем в контркультурной рок-лирике СССР.

Милитарные метафоры имеют самое частотное употребление при конструировании социальных категорий в рок-лирике СССР. Советская идеология культивировала образ врага в течение долгих десятилетий: каждый был под подозрением, в каждом укрывался потенциальный враг. Неслучайно, что в контркультурном роке концепт **враг** является одним из самых частотных: *Сенсимилья в моей голове / Превратилась в огромный флаг. / Я живу в самой лучшей стране, / Где каждый третий*

– **враг** (Сен Симилья, Разные люди). **Стрельба по мишени** – метафора, которая наиболее эффектно изображает отношения между палачом и его жертвой. Силы априори не равны. В роке «мы» – беззащитны, запуганы и задавлены, «они» – вооружены, могущественны, чудовищны: *Очень трудно убежать, с автоматом на плече / С бумерангом в голове и мишенью на спине* (Детский мир, Гражданская оборона). Жить и быть **мишенью** в роке зачастую одно и то же: *Всю жизнь на спусковом крючке / Достоин заменяя мишень* (Эксгумация, Гражданская оборона); *Наша жизнь сквозь ментовский прицел, / поэтапно в приказах стоять и ложись, / Коммунизм или фашизм, что же дальше, окстись, / Это даже не смерть, но смертельная жизнь* (Боль, Разные Люди). **Слежка** – метафора, удачно характеризующая советское общество. Здесь повсюду надзор, от которого невозможно укрыться, все вокруг – потенциально опасны, готовы выдать властям в любую минуту. Жизнь проходит под вечным контролем и наблюдением: *За нами следят, начиная с детского сада, / Добрые тети, добрые дяди* (Выйти из-под контроля, Телевизор); **Военная дисциплина** служит еще одной сферой-источником, которая часто используется для описания жизни в советском обществе: абсолютное повиновение командам, казарменный режим, беспрекословное исполнение устава: *Здесь можно играть про себя на трубе, / Но как не играй, все играешь отбой. / И если есть те, кто приходят к тебе, / Найдутся и те, кто придет за тобой* (Скованные одной цепью, Наутилус Помпилиус). **Военный марш** является также характерной метафорой режима: синхронная чеканка шага прекрасно описывает серую деиндивидуализированную толпу обывателей: *Я вижу песню вдали, / Но я слышу лишь: / "Марш, марш левой, / "Марш, марш правой." / Я не видел людей страшней, / Чем людей цвета хаки.* (Шар цвета хаки, Наутилус Помпилиус).

Другую ипостась советское общество находит в свете метафор **домашнего скота**: *По большим местам в упор не глядя, / Нас бьют, как домашний скот. / И мы растем послушным стадом, / Живем как надо, поем что надо. / Снизу вверх странным взглядом / Смотрим на тех, кто бьет* (Выйти из-под контроля, Телевизор); Люди бессильны, не способны проявить волю и согласны терпеть любые унижения. Любое проявление нонконформизма беспощадно карается: *Кто не простился с собой / Кто не покончил с собой / Всех поведут на убой / На то особый отдел, на то особый режим / На то особый резон* (Особый резон, Янка). Общество также часто представляется, лишенным понятия че-

ловечности вообще; в нем царят **зверинные законы**: *В ожидании тюрьмы, / Забастовок и чумы, / В состоянии рубля. / С волками жить – волков плодить, / Ай, да я!* (Песня про столбы, Аукцион); *Здесь не понятно, где лицо, а где рыло, / И не понятно, где пряник, где плеть. (Нам с тобой, Кино).* Метафоры **зоопарка, аквариума, сети, клетки** позволяют подчеркнуть отсутствие центральной ценности контркультурного рока – свободы. Общество вынуждено жить в заключении, изоляции: *Тоталитарный рэп - это аквариум / Для тех, кто когда-то любил океан. / Тоталитарный рэп – это зоопарк, / Если за решеткой ты сам (Тыр-Тыр-Тыр, Алиса).*

Если в контркультурном роке США общество по собственной воли заключает себя в темницу лживых традиций, в золотую клетку материальных благ, то в советском метафора **тюрьмы** в буквальном смысле лишает индивида основных прав личности: *Деклассированных элементов в первый ряд / Им по первому по классу надо выдать все / Первым классом будет им тюрьма / А к восьмому их посмертно примут в комсомол (Деклассированные элементы, Янка).* За любое проявление свободы в наказывают участием в настоящей криминальной разборке: *Выйди на митинг / Получишь тот час / За милый "застой" неустойку / "Черемуху" в ноздри и тени для глаз / Это, сынок, перестройка (Перестройка, Electro Shock Therapy)*

Советское общество характеризуется тяжелыми **душевыми расстройствами**: *Люди, одумайтесь! Люди, одумайтесь! / Вы все сошли с ума! Вы все сошли с ума!* (Цикорий, Ноль); *И я не знаю, каков процент / Сумасшедших на данный час, / Но, если верить глазам и ушам – / Больше в несколько раз... (Муравейник, Кино).* **Безумие** начинается с детского возраста, со школьной скамьи, с воспитательной работы родителей, которые для того, чтобы подготовить ребенка к взрослой действительности используют варварские **методы лечения**: *Что же ты хочешь от больного сознания / В детстве в голову вбили гвозди люди добрые / В детстве мне в уши и в рот клизму поставили / Вот получил я полезные, нужные знания (Улица Ленина, Ноль).* Социум изображается как имеющий **физические недостатки**: *Тоталитарный рэп – это всего лишь модель / Общества глухонемых, / А если они вдобавок плохо видят, / То это только лучше для них (Тыр-Тыр-Тыр, Алиса); и немые отцы / учат жизни глухих детей (Идиллия, Наутилус Помпилиус).* Метафоры **инфекционных заболеваний** передают смысл изоляции, т.к. обычно в зоне их распространения устанавливается карантин: *Эти люди страдают проказой, они не ве-*

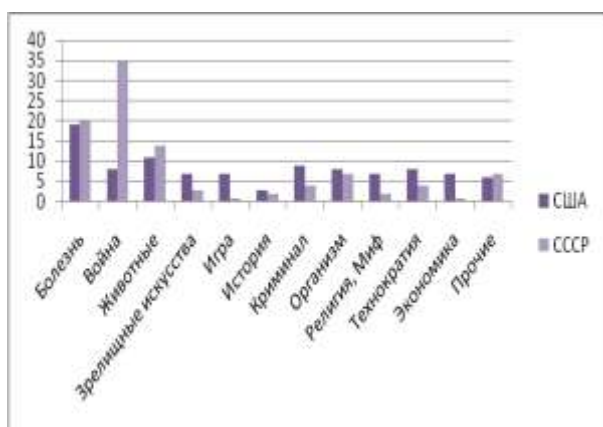
рят больше природе. / Эй вы, сильные духом, пора строить лепрозорий! (Лепрезорий, Крематорий). Надежды на **исцеление** больного общества нет: *мы должны быть / внимательней в выборе слов / оставь безнадежных больных / ты не вылечишь мир - в этом все дело (Доктор твоего тела, Наутилус Помпилиус).* Иногда человечество представляется как **организм, лишенный жизни** вообще: *Страна слова и дела, / Страна духа и тела, / Только Нужно быть красивым, как живой (Немой, Аукцион).* Люди обречены на жизнь послушных «зомби», бездыханных и бездушных тел: *По долинам да по взгорьям / шла дивизия вперед / Дивизия зомби (...) / Гармоничные структуры / Таят сокровища всемирной культуры / Культуры зомби (...) / Вызывают шквал овец / Чудеса цивилизации / Цивилизации зомби (...) / Чтобы функционировали наши дети / Нужен порядок на всей планете / Планете зомби (...) (Зомби, Гражданская оборона).*

Совок – это государственная система, работающая как отлаженный механизм, основой которого является общество. **Элементы системы** обычно программируются только для реализации поставленных перед ними задач. Механизм в представлении общества отрицает наличие в нем человеческого, многообразного, непредсказуемого: *Изучите меня досконально, / Дайте порядковый номер, / Упакуйте меня в систему – / Ничего, я все стерплю (Внутри, Телевизор).* Когда **деталь** отслужила свой срок, **система** безжалостно ее переработает или превратит в кучу производственного мусора: *Люди сатанеют, умирают, превращаясь / В топливо, игрушки, химикаты и нефть / В отходы производства, мозоли и погоны (Все летит в п..ду, Гражданская оборона).*

Метафоры **экономических и торговых отношений** обладают резко отрицательным прагматическим потенциалом, т.к. рок всегда презрел материальное. В метафорическом обществе продается и покупается все: человек и его центральные ценности, такие как свобода, любовь, истина: *Все песни - распроданы, смыслы – утрачены (Суббота, ДДТ); Бейся о водопады, / Ройся в чужих отходах. / Ты давно уже найден, / Ты давно уже продан (Отечество иллюзий, Телевизор).* **Продажи** сопровождается местный колорит торговых отношений. Если американские метафоры изображают рыночные отношения развитого капиталистического запада (здесь торгуют крупные магнаты, корпорации и банки), то советские описывают барахолку, местный рынок или ярмарку (здесь орудают спекулянты, челноки, мелкие лавочники, подпольщики и стяжатели): *Одни прикрывают тобой убийства, / Другие*

просят у тебя покоя;/ И на рынке человеческих истин / Идет продажа, идет торговля (Кто ты? Телевизор). Все человеческое общество представляется **продуктами**, готовыми к потреблению: **Полуфабрикаты** – это все, что я вижу... / **Полуфабрикаты** – это все, что я слышу... / **Полуфабрикаты** – это все, кто здесь есть! (Полуфабрикаты, Телевизор). В 1980-х гг. в СССР технологии массового производства были внедрены практически на всех крупных промышленных предприятиях, автоматизация вытеснила ручной труд. Использование метафор **конвейерного производства** в рок-композициях изучаемого периода означает восстание против деиндивидуализации, общественных и тоталитарных норм и традиций, которые навязывали молодому человеку определенные шаблоны поведения, примеры достойной жизни, следуя которым он должен был занять свою ячейку в обществе. Конвейерное производство в роке захватывает вселенную, превращая самые изумительные ее творения в безделушку с потока: **Индустрия звезды, конвейер кастратов**, / От зарплаты к зарплате - снова парады, / Асексуальная ночь, трудовая вахта, / Я кончил там и начал здесь матом (Мой бой, Разные люди).

График процентного соотношения метафор, участвующих в репрезентации социальных проблем

В ходе исследования было проанализировано 1024 метафор, моделирующих социальные категории (я, мы, семья, народ, общество, человечество и т.п.). Доминантными метафорами в представлении социальных про-

блем в контркультурной рок-лирике США выступают (1) **Болезнь** (2) **Животные** (3) **Криминал**, в СССР (1) **Война**, (2) **Болезнь** (3) **Животные** (см. График процентного соотношения метафор, участвующих в репрезентации социальных проблем). Эти метафоры объединяют прагматические смыслы уязвимости, отчужденности и изоляции, повинования, страха, недееспособности, безысходности и агрессии.

Проведенный сопоставительный анализ материала позволяет сделать вывод, что американский и советский контркультурный рок в представлении метафорического «общества» во многом пользуется идентичным метафорическим тезаурусом. С другой стороны, пребывание в социально-политической реальности (два конфликтующих идеологических лагеря), в которой были порождены тексты рок-лирики, также накладывает отпечаток на специфику формирования данного образа. Отличительные признаки становятся очевидны при экспликации конкретной сферы-мишени, на которую ориентирована та или иная метафора, или существенных различий в структурном аспекте метафоры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сыров, В. Н. Стилиевые метаморфозы рока или путь к «третьей» музыке. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 1997. – 209 с.
2. Шинкаренкова, М. Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии: Дис. канд. фил. наук. – Екатеринбург, 2005. – 228 с.
3. Gavins, J. Steen, G. Cognitive poetics in Practice. – London: Routledge, 2003. – 190 p.
4. Knowles, M., Moon, R. Introducing Metaphor. – NY: Routledge, 2006. – 180 p.
5. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press. – 1980. – 256 p.
6. Mitchell, S. P. You Say You Want a Revolution?: Popular Music and Revolt in France, the United States and Britain During the Late 1960s // Actual History. – 2005. – № 8 – P. 7-18.
7. Turner, M., Fauconnier, G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. – N.Y.: Basic Books, 2002. – 440 p.

© Григорьева О. В., 2008

Ворошилова М. Б.
Екатеринбург, Россия
СОВЕТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛАКАТ
И РОК-ОБЛОЖКА

Voroshilova M. B.
Ekaterinburg, Russia
SOVIET POLITICAL POSTERS AND COVERS
OF ROCK ALBUMS' DISCS

УДК 321.0

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

Аннотация. Креолизованный текст – ключевое понятие дискурса русского рока. Креолизованные тексты русской рок-поэзии характеризуются высокой степенью символичности: обращение рок-авторов к традициям «враждебной» культуры советского плаката нельзя охарактеризовать только как средство выражения политических контркультурных взглядов, стоит говорить о неких «высших» оппозициях: поэт и толпа, человек и социум.

Ключевые слова: Креолизованный текст, дискурс русского рока, советский политический плакат, контркультурность, оппозиционность

Сведения об авторе: Ворошилова, Мария Борисовна

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации

Должность: доцент

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, ул. Победы, д. 51, кв. 221

E-mail: shinkari@mail.ru

Любое произведение, созданное в рамках современной рок-культуры, несомненно представляет собой некий сложный текст, состоящий из нескольких частей или даже текстов, созданный при помощи знаков различных семиотических систем. Такой текст в современном литературоведении принято называть синтетическим. «Синтетический текст есть иерархически организованная структура, включающая структуры низшего порядка – субтексты, которые находятся между собой в сложных отношениях эстетического взаимодополнения и поэтического корреляции» [Свиридов 2003]. Справедливости ради отметим, что данное понятие применяется как правило к тексту, основой которого является поэтический или шире художественный текст, например песня, рок-альбом. Мы же изучая рок-обложку, лишь опосредованно связанную с поэтическими текстами, обратимся к лингвистическому термину, активно используемому в современном научном дискурсе для обозначения текста такого типа – креолизованный текст. В наших статьях, ранее публикуемых в настоящем издании, мы уже не раз обращались к данному термину [см. подр. Ворошилова 2006, 2007], еще раз отметим только основные положения.

Abstract. Creolized texts may be considered to be one of the key terms as far as Russian rock singers' discourse is concerned. Such texts are highly symbolic. From time to time Russian rock singers turn to traditions of Soviet political posters which are opposed to their own rock discourse. It is done not only to show their political views that as a rule differ greatly from those of the Soviet regime but to express some more general opposition such as Poet and Crowd, Man and Society.

Key words: Creolized text, Russian rock singers' discourse, Soviet political posters, opposition

About the author: Voroshilova, Maria Borisovna
Academic degree, academic status: candidate of
philological sciences, associate professor

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Chair of Rhetoric and Intercultural Communication

Position: associate professor

Вслед за авторами данного термина Сорокиным Ю. А. и Тарасовым Е. Ф. мы определяем креолизованные тексты как «сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 2003: 17].

Структура рассматриваемого нами креолизованного текста – рок-обложки включает в себя два основных компонента: вербальный (название альбома, группы, песен и т.д.) и невербальный (изображение, цвет, шрифт и т.д.). Мы сознательно отказались от использования термина «иконический компонент», так как считаем справедливым распространенное ныне суждение В. А. Виноградова, что «система (код) языка ориентируется на символичность, а текст – на иконичность» [Сигал 1997: 119]. Также сомнительной нам показалась практика замены обозначения «изобразительный компонент» на «визуальный», так как в письменной форме сообщения (текста) любого типа словесный ряд так же визуален, как любой другой, значимыми являются шрифт, цвет, стиль написания и т.д. Поэтому мы считаем целесообразным различать вербальный и не-

вербальный компоненты в структуре креолизованного текста.

Итак, предметом настоящего исследования была выбрана современная рок-обложка, в качестве материала мы использовали обложки альбомов Егора Летова и его проектов («Посев», «Гражданская оборона», «Коммунизм», «Егор и ОП...НЕВШИЕ» и др.). Как отмечал сам Егор Летов, «обложка — это чуть ли не половина альбома. Каждая обложка — это продолжение поэзии, ассоциации, образа», что и обуславливает значимость, актуальность нашей работы в рамках комплексного исследования дискурса русского рока.

Альбомы Егора Летова несомненно популярны, а потому много раз подвергались переизданию, в связи с этим как правило существует несколько вариантов обложек у одного и того же альбома. Для чистоты анализа нами были взяты только примеры пластинок, вышедших на студии ХОР, а также некоторые записи, вышедшие под лейблами Манчестера и Ур-Реалиста, а также три последних альбома «Гражданской обороны», выпущенные «Мистерией Звука» («Долгая Счастливая Жизнь», «Реанимация» и «Зачем Снятся Сны»). Наш выбор был обоснован тем, что так называемые «ХОРовские» издания являются наиболее ранними, «первичными», переизданные же альбомы не редко подверглись переосмыслению уже более зрелых музыкантов, а для нас представляет интерес первоначальный вариант альбома, когда его содержание и обложка создавались одновременно и преследовали одни и те же цели. Альбомы «Долгая Счастливая Жизнь», «Реанимация» и «Зачем Снятся Сны», вышедшие на «Мистерии Звука» – самые последние работы «Гражданской обороны», поэтому переизданию еще не подвергались. Таким образом, в ходе исследования были проанализированы 33 альбома групп

«Гражданская оборона» и «Егор и ОП...НЕВШИЕ», рассмотренные нами обложки рок-альбомов были условно поделены на четыре группы:

1. Обложки, стилизованные под советский политический плакат.

2. Обложки, где невербальный компонент представлен фотографией:

а) фотография с концертного выступления группы;

б) художественная фотография.

3. Обложки, где в качестве невербального компонента используется художественное полотно.

4. Обложки, где невербальный компонент представлен коллажем.

Особый интерес несомненно вызвали обложки первой группы, что обусловлено как спецификой анализируемого материала (изначально рок-культура в мире зарождалась как контркультурное явление), так и стереотипами его восприятия в российском обществе (рок-культура противостоит советскому строю).

Стоит также отметить, что политический плакат, являясь одним из самых древних, но до сих пор популярных и действенных типов печатной политической рекламы, давно находится в поле внимания ученых и в том числе ученых, изучающих креолизованный текст [см. подр. Ворошилова 2007а], не менее детально изучен и советский политический плакат [см. Быков www, Вашик www, Ельшина www, Плагенборг 2000, Шклярчук www и др.].

Для подробного анализа в качестве примера рок-обложки, стилизованной под советский политический плакат, нами был выбран альбом Егора Летова «Поганая Молодежь» (1985).

Основу анализируемой рок-обложки представляет красный цвет, который в свою очередь является центральным, ведущим символом советской эпохи. В гуще красного цвета мы также можем выделить и другие не менее значимые символы советского времени, активно используемые в свое время в советском плакате. Так например, по краям «красной зоны» обложки мы отмечаем такие традиционные советские образы, как стройки и заводские трубы, которые в советском плакате по словам исследователя Ельшиной М. А. были символами светлого будущего; в верхней центральной части образы красной пятиконечной звезды как символы советской власти. Не менее значимы и столь традиционные образы как портрет В. И. Ленина и плакатные лозунги

(«Решения XXVII съезда КПСС выполним!», «Одобрим!», «Родине, партии – слава!»).

Но общее настроение, общий тон несомненно задают красный цвет и динамические фигуры (треугольник, клин), в советском плакате часто характеризующие активность, устремленность и движение, в настоящем же контексте скорее символизирующие агрессию, враждебность, не случайно формы стрелок, используемые художником, отсылают реципиента к военным картам и схемам. Итак, из массива красного цвета выставляются стрелы, направленные на группу молодых людей с немтыми ирокезами на головах, в рваной, заплатанной одежде, с надписями «punk» на майках – так называемых представителей «поганой молодежи». Образы стрел, да и сам облик молодых людей сравним с образами противников, врагов на советском политическом плакате: авторы вновь используют традиционное для политплаката карикатурное изображение, где враги представлены в уничижительном виде, и не вызывают ощущения опасности. Все силы красного массива как бы направлены на молодых людей, они давят на фигурки панков, которые, в свою очередь, пытаются уйти от этого воздействия, и им это несомненно удастся: красные цепи и замки разорваны.

Композиция анализируемой рок-обложки построена по диагонали, что по мнению исследователей советского плаката, в частности Быкова В. В. создает впечатление динамики и напряжения, однако движение направлено не вверх, как того требовал советский плакат, изображающий стремительно развивающееся молодое государство, а вниз – представители «поганой молодежи» уходят от красной власти, и вместе с тем, как бы опускаются вниз, дегенерируют. Если советская власть призывает идти вперед, то оппозиция пойдет в другую сторону, то есть назад.

Неотъемлемой, одной из основных характеристик политических плакатов является шрифт. Надпись «ГО Поганая Молодежь», называющая группу и сообщающая название альбома, далека от трафаретного шрифта, которым писались лозунги на советских плакатах: буквы разной высоты, толщины, не имеют общего стиля начертания. В противовес им шрифт лозунгов на красном массиве, где стиль плакатных надписей сохранен полностью: ровный, четкий, лаконичный. И вновь задается мотив оппозиции.

Семантика противопоставления и агрессии заложена и в концептуальной базе вербального компонента: широко распространенная в советское время аббревиатура ГО (гражданская оборона), инвективное прилагательное «поганая» (напр. Поганый - ...3. Очень плохой, отвратительный, а также Погань - ...2. Мерзкий человек, люди. - [Ожегов 1997: 530]) обладают ярко выраженным агрессивнопрагматическим потенциалом. Таким образом, мы можем говорить о том, что вербальные и невербальные компоненты данного креолизованного текста вступают в интерпретативную корреляцию [подр. о типах корреляции см.: Шинкаренко 2005], тот есть между содержанием вербального и невербального компонентов связь устанавливается на ассоциативной основе.

Рок-обложка является неким «лицом» рок-альбома, потому мы считаем необходимым установить связь между данными элементами. В ходе анализа поэтической составляющей нами было отмечено, что внутреннее содержание альбома также не вступает в конфликт с обложкой и развивается на то же ассоциативной основе.

Открывает альбом песня с одноименным названием – «Поганая молодежь», текст которой вполне соответствует обложке, с единственной разницей в том, что на обложке панки представлены как измученные и забытые, хотя и победившие, в песне же в первую очередь чувствуется агрессия и сила:

...Они блюют портвейном на почтенных граждан...

...Они ломают окна и втыкают члены...

... Они орут истошно – кушать не возможно...

...Не надо нас пугать, нам нечего терять...

И нам на все нас...ть и растереть!..

Характерно, что протест «поганой молодежи» поганый, мерзкий и отвратительный, автор сознательно использует физиологические образы (блюют, нас...ть), вызывающие отвращения и противопоставленные приличному, культурному, принятому в социуме «почтенных граждан».

Песня «Никак не Называется» включает в себя образы, изображенные на обложке: портрет вождя, разорванные кандалы... Автор вновь использует противопоставление, но в центре теперь оказывается оппозиция Я – ВЫ:

*...На каждой стене портрет великого вождя,
А я иду по дороге и у меня нет стен...
...А люди ползут, гремя своими цепями,
Они гордятся своими золотыми цепями,
А я разорвал свои цепи, и я иду легко...*

В песне «Хватит!» тезис «Мы не такие как вы» подчеркивается с новой силой:

*Хватит!
Убирайтесь вон! Мы играем для себя!
Хватит!
Все равно ведь вам никогда нас не понять!
Хватит!
Мы привыкли жить – вы привыкли умирать!*

Таким образом, материал альбома подчинен одному тезису «Мы не такие, как вы», отсюда появляется оппозиция Я – Вы, выраженная на обложке в виде образов государственной системы и представителей панк-культуры, которые этой системе чужды.

Итак, креолизованные тексты русской рок-поэзии характеризуются высокой степенью символичности: обращение рок-авторов к традициям «враждебной» культуры советского плаката нельзя охарактеризовать только как средство выражения политических контркультурных взглядов, стоит говорить о неких «высших» оппозициях: поэт и толпа, человек и социум. Необходимо также отметить, что в рамках анализируемых креолизованных текстов как на уровне простейшего текста (рок-обложки), так и шире (рок-альбома) вербальный и невербальный компоненты находятся в тесной взаимосвязи, корреляции, что еще раз подчеркивает необходимость расширения предмета анализа, когда речь идет о рок-культуре, ограничение только поэтическими текстами необоснованно в современном научном дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М., 2003.

Быков В. В. Вопросы композиции в агитационно-оформительском искусстве // www.nank.ru/history/history09.html – 2008.

Вашик К., Бабурина Н. Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века // www.russianposter.ru – 2008.

Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – Выпуск (3)23. – С. 73-78. – Екатеринбург Урал. гос. пед. ун-т, 2007а.

Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – С. 180-190. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006.

Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. – Вып. (1)21. – С. 75-80. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007.

Ельшина М. А. Революционная и государственная символика в раннем советском плакате (1917-1926) // soviet.geraldika.ru – 2008.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Рос. академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова – 4-е изд., доп. – М: Азбуковник, 1997.

Плаггенборг Ш. Революция и культура. – СПб., 2000.

Свиридов С. В. Альбом и проблема вариативности синтетического текста // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Выпуск 7. – Тверь, 2007.

Сигал К.Я. Проблемы иконичности в языке (обзор литературы) // Вопр. языкознания. – 1997. – № 6.

Советский плакат. Зал № 108 // sovietart.narod.ru/main.htm – 2008.

Советский плакат // www.davno.ru/articles/sovietposter.html – 2008.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990.

Шинкаренкова М. Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рока: Дисс. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Шклярук А. На полном серьезе или хотели как лучше: Советский плакат 1920 – 1970-х годов // sale@plakat.ru – 2008.

© Ворошилова М.Б., 2008

Лазарева Э. А.

Екатеринбург, Россия

КОНСТИТУИРУЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ
ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ

УДК 659.1

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. В статье рассмотрена реклама в Интернете как сложное дискурсивное системное образование, имеющее разнообразные семиотические характеристики. Предложена типология данного дискурса на основе инварианта структуры рекламы.

Ключевые слова: Интернет. Реклама. Дискурс. Структура рекламы. Семиотические характеристики.

Сведения об авторе: Лазарева, Элла Александровна.

Ученая степень, звание: доктор филологических наук, профессор

Место работы: Уральская государственная архитектурно-художественная академия, кафедра теории архитектуры и профессиональных коммуникаций.

Должность: профессор

Контактная информация: 620141, г. Екатеринбург, ул. Ясная, д. 35, кв. 30.

E-mail: elazareva@r66.ru

Lazareva E. A.

Ekaterinburg, Russia

CONSTITUTING PECULIARITIES
OF INTERNET ADVERTISING

Abstract. The article reveals the Internet advertisement as a complex discourse system formation with various semiotic characteristics. The typology of the discourse under consideration is described as an invariant of the advertisement structure.

Key words: the Internet. Advertisement. Discourse. Advertisement structure. Semiotic characteristics

About the author: Ella Aleksandrovna Lazareva
Academic degree, academic status: doctor of filological sciences, professor

Place of employment: Ural State Academy of Architecture and Arts, chair of architecture theory and professional communication

Position: professor

Сегодня коммуникативные процессы в социуме переживают качественно новый этап, когда самостоятельную ценность приобретает информация, особенно важными оказываются все действия по ее передаче, сохранению, преобразованию. Сообщество людей стало информационным обществом – это означает необходимость для различных научных направлений постоянно обращаться к коммуникативным проблемам. Отметим, в каком состоянии находится поле современных средств массовой коммуникации (СМК). Это, прежде всего, *усложнение семиотических характеристик произведений*, созданных на основе интертекстуального взаимодействия кодов разной семиотической принадлежности. Именно такие свойства имеют и произведения радио, телевидения, и реклама, и новое, особенно популярное СМК, – Интернет. Современное общество стало носителем особого типа культуры – визуальной, когда в передаче информации активнее, чем раньше, участвуют визуальные средства. Реципиент, пользователь таких дискурсов, вырабатывает привычку к восприятию этих произведений, не к линейному, а «лоскутному» чтению. При анализе таких произведений нельзя не учитывать смысловую нагрузку их невербальных частей. Отличительный признак дискурса массовых коммуникаций сегодня – его сложный, составной характер.

Учитывая такие изменения в коммуникативных процессах, обратимся к самому современному средству общения – Интернету. Нам

представляется, что сейчас требуется выработать новый подход к дискурсу массовых коммуникаций вообще и рекламы – в частности – на основе полного учета их особенностей и воздействующего потенциала. Современный взгляд на СМК – это учет сложности и нетривиального характера этого явления. Такой подход требует и разработки соответствующего научного инструментария, который был бы основан не только на филологической науке, применения известных теорий для анализа вновь появляющихся произведений [Лазарева, 2007].

Изучение свойств рекламы в Интернете продуктивно с опорой на известные, подробно разработанные, лингвистические теории – мы имеем в виду три из них, речь идет о теориях: *дискурса, интертекстуальности, заголовка текста*. Обращение к данному предмету влечет за собой обязательный учет особенностей Интернета.

Т. В. Юдина пишет, что «Проблема Интернета рассматривается в аспекте его специфики как явления коммуникации, формы коммуникации, в аспекте проблемы коммуникации и теории коммуникации. Средства массовой информации, прежде всего Интернет, исходят совсем из других параметров и подходов. Интернет базируется на принципе высочайшей степени оперативности, актуальности, возможности быстрой смены или замены информации, мгновенного распространения, тотального охвата. Он основывается на принципе полной гласности и прозрачности. По сравне-

нию с другими средствами массовой информации, Интернет в исключительной степени препятствует тому, чтобы у кого-либо появилась возможность монополизировать процесс распространения информации, выступая тем самым как очень демократичное средство информации, доступное всем заинтересованным лицам» [Юдина .....].

Произведения, дискурсы, размещенные в Интернете, наука описывает как гипертексты. Этот объект, современный по своей сути, продуктивно анализировать с использованием тех рассуждений, которые предпринял Р. Барт относительно текста, произведения, политекстуальности. Именно эта теория дает ключ к пониманию сути того нового СМК, о котором идет речь в данной статье – реклама в Интернете, Интернет-реклама.

Обратимся к выявлению свойств Интернет-рекламы. Нам представляется, что при описании таких СМК получает новое толкование теория текста, созданная Р. Бартом. Его рассуждения о тексте прямо экстраполируются на исследование дискурсов Интернета. Концентрированное изложение этой теории дает Г. К. Костиков во вступительной главе книги Натали Пьеге-Гро «Введение в теорию интертекстуальности» [Пьеге-Гро, 2008]. Остановимся на теории Р. Барта.

Барт в своих разработках основывался на философии множественности. «В основе философии множественности лежит представление о неустранимой амбивалентности любого объекта, предмета или понятия – амбивалентности, принципиально не поддающейся преодолению в актах гегелевского «снятия». В 1970 году Р. Барт в книге «S/Z» дал развернутое описание «текста» как «торжествующей множественности»: «Такой идеальный текст пронизан сетью бесчисленных, переплетенных между собой внутренних ходов, не имеющих друг над другом власти; он являет собой галактику означаемых; у него нет начала, он обратим; в него можно вступить через множество ходов, ни один из которых нельзя наверняка признать главным; вереница мобилизуемых им кодов теряется где-то в бесконечной дали, они «не разрешимы», (их смысл не подчинен принципу разрешимости, так что любое решение будет случайным, как при броске игральных костей); этим сугубо множественным текстом способны завладеть различные смысловые системы, однако их круг не замкнут, ибо мера таких систем – бесконечность самого языка» [Пьеге-Гро, 2008, с. 24-26]. По этому поводу Г. К. Костиков замечает: «Приведенное описание предвосхищает многочисленные определения гипертекста, предложенные теоретиками Интернета (начиная с Теодора Нельсона) в 1980-е годы».

Обобщая эти определения, автор приводит основные характеристики бартовского Текста (интертекста, гипертекста). Назовем их: «Отсутствие смыслового центра и семантической упорядоченности: Текст – это ацентричная множественность; неиерархичность, неструктурированность, «ризоматичность)...; неоднородность, многомерность и многоголовость: Текст плюралистичен и поливалентен; фрагментарность, обусловленная полигенетичностью источников: текстовое пространство – это хотя по-своему и непрерывная, но не гомогенная среда; отсутствие какой бы то ни было грамматики и синтаксиса; отсутствие коммуникативного задания; нетелеологичность; нелинейность: в отличие от законченного произведения, где от одного смыслового элемента можно перейти только к тому, на который он непосредственно указывает, Текст предполагает свободные и мгновенные переходы из любой точки в любую иную точку ...; из любой точки Текста во все стороны расходятся цепочки отсылающих друг к другу следов...; взаимообратимость настоящего, прошлого и будущего: Текст позволяет не только «остановить мгновение», но и «вернуть исчезнувшее» ...; калейдоскопичность, способная ... актуализировать одни элементы текстовой мозаики и затушевать другие; внутренний динамизм, позволяющий максимально отдаляться от любого объекта, либо, наоборот, вплотную к нему приближаться; незавершенность и незавершенность как принципиальная способность к безграничному росту и расширению» [Пьеге-Гро, 2008, с. 27-28.].

Вслед за Р. Бартом, мы предлагаем различать два вида объектов, существующих в Интернете для передачи информации, – Текст и Произведение. «Текст – это воплощение той самой смысловой «бездонности». Погружение в Текст сулит «обретение всего мира». «Произведение – прямая противоположность текста. Это – смысловая монада, завершенная семантическая структура» [Пьеге-Гро, 2008, с. 28-29]. Передача многослойной информации в одном произведении неминуемо влечет за собой возрастание роли интертекстуальных связей. Указанный характер современных СМК приводит к формированию, как уже сказано, клиповой культуры, возрастанию роли зрительного восприятия. Современный человек привык воспринимать одновременно не один текст (не одна главная мысль, тема, а несколько, в восприятие входит и процесс выбора, отбора информации). Происходит видоизменение, усложнение процесса восприятия произведения, развивается привычка к «лоскутному чтению», «клиповому» восприятию.

Мы понимаем рекламу как дискурс [Лазарева, 2005]. Этот термин означает совокуп-

ность дискурсивных практик, реализующихся в Интернет-рекламе, нацеленных на клиента и формирующих эту рекламу как часть рекламного дискурса в целом. Дело в том, что современная реклама в данном СМК строится как комплексная текстовая – дискурсивная система, состоящая из многих компонентов, выраженных разными кодами. Элементы дискурсивной системы назовем субдискурсами: дискурс Интернет-рекламы строится как системное образование, состоящее из субдискурсов. Приведем пример рекламного гипертекста (текста – в понимании Барта).

«СК Кокс Полис». Гипертекст (Текст) Интернет-дискурса строится как система, состоящая из субдискурсов (произведений), посвященных одному предмету рекламы – страховой компании. Составляющие гипертекст субдискурсы: «Городская страховая компания Кокс Полис. Уральский филиал»; «О компании»; «Юридическим лицам»; «Физическим лицам»; «Стимулятор страховых случаев», а также дискурс, оформленный как цветные выразительные фотографии, изображающие беседы страховщика с клиентами. Субдискурсы созданы с использованием различных кодов: вербальные-невербальные, шрифты различных начертаний, разные цвета, фотографии автомобилей и людей, многочисленные параграфемные средства. Внутренние субдискурсы имеют компрессированный характер и построены как наборы ссылок, которые адресат может активизировать по своему желанию и воспринять содержащиеся под ними произведения. Тему рекламы задают текстовые инициальные компоненты призывного характера, вводящие предмет рекламы и обращенные к адресату: «Городская страховая компания Кокс Полис. Внимательное страхование. Круглосуточная диспетчерская...», «Стимулятор страховых случаев. Выберите автомобиль...». Точное число субдискурсов назвать не представляется возможным, так как гипертекст данной Интернет-рекламы постоянно меняется, приобретает разные очертания. То же самое можно отметить относительно границ дискурса, который имеет зыбкие, меняющиеся очертания.

Мы продемонстрировали один из вариантов Интернет-рекламного дискурса, включающего в себя большое количество субдискурсов. Рекламный дискурс, бытующий в Интернете, «живет» по собственным правилам. За время его существования выработались инвариантные свойства внутренней структуры рекламы этого типа, определяющие способы сопряжения текстуальных образований. Дискурс имеет глубинную трехмерную структуру, где составляющие рекламу части входят одна в другую, сосуществуют, словно извлекаются из

глубины целого дискурса. Назовем такой принцип текстово-дискурсивного образования принципом матрешки [Лазарева, Тельминов – в печати]. Этот термин означает наличие трехмерного пространства рекламного дискурса, который включает в себя значительное количество сайтов, передающих разнообразную информацию. Реклама в Интернете строится как комплекс взаимодействующих произведений, интертекстуальная система.

Термин «интертекстуальность» возник в 1966 году в работах Ю. Кристевой – на семинаре Р. Барта. Нам представляется, что рассуждения о данном типе рекламного произведения – это новый подход к области применения учения об интертексте. Описание существенных свойств рекламных дискурсов, бытующих в Интернете, представляется возможным именно на базе учения об интертекстуальности. Данная теория широко используется в различных сферах современной филологии, лингвистики и литературоведения, применительно к исследованию художественных произведений, текстов СМИ. В нашей работе мы основываемся на концепции интертекста, восходящей к исследованиям М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана. Согласно этой концепции, всякий текст выступает как интертекст, и в основе каждого отдельного произведения – не только совокупность всех предшествующих текстов, но и сумма общих кодов и систем, т.е. безграничный и бесконечный текст [См.: Баженова, 2001]. Сама интертекстуальность понимается при этом, согласно Ю. М. Лотману, как проблема «текста в тексте». Интертекстуальность понимается нами именно в традициях школы Ю. М. Лотмана – как взаимодействие отдельных произведений: текст в тексте, текст на тексте, текст до текста, текст за текстом. Такие связи произведений были представлены нами и при характеристике газеты как целостного комплексного объекта [Лазарева, 1993]. Эта же теория оказалась продуктивной и при построении типологии Интернет-рекламы. К нашему пониманию интертекстуальности близка теория Н. Пьеге-Гро [Пьеге-Гро 2008], которая в своей книге выделяет, в качестве одного из типов интертекстуальных отношений, отношения соприсутствия. Именно на таких отношениях основано построение Интернет-рекламного дискурса.

Мы исходим из того, что Интернет-дискурс рекламы характеризуется разнообразными свойствами. Применительно к данному исследованию выделим **два типа** этих свойств. Это, во-первых, специфические свойства рекламы как СМК и, во-вторых, свойства рекламы как произведения Интернета, обусловленные особенностями именно этого канала коммуникации. Остановимся на всех этих признаках.

Свойства рекламы как средства массовой коммуникации.

В процессе своего бытования рекламный дискурс, а с точки зрения лингвистики – текст, сформировался как феномен, имеющий собственные свойства. Для выполнения своей роли в процессе коммуникации дискурс, креолизованный текст, выработал стандарты, отличительные признаки. Содержание этого вида текста определяется следующими факторами: коммуникативная цель; особенности коммуникаторов (автора и адресата сообщения); стандарты данного сообщения. В процессе своего бытования реклама выработала инвариант выражения содержания, этот инвариант является обобщенным представлением о наборе выраженных в произведении элементов. Эти содержательные блоки существуют в рекламных текстах, видоизменяясь в зависимости от типа носителя рекламы (печатная, радиотелевизионная, наружная и др.) и авторской индивидуальности.

Мы предлагаем структуру рекламного произведения с учетом выделенных параметров текста применительно к рекламе разных типов. Именно эта содержательно-стилистическая структура является инвариантной для Интернет-рекламы.

Прежде всего реклама должна побуждать к покупке, так как именно в этом состоит ее основная функция, ее главное предназначение. И чтобы выполнить это предназначение, реклама стремится найти способ привлечь, а потом «соблазнить» и завоевать потенциального покупателя. Поиск такого способа продолжался на протяжении полувека и привел к современному многообразному воздействию, объектом которого мы все являемся и с помощью которого реклама в своем стремлении побудить человека совершить покупку представляет ему его собственный образ, отвечающий его чаяниям и ожиданиям. Содержательно-речевой состав текста отражен в таблице.

Структура рекламного текста

Изобразительно-графический компонент (художественно-графический компонент)	Вербальный компонент	
	Информационно-ориентирующие элементы	Коммуникативно-призывающие элементы
Все элементы формы: размер, цвет, начертание, иллюстрации, иконические составляющие,	Ктематоним (вербальный компонент товарного знака)	Слоган (рекламный лозунг)

внешние поведенческие особенности героев, музыка, шумы, шрифты и т.д.	Собственно текст рекламы	
	Адресный блок: - имя фирмы, - адрес фирмы, - предмет рекламы.	- Аргументы в пользу приобретения предмета рекламы: описательно-детализирующие, оценочные; «К делу», «К человеку». - Метакоммуникативный блок: название адресата, обращение к адресату, призыв к адресату, этикетные компоненты, адресант. - Рекламный образ (рекламная идея + выразительные средства). - Тон рекламного объявления.

Напомним о том, что структура рекламы вовсе не означает ее композицию: в реальном произведении смысловые блоки, выраженные разными знаками, расположены на пространстве дискурса в соответствии с авторскими целями. Данная структура отражает особенности Интернет-рекламы как произведения (по Р. Барту).

Свойства рекламы как произведения Интернета.

Обратим внимание на те особенности восприятия, которые определяются существованием рекламы в Интернете: Интернет основан на специфике восприятия, общность его восприятия создается через Интернет, образующий сетевое пространство, внутри которого разворачивается процесс *не линейной, а пространственной* и многомерной коммуникации» – [Юдина...].

Рекламный дискурс, бытующий в Интернете, выработал специальные способы размещения своей информации. Цель их – оптимизация восприятия, облегчение поиска информации, повышение выразительности рекламного произведения с целью привлечения реципиента, обращения его внимания на предмет рекламы. Для анализа этого явления, относящегося к специфическим характеристикам Интернет-дискурса, нам представляется продуктивным обращение к теоретическим разы-

сканиям А. А. Реформатского относительно теории книги, печатного произведения вообще. Заметим, что теоретические разыскания в области книгопечатания позволили ученому сформулировать основные положения теории текста.

А. А. Реформатский [Реформатский, 1933] предложил Теорию защит – специальных параграфемных и пространственно-композиционных средств, направленных на активизацию позиции адресата, выявление семантических элементов произведения и облегчение понимания текста. Эта теория направлена на «защиту читателя», условия облегчения его действий. Сегодня эти разыскания становятся актуальными в связи с обращениями к Интернет-дискурсу, попытками выявить средства, использованные там, и оценить их. Мы приняли анализ Интернет-рекламы, основываясь на традициях, заложенных в указанных исследованиях. Остановимся на анализе тех дискурсивных ресурсов, которые направлены на потребителя. Интернет-реклама использует эти приемы для облегчения поиска информации, оптимизации ее подачи, повышения выразительности. Мы сочли возможным, основываясь на традициях А. А. Реформатского, назвать их средствами дискурсивных защит. По нашим наблюдениям, в Интернет-рекламе используются следующие средства:

- сегментация информации,
- компрессия информации,
- повторы разных типов,
- ссылки и отсылки,
- семиотическое варьирование,
- внутренняя политекстуальность.

Приведем примеры этих средств на основе рассмотренной выше рекламы.

Сегментация информации. Реклама, размещенная в Интернете, представляет свое содержание (предмет рекламы, его свойства, обращение к адресату и др.) подробно, по частям. Так, в анализируемой рекламе «*Кокс Полис*» текстовый блок, направленный на читателя/зрителя, представлен по всей ширине текста в трех столбцах, снабженных собственными внутренними заголовками: «*О компании*», «*Юридическим лицам*», «*Физическим лицам*». В результате такого расчленения содержания восприятие рекламы облегчается, логические отношения между отрывками визуально представлены и воздействующая роль дискурса оптимизируется.

Рассмотрение данного способа дискурсивной защиты привело нас к возможности сделать заключения (пока самого предварительного характера) о том, что в Интернет-дискурсе существенно возрастает роль дробной подачи содержания по сравнению с другими современными СМК. Эта особенность дис-

курса влечет за собой сокращение длины самостоятельных отрезков текста, то есть формирование своеобразного синтаксического облика рассматриваемых объектов. Еще раз оговоримся, что данные замечания имеют предварительный характер и, как нам представляется, требуют статистической интерпретации.

Компрессия информации. Данное свойство дискурса прямо связано с рассмотренным выше: чаще всего выделение частей произведения сопровождается сокращением, свертыванием передаваемой ими информации. Несомненно, именно такое явление можно наблюдать при восприятии любого сложного текстового объекта (газеты, книги и др.), однако в случае Интернет-дискурса компрессия содержания имеет гипертрофированный, самодостаточный характер. Пользователь Интернета вообще, как и адресат Интернет-рекламы, постоянно сталкивается не столько с завершёнными произведениями значительного объема, а с многочисленными указаниями на них, со ссылками. Адресат привлекается сокращенной, компрессированной информацией, которую всегда возможно развернуть, представить полный облик произведения. Именно такой, компрессированный, характер имеет например, отрезок рекламы «*Физическим лицам*». Каждый внутренний заголовок может быть, по желанию адресата, развернут в самостоятельное произведение: «*Страхование имущества*», «*Авто-КАСКО*», «*ОСАГО*», «*Добровольная автогражданка*», «*Страхование от несчастного случая*», «*Страхование земельных участков*», «*Общегражданская ответственность*» и т.д. При компрессировании содержания используются и семиотические свойства рекламы. Так, текстовый блок «*Стимулятор страховых случаев. Выберите автомобиль*» передает визуальную информацию, выраженную отсылочными элементами – расположенными друг под другом фотографиями автомобилей с их названиями. Привлеченный изображением автомобиля, адресат, при необходимости, имеет возможность активизировать скрытый за ссылкой текст.

Ссылки и отсылки. Представленные рассуждения доказывают значительную роль названных элементов в произведениях Интернет-рекламы. Сегодняшнее коммуникативное поле Интернета вполне может быть представлено как пространство существования предтекстов, заголовков разных типов – о теории заголовков см.: [Лазарева, 2006]. Для восприятия информации, заключенной в любом сложном текстовом объекте (составной макротекст газетного номера, сборник текстов, Интернет-дискурс), используется заголовочное чтение – просматривание произведения, получение сведений из набора заглавий. При этом

составной текст превращается в текст заголовков. В случае текста Интернет-рекламы адресат воспринимает систему ссылок. Обычно заголовочное чтение превращается в «ссылочное чтение», восприятие совокупности ссылок. Пользователь Интернета приучается интерпретировать дискурс, в том числе и дискурс рекламы, как совокупность смыслов, переданных ссылками.

Названная особенность рекламы, как и Интернет-дискурса вообще, формирует упрощение синтаксического строя, использующего преимущественно номинативные предложения. Комментируя это явление, сошлемся на известную характеристику заголовков – названий темы и главной мысли произведения. Они обычно выражены или словом, словосочетанием, или простым номинативным предложением. При таком синтаксическом строе рекламы, адресат имеет возможность прибегнуть к беглому чтению быстро воспринять информацию.

Повторы. Реклама вообще, как средство массовой коммуникации, и реклама в Интернете, как проявление этого инварианта, активно использует повторения разных смысловых элементов своей структуры. Достаточно подробно рассмотрены повторы, выполняющие функцию повышения выразительности текста. Мы уже обращались к содержательным повторам при разговоре о компрессии информативных частей произведения, когда это средство защиты используется для облегчения восприятия. Остановимся только на одном типе повтора – дублирование (полное или частичное) элемента смысловой структуры рекламы. Речь идет о повторении в рекламе названия фирмы-производителя. Рассматриваемое произведение открывается словами: «Городская страховая компания» – «Кокс Полис» – «Уральский филиал». Части адресного блока размещены друг под другом, занимают три строки. Буквальный, полный повтор этого же предложения присутствует еще два раза: «Симулятор страховых случаев – Кокс-полис» – название страницы в Интернете и просто «Симулятор страховых случаев» – над картинкой с фотографиями автомобилей «Выберите автомобиль». Отметим многократное повторение смысла «страхование» в разных частях рекламного поля: «страховых», «страхование» и т.д. – такие слова встречаются постоянно, выражая предмет речи. Указанные повторы характерны как для рекламы в Интернете, так и для других видов рекламы и имеют инвариантный характер. Можно указать еще на одно специфическое проявление защиты компьютерного дискурса, когда часть адресного блока подана отдельно, занимает самостоятельный раздел рекламного поля: «О

компании». Этот столбец ссылок в свернутом виде содержит значительную информацию о фирме: «*Страхование. В двух словах о главном. Архив новостей. Лицензия. Контактная информация. Виды страхования. Работа у нас. Что делать при страховом случае. Цена страховки. Книга отзывов и предложений. Сотрудники*». Стоит подчеркнуть, что каждое номинативное предложение – слово или словосочетание – может быть, по желанию адресата, развернуто в самостоятельное произведение, что создает принцип «Матрешки».

Внутренняя политекстуальность. Этот прием дискурсивной защиты означает взаимодействие субдискурсов внутри гипертекста, именно с такими случаями мы столкнулись только что, при разговоре о тексте с внутренним названием «О компании». Внутренняя политекстуальность рекламы имеет трехмерный, нелинейный, характер, когда тексты находятся один в другом, один под другим, и система субдискурсов выявляется только при активизации ссылок. Становится понятным, насколько велика для потребителя рекламы в данном СМК роль отсылочных элементов дискурса и как они формируют особенности самого адресата.

Семиотическое варьирование. Этот прием характерен для любой рекламы и часто применяется в Интернет-рекламе. При использовании данного средства защиты адресат защищен тем, что многократная передача одной и той же информации сопровождается изменением семиотических характеристик. Например, в анализированной рекламе «Кокс Полис» обращение к адресату «Выберите автомобиль», передается разными кодами. Это вербальный канал (напечатано предложение), визуальный канал (в одном окне представлены разные фотографии пользователей страховыми услугами, а в другом – фотографии автомобилей с названием каждого). Обратим внимание на то, что рекламный дискурс приобретает разные очертания.

Характеристика дискурса Интернет-рекламы предполагает два параметра. Это *тип* рекламного произведения и *соотношение его частей*.

Тип рекламного произведения

Это политекстуальный, полидискурсивный феномен – дискурс, построенный на основе субдискурсов по принципу «матрешки» [Лазарева, Тельминов – в печати]. В этом термине метафорически заключены сведения о свойствах данного феномена, его полидискурсивной трехмерной структуре. Комплексный дискурс рекламы, бытующей в Интернете, основан не только на вхождении частей-произведений одна в другую, а на обязательном одновременном сосуществовании разных произведений в

составе целого, что создает «глубину» дискурса, его меняющийся, нестабильный многомерный характер. Свойства «матрешки» обуславливают обязательную возможность выявления рекламных или других субдискурсов, формирующих целое, по требованию адресата рекламы, одновременно или в разные временные промежутки. Такой своеобразный характер объекта коррелирует с принципом коммуникативной модифицируемости, который мы отмечали при характеристике газетного номера как составного комплексного многомерного явления зыбкой структуры [Лазарева, 1993].

Можно отметить, что никак нельзя точно и определенно указать, из каких субдискурсов состоит та или иная реклама, сколько этих субдискурсов, при этом активная роль в построении Интернет-рекламы отводится адресату – пользователю Интернета – по собственной воле «вызывающего», «кликающего» тот или иной рекламный субдискурс. Адресат в этой коммуникативной сфере пользуется правилами рекламного Интернет-дискурса, выявляет субдискурсы, части целого рекламного дискурса.

Соотношения частей интертекстуальной структуры.

Это связь на основе общности названия предмета рекламы как обязательного элемента инвариантной смысловой структуры рекламного целого. Субдискурсы, составляющие дискурс Интернет-рекламы, имеют разный характер. Обязателен вводящий субдискурс, затем сопутствующие дискурсы, которые, будучи содержательно сходными с вводящим, могут уточнять его смысл, развивать его, обогащать новыми признаками и средствами привлечения внимания адресата. Вместе с тем, в комплексном составном дискурсе могут существовать и относительно самостоятельные произведения (вербальные и невербальные) – сопутствующие субдискурсы, предлагающие переход к новому предмете рекламы и формирующие «дискурсивное дерево». Смысловая связь их с другими дискурсами может быть достаточно опосредованной. При анализе соотношения частей сложных составных дискурсов, построенных на политекстуальных связях, мы предлагаем характеризовать их как свя-

занные разными типами корреляции – *параллельной, комплементарной, субститутивной, интерпретативной* – при их композиционном положении вхождения, соположения, чередования. Такие соотношения могут быть выявлены в дискурсах, образованных парами разнозначных субдискурсов, например, в Интернет-рекламе, в телепередаче – вербальная составляющая и картинка [Лазарева, 2006]. Указанные свойства объединяют такие неодинаковые произведения. Общее в них – именно то, что это сложные составные объекты неоднородного семиотического характера.

ЛИТЕРАТУРА

Лазарева Э. А. Средства массовых коммуникаций сегодня: дискурсивный аспект. Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения: сборник научных трудов, посвященный юбилею проф. З. И. Комаровой. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2007. – С. 129-132.

Юдина Т. В. Универсальные и специфические характеристики Интернета как формы коммуникации.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Лазарева Э. А. Стилистика рекламы. – Екатеринбург: Изд-во «Архитектон», 2005.

Лазарева Э. А., Тельминов Г. Н. Реклама в Интернете как проявление интертекстуальности (в печати).

Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. – Пермь, 2001.

Лазарева Э. А. Системно-стилистические характеристики газеты. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1993.

Реформатский А. А. Техническая редакция книги: теория и методика работы. – М., 1933.

Лазарева Э. А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 40. – С. 158-167.

Лазарева Э. А. Построение дискурса массовых коммуникаций // Проблемы лингвокультурологического и дискурсивного анализа: Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность». Екатеринбург, 23-25 апреля 2006 г. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – С. 103-107.

© Лазарева Э. А., 2008

Шабалина Н. А.
Челябинск, Россия

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
В ГЕНДЕРНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ
ИЗДАНИЯХ**

УДК 303.423.3

Код ВАК 10.02.20; 10.02.19

Аннотация. Классификация прецедентных феноменов в гендерно ориентированных изданиях по отношению к национальным истокам позволит, во-первых, зафиксировать своеобразие дискурса языковой личности с учётом мировоззренческих установок мужчин и женщин, во-вторых, показать этническую принадлежность тех феноменов, которые востребованы на страницах рассматриваемых СМИ.

Ключевые слова: прецедентные феномены, гендерная детерминированность, актуализация, когнитивная база, апелляция, монолингвизм.

Сведения об авторе: Шабалина, Наталья Александровна

Место работы: Южно-Уральский государственный университет, кафедра «Телевизионная и радиожурналистика»

Должность: ст. преподаватель

Контактная информация: 454084, г. Челябинск, ул. Шенкурская, д. 7а, кв. 99

E-mail: shabalina_nataly@mail.ru

Shabalina N.A.
Chelyabinsk, Russia

**THE NATIONAL SOURCES
OF PRECEDENT PHENOMENA
IN GENDER ORIENTED EDITIONS**

Abstract. The author presents a classification of precedent phenomena that were found in texts bearing definite gender coloring. It helps to define some characteristics that influence men and women's discourse and to point out ethnic roots of the phenomena that are frequent in press.

Key words: precedent phenomena, gender determination, actualisation, cognitive basis, gender appeal, monolingualism

About the author: Shabalina, Natalia Alexandrovna

Place of employment: South Ural State University, chair of television and radio journalism

Position: senior lecturer

Культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов некоторого национально-культурного сообщества. При этом каждый человек обладает особой, особым образом структурированной системой знаний и представлений – индивидуальным когнитивным пространством (Гудков). Активное влияние на субъектную идентификацию языковой личности оказывают средства массовой информации (в частности, гендерно ориентированные издания). Именно СМИ отражают и формируют гендерные стереотипы, то есть те характеристики, которые способствуют восприятию людей и межличностных отношений, и формированию собственной модели поведения и оценки с точки зрения принадлежности к определенному полу. В связи с этим нам представляется интересным рассмотреть прецедентные феномены с учетом актуализации культурно значимой информации в женских и мужских журналах.

Классификация прецедентных феноменов в гендерно ориентированных изданиях по отношению к национальным истокам позволит, во-первых, зафиксировать своеобразие дискурса языковой личности с учётом мировоззренческих установок мужчин и женщин, во-вторых, показать этническую принадлежность тех феноменов, которые востребованы на страницах рассматриваемых СМИ.

Отметим, что нам кажется целесообразной только классификация прецедентных феноме-

нов частотных сфер-источников (сферы «Художественная литература», «Киноискусство», «Музыка»), поскольку малое количество апелляций не может достоверно иллюстрировать гендерную детерминированность в отборе рассматриваемых феноменов.

Наибольшее количество прецедентных феноменов сферы-источника «Художественная литература», зафиксированных в материалах женских журналах, относится к русской литературе (37 % от всего объема, рассматриваемых ПФ). Этот сегмент составляют: а) вымышленные имена: О. Бендер (8), Маргарита (8), Воланд (4), Курочка Ряба (2), Золотая Рыбка (2), Мойдодыр (2), Айболит (1), Буратино (1) и др.; б) реальные имена: А.С. Пушкин (6), Маяковский (2), Достоевский (2), Крылов (1), И. Ильф и Е. Петров (1) и др.; в) названия произведений: А.С. Грибоедова «Горе от ума» (4), В. Губарева «Королевство кривых зеркал» (3), М.Ф. Достоевского «Преступление и наказание» (2), Л.Н. Толстого «Война и мир» (1) и др. Приведем примеры:

1) Материал о мошенниках: «Золотой **Остап** (заголовок). Как ты относишься к мошенникам? Восхищаешься романтическим образом хитрого, умного, ловкого, даже обаятельного авантюриста, похожего на **Остапа Бендера**, или жалеешь его жертв? Как бы то ни было, попадать в число одураченных тебе, наверняка, совершенно не хочется» (Cosmopolitan, ноябрь, 2005);

2) Комментарий Т. Устиновой о диетах: «Я все понимаю, похудение – такая же индустрия, как, например, производство сигарет, и сам **Остап-ибн-Бендер-Бей**, сын турецкоподанного, снял бы шляпу перед теми, кот придумал такой изумительный отъема денег у граждан» (Домашний очаг, март, 2006).

Для материалов женских изданий характерно обращение к цитатам из хрестоматийных литературных произведений А. Пушкина, С. Маршака, А. Блока, А. Грибоедова, А. Барто, А. Чехова, М. Лермонтова, М. Горького и др. Например, используются строчки из детских стихотворений С. Маршака в заголовках материалов «**Я тигренок, а не киска**» (стихотворение «Тигренок») (Домашний очаг, март, 1999), или «**У меня зазвонил телефон...**» (стихотворение «Телефон») (Крестьянка, февраль, 2004). Востребованными оказываются цитаты произведений авторов из школьной программы. Например, «Старуха Изергиль» М. Горького: «**В жизни всегда найдется место не только подвигу**, но и менее возвышенным проявлениям человеческого характера. Например, зависти. Если это чувство знакомо вашему ребенку, наверняка вы об этом знаете, ведь зависть не такто легко скрыть...» (Домашний очаг, май, 1999), или М. Лермонтов «Белеет парус одинокий...» – «**Белеет парень одинокий...**» (Cosmopolitan, февраль, 2006).

Второй по частотности употребления в женских журналах являются прецедентные феномены английской литературы. В общем числе, зафиксированных ПФ, доминируют персонажи из художественных произведений: Отелло (2), Дон Жуан (10), Ромео (9), Белоснежка (7), Робинзон Крузо (4), Джульетта (4), Мэри Поппинс (4), Робин Гуд (3), Мюнхаузен (2) и др. Реальные имена представлены писателями А. Милном (1), С. Моэмом (1) и О. Уальдом (1). Кроме того, авторы апеллируют к названиям произведений: В. Шекспира «Сон в летнюю ночь» (4), Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» (3), Р. Стивенсона «Остров сокровищ» (3), У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» (2), О. Генри «Дары волхвов» (1) и др. Например, лидер – абзац: «Взрослые усатые Зорро, бородатые и меткие **Робины Гуды**, а также всевозможные дипломированные, салонноухаженные и весь-мир-объездившие, с печатью важности на лице люди делают гадости. Так как периодически оригинальная гадость – единственно подходящая месть «за дело» (Cosmopolitan, декабрь, 2006).

Французская литература представлена именами литературных героев: Золушка (27), Синяя борода (3), Спящая красавица (3), Прекрасный принц (3), Квзимодо (1) и др.; а так же названиями произведений: В. Гюго «Отверженные» (1), О. де Бальзака «Шагреневая кожа» (1), Ф. Саган «Немного солнца в холодной воде» (1). Например, **текст** рекламы духов: «Джон

Гальяно переписывает сказку о **Золушке!** Теперь она героиня его романа, пылкая и страстная, ровно в полночь перевоплощаяся из скромницы в роковую покорительницу мужских сердец. Её тайное оружие - новый Poison Midnight. Запах соткан из афродизиаков, он густой и в тоже время прозрачный, абсолютно ни на что не похожий. Амбра, пачули и ваниль превращают **Золушку** в темную королеву» (Mini, октябрь, 2007).

В текстах исследованных журналов зафиксированы также имена авторов, героев и названий произведений других представителей европейской, американской и японской литературы: а) датской: Снежная королева (8), Принцесса на горошине (1), Русалочка (1), Гадкий утенок (1); б) немецкой: И. Гёте «Фауст» (4); в) испанской: Д. Кихот (1); г) шведской: Карлсон (1); д) чешской: М. Кундера «Невыносимая легкость бытия» (4); е) американской: Э. Хемингуэй (1), «Праздник, который всегда с тобой» (1), Т. Уильямс «Стеклянный зверинец» (1), Э. Берн «Игры, в которые люди» (1); ж) японской: Х. Мураками (1), Кэндзабуро Оэ «И объяли меня воды...» (1). Например, материал о том, как можно поиграть с ребенком и льдом: «**Мозаика Снежной королевы**» (заголовок). Каким чудесным свойством обладает вода! Она умеет превращаться в лед. Не сама по себе, конечно, а по приказу могучего волшебного холода» (Крестьянка, декабрь, 2006).

В мужских журналах подавляющее большинство прецедентных феноменов сферы «Художественная литература» относится к отечественной литературе (51,1 %). В текстах исследуемых журналов зафиксированы следующие имена: а) вымышленные: О. Бендер (3), Е. Онегин (3), Хоттабыч (3), Мойдодыр (2), Айболит (2), Человек-амфибия (2), Плюшкин (1) и др.; б) реальные: Пушкин (2), Мамин-Сибиряк (1), Гришковец (1), Н. Гоголь (1) и др. Регулярны апелляции к названиям произведений и цитатам из них: А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом» (3), А. Грибоедов «Горе от ума» (2), Н. Островский «Как защищалась сталь» (2), М. Достоевский «Преступление и наказание» (2), М. Булгаков «Роковые яйца» (2), Ю. Олеша «Три толстяка» (2) и т.д. Приведем примеры:

1) Лидер-абзац к фотообзору одежды: «Человек из РИО (заголовок). Выйти утром из гостиницы, сесть в старый автомобиль и отправиться на прогулку по Рио-де-Жанейро, наслаждаясь роскошными видами и полным одиночеством. Наверное, так представлял себе идеальный день **Остап Бендер**. Да и не он один» (Playboy, октябрь, 2006);

2) Материал об автомобильном сервисе «Мусса Моторс»: «**Айболит** для железного коня (заголовок). Кстати, Филиппа (Он же Рено - Канго) **айболиты** «Мусса Моторс» вылечили...» (Мужской взгляд на мир, ноябрь, 2002).

Таблица № 1.

Художественная литература
как сфера-источник прецедентных имен

Художественная литература	Материалы женских журналов	Материалы мужских журналов
Русская	37%	51,1%
Английская	35,7%	27,5%
Французская	16,6%	3,8%
Датская	4,7%	4,7%
Американская	1,7%	12,2%
Немецкая	1,7%	1,5%
Итальянская	-	1,5%
Другие	1,8%	2,3%
Всего:	100%	100%

Английская литература представлена именами: Робинзон Крузо (4), Дон Жуан (3), Отелло (2), Маугли (2), Робин Гуд (1), барон Мюнхгаузен (1), Гулливер (1), Ромео (1), Ш. Холмс (1), и названиями произведений В. Шекспира «Много шума из ничего» (1), Р. Стивенсона «Остров сокровищ» (1), О. Генри «Вождь Чернокожих» (1), Г.Р. Хаггарда «Хоббит, или Туда и обратно» (1) и др. Приведем примеры: Реклама препарата для мужчин: «Почему я должен разыскивать тебя во всех притонах? Кого ты здесь ждешь? – Твои подруги могут делать все, что им заблагорассудится, но ты – моя жена! – Так одеваются женщины легкого поведения! На тебе почти ничего нет!!! < > Вмешательство друзей заставило гневного очнуться и увидеть себя на любительской сцене в роли незабвенного **Отелло**. К чести ревнивца, он принял правильное решение, присоединившись к мужской компании» (Men's Health, апрель, 2006); или заметка о табачных трубках: «Да уж, **старине Холмсу** такой девайс явно был бы не к лицу. Вся классика осталась в прошлом, нынче в моде авангард. Даже в трубочном деле. Современному джентльмену подойдет вот такая вот высокотехнологичная трубка BUGATTI» (XXL, январь, 2007).

Третьей по частотности употребления в мужских журналах являются прецедентные феномены американской литературы. Эту группу составляют имена и названия произведений: Великий Гэтсби (2), Э. Хемингуэй (1) «Старик и море» (2), «Прощай, оружие!» (1), Г. Миллер «Тропик рака» (2), Р. Брэдбери «Над пропастью во ржи» (1), «Смерть и дева» (2), Дж. Рид «10 дней, которые потрясли мир» (1), Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (1), М. Митчелл «Унесенные ветром» (1) и др. Например, заголовок материала: «**Война жиров**. Жиры могут быть врагами, а могут – союзниками. Просто вооружись знаниями. Какие бывают жиры» (Men's Fitness, апрель, 2006).

Выявлено незначительное число примеров прецедентных феноменов, принадлежащих авторам европейской литературы: а) французской: Золушка (3), Гаргантюа и Пантагрюэль (1), Э. Золя «Во чреве Парижа» (1), О. де Бальзак «Блеск и нищета куртизанок» (1), Ж. Верн «10 тысяч лье под водой» (1), «80 дней вокруг света» (1), Ш. де Лакло «Опасные связи» (1) и др.; б) немецкой: Э.М. Ремарк (1) «Три товарища» (1), Б. Брехт «Трехгрошовая опера» (1).

Совокупная картина исследования национальных основ происхождения прецедентных феноменов в сфере «Художественная литература», используемых на страницах женских и мужских журналов, представлена в следующей таблице.

Анализ зафиксированного материала показал, что большинство прецедентных феноменов сферы «Художественная литература» относится к дошкольной и школьной фазе образования, то есть к периоду активного накопления знаний и формирования картины мира индивидом. Отметим, что количество апелляций к русской литературе преобладает на страницах и мужских, и женских журналов. Это объясняется, по мнению О. С. Боярских, исследовавшей ПФ в дискурсе российских печатных СМИ, «классическим характером литературы, не теряющей актуальности, а также детальным изучением в курсе школьной программы» [Боярских: 132].

Авторы в женских и мужских журналах апеллируют к разным литературным источникам. Суммарно на страницах женских журналов преобладают сказочные образы или образы, воплощающие специфическую волшебную ситуацию. Эта доминанта обусловлена двумя причинами. Во-первых, традиционной гендерной ролью женщины в современном обществе – женщины-матери, которая занимается воспитанием детей. Во-вторых, предрасположенностью женщины к романтизации реальности, приукрашиванию окружающего мира. По этой причине активно востребованы в феминных журналах прецедентные феномены английской, французской и датской литературы. Литература этих стран представлена яркими образцами сказочных героев (Белоснежка, Золушка, Снежная королева) и примерами отношений между влюбленными (Ромео, Джульетта).

В маскулинных журналах находят отражение мужские социальные роли. Мужчина активно работает вне дома, занимается политикой, общественной деятельностью, путешествует и т.д. Прецедентные феномены вербализуют в сознании читателей определенные качества и нормы поведения. В русской литературе яркие образцы мужского поведения – О. Бендер, Е. Онегин, в английской – Робинзон Крузо, Дон Жуан, Маугли и т.д. Частотность апелляций к американской литературе можно объяснить

«духом» этой литературы. Темы произведений великих американцев – Э. Хемингуэя, Г. Миллера, Р. Брэдли: становление человеческой личности, обретение внутренней свободы, осознание своего истинного предназначения, решение проблем человеческого достоинства и т.д. Герои произведений этих авторов воплощают мужественность, самодостаточность, успешность, те качества, которые импонируют мужской аудитории.

Важно отметить также, что палитра используемых имён в маскулинных журналах меньше, чем в женских. Это связано с тем, что мальчики более активны, подвижны (чем девочки) и накопление материала происходит не систематизировано и по принципу: «нравится – не нравится».

В сфере «Киноискусство» наибольшее количество прецедентных феноменов в женских изданиях относится к американскому (51,6 %) и отечественному (40,7 %) кинематографу. Из американского кинематографа чаще используются прецедентные имена: М. Монро (7), Л. Ди Каприо (5), Дж. Депп (2), А. Шварценнегер (1), Дж. Робертс (1), человек-паук (6), Б. Джонс (3), дядюшка Скрудж (2) и др. Примеры имён из русского кинематографа единичны: Лукашин (3), Гюльчатай (2), кот Леопольд (2), О. Янковский (1), Якин (1), механик Гаврилов (1). Например: материал о том, чего мужчины не любят в женщинах: «Представь себе: Ди Каприо исчезает в холодных водах Атлантики... и ты начинаешь цинично гоготать. Такое зрелище заставит любого мужчину любить Ди Каприо. Зато если ты искренне сглотнешь слезинки, твой благоверный и Ди Каприо не полюбит, и тебя приобнимет» (Cosmopolitan, май, 2006); или материал об отношениях в семье: «Мудрость Гюльчатай (подзаголовок). Татьяна с непосредственностью Гюльчатай объяснила: – У меня два мужа. Первый дарит подарки, второй кормит семью. Что же в этом плохого?» (Домашний очаг, август, 1999).

Количество апелляции к названиям российских фильмов в женских журналах больше, чем к названиям американских кинолент: «С любимыми не расставайтесь» (7), «Обыкновенное чудо» (4), «Свой среди чужих, чужой среди своих» (3), «Полосатый рейс» (3), «Место встречи изменить нельзя» (2), «Бой с тенью» (2), «Небо. Девушка. Самолет» (2) и др. Приведем примеры:

1) Материал об отношениях с подчиненными: «Бой с тенью (заголовок). Ты – руководитель, ты – начальник, ты – босс. Так почему же ты каждое утро со страхом и трепетом открываешь дверь собственного кабинета? Очень может быть, что ответ прост: тебя поработил кто-то из твоих же подчиненных» (Cosmopolitan, июль, 2005).

2) Заголовок к советам по уходу за кожей: «Бой с тенью, или Наслаждение солнцем» (Cosmopolitan beauty, лето, 2005).

3) «Место встречи (изменить можно!)» (заголовок). Все складывается почти отлично: есть ты, он и обоюдное желание заняться сексом. Нет только одного – места, где это осуществить. Или так: есть ты, он и надоевшая вам обоим квартира – в общем, требуется эмоциональная встряска. Что же делать? Наш автор Вика Исаева решила найти альтернативные варианты» (Mini, март, 2006).

4) Заголовок советов по макияжу: «Место встречи (которое можно изменить)» (Cosmopolitan beauty, лето, 2005).

Американская киноиндустрия представлена названиями следующих фильмов: «Красавица и чудовище» (5), «В джазе только девушки» (4), «Один дома» (4) «Красота по-американски» (3), «Спасти рядового Райана» (2), «Запах женщины» (2), «Секс в большом городе» (2), «Однажды в Америке» (2), «Талантливый мистер Рипли» (1) и др. Например:

1) Заголовок фотообзора: «В платьях только девушки» (Dream, Maria di Ripablica, Манго). (Домашний очаг, июнь, 2005);

2) Реклама контрацептивов: «Идеальное пиво – холодное, идеальная женщина – Монро как в В джазе только девушки, умеющая варить борщ, идеальная машина – дорогая и т.д.» (Cosmopolitan, май, 2006);

3) Заголовок интервью с организатором джазового фестиваля Марией Семушкиной: «В джазе только девушки». (Она, январь, 2007).

Немногочисленны в женских журналах апелляции к европейскому кинематографу: а) имена актеров - С. Лорен (2), А. Делон (1); б) имена героев художественных фильмов - Зорро (1), Амели (1); в) названия кинокартин: «Укрощение строптивого» (6), «Беги, Лола, беги!» (1), «И бог создал женщину» (1), «Маркиза ангелов» (1). Например:

1) Заголовок: «Прощение строптивого. Glamour рассказывает, как научиться любить мужчину, который безумно любит не только вас, но и... футбол, свою мамочку, вкусно поест и т.д. (Glamour, август, 2006);

2) Заголовок интервью с Аллой Довлатовой: «Укрощение строптивой». (Крестьянка, март, 2005);

3) Материал об испытательном сроке при приеме на работу: «Укрощение строптивого (заголовок). Как дать боссу понять, что он не прав, принимая решения?» (Cosmopolitan, июнь, 2005).

В текстах мужских журналов преобладают прецедентные феномены голливудской киноиндустрии (74,4 %). В отдельную группу можно выделить имена кассовых актеров и режиссеров: Дж. Траволта (3), К. Тарантино (2), Дж. Депп (2), Л. Ди Каприо (2), Дж. Клуни (2), Б. Питт (2), Ш. Стоун (1), Аль Пачино (1) и др. Примеры:

заметки из разных областей, сколько понадобится лет жизни для освоения: «За 5 лет ты научишься делать шпагат, как **Жан-Клод Ван Дамм**». (Men's Health, ноябрь, 2004).

Небольшую группу составляют имена героев художественных и мультипликационных фильмов: Человек-паук (6), Пират(ы) Карибского моря (2), Дж. Бонд (2), Шрэк (2), черепашки ниндзя (2), Тарзан (1), Блэйд (1), Рембо (1), Нео (1) и др.

Наибольшее число прецедентных имён представлено названиями американских фильмов: «Красавица и чудовище» (4), «Красота по-американски» (3), «Властелин колец» (3), «Убить Билла» (3), «Игры разума» (2), «Назад в будущее» (2), «Апокалипсис сегодня» (2), «9 с половиной недель» (1) и др. Приведем примеры:

1) Материал об автомобилях: **«Быстрота по-американски»** (заголовок). Американцы часто меняют автомобили и мало ездят. Поэтому их бывшие машины хорошо сохраняются. Умные автолюбители давно это поняли. Вот тебе руководство по покупке джипа в США» (Men's Health, апрель, 2006);

2) Заголовок интервью с Халле Бери: **«Красота по-афроамерикански»** (FHM, январь, 2004).

3) Заголовок материала: **«Любить Билла»**. Ежедневно я испытываю настоящую ненависть к окружающим. Очень хочется, чтобы рядом не было ни одного человека. Может, я просто не высыпаюсь?» (Men's Health, июль, 2005).

Вторым по частоте апелляций на страницах мужских журналов стал отечественный кинематограф. Абсолютное большинство прецедентных имен связано с названиями фильмов: «Свой среди чужих, чужой среди своих» (3), «Огонь, вода и медные трубы» (3), «Про уродов и людей» (3), «Долгая дорога в дюнах» (2), «Место встречи изменить нельзя» (2), «Приходите завтра» (1), «Человек с бульвара капуцинов» (1) и др. Например:

1) Репортаж о coffee-party в бутике кофе «Le Café d'Orange»: **«Огонь, вода и медные турки»** (заголовок) (Банзай, ноябрь, 2005);

2) Материал о современных парилках: **«Огонь, вода и банные думы»** (заголовок). Любите напустить пару? GQ рассказывает о новых технологиях банной индустрии и правилах поведения в парилке» (GQ, февраль, 2008).

3) Материал про порнографию: **«Про уродов для нелюдей»** (заголовок). Сегодня многие призывают относиться к порнографии терпимо. Либералы называют ее социальным лекарством, художники делают факто искусства, но старомодный коммунист GQ Тони Парсонс считает, что так смотреть на порнографию – преступно» (GQ, май, 2002);

Малочисленна группа прецедентных имен героев российских фильмов: собака Мухтар (2), Катя Пушкарёва (1), товарищ Сухов (1).

Европейское кино на страницах мужских журналов представлено минимальным количеством апелляций: именем французенки Эммануэль (1) и названиями кинолент: «Беги, Лола, беги!» (1), «Восемь разгневанных женщин» (1), «Четыре свадьбы, одни похороны» (1), «Достучаться до небес» (1), «Исоздал богженщину» (1).

Результаты исследования национально-культурного происхождения прецедентных феноменов в сфере «Киноискусство» представлены в следующей таблице.

Таблица № 2.

**Киноискусство
как сфера-источник прецедентных имён**

Киноискусство	Материалы женских журналов	Материалы мужских журналов
Российское / советское	40,7%	20,8%
Американское	51,6%	74,4%
Европейское		4,8%
Всего:	100%	100%

На страницах женских изданий авторы апеллируют к тем прецедентным феноменам, которые олицетворяют идеальный образ женщины (М. Монро), идеальный образ любимого мужчины (Л. Ди Каприо, Дж. Депп), либо разные ситуации из жизни женщин (романтические отношения с противоположным полом, общение с подружками и т.д.). Образы, представленные американской киноиндустрией, сегодня наиболее востребованы читательницами.

На страницах мужских изданий авторы используют образы, воплощающие успешных состоявшихся мужчин. Представители американской культуры кино наиболее ярко демонстрируют свои достижения в профессии, в отношениях с женщинами, в обществе и поэтому становятся образцом для подражания.

Полученные результаты показывают, что киноиндустрия Голливуда является доминантным источником формирования когнитивной базы аудитории мужских и женских изданий. Многочисленные обращения к прецедентным именам американского кино, с одной стороны, обусловлены его развитостью и востребованностью в современном обществе. С другой стороны, оказывает влияние и тот факт, что большая часть гендерно ориентированных изданий в России – это кальки европейских и американских журналов (так называемые транснациональные издания) и некоторые элементы контента делаются по общемировой форме.

Обобщенные данные свидетельствуют о том, что активной частью когнитивной базы независимо от пола являются прецедентные имена *советского* кинематографа. Эти фильмы составляют «золотой фонд» отечественного кинематографа, они многократно просматрива-

ются представителями российской культуры, глубоко проникают в массовое сознание и многократно воспроизводятся в речи, не зависимо от пола.

В сфере-источнике «Музыка» в женских журналах абсолютное большинство прецедентных феноменов связано с отечественной музыкой (96,7 %). Данный сегмент складывается из имён певцов – С. Пьеха (2), Глюкоза (2), А. Губин (2), Алсу (1), Шаляпин (1), названий музыкальных произведений и цитат из них:

«Давайте говорить друг другу комплименты» (3) Б. Окуджава:

1) Материал том, как говорить комплименты и как на них реагировать: **«Давайте говорить друг другу комплименты»** (заголовок) (Домашний очаг, август, 2005);

2) Беседа с психологом о сложностях общения родителей и подростков: **«Давайте говорить друг другу»** (заголовок) (Крестьянка, апрель, 2000).

Танго «Магнолия» (1) из репертуара А. Вертинского:

Заметка о духах фирмы Coty: **«В бананово – лимонном Сингапуре»** (заголовок) (Домашний очаг, сентябрь, 1997).

Европейская и американская музыка в женских изданиях представлена крайне мало (0,8 % и 2,5 % соответственно): Мадонна (1), Бритни Спирс (1), «Биттлз» (1).

На страницах мужских изданий наиболее значимое число прецедентных феноменов рассматриваемой сферы относится к отечественной музыке (75,2 %). Эту группу составляют имена певцов: Алсу (1), Лагутенко (1), Шура (1), Шнур (1), Ф. Киркоров (1), Н. Басков (1), Витас (1); а также названия песен и цитаты из них: «Трава у дома» (2), «Позвони мне, позвони» (1), «Все могут короли» (1), «Нас не догонят» (1), «По долинам и по взгорьям» (1), «Мои года – моё богатство» (1) и др. Например:

1) Материал о занятиях вокалом: **«Басков против Элвиса»** (заголовок). Технический редактор Алексей Цыганов — очень хороший и спокойный человек. Недостаток у него только один — не обладает поставленным академическим вокалом. У всех остальных в редакции голоса оперные, а у него — нет. Чтобы немедленно исправить это упущение, Цыганову было велено заняться классическим пением, а в качестве образца выбрать народного любимца – **Николая Баскова»** (Men's Health, ноябрь, 2006).

2) Материал о технической оснащённости Центра McLaren: «Правда, несмотря на то, что трубу спрятали, все местные жители первое время могли точно сказать, когда McLaren проверял аэродинамику болидов — вентиляторы сжигали всю энергию местной подстанции. Пришлось строить свою электростанцию, так что теперь труба может работать хоть сутками. Гул при этом стоит страшный, но он не вырывается за пределы подземелья — шумоизоляция

такая, что в застенках можно пытаться **Витаса** и об этом никто не узнает» (Men's Health, март, 2008).

Менее частотна на страницах мужских журналов апелляция к прецедентным именам европейской (11,9 %) и американской музыки (12,9 %): Моцарт (2), Пуччини (2), Принс (2), «Джипси Кинг» (1), Бах (1), Дж. Леннон (1), Ф. Синатра (1), Дж. Джоплин и др. Например, лидер – абзац интервью с рэп-певцом: «Шон Комбс, более известный как Пафф Дэдди, «Черный **Синатра**», звезда восточного побережья, сидит на своих \$250 млн., прекрасно себя чувствует, изображает нового Великого Гэтсби в компании мальтийской молодки» (GQ, май, 2002); или заметка о музыкальном альбоме А. Симон: «Песни сибирской **Дженис Джоплин**» (GQ, июль, 2008).

Обобщенные данные исследования национальных основ происхождения прецедентных феноменов, используемых на страницах гендерно ориентированных журналов, представлены в следующей таблице.

Таблица № 3

Музыка как сфера-источник прецедентных имён

Музыка	Материалы женских журналов	Материалы мужских журналов
Российская / советская	96,7%	75,2%
Американская	2,5%	12,9%
Европейская	0,8%	11,9%
Всего:	100	100%

Для женской аудитории характерно использование прецедентных текстов из детских и популярных песен. Песни для маленьких составляют активную сферу когнитивной базы женщины, ей часто приходится их петь своему малышу, поэтому это русские песни, понятные ребёнку.

Популярные эстрадные песни имеют чаще всего несложные тексты, простую мелодику и потому легко запоминаются и воспроизводятся. На страницах женских изданий чаще встречаются отсылки к песням о любви, дружбе.

В мужских изданиях более востребованы народные песни, романсы. Русские народные песни олицетворяют широту русской души, народную мудрость и являются неотъемлемой частью большого праздника. Мужскому национальному характеру присущи размах и удаль, которая генетически заложена в этих песнях. Именно поэтому народные песни составляют активную часть когнитивной базы читателей – мужчин.

Большее количество апелляций в мужских журналах к прецедентным именам европейской и американской музыкальной куль-

туры можно объяснить стремлением гендерно ориентированных журналов настроить современного мужчину на достижение высокого уровня профессионализма. Имена из сферы «Музыка» служат хорошей иллюстрацией возможных достижений в своей области (Дж. Леннон, Моцарт). В женских журналах профессиональная состоятельность не является первоочередной задачей.

В целом многочисленные апелляции к песенным текстам объясняются стихотворной, ритмичной формой, которая очень хорошо запоминается и воспроизводится аудиторией. Кроме того, музыкальные произведения обладают очень высокой степенью эмоциональности.

Незначительные апелляции к прецедентным именам европейской и американской музыки связаны со сложностями освоения иностранных языков русскоязычной аудиторией. В современной России пока не сложилась традиция свободного общения на нескольких европейских языках, как, например, это было в России начала XX века. Как отмечает Г. Г. Слышкин, «для современной России характерен монолингвизм, то есть прецедентными становятся только тексты на русском языке или переведенные на него. В дореволюционной России был диглоссизм» [Слышкин 2: www].

Проведенный анализ национальных основ происхождения прецедентных феноменов на страницах гендерно ориентированных изданий позволяет выделить общие и индивидуальные черты когнитивной базы мужчин и женщин.

Безусловно, единую базу – стержень культурного пространства – составляют ресурсы *универсально-прецедентных* и *национально-прецедентных* феноменов. Независимо от пола представители одной лингвокультуры (в нашем исследовании российской) используют эти

единицы в своей речи, то есть они носят сверхличностный характер. Полученные результаты показывают, что в целом в языковом сознании россиянина доминируют феномены из русской литературы, музыки и американского кинематографа. Высокий процент апелляций к феноменам русского происхождения обусловлен лучшим знакомством представителей русской культуры с произведениями национальной литературы и музыки.

Однако, по нашим наблюдениям, принадлежность к тому или иному полу влияет на выбор единиц из общенационального фонда феноменов. Имена, актуализируемые в дискурсах гендерно ориентированных изданий, практически не совпадают. Это объясняется разницей в поведенческих и психологических приоритетах для мужчин и женщин.

Отметим также, что для мужской когнитивной базы характерна *жесткая (очевидная)* количественная разница между прецедентными феноменами русского происхождения и иностранного (например, в сфере «Литература» 51,1 % русских апелляций и 27,5 % английских). В женской когнитивной базе (за исключением сферы «Музыка») количество используемых феноменов очень близкое (сфера «Литература» – 37 % отечественная и 35,7 % английская). На наш взгляд, это связано с открытостью женского характера, установкой на восприятие.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боярских О. С. Прецедентные феномены со сферой источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004-2007 гг.): Дисс. канд. филол. наук. – Нижний Тагил, 2008.

2. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе // <http://www.vspu.ru/~axiology/ggs/ggsbook00.htm> – 2008.

© Шабалина Н. А., 2008

РАЗДЕЛ 3.
КЛАССИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Белов Е. С., Чернякова М. В., Чудинов А. П.
Екатеринбург, Челябинск, Россия
**РИТОРИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В АМЕРИКАНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ**

УДК 321.0

Код ВАК 10.02.20; 10.02.19; 10.02.04

Аннотация. Рассмотрена специфика риторического направления в американской политической метафорологии и охарактеризованы три ведущих научных школы: риторическое направление в его традиционном для США варианте, риторическая критика и риторическая метафорология Майкла Осборна и его последователей.

Ключевые слова: Политическая метафорология; американская метафорология; риторическое направление; риторическая критика, риторическая метафорология.

Сведения об авторе: Белов, Евгений Сергеевич

Место работы: Челябинский государственный педагогический университет

Должность: аспирант

Контактная информация:

E-mail: skout03@nail.ru

Сведения об авторе: Чернякова, Мария Вячеславовна

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук

Место работы: Челябинский государственный университет

Должность: доцент

Контактная информация:

E-mail: maria_sorokina@mail.ru

Сведения об авторе: Чудинов, Анатолий Прокопьевич

Ученая степень, звание: доктор филологических наук, профессор

Место работы: Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации

Должность: проректор по научной и инновационной деятельности, заведующий кафедрой

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф.219.

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Belov E. S., Cherniakova M. V., Chudinov A. P.
Ekaterinbourg, Chelyabinsk, Russia
**RHETORICAL APPROACH
IN AMERICAN
POLITICAL METAPHOROLOGY**

Abstract. The article considers specificity of the rhetorical approach in American political metaphorology and characterizes three main lines of thought: rhetorical approach in its conventional for the USA variety, rhetorical criticism, and rhetorical metaphorology of Michael Osborn and his followers.

Key words: Political metaphorology, American metaphorology, rhetorical approach, rhetorical criticism, rhetorical metaphorology

About the author: Belov, Evgeny Sergeevich

Place of employment: Chelyabinsk State Pedagogical University

Post: post-graduate student

About the author: Chernyakova, Maria Vladimirovna

Academic degree, academic status: candidate degree in philology

Place of employment: Chelyabinsk State University

Post: associate professor

About the author: Chudinov, Anatoly Prokopievich
Academic degree, academic status: PhD in philology, professor

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Chair of Rhetoric and Intercultural Communication

Post: Vice-Rector for Academic and Innovative Activities

При рассмотрении риторического направления в американской политической метафорологии выделяют три ведущих научных школы: риторическое направление в его традиционном для США варианте, риторическую критику и риторическую метафорологию Майкла

Осборна и его последователей [Будаев, Чудинов 2008а, 2008б].

Представители первой из названных школ анализировали политические тексты преимущественно с опорой на идущую из античности теорию риторических фигур и тропов. Подобные исследования были весьма характерны и для Западной Европы, а американская специфика проявлялась прежде всего в исследуемом материале. В большинстве подобных пуб-

¹ Исследование подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 07-04-02-002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

ликаций рассматривались официальные устные выступления президентов США и – реже – других политических лидеров. Как известно, в США умение произносить публичные речи убедительно и действенно долгое время служило основным предметом риторических исследований. Отметим также, что эта область анализа (часто именуемая как «public address», т.е. «публичное выступление») впоследствии расширила сферу своих интересов и в настоящее время включается исследования риторики на телевидении, радио, в кино и даже анализ убедительности в межличностной коммуникации. Традиционная риторическая теория в ее применении к «public address» доминировала в американской политической риторике до середины прошлого века. В рамках этой теории значительное место уделялось описанию наиболее ярких и прагматических значимых метафор параллельно с характеристикой иных образных средств (метонимия, эпитеты, сравнения, антитеза и др.).

В конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века в американской риторике произошел «идеологический поворот», связанный с направлением, получившим название риторическая критика [Rhetorical Criticism]. Новые подходы были сформулированы в книгах Эдвина Блэка и Мари Николс, которая, в частности, назвала традиционный подход «седым от старости» [Nichols 1963: 107]. Если традиционная методология была направлена на анализ того, насколько используемые риторические формы эффективны для достижения поставленной цели, то «критики» подчеркивали, что необходимо показать скрывающуюся за риторикой идеологическую символику и интенции ораторов; выяснить, как риторика влияет на культурные стереотипы и как эти стереотипы отражаются в риторике. Названные ученые стремились показать, как в выступлении передаются культурные стереотипы, отображаются (или навязываются) ценности определенного сообщества, или как риторика создает «Третью Персону» – образ того, «кем нельзя становиться».

Смена акцентов риторических исследований привела к расширению предмета риторических исследований за счет усиления внимания к вопросам идеологии, аксиологии, семиотики и в меньшей степени психологизма. «Идеологический поворот» в риторике и активизация критических исследований послужили

одним из источников американской политической лингвистики.

В американской науке сложилось несколько направлений риторической критики, которые с полным правом могут быть отнесены к методологическому багажу современной политической лингвистики: критика метафорики, нарративный анализ, жанровая критика, критика пентагмы (pentadic critic), кластерный анализ и идеографическая критика.

Риторическая критика направлена на изучение того, как символические функции реализуются в текстах и посредством текстов. Исследование обычно анализ проводится с использованием подробного текстуального анализа с учетом исторического и культурного контекста.

Основоположники данного направления отвергли «инструментальный» подход к риторике, согласно которому всякий текст всего лишь «объект» или «инструмент», использование которого зависит от коммуниканта. Новый взгляд состоял в том, что всякий текст существует не сам по себе, а всегда предназначен для кого-то, имеет целевую аудиторию (second persona). Даже если автор говорит что-то наедине с самим собой, потенциально существует подходящая для его слов аудитория. В этом смысле не существует «объективных» текстов, предназначенных для всех, а всегда есть тексты, направленные на определенных слушателей. По сути, этот подход стал лингвистическим вариантом философской феноменологии, которая приписывала сознанию атрибут интенциональности. Критики перенесли свойство интенциональности с авторов текстов на сами тексты. В дальнейшем эта идея активно воспроизводилась в разных формах в теории дискурс-анализа и политической лингвистике.

Создателем особого направления в изучении политической метафорики справедливо считается Майкл Осборн, чьи работы по архетипичным метафорам оказали большое влияние на формирование политической метафорологии в США [Osborn 1967a; 1967b; 1977; Osborn, Ehninger 1962]. Исследовав обращения политиков к электорату, М. Осборн пришел к выводу, что в политической речи независимо от времени, культуры и географической локализации коммуникантов неизменно присутствуют архетипичные метафоры (archetypal metaphors). Политики, желающие в чем-то

убедить адресата, используют образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации. Такие метафоры опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для политического воздействия и убеждения. Основываясь на результатах своих исследований, М. Осборн сформулировал шесть постулатов функционирования архетипичных метафор в политической коммуникации.

1. Архетипичные метафоры используются гораздо чаще, чем неархетипичные. Другими словами, оратор, ищущий фигуральности, «чаще предпочитает ассоциации с понятиями света и тьмы, чем с образами Кадиллака или Эдсея, плюща или сумаха, тачдауна или неумелого обращения с мячом» [Osborn 1967a: 116].

2. Архетипичные метафоры одинаковы во все времена и во всех культурах и мало зависят от конъюнктурных условий их актуализации.

3. Архетипичные метафоры укоренены в непосредственном общечеловеческом опыте.

4. Архетипичные метафоры соотносятся с основными человеческими потребностями.

5. Благодаря своей универсальности архетипичные метафоры оказывают воздействие на преобладающую часть аудитории.

6. В любом обществе архетипичные метафоры часто встречаются в самых важных частях самых важных политических обращений [Osborn 1967a: 116].

Позже М. Осборн скорректировал широту выводов и статичность предлагаемой картины

и пересмотрел категоричность некоторых постулатов в сторону эволюционизма [Osborn 1977].

Вполне закономерно, что постулаты М. Осборна претерпевали изменения и уточнения. Усилия исследователей были направлены не только на поиск архетипичных, т.е. универсальных метафор и их вариаций, но и на выявление культурно обусловленной специфики политической метафорики.

Представленные в настоящем выпуске статьи Мари Николс и Майкла Осборна относятся к подлинной классике риторического направления в американской политической метафорологии. Названные публикации позволяют лучше понять методологию названного научного направления.

ЛИТЕРАТУРА:

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. – М., 2008а.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. – М., 2008б.

Nichols M. Rhetoric and Criticism. – Baton Rouge, 1963.

Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. – 1967a. – Vol. 53.

Osborn M. The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric // Western Speech. – 1967b. – Vol. 31.

Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // Quarterly Journal of Speech. – 1977. – Vol. 63.

Osborn M., Ehninger D. The Metaphor in Public Address // Speech Monographs. – 1962. – Vol. 29.

© Белов Е. С., Чернякова М. В., Чудинов А. П., 2008

Николс М. Х.
(Урбана, США)

Перевод М. В. Черняковой

ПЕРВАЯ ИНАУГУРАЦИЯ ЛИНКОЛЬНА¹

УДК 970

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Аннотация. Одно из лучших исследований широко известного американского специалиста по риторической критике политических текстов Мари Николс впервые переведено на русский язык. Первая публикация на английском языке – 1954 год.

Ключевые слова: Риторическая критика; инаугурация; Линкольн; политическая коммуникация; президентские выборы.

Сведения об авторе: Николс, Мари Х.

Ученая степень, звание: доктор философии, профессор

Сведения о переводчице: Чернякова, Мария Вячеславовна

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук

Место работы: Челябинский государственный университет,

Должность: доцент

Контактная информация: г. Челябинск, 454084, Свердловский пр., 35А-22

E-mail: maria_sorokina@mail.ru

Nichols M. H.
(Urbana, the USA)

Translated by M. V. Chernyakova

LINCOLN'S FIRST INAUGURAL

Abstract. One of the best studies of a renowned American specialist is for the first time translated into Russian. The first publication in English was in 1954.

Key words: Rhetorical approach; rhetorical criticism; branch of rhetoric; Lincoln; political communication

About the author: Nichols M. H.

Academic degree, academic status: PhD in philosophy, professor

About the translator: Chernyakova, Maria Vladimirovna

Academic degree, academic status: candidate of filological sciences

Place of employment: Chelyabinsk State University, Translation Theory and Practice Department Position: associate professor

Часть I

«В Вашингтон весна всегда приходит незаметно», – заметил поэт-историк Карл Сэндберг. «В начале марта зеленый оттенок травы становится ярче, магнолия становится мягкой. Распускаются вязы и каштаны. Бутоны и сирень подготавливаются к скорому цветению. Физическая близость и рождение новой жизни во всех уголках, освещаемых солнцем продолжают, не зависимо от чего-то или кого-то, кто планирует и выступает действующими лицами за скрытыми стенами бюро и ведомств». ² Весна 1861 года была немного не похожа на предшествующие в физическом плане. Несомненно, рассвет 4 марта ничем не отличался от рассветов всех прошлых лет этой же даты: что-то среднее между просветлением и облачностью. На рассвете тучи висели темным и тяжелым облаком в небе. Рано утром поморосил дождь, буквально несколько капель, которых было достаточно только для того, чтобы прибить пыль. Северо-западный ветер подмел перекрестки до Пенсильвания-авеню. Погода была прохладной и бодрящей, в общем, «располагающей к запланированным на этот день церемониям» ³. Вышло солнце.

Даже если, в целом, весна пришла как обычно «незаметно», было что-то еще, что

имело тот же самый ритм. Из глубины самой зимы возник какой-то странный голос президента Бьюкенена, который спрашивал: «Почему... это недовольство сейчас так широко преобладает, а союз Штатов, который является источником всех этих благодеяний, находится под угрозой уничтожения?» ⁴ Духовно и морально этот город и вся страна, в целом, были как расстроенный музыкальный инструмент, какофоничный и диссонирующий.

Раздастся ли сегодня голос из мрака, который приведет все в гармонию, этакого «оратора Запада», который возьмет власть в свои руки? «За облаком спокойно светит солнце», – сказал Авраам Линкольн три недели до этого, когда его поезд шел по извилистому пути через прерии штата Иллинойс, унося его по «делам государственной важности, сопровождающимися значительными трудностями». ⁵ Конечно, начало проблем в государстве не были неожиданным. Только еще год назад, страна «занимала высокое положение по всем своим материальным интересам» ⁶. Урожаи были богатыми, и достаточно благоприятными по всей стране. Но на протяжении сорока лет возникло скрытое беспокойство. В самом начале 1820 года случайный голос побудил к необходимости отделения. Повторно в 1850 году голоса возникли с

¹ Первая публикация на английском языке: в книге «Речи Америки». Эд. Вэйлэнд Максфилд Пэрриш и Мари Хокмут Никольс. (Нью-Йорк, «Дэвид МакКэй», 1954 г.) стр. 6-100.

² Карл Сэндберг, «Авраам Линкольн: Годы Войны» («Харкорт, Брейс и Ко.», 1939 г.), I, 120.

³ «Нью-Йорк Таймс», 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 1.

⁴ Джеймс Бьюкенен «Четвертое ежегодное послание», 3 декабря 1860 г., Труды Джеймса Бьюкенена, собранные и опубликованные Джоном Бассетом Муром (Филадельфия, «Дж. Б. Липпинкотт Ко.», 1910 г.), XI, 7.

⁵ «Речь в Толоно», Иллинойс, 11 февраля 1861 г., как написала «Дэйли Трибьюн», 12 февраля 1861 г., стр. 5, кол. 3.

⁶ Бьюкенен, цитата

большой силой, после того, как были приобретены новые территории Мексики. Затем в 1854 году последовала отмена Миссурийского Компромисса, гражданская война в штате Канзас, борьба Самнер и Брукс в Сенате в 1856 году, решение по делу Дреда Скотта в 1857 году, а также эффектное нападение Джона Брауна на Харперс-Ферри в 1859 году, что все в совокупности привело к беспорядкам, беспокойству и угрозам распада, по мере увеличения мнений об отмене рабства. Наконец, наступили выборы 1860 года, и оказалось, что Север «превозмог могущественную пирамиду несоюзных чудовищных ошибок, выбрав Авраама Линкольна Президентом, на основе и системой, которая показывает ничего кроме поклонения Югу, и полный распад своих социальных, политических и промышленных институтов»⁷. Дело не только в том, что Линкольн был выбран президентом, а в том, что «большинство», проголосовавшее за него, было «более значимым и призывающим думать, как никто и ничто другое, даже сами выборы, что безошибочно говорит об их ненависти к Югу, который управляет и контролирует массы численно большей части Конфедерации»⁸. По мнению Сенатора от Северной Каролины Клингмана «выборы были замечательным, отличительным и опасным событием, который наполнил мою территорию тревогой и страхом за будущее», т.к. Линкольн одержал победу на выборах, «потому что он имел славу опасного человека», открыто признавая принцип «непрекращающегося конфликта»⁹. Обозреватели Ричмонда прокомментировали этот факт тем, что партия, «основанная на едином мнении, уникальном чувстве ненависти к рабству африканского народа» была «сейчас контролирующей силой в этой Конфедерации», и отметили, что вопрос «Что делать...должен задать себе каждый»¹⁰. В городе Чарльстон, штат Северная Каролина, новость об избрании Линкольна была встречена с большой радостью и «продолжительными одобряющими возгласами в адрес Южной Конфедерации»¹¹.

Едва прошло больше месяца, когда Северная Каролина начала движение по отсоединению. 10 ноября 1860 года два сенатора этого

штата сложили свои полномочия в Сенате Соединенных Штатов, а 20 декабря был принят Указ об отсоединении»¹², принеся с собой пробудившиеся демонстрации мятежников по всему Югу.¹³ К первому февраля нового года Миссисипи, Флорида, Алабама, Луизиана, Техас и Джорджия «отменили, аннулировали и отказались» от своего членства в Союзе, приняв указы об отсоединении, выступая «в готовности противостоять силой любым попыткам сохранить верховенство Конституции Соединенных Штатов».¹⁴ Другие рабовладельческие штаты имели «полунейтральную» позицию, говоря, что их верность Союзу может быть защищена только в случае предоставления гарантий от заблуждений, на которые они жаловались, и опасностей, которых они боялись.¹⁵ Уже к концу 1860 года, мятежники в Чарльстоне захватили здание почты, федеральные суды, таможни, и форты Замка Пинкни и Молтри.¹⁶

Покидание знакомых мест сенаторами не обошлось без шума и фанфар. Тогда, 31 декабря, когда Сенатор штата Луизиана Юда Бенджамин сообщил о желании произнести прощальную речь об отсоединении, «каждый угол был заполнен людьми»¹⁷ в здании Сената. Его заключительная речь о том, что «вы никогда не сможете подчинить нас; вам никогда не превратить свободных сыновей земли в вассалов...никогда, никогда не сможете унижить их до самого низкого уровня и рабской нации. Никогда! Никогда!»¹⁸, приветствовалась с галерей здания «позорными аплодисментами, криками и шумом».¹⁹ Освобождая галереи из-за беспорядка, уходя, люди ворчали: «Теперь точно начнется война», «Проклятые Аболиционисты», «Авраам Линкольн никогда сюда не придет».²⁰ Критики, наблюдавшие государственный скандал, отметили, что «Президент ...вступает в одну из самых важных и ответственных должностей, которая никогда не возлагалась ни на кого, ни в этой стране, ни в любой другой стране мира. Никто из его предшественников не был вынужден противостоять даже и половине тех опасностей или нести государственную службу на половину легче, чем все то, что бросает ему вызов у самого начала его Правления».²¹ Январь 1861 года наступил, не принеся с собой никакой надежды, а лишь небольшую возможность прекратить волнения. Изредка

⁷ «Нью Орлинз Дейли Кресцент», 13 ноября 1860 г., как было процитировано в «Саузерн Эдиториалс» (Южных изданиях) по поводу сессии, отредактировано Двайтом Лоуэллом Дамондом (Нью-Йорк и Лондон, «Сенчури Ко.», 1931 г.), стр. 237

⁸ «Нью Орлинз Дейли Кресцент», 12 ноября 1860 г., как было процитировано в «Саузерн Эдиториалс» (Южных изданиях) по поводу сессии, р. 228

⁹ Речь Сенатора Томаса Л. Клингмана из штата Северная Каролина в Сенате, 3 декабря 1861 г. Конгрессионал Глоуб, Второе заседание, 36-го Конгресса, Том 30, стр. 3.

¹⁰ «Ричмонд семи-уикли экзаминаер», 9 ноября 1860 г., как было процитировано в «Саузерн Эдиториалс» (Южных изданиях) по поводу сессии, стр. 223.

¹¹ «Дэйли Геральд», Уилмингтон Н. С., 9 ноября 1860 г., как было процитировано в «Саузерн Эдиториалс» (Южных изданиях) по поводу сессии, стр. 226

¹² Дэниэль Уэйт Хоу. «Политическая история сессии» (Нью-Йорк, «Дж. П. Путманс Санз», 1914 г.), стр. 449

¹³ Дж. Г. Рэндалл, «Президент Линкольн» (Нью-Йорк, «Додд, Мид и Ко.», 1945 г.), I, 215

¹⁴ «Нью-Йорк Таймс», 11 февраля 1861 г., стр. 4, кол. 2

¹⁵ Там же

¹⁶ Рэндалл, цитата.

¹⁷ «Нью-Йорк Таймс», 1 января 1861 г., стр.1, кол. 1

¹⁸ «Конгрессионал глоуб», Второе заседание, 36 Конгресс, Том 30, стр. 217

¹⁹ «Нью-Йорк Таймс», 1 января 1861 г., стр. 1, кол. 1

²⁰ Там же

²¹ «Нью-Йорк Таймс», 11 февраля 1861 г., стр. 4, кол. 2

газеты насмеялись над рекомендацией «Ричмонд Энквайер» о том, что вооруженные силы, наступающие из штатов Виргиния и Мэриленд, должны захватить округ Колумбии и предотвратить мирную инаугурацию Авраама Линкольна, сбрасывая это со счетов, в виду «преувеличенной политической риторики».²² Столица государства была окружена слухами, шумом, случайными попытками найти компромисс и общими беспорядками. «Я провел часть прошлой недели в Вашингтоне, - писал корреспондент из города Балтимора, - и никогда еще со дней Иерихона (точное соответствие оригиналу), не слышал, чтобы так часто трубили в горн, как это случается сейчас в этом растерянном городе. Если шум и крики могли свергнуть Конституцию, мы можем вполне ожидать ее падения перед пустыми вздохами, принужденного дыхания, которое потрясает и вибрирует со всех сторон». Почти везде он встречал «несдержанных и встревоженных сторонников беспорядка и неразберихи». «Слова о войне, отсоединении и разъединении были на всех устах; и никто не предлагал надежды на компромисс или урегулирование. Преобладающий голос Вашингтона был на стороне Юга».²³

В то время, как отсоединение быстро продвигалось на Юге, Уэнделл Филлипс заявил в Бостонском Мюзик Холле, что он надеялся на то, что все рабовладельческие штаты выйдут из состава Союза.²⁴ Хорейс Грили, потеряв терпение после сорока лет угроз со стороны Юга, назвал «союз силы – союзом, соединенным штыками», и добавил «нет преград для их мирного отступления».²⁵ В то же время, однако, некоторые предлагали компромисс. 18 декабря Сенатор штата Кентукки Криттенден выступил с вариантами компромисса в Сенате²⁶, но его акция не была многообещающей. А когда 7 января Сенатор штата Джорджия Тумбс выступил с «шумной и напыщенной речью об отсоединении, то по окончании раздался шторм аплодисментов и свиста, которые продолжались еще некоторое время», «призыв спасти страну», высказанный Криттенденом, представленный в «хорошем тоне», создал «незначительную или никакую дополнительную поддержку этой меры по компромиссу».²⁷ Пока Криттенден обращался к Сенату, мирная конференция собралась в Вашингтоне по приглашению штата Виргиния с

заявленной целью «обеспечить население рабовладельческих штатов соответствующими гарантиями по защите их прав».²⁸ Несмотря на то, что депутаты собрались и занялись делом, в конечном счете, предоставив Сенату ряд резолюций, с самого начала казалось, что «никаких значительных результатов не будет».²⁹ Было очевидно, что сочувствие пограничных штатов, которые еще не отсоединились, «были на стороне тех, кто уже это сделал».³⁰ В конце концов, предложения были отвергнуты Сенатом, также как и резолюции Криттендена, в последние дни работы Конгресса. Общая картина сложилась такая, что это была эра «долгих разговоров и почти бездействия», мрачный сезон споров с «тучами пыльных и сплюснутых ливней риторики», что это было государство, пытающееся жить «только болтовней», «государство до жалости погрязшее в разговорах».³¹

Когда 11 февраля Линкольн покинул город Спрингфилд, направляясь в Вашингтон, другой Президент, Джефферсон Дэвис, избранный 9 февраля, направился в вновь созданную Южную Конфедерацию, ехал из Миссиссиппи на Монтгомериюскую Конвенцию рабовладельческих штатов, чтобы помочь завершить акт отсоединения, его поездка сопровождалась «одной непрекращающейся овацией».³² «Время компромисса прошло», – заметил Дэвис, когда он остановился на станции Монтгомери, чтобы обратиться с речью к народу, – «и сейчас мы намерены держать нашу позицию, и заставить всех, кто сопротивляется нам, почувствовать запах Южного пороха и ощутить на себе южную сталь».³³ Очевидно, что народ мог бы согласиться с тем, что Линкольн получил в наследство «противоречивую массу дилемм».³⁴ Получится ли у него «принудить» отделившиеся штаты и попросить восстановления федеральной собственности, находящейся во владении мятежников? Поддастся ли он давлению «со всех сторон» и «расколу на фракции его собственной партии», согласившись на «продление» рабства, практически ниже линии 36° 30'? Послушается ли он «пойти на компромисс» Республиканцев в Сенате и только «притвориться», что пошел на компромисс, «чтобы не показаться упрямым и бесчувственным к жалобам Рабовладельцев?»³⁵ Будет ли он поддерживать платформу Республиканцев в Чикаго, жесткую по своей структуре, лежащую на принятии ад-

²² «Нэшнал интеллидженсер» (Вашингтон), 3 января 1861 г., стр. 3, кол. 2

²³ «Нью-Йорк Таймс», 15 января 1861 г., стр. 1, кол. 5

²⁴ «Нью-Йорк Таймс», 21 января 1861 г., стр. 1, кол. 4, см. также полный текст речи там же, стр. 8, колонки 5 и 6, стр. 5 колонки 1 и 2.

²⁵ Хорейс Грилей, «Воспоминания о бурной жизни» (Нью-Йорк, «Дж. Б. Форд и Ко.», 1868 г.), стр. 398

²⁶ «Конгрессионал глоуб», Второе заседание, 36 Конгресс, Том 30, стр. 112-14.

²⁷ «Нью-Йорк Таймс» 8 января 1861 г., стр. 1, кол. 1, см. также «Конгрессионал глоуб», Второе заседание, 36 Конгресс, Том 30, стр. 267-71.

²⁸ Хоу, цитата, стр. 465

²⁹ Там же, стр. 467.

³⁰ Там же, стр. 467.

³¹ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 13 марта 1861 г., стр. 4, кол. 4.

³² «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 18 февраля 1861 г., стр. 5, кол. 6

³³ Там же, стр. 5, кол. 6.

³⁴ Там же, 4 марта 1861 г., стр. 4, кол. 2.

³⁵ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 18 февраля 1861 г., стр. 6, кол. 1.

министрацией Демократов принципа, что личные отношения между хозяином и рабом, включали в себя «незаконное владение людьми?»³⁶

Будет ли он поддерживать часть платформы, которая обещала «поддержание ненарушения прав штатов, а особенно права каждого штата контролировать и управлять своими внутренними институтами согласно исключительно только своих решений?»³⁷ Было ли мнение, что он часто выступал представителем настоящего Линкольна: «Дом, разделившийся на противоположное мнение, не может устоять?»³⁸

4 марта, т.к. газеты заранее предупредили о том, что должно было произойти в течение этого дня, была нота страха и неопределенности относительно безопасности избранного Президента, наряду с общим нетерпением услышать основные пункты плана действий Линкольна на его инаугурации. «Великое событие, которого многие ждали с нетерпением, которое взбудоражило надежды и страхи страны до размера, не имеющего аналогов в своей относительно короткой истории, случится именно сегодня», - писала газета «Нью-Йорк Таймс». «Это событие собрало в Федеральной столице толпу людей, большую по своим размерам, чем те, которые когда-либо там собирались по разным другим случаям в прошлом...

Будет ли оно омрачено каким-нибудь печальным происшествием, конечно, можно только догадываться, хотя имеются серьезные опасения на этот счет».³⁹ Пока приезд в Вашингтон пытались взглянуть на бушующий Сенат с его продолжающимся всю ночь заседанием, Генерал Скотт и его советники вместе планировали предпринять «самые лучшие меры предосторожности» по предотвращению «любых нападений на процессию или демонстрацию против личности господина Линкольна».⁴⁰ Слухи о присутствии «большой банды «Хулиганов» из города Балтимора»⁴¹ свободно ходили по городу. Были ли они в Вашингтоне для того, чтобы напасть на Президента или «создавать тревогу и грабить частных лиц»⁴², обсуждалось всеми. Какая бы не была причина, по которой Генерал Скотт и его советники решили оставить все как есть и не переделывать, что касается охраны безопасности избранного Президента. Отряды стрелков были спрятаны на крышах основных

зданий на Пенсильвания-авеню. Был отдан приказ стрелять в случае угрозы президентскому кортежу. Была также обычная кавалерия для охраны перекрестков смежных улиц, которая двигалась вместе с процессией. Из окон здания Капитолия стрелки держали под прицелом платформу для инаугурации. Генерал Скотт следил за церемонией с вершины холма, командуя северным входом в Капитолий, готовый лично командовать батареей конных артиллеристов, стоящих здесь на позиции. Окружная милиция (гвардия) в три шеренги должна была окружить платформу, чтобы держать толпу на расстоянии от нее. Вооруженные детективы в гражданской одежде должны были раствориться в огромной толпе народа.⁴³

Событие должно было показаться странным человеку, привычному к тому, что его носят на руках его почитатели во времена его агитационных ораторских выступлений на Западе и, что его считают идиолом многочисленных факельных шествий во время борьбы с «Маленьким гигантом» во время бурных дебатов в 1858 г. Даже близлежащая территория Капитолия, где начала собираться толпа народа, имела довольно незнакомый вид, по сравнению с годами, когда он был конгрессменом в 1847 и 1848 годах. «Старый купол так знакомый Конгрессмену Линкольту в 1848 году был сбит и снят», - заметил Сэндберг. «Кованое железо на территории Капитолия, молотки, лебедки, винты, подмости, краны, стремянки, подпорки, канаты говорили о том, что они перестраивали, расширяли, улучшали строение 4 марта 1861 года». «На склоне лужайки напротив здания Капитолия находилась бронзовая статуя Свободы в форме массивной, могучей женщины, которая в одной руке держала меч, олицетворяя власть, и венок цветов в другой руке, олицетворяя победу. Еще не поставленная на свой пьедестал статуя, смотрелась неуместно. Ее должны были поднять и установить на вершине купола Капитолия, возвышаясь над Потомак Вэлли, а сам купол должен был быть сделан специально для статуи».⁴⁴ По случаю плотники установили временные площадки напротив крыла Сената с небольшим козырьком над столом спикера.⁴⁵ Толпа загородила все проходы, ведущие к территории здания Капитолия», заметил очевидец происходящего, «в то время, когда всеобъемлющий горизонт, расширяю-

³⁶ М. Халстед, «История национальной политической конвенции сегодняшней кампании по выбору Президента», Колумбус, Огайо, «Фоллетт, Фостер и Ко.», 1860 г.), стр. 138.

³⁷ Там же

³⁸ «Дом разделенный», Речь, произнесенная в Спрингфилд, Иллинойс, на закрытии Республиканской государственной конвенции, 16 июня 1858 г., Авраам Линкольн «Его устные выступления и сочинения», под редакцией с критическими и аналитическими замечаниями Роя П. Баслера (Кливлэнд, Огайо, «Уорлд Паблишинг Ко.», 1946 г.), стр. 372.

³⁹ «Нью-Йорк Таймс», 4 марта 1861 г., стр. 4, кол. 1

⁴⁰ «Нью-Йорк Таймс», 4 марта 1861 г., стр. 1, кол. 2.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. См. также Сэндберг, «Годы войны», I, 120-21; Рэндалл, «Президент Линкольн», I, 293, 294; Уильям Е. Барингер, «Разделяющий дом» (Спрингфилд, Иллинойс, «Ассоциация Авраама Линкольна», 1945 г.), стр. 331-34; «Дневник общественного деятеля», Вступительная часть Ф. Лауристана Булларда, предисловие Карла Сэндберга (Чикаго, частное издание для книжного магазина Авраама Линкольна, 1945 г.), стр. 73, 74; Кларк Е. Карр, Стивен А. Дуглас, «Его жизнь и государственная служба, выступления и патриотизм» (Чикаго, «А. С. МакКлерг и Ко.», 1909 г.), стр. 123.

⁴⁴ Сэндберг, «Годы войны», I, 120

⁴⁵ Барингер, цитата, стр. 333.

щийся с восточной стороны Капитолия, был одним огромным черным морем голов». ⁴⁶ Там было где-то между 25000 и 50000 тысяч людей, ожидающих с надеждой ⁴⁷. «Дамы выглядывали из всех окон северной части Капитолия. Каждое дерево несло свою ношу горящих глаз. Каждый забор и площадка, груда строительных материалов, приготовленных для перестройки Капитолия, были «преимущественными» для полного состава наблюдателей». ⁴⁸ Было видно, что «почти не было ни одного южного лица» ⁴⁹ в толпе, «судя по отсутствию длинноволосых мужчин». ⁵⁰ Толпа, ожидавшая окончания присяги Вице-Президента, которая проводилась в палатах Сената, развлекалась маршевой музыкой и «шутками сумасшедшего, который взобрался на высокое дерево перед Капитолием и выступил с длинной политической речью, заявив, что он законный Президент Соединенных Штатов». Полицейские получили приказ спустить его с дерева, но он еще немного вскарабкался наверх и «стоял, качаясь на ветру, и выступил еще с одной речью». ⁵¹ Церемонии внутри помещения завершились, появились основные лица. Авраам Линкольн шел рядом с Джеймсом Бьюкененом.

Как только Линкольн и Бьюкенен заняли свои места справа от трибуны, Главный Судья Тейни, который вскоре приведет к присяге вступления в должность Президента, занял место слева. Многие из присутствующих видели Линкольна впервые. «Честный Эйб Линкольн» так называли его на его родине или просто «Старина Эйб», как кричали на Чикагском «Вигваме» тысячи людей, приветствуя и раскачивая балки, как «поток сильного ветра во время шторма» ⁵², когда выдвинули его кандидатуру. Уолт Уайтмен считал, что «четыре гения, четыре силы и рук понадобятся для того, чтобы завершить написание будущего портрета этого человека – глаза и ум и прикосновения Плутарха и Эсхила и Микаэля Анджело с помощью Рабле». ⁵³ Если я бы и предпочел какое-либо описание себя, писал Линкольн два года назад до этого, «оно говорило бы о том, что мой рост почти шесть футов четыре дюйма, худощавого телосложения, средним весом сто восемьдесят фунтов, темный цвет лица, непослушные черные волосы и серые глаза. Ни каких других от-

личительных черт не наблюдается». ⁵⁴ Он «не был красавцем», считал Херндон его партнер по юридическим делам, «не был он и уродом: он был простым человеком, не зацикленным на своем внешнем виде, простой внешности, простых действий». Но у него было «то внутреннее качество, которое отличает одного человека от другого». ⁵⁵ «Я никогда не видел более задумчивого лица», – заметил Дэвид Лок. – «Я никогда не видел такого благородного лица, я никогда не видел такого печального лица». ⁵⁶ Эмерсон нашел в нем «величие и силу абсолютной простоты», когда он слышал его выступления, видел сияние его маленьких серых глаз, слышал звучание его голоса и наблюдал за его лицом, сияющим и казавшимся, что он «осветил всех собравшихся своим светом». ⁵⁷ «Авраам Линкольн: один из природных аристократов», – так иногда называли его, произнося тосты в его честь. ⁵⁸

«К сожалению», – заметил ученик Линкольна Дж. Г. Рэндалл, – «Линкольна не так хорошо знали, как на Севере, так и на Юге, в марте 1861 года. Если бы люди более полно понимали его размышления по управлению, почтению к закону, мирные намерения и полное отсутствия секционной ожесточенности, большую часть трагедий можно было избежать». ⁵⁹ «Добрый, милосердный и справедливый!» ⁶⁰ – написал в итоге Вильям Каллен Брайант. Но сейчас в 1861 году было что-то, что многим было неизвестно о Линкольне. Правда то, что после дебатов Линкольна и Дугласа, он сыскал известность за пределами своего штата. «Чикаго Демократ» обратила внимание на тот факт, что «имя г-на Линкольна упоминалось в газетах и публичных собраниях за пределами Штата в связи с Президентством и Вице-президентством, поэтому Честного Старину Эйба уважали не только в его Штате». «Даже его оппоненты открыто признавались в любви к этому человеку, не смотря на то, что ненавидели его принципы». ⁶¹ Еще раз «Иллинойс Стейт Джорнал» стал гордиться тем, что написал о

⁵⁴ Линкольн Дж. У. Феллу, Спрингфилд, Иллинойс, 20 декабря 1859 г., «Полное собрание сочинений Авраама Линкольна», под редакцией Джона Г. Николэй и Джона Хэй (Нью-Йорк, «Гэнди Томас Ко.», 1905 г.), V, 288, 289.

⁵⁵ Херндон, отрывок, в цитате Рэндалла, цитата, стр. 28.

⁵⁶ «Воспоминания об Аврааме Линкольне выдающихся людей его времени», собраны и отредактированы Алленом Торндайком Райсом, (8-е издание, Нью-Йорк: издано «Норт Американ Ривью», 1889 г.), стр. 442

⁵⁷ Джон Уисли Хилл, «Авраам Линкольн – человек от Бога», (4-е издание, Нью-Йорк, «Дж. П. Путманс Санз», 1930 г.), стр. 306.

⁵⁸ Карл Сэндберг, «Авраам Линкольн – годы в прериях» (Нью-Йорк, «Харкорт, Брейс и Ко.», 1926 г., I, 199, 200.

⁵⁹ «Нью-Йорк Таймс Магазин» 6 февраля 1949 г., стр. 11

⁶⁰ «Авраам Линкольн» в поэтических произведениях Уильяма Каллена Брайнта, отредактировано Парке Годуином (Нью-Йорк, «Д. Эпплтон и Ко.», 1883 г.), II, 151.

⁶¹ Цитата из «Дэйли Иллинойс Стейт Джорнал», 15 ноября 1858 г., стр. 1, кол. 1

⁴⁶ Переписка «Цинцинатти коммершиал», согласно цитате в «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4.

⁴⁷ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 5 марта, 1861 г., стр. 5, кол. 4.

⁴⁸ «Чикаго Дэйли Трибьюн», 9 марта 1861 г., стр. 3, кол. 2

⁴⁹ «Нью-Йорк Таймс», 4 марта 1861 г., стр. 1, кол. 2

⁵⁰ «Чикаго Дэйли Трибьюн», 5 марта 1861 г., стр.1, кол. 2.

⁵¹ Переписка «Цинцинатти коммершиал», согласно цитате в «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4.

⁵² Халстед, цитата, стр. 149-51

⁵³ «Полное собрание сочинений Уолта Уайтмана (Нью-Йорк, «Дж. П. Путманс Санз»), 1902 г., II, 244.

его растущей славе. В «других штатах» говорилось, что «он не только... непревзойденный оратор, сильный в дебатах, проникательный в своей логике и мышлении, с превосходной силой слова и избытком ресурсов, которые всегда проявляются в одинаковой степени независимо от события, а его верность, искренность, честность целей, великодушные ...закрепили за ним славу государственного деятеля, которым могут гордиться Республиканцы всего Союза».⁶² В 1860 году в Нью-Йорке «сообщение о том, что Честный Авраам Линкольн из штата Иллинойс выступит с речью в Институте Купера... привлекло туда большое и восторженное собрание», и Вильям Каллен Брайант подумал, что осталось только «произнести имя Авраама Линкольна», которого раньше только знали «из-за его репутации», чтобы обеспечить «полное внимание».⁶³ Линкольн предстал перед тысячей людей по пути в Вашингтон: в Индианаполисе, Кливленде, Филадельфии, Олбани, Харрисбурге и других городах, его приветствовали с радостью. Все же «в общем», заметил Рэндалл, «нельзя сказать, что «он получал благоприятные отзывы в прессе» накануне вступления в должность. Кампания по назначению столицей города, где он родился, провалилась, таким предстал странный человек из Иллинойс перед страной, ему дали прозвище «простушка Сюзанна», «бабуин» и «горилла».⁶⁴ «Харперс Уикли» назвала его «Наш Президентский шут»⁶⁵, позже выпустив карикатуру на тему его секретного появления в Вашингтоне. «На нем была шотландская кепка в клетку и длинный военный плащ, поэтому его невозможно было узнать», - писали там.⁶⁶ Такие, как Стэнтон считали его «жалким лживым клоуном».⁶⁷ А корреспондент «Ассошиейт Пресс» Генри Виллард припомнил «его любовь к тихой манере разговаривать», и не смог себя убедить в том, что «этот человек имеет подлинное величие ума и сердечную любовь», признавая чувства «отвращения и унижения, которые вынужден испытывать человек, управляя судьбами великого народа».⁶⁸

Юг почти не испытывал желание узнать Линкольна «каким они должны были его знать», того Линкольна, который «хотел быть справедливым к Южанам, и как он сказал на Куперском Союзе в феврале 1861 года «не делайте ничего через страсть и раздражительность», «спокойно подумайте об их нуждах и признайте их», где

это возможно».⁶⁹ Юг уже все решил независимо от того, что сделал Север, чтобы снискать расположение Линкольна к ним, было достигнуто обманом. «С момента избрания Линкольна многие известные Аболиционистские газеты взяли на себя сложнейшую задачу примирить Южан с его Президентским правлением», заметил «Нью Орлинз Дейли Кресцент». «Достигнув успеха в избрании его Президентом, очернив и оклеветав Юг на протяжении долгих дебатов, без меры и причин, сейчас они заявляют о том, что г-н Линкольн очень хороший человек, дружелюбный, не жестокий в своих предубеждениях или пристрастиях, что он, напротив, очень скромный, спокойный, консервативный, и если только мы вступим под его управление на время, мы убедимся, что он станет одним из самых лучших Президентом, которые только были не только на Юге, но и в стране! «Не зайдешь ли ко мне в гостиную?», сказал паук мухе» «Господин Линкольн может быть всем, чем называют его все эти Аболиционистские журналы. Но мы не верим не единому их слову», - продолжил «Кресцент». - «мы полностью убеждены, что они нам лгут, чтобы обмануть жителей Юга для легкого воплощения своих эгоистических и предательских целей. Они знают, что не смотря на избрание Линкольна Президентом, он еще не Президент Соединенных штатов, и они достаточно проникательны, чтобы знать, что серьезные сомнения существуют где бы он не был. Шансы, что он не станет им, если только Юг успокоится...»⁷⁰ Для Юга было проще видеть Линкольна, как стереотип «радикального Аболициониста», «Обезьяны из Иллинойс», «Предателя своей страны». Затем также побег через штат Балтимор ночью мог «не разбудить самое плохое чувство неуважения к личности г-на Линкольна по всей стране, особенно на Юге».⁷¹

Так появился Линкольн, который «без поддельной скромности» описал себя по дороге в Вашингтон «самым скромным из всех личностей, которых когда-либо выбирали на пост Президента».⁷²

Сенатор Бейкер из штата Орегон прошел к платформе и объявил: «Уважаемые Граждане, представляю вам Авраама Линкольна, избранного Президента Соединенных Штатов Америки».⁷³

Линкольн «слился»⁷⁴ с толпой превосходным выбором одежды. На нем была новая высокая шляпа, новый черный костюм, черные ботинки, широкая белая манишка. С собой у

⁶² Там же, 12 ноября 1858 г., стр. 2, кол. 1

⁶³ «Нью-Йорк Таймс» 28 февраля 1860 г., стр. 1, кол. 1

⁶⁴ Рэндалл, цитата, I, 292.

⁶⁵ Том V, (2 марта 1861 г.), стр. 144.

⁶⁶ Там же (9 марта 1861 г.), стр. 160.

⁶⁷ «Дневник общественного деятеля», стр. 48, 49.

⁶⁸ «Воспоминания Генри Вилларда» (Бостон, «Хотон, Маффин Ко.», I, 144.

⁶⁹ Дж. Г. Рэндалл «Великая декларация верности Линкольна», «Нью-Йорк Таймс Магазин», 6 февраля 1949 г., стр. 11.

⁷⁰ «Саузерн Эдиториалс» по поводу сецессии, стр. 229.

⁷¹ «Дневник общественного деятеля», стр. 46.

⁷² «Обращение к законодательной власти Нью-Йорка, в Олбани, 18 февраля 1861 г., «Полное собрание сочинений Авраама Линкольна», VI, 140.

⁷³ «Нью-Йорк Таймс» 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 3.

⁷⁴ Сандбург, «Годы войны», I, 122.

него была черная трость с золотой головкой размером в куриное яйцо. Он поднялся «шел не спеша и спокойно к столу и поклонился, отдав честь повторяющимся и восторженным приветствиям бесчисленной толпы перед ним. Надев очки, он положил рукопись на небольшой стол, удерживая бумагу с помощью своей трости».⁷⁵ Чистым голосом он начал говорить.⁷⁶

Соотечественники — граждане Соединенных Штатов!

В соответствии с традицией столь же старой, как сама форма правления я предстаю перед вами, чтобы обратиться к вам с краткой речью и принести в вашем присутствии присягу «перед вступлением в должность», как того требует от президента Конституция Соединенных Штатов.

Сегодня я не считаю для себя необходимым обсуждать те проблемы управления, которые не вызывают особого беспокойства или волнения. Судя по всему, среди жителей южных штатов существуют опасения, что с приходом республиканской администрации их собственность, мирная жизнь и личная безопасность могут оказаться под угрозой. Однако для подобных опасений не было, и нет никаких разумных оснований. В действительности всегда были и есть самые убедительные доказательства, свидетельствующие об обратном, и их легко проверить. Их можно найти фактически во всех опубликованных речах того, кто сейчас выступает перед вами. Приведу лишь одно высказывание, содержащееся в одном из моих выступлений, где я заявляю, что у меня нет никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирование института рабства в тех штатах, где оно существует. Я считаю, что не имею законного права делать это, и я не склонен делать это.

Те, кто выдвинул мою кандидатуру и избрал меня на этот пост, поступили так с полным сознанием того, что я сделал данное и многие другие подобные ему заявления и ни разу не отрекся от них; более того, эти люди предложили мне включить в политическую платформу, причем как закон для самих себя и для меня, ясную и четкую резолюцию, которую я сейчас зачитаю:

«Решили, что сохранение нерушимости прав штатов и особенно права каждого штата устанавливать порядки в своих внутренних институтах и управлять ими исключительно по своему собственному разумению является существенно важным для того равновесия сил, от которого зависят совершенство и долговечность нашей политической структуры; и осуждаем незаконное вторжение вооруженных сил на землю любого штата или территории, под каким бы предлогом оно ни совершилось, как одно из самых тяжких преступлений».

⁷⁵ «Нью-Йорк Таймс» 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 3.

⁷⁶ Текст инаугурационной речи, который используется здесь взят из книги «Авраам Линкольн: Его устные выступления и сочинения», редакция Роя П. Баслера, стр. 579 – 90.

Я вновь повторяю сейчас эти убеждения, и делая это, я лишь привлекаю особое внимание общественности к самому убедительному из всех возможных в этом деле доказательств того, что собственность, мир и безопасность любого региона никоим образом не будут подвергаться опасности со стороны приступающей к своим обязанностям администрации. Я хочу также добавить, что любая защита, которую можно предоставить в соответствии с Конституцией и законами, будет предоставлена всем штатам, когда она будет законно востребована, по любому поводу и с одинаковой готовностью независимо от того, кем она запрашивается.

Много споров возникает относительно выдачи беглых слуг или работников. Статья, которую я сейчас зачитаю, записана в Конституции столь же понятно, как и любая другая:

«Ни одно лицо, обязанное к службе или работе в каком-либо из штатов согласно его законам и бежавшее в другой штат, не может на основании законов или постановлений последнего освобождаться от этой службы или работы и должно быть выдано по требованию стороны, которая имеет право на такую службу или работу». Вряд ли можно сомневаться в том, что авторы данного положения создавали его для востребования обратно тех, кого мы называем беглыми рабами; но намерение законодателя — закон. Все члены Конгресса клянутся соблюдать Конституцию во всех ее частях, в том числе и это положение, как и всякое другое. Таким образом, предложение, что раб, чей случай подпадает под действие этой статьи, «будет выдан», получает единодушное одобрение, сформулированное в виде клятвы. Теперь, если бы законодатели приложили должные усилия, разве они не смогли бы с почти таким же единодушием выработать и принять закон, с помощью которого можно было бы надежно хранить эту единодушную клятву?»

Имеются определенные расхождения во мнениях относительно того, кто должен обеспечивать соблюдение этой статьи — федеральные власти или власти штата, но эти разногласия, конечно же, не столь существенны. Если раб должен быть выдан, то для него или кого-либо еще вряд ли будет важно, какие власти сделают это. Но в любом случае следует ли удовлетвориться тем, что твоя клятва останется невыполненной из-за несущественного разногласия по поводу того, как ее надо соблюдать?»

И опять, разве не следует в любой закон по этому вопросу внести все известные в цивилизованной и гуманной юриспруденции гарантии свободы, с тем, чтобы свободный человек ни в коем случае не был выдан как раб? И разве не стоит одновременно с этим обеспечить законом проведение в жизнь той статьи Конституции, которая гарантирует, что «гражданам каждого штата предоставляются все привилегии и льготы граждан других штатов?»

Сегодня я приношу официальную клятву без мысленных оговорок и без намерения толковать

Конституцию или законы с помощью каких-либо слишком строгих правил; и хотя я сейчас не называю конкретно те или иные законы Конгресса, которые следует проводить в жизнь, я настаиваю на том, что для всех, и для официальных и для частных лиц, будет гораздо безопаснее выполнять и соблюдать все те законы, которые продолжают оставаться в силе, чем нарушать любой из них, полагая найти себе оправдание в том, что, по его собственному разумению, они являются антиконституционными.

Семьдесят два года прошло со дня первой состоявшейся по нашей Конституции инаугурации президента. В течение этого периода пятнадцать различных в высшей степени выдающихся граждан один за другим осуществляли управление органами исполнительной власти. Они действовали вопреки многочисленным опасностям и, как правило, с большим успехом. И все же при всей масштабности прецедента сейчас я приступаю на короткий четырехлетний конституционный срок к исполнению той же задачи в крайне трудной и необычной ситуации. Раскол федерального Союза, выступавший доселе только как угроза, теперь предстает как устрашающая попытка осуществить его.

Я считаю, что с точки зрения универсального права и Конституции союз этих штатов вечен. Вечность, даже если она не выражена прямо, подразумевается в Основном законе всех государственных форм правления. Можно с уверенностью утверждать, что никакая система правления как таковая никогда не имела в своем Основном законе положения о прекращении собственного существования. Продолжайте выполнять все четко выраженные положения нашей национальной Конституции, и Союз будет оставаться всегда, ибо его невозможно уничтожить иначе, как прибегнув к действию, не предусмотренному в самом этом документе. И опять, если Соединенные Штаты являются не системой правления в собственном смысле слова, а ассоциацией штатов, основанной просто на договоре, может ли она, как договор, быть мирно расторгнута меньшим количеством сторон, чем было при ее создании? Одна сторона участница договора может нарушить его, т. е. разорвать, но разве не требуется согласия всех, чтобы законно отменить его действие?

Исходя из этих общих принципов, мы приходим к утверждению, что с юридической точки зрения Союз вечен, и это подтверждается историей самого Союза. Союз намного старше Конституции. Его фактическое существование началось с подписания Статей Ассоциации в 1774 году. Он окреп и продолжал развиваться с принятием Декларации независимости в 1776 году. Дальнейшее укрепление Союза, преданность которому все тогдашние тринадцать штатов наглядно подтвердили, дав слово верности и обещав, что он будет вечным, было отражено в Статьях Конфедерации в 1775 году. И, наконец, в 1787 году одной из целей разработки и учреждения Конституции была провозглашена задача «образовать более совершенный Союз».

Но если разрушение Союза одним или только частью штатов станет возможным по закону, то тогда Союз будет менее совершенен, чем до принятия Конституции, поскольку теряется жизненно важный элемент вечности.

Отсюда следует, что ни один из штатов не вправе сугубо по собственной инициативе выйти из Союза, что принимаемые с этой целью решения и постановления не имеют юридической силы и акты насилия, совершенные в пределах любого штата (или штатов), направленные против правительства Соединенных Штатов, приобретают в зависимости от обстоятельств повстанческий или революционный характер.

Поэтому, исходя из Конституции и права, я считаю, что Союз нерушим, и я буду в пределах моих возможностей, как того прямо и недвусмысленно требует от меня Конституция, заботиться о том, чтобы законы Союза добросовестно соблюдались во всех штатах. Я полагаю, что поступить подобным образом просто мой долг, и я буду исполнять его, насколько позволят обстоятельства, пока мой законный хозяин, американский народ, не откажет мне в необходимых средствах или каким-либо властным образом не предпишет мне иное. Я надеюсь, что это будет расценено не как угроза, а всего лишь как объявленное намерение Союза защищать и охранять себя конституционными средствами.

При проведении этой политики нет никакой надобности в кровопролитии или насилии, и их не будет, если их не навязжут общенациональным органам власти. Доверенные мне полномочия будут использованы для того, чтобы контролировать, занимать собственность и территории, принадлежащие правительству, и владеть ими, а также собирать пошлины и налоги, но выходить за рамки того, что может быть необходимым для выполнения этих задач, недопустимо, также как и использовать силу против народа или в его среде, где бы то ни было. Если в каком-либо внутреннем районе страны враждебность к Соединенным Штатам будет столь велика и повсеместна, что не позволит компетентным местным гражданам исполнять свои обязанности на федеральных постах, то в этом случае для решения возникшей проблемы не будут предприниматься какие-либо попытки навязать людям неприемлемых для них лиц со стороны. Даже если у правительства окажется юридически безупречное право применить силу, чтобы обеспечить исполнение упомянутых обязанностей, попытка добиться этого может стать столь невыгодной и к тому же почти неосуществимой, что, как я полагаю, лучше на какое-то время воздержаться от создания таких постов. Почта, если ее не отвергают, будет по-прежнему доставляться во всех частях Союза. Всюду, насколько это возможно, люди должны чувствовать себя в той высшей степени безопасности, которая наиболее благоприятна, для того чтобы спокойно мыслить и рассуждать. Указанный курс будет последовательно проводиться в жизнь, если текущие собы-

тия и опыт не докажут уместность внесения в него корректив или изменений, и всякий раз в случае такой потребности я буду оптимально использовать свои полномочия, сообразываясь с реально существующими обстоятельствами, имея в виду и надеясь, что тем самым будет достигнуто мирное урегулирование волнующих нацию проблем и будут восстановлены братские симпатии и отношения.

Я не стану ни утверждать, ни отрицать, что у нас кое-где есть люди, которые так или иначе хотят уничтожить Союз и рады любому предлогу, чтобы сделать это. Но если они существуют, мне нет необходимости обращаться к ним. Однако могу ли я не говорить с теми, кто действительно любит Союз? Прежде чем приступить к такому серьезному вопросу, как разрушение нашего государственного устройства со всеми его преимуществами, памятными событиями и надеждами, не следует ли уточнить, почему мы это делаем. Решитесь ли вы на столь безрассудный поступок, если есть все основания полагать, что любая часть бед, избегаемых вами, реально не существует. Возьмете ли вы на себя риск совершения столь ужасной ошибки, если неизбежные беды, к которым вы приближаетесь, более значительны, чем все реальные беды, от которых вы убегаете?

Все публично заявляют о своем удовлетворении Союзом при условии соблюдения в нем всех конституционных прав. Правда ли тогда, что кому-либо отказано в каком-либо четко записанном в Конституции праве? Думаю, что нет. К счастью, человеческий разум устроен так, что ни одна из сторон не осмелится на это. Вспомните, если сможете, хотя бы один случай, когда ясно записанное положение Конституции было бы отвергнуто. Если бы большинство просто в силу своего численного превосходства лишило меньшинство любого ясно записанного конституционного права, это могло бы с моральной точки зрения оправдать революцию, при том условии, конечно, что такое право имело бы жизненно важное значение. Но в нашем случае это не так. Все жизненно важные права меньшинств и индивидов столь явно обеспечены им содержащимися в Конституции утверждениями и отрицаниями, гарантиями и запретами, что относительно них никогда не возникает споров. Но ни в каком Основном законе невозможно сформулировать положение, применимое к любому конкретному случаю, который может возникнуть в практике управления. Никакой провидец не может предугадать все вопросы будущего, и никакой документ разумного объема не может содержать верные ответы на все возможные вопросы. Кто должен выдавать беглых рабов — власти федерального центра или штата? В Конституции не говорится на это счет ничего определенного. Может ли Конгресс запретить рабство в территориях? В Конституции не говорится на этот счет ничего определенного. Может ли Конгресс защищать рабство в территориях? В Конституции не говорится на этот счет ничего определенного.

Вокруг вопросов такого рода возникают все наши конституционные мифы, и мы разделяемся в отношении к ним на большинство и меньшинство. Если меньшинство не будет соглашаться, то большинство должно согласиться или же правительство должно уйти в отставку. Другой альтернативы нет, ибо, оставаясь у власти, правительство солидаризируется с одной или другой стороной. Если меньшинство в таком случае отколетя от большинства, скорее чем согласится с ним, оно создаст прецедент, который, в свою очередь, расколется и погубит его, поскольку всякое возникающее в его собственной среде меньшинство будет откалываться от него всякий раз, когда большинство откажется быть контролируемым меньшинством. Почему, например, через два или три года какая угодно часть новой конфедерации не может произвольно отколоться снова точно так же, как части существующего Союза намереваются выйти из его состава? Все, кто сейчас питает чувства разобщения, воспитываются точно в таком же духе. Существует ли среди штатов, собирающихся создать новый союз, такое совершенное тождество интересов, которое будет порождать только гармонию и не допустит нового раскола?

Ясно, что центральная идея сторонников раскола — это, в сущности, анархия. Единственным истинным сувереном свободного народа является большинство, которое удерживается в определенных рамках посредством конституционных сдержек и ограничений и всегда легко и взвешенно меняется вместе с изменениями мнений и чувств народа. Всякий, кто отвергает это, неизбежно скатывается к анархии или деспотизму. Единодушие невозможно. Правление меньшинства, как перманентное устройство, совершенно недопустимо, так что, если отклонить принцип большинства, ничего, не остается, кроме анархии или деспотизма в той или иной форме.

Я не забываю о занимаемой некоторыми позицией, согласно которой конституционные вопросы должны решаться Верховным Судом, и я ни коим образом не отрицаю, что выносимые им решения должны в любом случае быть обязательными для сторон, как в отношении судебной тяжбы, так и в отношении предмета этой тяжбы и что всем другим органам власти надлежит относиться к ним в высшей степени уважительно и учитывать во всех аналогичных случаях. Конечно, не исключено что такое решение по какому-нибудь конкретному делу может оказаться ошибочным, однако в силу того, что вытекающие отсюда пагубные последствия ограничены этим отдельным случаем, а решение может быть аннулировано, так и не став прецедентом для других дел, у него есть все шансы оказаться меньшим злом, чем те беды, которые породила бы иная практика.

В то же время честный гражданин должен признать, что если политику правительства по жизненно важным вопросам, затрагивающим весь народ, надо окончательно закрепить решениями Верховного Суда, то, как только эти решения бу-

дут приняты в обыкновенной судебной тяжбе между сторонами с личными исками, народ перестанет быть своим собственным правителем, поскольку в данных пределах он практически передаст свою исполнительную власть в руки этого выдающегося трибунала, и в этом суждении нет никаких нападок на суд или судей. Решать дела подаваемые в суд, должным образом — их обязанность, от исполнения которой они не могут уклониться; и не их вина, если кто-то стремится использовать их решения в политических целях.

Одна часть нашей страны считает, что рабство — правое дело и его следует распространять, в то время как другая считает, что это зло и его не следует распространять. Это единственный спор по существу. Статьи Конституции о беглых рабах и закон, направленный на прекращение зарубежной работорговли, соблюдаются, пожалуй, столь же добросовестно, как и любой другой закон в обществе, где моральные устои людей таковы, что они ошибочно поддерживают сам закон. Основная часть народа соблюдает беспристрастное правовое обязательство в обоих случаях, но некоторые нарушают и то и другое. Подобное положение, на мой взгляд, невозможно исправить до конца, и в обоих случаях после распада частей он может стать еще хуже, чем прежде. Зарубежная работорговля, к настоящему времени ликвидированная не до конца, была бы в конечном счете восстановлена без каких-либо ограничений в одной части, тогда как беглые рабы, выдаваемые сегодня лишь в отдельных случаях, не выдавались бы другой частью вообще.

Реально говоря, мы не можем разделиться. Мы не можем отгородить части нашей страны друг от друга или построить между ними непреодолимую стену. Муж и жена могут развестись и выйти за пределы сферы общения друг с другом и досягаемости друг друга, но различные части нашей страны не могут сделать это. Они не могут не оставаться лицом к лицу, и сношения между ними, дружественные или враждебные, должны продолжаться. Возможно ли тогда после разделения сделать эти сношения более выгодными или более удовлетворительными, чем до этого? Разве чужестранцам проще заключать договоры, чем друзьям выработать законы? Разве легче соблюдать договоры между чужестранцами, чем законы среди друзей? Предположим, вы вступаете в войну, но вы не можете воевать вечно, и тогда, после того как обе стороны понесли многочисленные потери и ни одна из них не добилась успеха, вы прекращаете военные действия, и перед вами снова встает все тот же старый вопрос: На каких условиях строить взаимоотношения.

Эта страна, со всеми ее учреждениями, принадлежит тем людям, которые ее населяют. Всякий раз, когда их начинает раздражать существующее правительство, они могут использовать свое конституционное право внести поправки в его деятельность либо свое революционное право разогнать или свергнуть его. Я не могу не обратить

внимания на тот факт, что многие достойные и патриотично настроенные граждане очень хотят, чтобы в национальную Конституцию были внесены поправки. Не давая никаких рекомендаций относительно поправок, я в то же время считаю важным сказать, что полностью признаю законные полномочия людей по всей совокупности данной проблематики, которые они могут осуществить любым способом, указанным непосредственно в этом документе.

И в данных обстоятельствах мне следует не противодействовать, а способствовать тому, чтобы люди могли пользоваться справедливо предоставленной им возможностью влиять на ход событий в этом деле. Осмелюсь добавить, что я бы предпочел согласительный метод, поскольку в этом случае поправки могут исходить непосредственно от самого народа, в отличие от того, когда ему позволяется лишь принимать или отвергать исходящие от других предложения, которые не выработались специально для решения данного вопроса и которые могут не соответствовать его желанию одобрить или отвергнуть их. Насколько мне известно, через Конгресс прошла предложенная к Конституции поправка — которую, однако, я еще не видел — имеющая своей целью не допускать никакого вмешательства федерального правительства в деятельность внутренних институтов штатов, включая институт находящихся на официальной службе лиц. Дабы избежать неправильного истолкования того, что я сказал, я отступаю от своего намерения не говорить о конкретных поправках лишь для того, чтобы сказать, что в применении этого положения к подразумеваемому в данном случае конституционному закону я не возражаю против придания ему недвусмысленного и необратимого характера.

Президент Соединенных Штатов получает все свои полномочия от народа, и ни в одном из них ему не поручалось ставить условия разъединения штатов. Народ сам может сделать это, если, конечно, придет к такому решению. Но президент как таковой к этому не имеет никакого отношения. Его обязанность — руководить существующей системой управления в том виде, в каком она досталась ему, и передать ее не ослабленной своему преемнику.

Почему бы нам не сохранять терпеливо веру в конечную справедливость народного решения? Есть ли в мире лучшая или хотя бы равная этой надежда? В условиях нынешних разногласий какая из сторон не верит в свою правоту? Если Всемогущий Правитель Народов с Его вечной истиной и справедливостью будет на вашей стороне на Севере или на вашей стороне на Юге, эта истина и эта справедливость, конечно, восторжествуют благодаря решению этого великого суда американского народа.

В рамках системы правления, при которой мы живем, этот самый народ, проявляя мудрость, предоставил своим государственным чиновникам слишком малые полномочия для совершения подобного и столь же мудро предусмотрел возвращение

этого немногого в свои собственные руки через очень короткие интервалы. И пока народ будет сохранять свое достоинство и бдительность, никакая администрация, при всей ее порочности или глупости, не сможет причинить очень серьезный вред системе правления за короткий четырехлетний срок.

Мои соотечественники, каждый и все вместе, спокойно и основательно обдумайте все стороны этой проблемы. Мы не потеряем ничего ценного, если не будем торопиться. Если имеется цель, побуждающая кого-либо из вас к опрометчивым действиям, к тому, чтобы в горячей спешке совершить поступок, на который вы никогда не пошли бы преднамеренно, то эта цель останется невыполненной, если вы не будете спешить, но доброй цели не может помешать неторопливое обдумывание. При всей вашей неудовлетворенности нынешним положением у вас всё еще есть старая, но по-прежнему сильная Конституция, а по чувствительному вопросу — законы, созданные вами в ее рамках; к тому же у новой администрации не будет полномочий, да и желания, немедленно менять какой-либо из них. Даже если допустить, что вы с вашей неудовлетворенностью стоите в этом споре на правой стороне, все равно для поспешных действий нет ни одной уважительной причины. Интеллект, патриотизм, христианство и твердое доверие к Нему, кто никогда не оставлял эту благословенную землю, по-прежнему в состоянии наилучшим образом уладить все существующие у нас сегодня трудности.

В ваших руках, мои недовольные соотечественники, а не моих — важнейшая проблема гражданской войны. Правительство не собирается нападать на нас. Вы не получите конфликта, если не нападете первыми. Вы не связаны никакой зарегистрированной на небесах клятвой уничтожить существующую систему правления, в то время как я буду связан самой торжественной клятвой поддерживать, охранять и защищать её.

Я не хочу так завершить свою речь. Мы не враги, а друзья. Мы не должны быть врагами. Хотя страсти, возможно, и ослабили узы нашей привязанности, они не должны разрывать их. Тайные струны памяти, протянувшиеся от каждого поля битвы и могилы патриота к каждому живому сердцу и домашнему очагу через всю нашу широкую страну, все же звучат единым хором Союза, когда к ним снова прикоснутся лучшие ангелы нашего естества, и это непременно произойдет.

В нем было «больше от Эвклида, чем от Демосфена»⁷⁷, его подача не была подачей блестящего оратора, агитатора или демагога. Его голос был тенором, который «плохо вытягивал мелодии песен, но имел четкие и привлекательные модуляции».⁷⁸

⁷⁷ Рэндалл, цитата, I, 49

⁷⁸ Сэндберг, «Годы прерий», I, 305.

Когда он говорил, как обычно был немного «напуган»,⁷⁹ он «был бледен и очень нервничал»⁸⁰ по поводу этого события, но его «веселый настрой можно было увидеть»⁸¹ «Вынужденный по природе говорить медленно»,⁸² его манера была «неторопливая и выразительная»⁸³, а его голос «отличительно чистый и проникновенный».⁸⁴ Его голос немного выдавал тот страх, который мог появиться из-за знания о том, что были сделаны «многочисленные ставки» на его безопасность.⁸⁵ Некоторые из очевидцев отметили «громкий и четкий голос, достаточно понятный, по крайней мере тем десяти тысячам людей, стоящим внизу»,⁸⁶ другие посчитали его «чистым и звонким голосом, который легко было услышать всем, стоящим по краям толпы»,⁸⁷ другие отметили его «твердые нотки голоса», его «отличительную неторопливость и точность ударений».⁸⁸ Сэндберг должно быть заметил, что это отдавалось «эхом и достоинством».⁸⁹

Когда Линкольн продолжал читать свою речь, аудитория слушала с уважением, с «напряженным интересом, сменяющимся почти гнетущей неподвижностью»⁹⁰ В толпе, позади выступающего, сидел Горейс Грили, с момента на момент ожидающего выстрела ружья.⁹¹ в какой-то момент ему показалось, что он прозвучал. Выступающий сделал паузу. Но это был лишь зевака, упавший с дерева.⁹² А в остальном, толпа внизу «вела себя очень хорошо»⁹³ Бьюкенен сидел, слушая и «смотря прямо перед собой на носок своего правого ботинка».⁹⁴ Дуглас, сидевший с правой стороны от Линкольна, слушая «внимательно», показывая, что он был «непрерывно доволен», «воскликая вполголоса «хорошо», «да, это так», «без принуждения» и «Снова хорошо».⁹⁵ Верховный Судья Тейни «не сводил глаз с господина Линкольна в течение всей речи».⁹⁶ Господин Камерое стоял спиной к Президенту, напротив Ду-

⁷⁹ (У. Х. Херндон и Дж. У. Вэйк), «Херндонская жизнь Линкольна», вступительное слово и комментарии Пола М. Эндрю (Кливлэнд, «Уолд Пабблишинг Ко.», 1949 г.), стр. 220.

⁸⁰ «Дневник общественного деятеля», стр. 74.

⁸¹ Переписка «Цинцинатти коммерциал», согласно цитате в «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4.

⁸² Херндон и Вэйк, цитата, стр. 273.

⁸³ «Нью-Йорк Трибьюн» 5 марта 1861 г., стр. 5, кол. 4.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ «Нью-Йорк Таймс» 4 марта 1861 г., стр. 1, кол. 4.

⁸⁶ «Нэшнал интеллидженсер» 5 марта 1861 г., стр. 3, кол. 3.

⁸⁷ «Нью-Йорк Таймс», 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 3.

⁸⁸ Переписка «Цинцинатти коммерциал», согласно цитате в «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4.

⁸⁹ Сэндберг, «Годы в прериях», I, 306.

⁹⁰ Фредерик У. Сьюард, Сьюард в Вашингтоне в качестве Сенатора и Министра (Нью-Йорк, «Дерби и Миллер», 1891 г.), I, 516.

⁹¹ Грилей, цитата, стр. 404.

⁹² «Дневник общественного деятеля», стр. 74.

⁹³ Там же.

⁹⁴ «Нью-Йорк Таймс», 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 3.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

гласа «вглядываясь в толпу».⁹⁷ Сенатор Сьюард и другие избранные члены Кабинета правительства «держались поодаль».⁹⁸ Сенатор Вигфалл из Техаса, со скрещенными руками стоял «облокотившись в дверях Капитолия», слушая инаугурационную речь, с «презрением, демонстративным неповиновением и усмешкой на лице, его пантомимическая поза выражала те слова, которые он произнес в Сенате: старый Союз – это мертвец, и вопрос в том, как его бальзамировать и организовать должным образом похороны».⁹⁹ Терлоу Уиид отошел от толпы, доложив Генералу Скотту, стоявшему на вершине склона «Инаугурация прошла успешно». Старый генерал воскликнул: «Слава Богу! Хвала Господу!»¹⁰⁰ Корреспондент газеты, который наблюдал за этой сценой, увидел «правильность и нарастающий интерес, который наполнил огромную толпу собравшихся» и «произвел впечатление на каждого, кто имел возможность наблюдать за этой сценой».¹⁰¹ Толпа «аплодировала, не умолкая» и «временами восторженно»,¹⁰² особенно в тех местах, когда он «заявил о своей непреклонной цели выполнять закон и конституционный долг».¹⁰³ Когда Линкольн заявил, что «Я считаю, что с точки зрения универсального права и Конституции союз этих штатов вечен», «приветствия были энергичными, искренними и долгими».¹⁰⁴ А слова: «Я буду заботиться о том, чтобы законы Союза добросовестно соблюдались во всех штатах», встретили «громкими приветственными криками».¹⁰⁵ Но «самое яркое впечатление произвела финальная часть его речи, а именно призыв»,¹⁰⁶ – заметил один из репортеров. «С великой торжественностью ударения, используя жесты, чтобы добавить важности своим словам», Линкольн заметил: «Вы не связаны никакой зарегистрированной на небесах клятвой уничтожить существующую систему правления, в то время как я буду связан самой торжественной клятвой поддерживать, охранять и защищать её». Толпа разразилась «повторяющимся приветствием раунд за раундом».¹⁰⁷ Наконец, после того, как Линкольн произнес «слова любви к присутствующим», заканчивая свою речь, «мужчины махали шляпами и разрази-

лись искренним выражением восторга и радости. Удивительная определенность [*соответствует источнику*], самоуверенность и возвышенный дух патриотизма, который насытил всю речь, произвел впечатление на каждого слушателя, в то время как очевидная искренность, прямота, честность и мужественность господина Линкольна вынуждала даже его врагов на похвалу».¹⁰⁸ «Общий эффект от Инаугурации на страну придется подождать и собрать из многих источников», – заметил один из репортеров, – «но уже всеми признано, что эффект от этого события уже заметен, судя по огромному числу собравшихся здесь, а ощущения настроения здесь в высшей степени счастливые, радость со всех сторон».¹⁰⁹ Верховный Судья Тейни выступил вперед, съездившийся, пожилой с трясущимися от эмоций руками, и подал открытую Библию. Линкольн положил на нее левую руку, поднял правую руку и повторял клятву «громким, но спокойным голосом»:¹¹⁰ «Я торжественно клянусь, что я буду честно исполнять обязанности Президента Соединенных Штатов и сделаю все возможное, чтобы поддержать, сохранить и защитить Конституцию Соединенных Штатов». Теперь Линкольн стал президентом. Толпа внизу «бросала вверх шляпы, вытирала глаза от слез, кричала, что есть мочи, приветствовала возгласами до хрипоты». И если бы толпа не была такой плотной, она бы продемонстрировала свою радость, удовлетворение и восторг более живо».¹¹¹ На холме артиллерия выстрелила салют в честь шестнадцатого президента Соединенных Штатов.¹¹² Толпа рассеивалась, а Линкольн ехал по Пенсильвания-авеню с Бьюкененом, с которым он попрощался у ворот Президентского особняка.¹¹³

Обращение заняло тридцать шесть минут, и сейчас уже все закончилось, по крайней мере до тех пор, пока страна замерла в ожидании. Линкольн готовил эту речь шесть недель и многие годы, думая, наедине с самим собой, прибавив к этому его опыт агитационных поездок по стране. Также, как и другие его речи: «Дом разделенный» и «Обращение к Союзу Купера», эта речь была тщательно и детально подготовлена, постоянно редактировалась вплоть до самого момента выступления. «В конце января», он сказал своему партнеру по юридическим делам Герндону, что он «был готов начать»¹¹⁴ подготовку к Инаугурации. В комнате над магазином, напротив Здания Парламента, отрезанный от внешних вмешательств и обще-

⁹⁷ Переписка «Цинцинатти коммершиал», согласно цитате в «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Сэндберг, «Годы войны», I, 123.

¹⁰⁰ Сьюард, цитата, стр. 516, 517.

¹⁰¹ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 5 марта 1861 г., стр. 5, кол. 4.

¹⁰² «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4, цитата из «Цинцинатти коммершиал».

¹⁰³ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн» 5 марта 1861 г., стр. 5, кол. 4.

¹⁰⁴ «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4, цитата из «Цинцинатти коммершиал».

¹⁰⁵ «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4, цитата из «Цинцинатти коммершиал».

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ «Чикаго Дэйли Трибьюн» 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 4, цитата из «Цинцинатти коммершиал».

¹⁰⁹ «Чикаго Дэйли Трибьюн» 9 марта 1861 г., стр. 3, кол. 2.

¹¹⁰ «Нью-Йорк Таймс» 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 3.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Сандбург, «Годы войны», I, 122.

¹¹³ Барингер, цитата, стр. 334.

¹¹⁴ Херндон и Вэйк, цитата, стр. 386.

ния, он начал свою подготовку. Он сказал о работах, которые он хотел бы почитать в качестве консультации: «Великое выступление Генри Клей в 1850 году; заявление Эндрю Джексона против Нуллификации; а также копия Конституции». «После» он запросил копию ответа Вебстера Гейне, речь, которую он назвал «великим образцом Американского ораторства».¹¹⁵ «С этими несколькими «томами» и больше никакими другими источниками»¹¹⁶ он начал свою работу над выступлением.

2 февраля 1861 года он написал своему другу Джорджу Д. Прентису,¹¹⁷ редактору «Луисвилл Журнал»: «Я набросал черновик этого документа, но учитывая постоянные изменения ситуации, мне придется попридержать его, потому что понадобится внести коррективы вплоть до самого выступления».¹¹⁸ Оригинал черновика был напечатан владельцем «Иллинойс Стейт Джорнал», которому он передал рукопись.¹¹⁹ «Кажется, больше никто не вошел в доверие господина Линкольна настолько, чтобы ознакомиться с содержанием этого документа до отъезда в Вашингтон 11 февраля».¹²⁰ Приехав в Индианаполис, он показал копию О. Г. Браунингу, который сопровождал его от самого Спрингфилда. Согласно Браунинга, «до прощания с господином Линкольном в Индианаполисе, во вторник, он дал мне копию своей инаугурационной речи, попросил прочитать и высказать свое мнение, что я и сделал. По моему мнению, речь была сильной, продуманной и уместной, так я ему и сказал. Я посчитал ее достойным восхищения документом. Он разрешил мне оставить копию за обещание не показывать ее никому кроме Миссис Браунинг».¹²¹

По приезду в Вашингтон, Линкольн отдал копию Секретарю Сьюарду с тем же предложением высказать критику.¹²² По словам Луиса А. Уоррена, «на сколько мы знаем, только эти двое принимали все решения по поводу конкретных изменений копии оригинала»,¹²³ хотя даже несколько еще человек могли видеть ее.¹²⁴

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Линкольн Лор, №308 (4 марта 1935 г.).

¹¹⁸ Луис А. Уоррен «Первоначальный оригинал черновика первой Инаугурационной речи», Линкольн, №358 (17 февраля 1936 г.).

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Дневник Орвил Хикман Браунинг, отредактировано с вступительным словом и комментариями Теодора Калвина Пиза и Джеймса Г. Рэндалла (Спрингфилд, Иллинойс, Государственная Библиотека Истории Иллинойса, 1925 г.), I, 1850-1864, 455, 456.

¹²² Сьюард, стр. 512.

¹²³ Линкольн Лор, №358.

¹²⁴ Джон Г. Николэй и Джон Хэй, Авраам Линкольн, История (Нью-Йорк, «Сенчури Ко.», 1914 г.), III, 319, Николэй и Хэй отметили, что «Судья Дэвид Дэвис прочитал это, когда был в Спрингфилде», а «Фрэнсис П. Блэр, Ст., прочитал это в Вашингтоне, не предложив никаких изменений».

Репортеры проявили яркий интерес к подготовке к Инаугурации, иногда допускали неточности в своих репортажах на разных этапах подготовки к событию. Записывая, чем занимался Президент субботним вечером 2 марта один репортер ошибочно заметил: «Господин Линкольн послал за Секретарем Сьюардом, а в 11 1/2 этот джентльмен приехал в гостиницу. Господин Линкольн впервые зачитал ему Инаугурационную речь и спросил его мнения. Сьюард проанализировал абзац за абзацем и искренне согласился с большей ее частью. Он предложил несколько изменений, немного исправлений и добавил несколько абзацев – все было принято господином Линкольном. После чего Сьюард назвал Инаугурационную речь полностью готовой и великолепной, и удалился».¹²⁵ В воскресенье репортер отметил, что «Господин Линкольн сегодня вечером сказал о том, что Инаугурационная речь не готова для печати, т.к. некоторые моменты нужно будет изменить в зависимости от действий Сената сегодня вечером. Его сын сейчас переписывает копии того, что уже готово, одна из которых будет передана в «Ассошиэйтид Пресс», когда он начнет ее читать».¹²⁶ В тот же день были «репортажи о попытках в высоких кругах убедить президента смягчить тон инаугурационной речи, но нет подтверждения тому, что они удались».¹²⁷

Последний репортаж о подготовке к Инаугурации содержит описание утра 4 марта: «Господин Линкольн проснулся в 5 часов. После раннего завтрака его сын Роберт громко зачитал ему Инаугурационную речь, после чего были добавлены завершающие штрихи, включая красивый, будоражащий заключительный абзац».¹²⁸

Как заметил Дж. Г. Рэндалл «если кому-нибудь пришлось справедливо оценить первый президентский государственный документ Линкольна, это инаугурационное выступление 1861 года заслуживает быть зачитанным, как это было в первый раз, выигрывая перед вариантами, которые Линкольн вычеркнул во время редактирования. Заявления торжественного обещания сохранить Федеральную власть были смягчены и сокращены, убрали резкость, а обещания примирения и согласия были эмоционально подчеркнуты».¹²⁹ Господин Браунинг предложил «только одно изменение», по мнению некоторых источников, «самое важное во всем документе».¹³⁰ Господин Сьюард внес двадцать три предложения по улучшению документа и девятнадцать из них были приняты, восемь были использованы после того, как господин Лин-

¹²⁵ «Нью-Йорк Таймс» 4 марта 1861 г., стр. 1, кол. 1.

¹²⁶ «Нью-Йорк Таймс» 4 марта 1861 г., стр. 1, кол. 2.

¹²⁷ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 4 марта 1861 г., стр. 5, кол. 1.

¹²⁸ «Нью-Йорк Таймс», 5 марта 1861 г., стр.1, кол. 1.

¹²⁹ Рэндалл, цитата, I, 309.

¹³⁰ Уоррен, цитата.

кольтн отредактировал их, а шесть были полностью отвергнуты». ¹³¹ И наконец, Линкольн «сам без участия кого-либо внес шестнадцать изменений в черновик оригинала». ¹³²

Итак, как бы страна не критиковала изученную от и до Инаугурационную речь, Линкольн мог дать ответ и объяснить, также как он это сделал для Дугласа, который поддразнивал его в 1858 году, говоря, что речь «Дом разделенный» была «явно хорошо подготовлена и внимательно написана», ¹³³ «Я признаю, что так и было. Я не мастер языка, у меня нет хорошего образования;...Я знаю, что я имел в виду, и я не оставляю этот народ в сомнении». ¹³⁴

Линкольну не пришлось долго ждать ответа от всей страны. Когда он выступал с речью, небольшие группы, которые нельзя было увидеть возле выступающего, собирались на территории, вокруг газетных офисов, ожидая телеграфных репортажей об Инаугурации. Между Вашингтоном и Нью-Йорком Американская Телеграфная компания отдала в распоряжение «Ассоциэйтид Пресс» три кабеля для передачи выступления. ¹³⁵ Подобные приготовления были проведены в главных городах. Выступление с Инаугурационной речью началось в 13:30, по Вашингтонскому времени, а «телеграфы с точностью до минуты» стали передавать его. «Первые слова Обращения были получены агентом «Пресс» в 13:45, а последние около 15:30», написал «Нью-Йорк Таймс». ¹³⁶ «Такая скорость телеграфной связи никогда не была до этого отмечена в этой стране». ¹³⁷ К четырем часам дня «весь документ был передан различным газетам», ¹³⁸ и читатели получили в руки специальные издания прессы в течение одного часа. «Люди всех партий в этом городе, также как и в других городах, простояли весь день на цыпочках, чтобы услышать о том, что происходит в Вашингтоне, а особенно хотели услышать, что же скажет Президент Линкольн в своей инаугурационной речи», написала газета «Нью-Йорк Таймс». ¹³⁹ «Передали, что процессия приблизилась к Капитолию, а затем, пока Президент выступал с речью, корреспонденты передавали ее по телеграфу, был долгий период ожидания. В то время, мужчины разговаривали, собравшись многочисленными группами, обсуждали различные вопросы, связанные с

сегодняшним событием, перед небольшими группами глазающих слушателей. Среди них было много предсказателей, не безызвестных, до того, как Послание было получено, которые знали, что именно будет содержаться в нем. Они также предсказывали с потрясающей точностью те вопросы, на которых господин Линкольн остановится.

«Было уже около пяти часов, когда красноречие этих знаменитостей неожиданно стало угасать с появлением еще влажных листов последнего издания с Инаугурационной речью Президента белым по черному, внезапно появившихся из под прессов прямо в руки тех, кто мог достать копии. Затем началась дикая толкучка вокруг стойки издательства, оплата нескольких пенни и быстрое стягивание газет, после чего толпы стали рассеиваться. Каждый спешил найти место подальше от толпы, где бы смог внимательно прочитать документ в спокойной обстановке. Мальчишки, разносившие газеты, пробежали по городу, крича громкими голосами: «Послание Президента!», «Речь Линкольна!», «Газета «Таймс» только что со станка!», «Читайте про Инаугурацию-ю-ю!». Час спустя все уже прочитали Послание и обсуждали его». ¹⁴⁰

В Маттуне, штат Иллинойс, разыгралась подобная сцена. Проезжий репортер, направляясь из Чикаго, наблюдая за реакцией народа, проезжал «по городу» и останавливался в холлах гостиниц, в которых речь еще на свеженпечатанных страницах «зачитывалась, перечитывалась, громко и про себя, группам пылких слушателей... По мере зачитывания речи для слушающих, когда читающий доходит до места, в котором господин Линкольн «опускает ногу вниз на землю», все слушающие делают тоже самое по кругу». ¹⁴¹

Земляки, с которыми Линкольн нежно попрощался три недели назад, были одними из самых беспокойной невидимой аудиторией. В виду того, что они говорили только за себя во время отъезда, сейчас они готовы были говорить от имени всей страны. «Инаугурационное обращение нашего замечательного Президента наэлектризовало всю страну», говорили они. «Обращение удовлетворило все стороны, которые любили Союз и жаждали его сохранения. В этом городе оно дает почти повсеместное удовлетворение». ¹⁴² В Квинси, одно из мест дебатов в 1858 году, обращение было встречено с «большим энтузиазмом», а Республиканское военное отделение выстрелили в тридцать четыре ружья», ¹⁴³ в Пеории «желание услышать, что сказал господин Линкольн было таким огромным, что люди приехали за сорок миль,

¹³¹ Уоррен, цитата.

¹³² Там же.

¹³³ Речь Сенатора Дугласа в Чикаго, 9 июля 1858 г., во время политических дебатов между Авраамом Линкольном и Стивеном А. Дугласом, вступительная часть Джорджа Хавена Путнама (Нью-Йорк, «Дж. П. Путнаме Санз», 1913 г.), стр. 24.

¹³⁴ Речь в ответ Дугласу в Чикаго, Иллинойс, 10 июля 1858 г., «Авраам Линкольн: Его устные выступления и сочинения», редакция Роя П. Баслера, стр. 392.

¹³⁵ «Нью-Йорк Таймс», 5 марта 1861 г., стр. 8, кол. 5.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ «Нью-Йорк Таймс», 5 марта 1861 г., стр. 8, кол. 4, 5.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ «Чикаго Дэйли Трибьюн», 8 марта 1861 г., стр. 2, кол. 3.

¹⁴² «Иллинойс стейт джорнал», 6 марта 1861 г., стр. 2.

¹⁴³ «Чикаго Дэйли Трибьюн», 6 марта 1861 г., стр. 1, кол. 3.

чтобы получить копии этого послания»,¹⁴⁴ читая его «с большим энтузиазмом».¹⁴⁵

Но были и несогласные голоса в родных местах, в Демократической прессе, что было характерно для всего Севера. В то время, как «Чикаго Дэйли Трибьюн» был «почти убежден, что невозможно найти ни одного документа среди Американских государственных бумаг, объединяющего оправданную мудрость и высший патриотизм, вдыхая более добрые чувства во все разделы страны».¹⁴⁶ «Чикаго Таймс» осудила Инаугурационную речь, назвав ее «несвязанным, расчлененным, беспорядочным предприятием», подведя итог, что Союз теперь «был безнадежно потерян».¹⁴⁷ В то время, как «Нью-Йорк Таймс» заметил, что «консерваторы в восторге от Инаугурации», что «ее примирительный тон, искреннее заявление о преданности всей стране задела сердца многих людей, которые до этого были против господина Линкольна».¹⁴⁸ «Нью-Йорк Геральд» нашел, что «речь не является непродуманной, избилующей обманом и хитростью. Она несет черты нерешительности, и в тоже время выраженную тенденцию ограничения свободы... Она и неоткровенна, и неподобающая государственному деятелю; она не несет никакого достоинства или патриотизма. Она бы заставила Вашингтона стонать, вызвала бы у Джефферсона, Мэдисона или Джексона презрение к власти».¹⁴⁹ Некоторые в Мэйне считали ее «жалким, слабым, низкопробным предприятием, позором для страны, и соответствующие замечания относительно фанатизма и некорректности, которые сделали его Президентом».¹⁵⁰ Некоторые в Пенсильвании считали ее «одним из самых неумело составленных государственных документов, которые когда-либо существовали», и «жалко-извиняющейся для подъема Республиканской партии и его собственных выборов в Президенты».¹⁵¹ И были такие в Огайо, «кто никогда не ожидал увидеть Чернокожего Республиканца мирно инаугурированного в этой стране Белокожих республиканцев... но сейчас Рубикон уже позади» и Инаугурационная речь, «как и ее выдающийся автор прочно стоит на ногах». «Она более выразительна по звучанию, чем по стилю, пахнущая порохом, и «ограничением свободы повсюду», в понимании Юга».¹⁵² «Это интересное исследование», написал жур-

нал «Дуглас», Пеорийский «Дэйли Демократик Юнион», 7 марта, «просматривать различные издания, которые вышли с момента Инаугурационного выступления Президента Линкольна, и отмечать различную манеру и тон освещения этого события». «Вся критика, высказываемая в адрес Обращения, не может быть верной, т.к. есть существенное расхождение во взглядах, и этот факт совершенно явно говорит о том, что некоторые из этих критических замечаний, являются плодом предубеждений, либо были написаны людьми, которые не могут оценить заслуг этого первого государственного документа Президента Линкольна».¹⁵³

При этом существовала разница во мнениях на Севере, по большей части ограничивающейся сильным осуждением. Однако, Юг не возлагал больших надежд на Линкольна, и высказывался на эту тему соответственно. «Инаугурационное обращение господина Линкольна перед нашими читателями», – написал «Ричмонд Инквайэр», – «составленное бесстрастным, спокойным, обдуманым языком фанатика, ставящей целью преследовать принципы фанатизма, даже вплоть до разъединения Правительства с угрозой Гражданской войны... Гражданская война должна сейчас произойти. Территориальная война, провозглашенная господином Линкольном, ожидает только сигнального выстрела от обиженной Южной Конфедерации, чтобы разжечь свой ужасный огонь вдоль всех границ Виргинии».¹⁵⁴ «Ричмонд Диспатч» был одинаково сильным в высказываниях: «Обращение Авраама Линкольна инаугурирует гражданскую войну, как мы и предполагали с самого начала... Меч вынут, а ножны выброшены... эпохами Виргиния может быть вовлечена в битву жизни и смерти...»¹⁵⁵ «Балтимор Сан» отметил, что «Инаугурация, по большому счету, дышит духом беспорядков», и добавил, что «дух Союза в ней отсутствует».¹⁵⁶ «Мы предполагаем, что никто не удивлен услышать, что Сецессионисты считали Инаугурационную речь «Декларацией войны», – заметил один из обозревателей. «До того, как Инаугурационное обращение было прочитано в каждом Южном Штате, оно было передано по телеграфу из каждой точки Юга «декларацией войны».¹⁵⁷ Я услышал только одно выражение намерений господина Линкольна: «контролировать, занимать собственность и территории, принадлежащие правительству, и владеть ими, а также соби-

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ «Чикаго Дэйли Трибьюн», 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 1.

¹⁴⁷ Цитата Рэндалл, стр. 306.

¹⁴⁸ «Нью-Йорк Таймс», 5 марта 1861 г., стр. 1, кол. 4.

¹⁴⁹ Цитата в «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 7 марта 1861 г., стр. 6, кол. 6.

¹⁵⁰ Союз Бэнгор, согласно цитате в «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн» 8 марта 1861 г., стр. 6, кол.5.

¹⁵¹ «Филадельфия Ивнинг Джорнал», согласно цитате в «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн» 7 марта 1861 г., стр. 7, кол.3.

¹⁵² «Кливленд Плейндилер», согласно цитате в «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн» 9 марта 1861 г., стр. 1, кол.3.

¹⁵³ Цитата в «Нозерн Эдиториалс» о Сецессии, редакция Ховарда Сесил Перкинса (Нью-Йорк, А. Эпплтон Сенчури Ко.), 1942 г.), II, 643.

¹⁵⁴ Цитата в «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 7 марта 1861 г., стр. 7, кол. 2, см. также "Саузерн Эдиториалс" по поводу Сецессии, стр. 474, 475.

¹⁵⁵ «Саузерн Эдиториалс» по поводу Сецессии. стр. 475

¹⁵⁶ Цитата из «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 7 марта 1861 г., стр. 7, кол. 1.

¹⁵⁷ «Нью-Йорк Таймс», 7 марта 1861 г., стр. 4, кол. 2.

рать пошлины и налоги», – заметил специальный корреспондент в Ричмонде. Инаугурационная речь «была встречена с осуждением» и «считалась, если не объявлением войны, то, по крайней мере, выражением намерения удерживать отделяющиеся Штаты в соответствии с потребностями Федерального Правительства».¹⁵⁸ Сообщая из Чарльстона, штат Северная Каролина, другой корреспондент заметил, что «Часть, которая несомненно привлекла всеобщее внимание, и постоянно перечитывалась, была той, где господин Линкольн объявляет, что всеми силами будет заботиться согласно своей клятве и Конституции о том, чтобы «законы Союза честно соблюдались во всех Штатах» и, что он будет исползовать ту власть, которая была ему доверена, чтобы «контролировать, занимать собственность и территории, принадлежащие правительству, и владеть ими, а также собирать пошлины и налоги». По словам этого корреспондента, вердикт был таков, что «восстание не будет воспринято мягко господином Линкольном, и, что он был человеком совершенно другого сорта, чем Джеймс Бьюкенен».¹⁵⁹ По крайней мере, меньшинство населения Юга ответили менее яростно. Время от времени какой-нибудь путешествующий репортер, слоняющийся среди толп Южных городов, отмечал меньшую ярость. Из Монтгомери пришло сообщение, что Александр Стивенс нашел Инаугурационное обращение «самым искусным Государственным документом, который когда-либо был опубликован на Континенте» и «было произведено огромное моральное впечатление»¹⁶⁰ и в Чарльстоне, и в Монтгомери. В Саванне, штат Джорджия, «еще не слышали ни одного слова, опубликованного, против тона обращения», – заметил один из корреспондентов, предвещая «мощный и сметающий эффект на Юге».¹⁶¹ Иногда корреспонденты отмечали «достаточно общее разочарование, что в документе было так мало «крови и грома».¹⁶² «То, что документ должен иметь спокойный тон с чувством достоинства и стиля, логическим в своих выводах, простым и добрым в обращении с важными вопросами дня, раздражало мятежников, которые надеялись найти провокацию на экстремальные действия в этом обращении».¹⁶³

Пока вся страна читала это обращение и реагировала как одобрительно, так и отрицательно. Сенатор Клинтман штата Северная Ка-

ролина и Стивен А. Дуглас были вовлечены в дебаты по поводу его значения в Сенате Соединенных Штатов. «Если я понимаю правильно, все в нем достаточно прямолинейно. Я имею в виду, что причина, которая явно выделяется, является той, которая должна повлечь за собой войну – войну против конфедеративного или отделяющегося штата»,¹⁶⁴ – заметил Клинтман. Дуглас, с другой стороны, который «прочитал обращение внимательно» не мог «согласиться с утверждением» сенатора из Северной Каролины, считающий, что он мог «показать, что нет основания для страха, который распространился по всей стране о том, что это послание является эквивалентом объявления о войне».¹⁶⁵ В то время, пока страна искала в Инаугурационной речи идеи, которые в ней содержались, она изучала и оценивала язык и стиль, в котором она была написана. «Торонто Лидер» не понравился «безвкусный и кричащий стиль школьника», даже не смотря на то, что он «оценил» документ за его «хороший смысл».¹⁶⁶ Обозреватель из Олбани, штат Нью-Йорк, нашел, что «бессмысленно критиковать стиль Инаугурационного обращения Президента, когда политика, которую она провозглашает, преисполнена такими важными последствиями». Однако, при всем том, он остановился на его описании как «бессвязной, непоследовательной, сомнительной, слабо-построенной, обрубленной речи». Обращение состояло из «невыразительного риторического содержания».¹⁶⁷ В то время, как недружелюбно настроенные к Линкольну газеты называли речь «неполноценной в части изложения, ясности, энергичности, таланта и всех умений составления по сравнению со всеми другими документами такого плана, которые когда-либо были написаны Президентом Республики».¹⁶⁸ Газеты, которые были дружелюбно настроены нашли недостаток в другом. «Совершенно ясно, как вода в горном ручье», – прокомментировал репортер из Детройта, что «ее глубина и течение видны с первого взгляда»¹⁶⁹ В Бостоне репортер «Транскрипт» прокомментировал длину обращения: «Стиль обращения характеризуется также как его настрой. Нужные слова в нужном месте, это требование хорошей риторики. Правильные слова в правильное время, должны быть образцом, по которому оценивают речь государственных деятелей, и это испытание было вы-

¹⁵⁸ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 9 марта 1861 г., стр. 6, кол. 2.

¹⁵⁹ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 9 марта 1861 г., стр. 6, кол. 1.

¹⁶⁰ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 12 марта 1861 г., стр. 6, кол. 1.

¹⁶¹ «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 11 марта 1861 г., стр. 6, кол. 2.

¹⁶² «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 9 марта 1861 г., стр. 6, кол. 1.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ «Конгресснэл Глоуб», Второе заседание, 36 Конгресс, том 30, часть II, стр. 1436.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Цитата из «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 7 марта 1861 г., стр. 7, кол. 3.

¹⁶⁷ Атлас Олбани и Аргус, согласно цитате в «Нозерн Эдиториалс» по поводу Сецессии, II, 628.

¹⁶⁸ Джерси Сити Американ Стэндард, цитата из «Нозерн Эдиториалс» по поводу Сецессии, II, 625.

¹⁶⁹ «Дитройт Дэйли Трибьюн», цитата из «Нозерн Эдиториалс» по поводу Сецессии, II, 625.

держано Обращением Линкольна. В нем нет ни одного подстрекательного слова протяжении всей речи, состоящей из четких и ясных утверждений. Язык на уровне народного сознания – простой, обычный, примитивный язык человека, который привык разговаривать с «народом» и «соседями», язык человека, имеющего необходимый здравый смысл, чьи слова с точностью соответствуют его фактам и мыслям». ¹⁷⁰ Иногда заключительный абзац выделялся для похвалы. В Индианаполисе репортер «Дэйли Джорналз» заметил, что «заключительное предложение, единственная попытка риторического проявления во всем Обращении, является необыкновенно и почти поэтически красивым». ¹⁷¹

Часть II

Учитывая обстоятельства, которые способствовали концентрации внимания на Инаугурационной речи, отодвинув во времени те страсти, которые бушевали в стране, что можно сказать о выступлении Линкольна 4 марта 1861 года? Историки достаточно часто анализировали обращение на предмет его влияния и пришли к выводу, что «несмотря на то, что в то время оно не нашло признания, это была одна из самых великих Американских инаугураций». ¹⁷² А литературный критик как-то высказался о последнем абзаце как о поэтической красоте и бессмертной ценности. В отличие от историка, мы ни на чуть не обеспокоены Инаугурационной речью, как силой в формировании Американской культуры, как и не обеспокоены ее бессмертной ценностью в литературе. Инаугурационное обращение было той речью, которая «должна была быть услышана и должна была оказать влияние любого рода на тех, кто ее услышал», ¹⁷³ или тех, кто прочитал ее. Мы должны быть задуматься над оценкой Инаугурационного обращения как речи, средства отличающегося от других, со своими особенностями. Мы должны быть задуматься над открытием в данном конкретном случае «доступных средств убеждения» и оценкой их ценности.

Давайте посмотрим на Инаугурацию, как общение, с целью и содержанием, предположительно созданным в помощь достижения той цели, далее поддержанной умелым сочетанием слов, и объединенной характером и манерой человека, который выступил с ней. Мы не должны безосновательно предполагать, что цель Линкольна легко различима в цере-

монии как таковой. Конечно, правда то, что это была инаугурационная церемония с ритуалом, достаточно хорошо установившимся пятнадцатую предшественниками, «Тем не менее, со всем этим объемом прецедента», Линкольн знал, что он приступил к таким же обязанностям «во время великих и особенных сложностей. А распад Федерального Союза, который до этого только был угрозой, сейчас значительно наступал». Если мы разглядим цель, которая была у Линкольна, когда он обращался к Американской нации 4 марта 1861 года, мы сможем вспомнить опыт государства в период между его избранием в президенты и днем его инаугурации. В течение этого периода, он прекрасно знал о негодовании Юга по поводу «разделенного» президента. Стремительное движение Сецессионистов последовало сразу же после объявления о его выборе и о власти Республиканской партии. Юг рассматривал Республиканскую платформу как инструмент своего «подчинения» и «полного распада своих социальных, политических и промышленных институтов». ¹⁷⁴ Своими действиями сецессии и провозглашением своего собственного временного правительства, дальний Юг поднял очень важный вопрос: «Каковы полномочия федерального правительства в отношении поддержания своего существования и требования вернуть ту федеральную собственность, которая принадлежит вышедшим из Союза членам?»

Линкольн также был прекрасно осведомлен о сомнениях и скептицизме, которые существовали у большинства относительно его способности быть лидером своей партии и страны. «Я не могу не знать, о чем вы все знаете», - заметил он по дороге в Вашингтон, - «что без имени, возможно без причины, зачем мне нужно имя, на меня свалилось задание такого рода, которое не оставило в покое даже Отца этой Страны...» ¹⁷⁵ В добавок ко всему, он был хорошо осведомлен о том, что и Север, и Юг не доверяли его моральному духу и порядочности. Даже для членов своей партии он был «забавным», героем историй с плохим вкусом, шутником из Иллинойса. Для Юга он был в лучшем случае таким же радикалом, как самый яростный из Республиканцев левого крыла, следовательно «опасным человеком». ¹⁷⁶ Он был в курсе превалирующих мнений о нем, как кто-то случайно заметил одно высказывание по пути в Вашингтон, когда на секунду, его обращение было потеряно.

¹⁷⁰ Цитата из «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн», 7 марта 1861 г., стр. 7, кол. 1.

¹⁷¹ Цитата из «Нозерн Эдиториалс» по поводу Сецессии, II, 619.

¹⁷² Дж. Г. Рэндалл, «Великая декларация верности Линкольна», «Нью-Йорк Таймс Магазин», 6 февраля 1949 г., стр. 23.

¹⁷³ Вэйланд М. Парриш и Мари Хочмут Никольс, «Речи Америки» (Нью-Йорк, Дэвид МакКей, 1954 г.), стр. 3.

¹⁷⁴ «Нью Орлинз Дэйли Кресцент», 13 ноября 1860 г., цитата из цитата из «Саузерн Эдиториалс» по поводу Сецессии, II, 237.

¹⁷⁵ «Обращение к законодательной власти Огайо в Коламбус, 13 февраля 1861 г.», «Полное собрание сочинений», VI, 121.

¹⁷⁶ «Речь Сенатора Клингмана из Северной Каролины в Сенате», 3 декабря 1860 г., «Конгрешэнэл Глоуб», второе заседание, 36 Конгресс, том 30, стр.3.

Взволнованно ища его, он описал инаугурационное обращение как «мое удостоверение моральной репутации, написанное мной же».¹⁷⁷

Не смотря на то, что с момента его избрания он был вынужден высказать свое мнение по поводу происходящего, Линкольн хранил молчание, и то, что оно не было вызвано отсутствием желания было яснее ясного. «Были сделаны намеки», – заметил он по пути в Вашингтон, – «на интерес относительно политики новой администрации. В этом вопросе от некоторых я получил степень доверия за хранение молчания, а от других осуждение. Я по-прежнему считаю себя правым...»

«В различных и постоянно меняющихся сценах настоящего, и без прецедента, который смог бы мне помочь оценить прошлое, кажется соответствующим, что прежде чем говорить о проблемах страны, я должен был получить полную картину, чтобы быть свободным в изменении курса политики, так как будущие события могут сделать это изменение необходимым.»

«Я хранил молчание не из-за желания настоящих волнений».¹⁷⁸

Какова тогда была цель Линкольна? Ясно то, что он намеревался использовать инаугурацию для объявления позиции Республиканской партии относительно Юга, объявить свое обдуманное мнение относительно целесообразных вопросов, появившихся из-за движения сецессионистов, и в целом, дать ту уверенность, которую он мог, своей личной порядочности.

Оценивая Инаугурационное обращение, мы должны помнить о его цели, проконтролированный Линкольном выбор материала для этой речи, его состав, стиль и манера.

Давайте обратимся к самой речи, чтобы остановиться на тех материалах и методах, которые он использовал для поддержания своей цели. Принимая во внимание, общее предрасположение Юга рассматривать приходящую администрацию с подозрением, и учитывая тот факт, что Линкольн не выступал за свою собственную партию с момента своей номинации, он посчитал нужным найти момент «обратить внимание народа на самое убедительное свидетельство, по которому это дело было легко-допустимым.», идея целостности Республиканской партии и его собственная порядочность как рулевого. Мудрая оценка немного могла определять иное, для дальнего Юга, вышедшего частично из Союза, не ожидавшего должного рассмотрения от новорож-

денной партии, а приграничные штаты обдумывали подобные меры. Линкольн попытался примирить свою аудиторию, убеждая страну в том, что «собственность, мир и безопасность любой территории не будет подвергаться опасности со стороны приходящей к власти Администрации». В доказательство он напомнил о том факте, что он принял торжественную клятву «в вашем присутствии», он снова пообещал уже сказанными словами,¹⁷⁹ «которые уже существовали и были доступны для проверки»; о Республиканской платформе, обращаясь к «сохранению ненарушения прав Штатов, особенно права каждого штата управлять и контролировать свои внутренние институты исключительно согласно своим собственным решениям»¹⁸⁰, и о положении «просто сформулированном в Конституции» относительно выдачи беглецов «должны быть выданы по требованию стороны, которая имеет право на такую службу или работу»¹⁸¹ Он завершил свое вступление повторением признания, что он принес «официальную клятву без мысленных оговорок и без намерения толковать Конституцию или законы с помощью каких-либо слишком строгих правил». Это был не материал и не метод «лживого» или «опасного» человека. Этим Линкольн пытался вызвать те положительные реакции, которые возникают с появлением честности, прямоты, повинения Конституции. Необходимо помнить, что клятва Линкольна в верности не удовлетворила группу Аболиционистов в составе его родной партии, с которой его постоянно ассоциировали на Юге, однако, это отличало его от радикального элемента и воодушевило штаты, которые еще оставались в составе Союза. С точки зрения убеждения Линкольн поступил несомненно мудро, воспользовавшись советом Сьюарда: опустить два абзаца, следующих сразу после вступления в оригинале черновика Инаугурации:

Чем больше современная традиция избрания Президента на основе ранее объявленных принципов аннулируется, тем больше необходимость заново формулировать эти принципы в обращении такого рода. На простой основе веры тот, кто таким образом избран является несвободным, чтобы изменить свою позицию. Это непосредственно относится, если не провозглашается, что в его оценке, платформа, которую он принимает, не привязывает его ни к чему неконституционному или нецелесообразному. Избранный на Чикагской платформе, и пока я ничего не повторю из стремления или эпитета, или вопроса мотива против любого человека

¹⁷⁷ Вард Хилл Ламон, «Воспоминания Авраама Линкольна», 1847 – 1865 г., редакция Дороти Ламон Тейллард (Округ Вашингтон, опубликовано редактором, 1911 г.), стр. 36.

¹⁷⁸ «Обращение к законодательной власти Огайо в Колумбус, 13 февраля 1861 г.», «Полное собрание сочинений», VI, 121, 122.

¹⁷⁹ «Ответ господина Линкольна», первые совместные дебаты, Оттава, 21 августа 1858 г., политические дебаты между Авраамом Линкольном и Стивеном А. Дугласом., стр. 209.

¹⁸⁰ Халстед, цитата стр. 138.

¹⁸¹ Статья IV, раздел 2.

или партии. Я считаю себя связанным долгом, и заставляю следовать в рамках исполнительной сферы тем принципам, которые там провозглашаются. Никаким другим способом я не смог бы соответствовать разумным ожиданиям нашей страны».¹⁸²

Использование этих абзацев побудило бы новое подозрение того, что он едва был «секционным» Президентом, «Аболиционистом» или «партийцем».

Проведя время в попытках настроить публику на внимательное слушание его обращения до конца, следующий вопрос, к которому обратился Линкольн был тем, ответа на который ожидала вся страна, а именно: «Какова ответственность и политика Республиканской администрации в отношении Сецессии? Без замедления он высказал предложение: «Я считаю, что с точки зрения универсального права и Конституции союз этих штатов вечен. Вечность, даже если она не выражена прямо, подразумевается в Основном законе всех государственных форм правления, затем «что ни один из штатов не вправе сугубо по собственной инициативе выйти из Союза, что принимаемые с этой целью решения и постановления не имеют юридической силы и акты насилия, совершенные в пределах любого штата (или штатов), направленные против правительства Соединенных Штатов, приобретают в зависимости от обстоятельств повстанческий или революционный характер. Далее больше: «если Соединенные Штаты являются не системой правления в собственном смысле слова, а ассоциацией штатов, основанной просто на договоре, может ли она, как договор, быть мирно расторгнута меньшим количеством сторон, чем было при ее создании?»

Для Севера простое утверждение принципов вечности было бы достаточно, никаких больших доказательств не требуется. Но для дальнего Юга, который уже вышел из состава Союза, и для приграничных штатов, а также верхнего Юга, обдумывающего такие же действия, было очевидно, что одного утверждения недостаточно. Тем не менее, Линкольн посчитал, что его заявление «подтверждается самой историей Союза». По его замечанию, «Союз намного старше Конституции», он был «осно-

ван Статьей Ассоциации в 1774 году», он «окреп и преданность которому все тогдашние тринадцать штатов наглядно подтвердили, дав слово верности и обещав, что он будет вечным, было отражено в Статьях Конфедерации в 1775 году. И, наконец, в 1787 году одной из целей разработки и учреждения Конституции была провозглашена задача «образовать более совершенный Союз». Не смотря на то, что поддержка его заявления была фактическая, факты сами по себе несли уважение и верность, которые всегда были присущи отцам основателям, к которым питали уважение из-за их предвидения и мудрости. Провозгласив принцип, который направлял его, Линкольн продолжил логически применять его, настаивая, что «исходя из Конституции и права, я считаю, что Союз нерушим, и я буду в пределах моих возможностей, как того прямо и недвусмысленно требует от меня Конституция, заботиться о том, чтобы законы Союза добросовестно соблюдались во всех штатах».

В обсуждении политики правительства относительно ужесточения законов Союза, Линкольн говорит не как хозяин или простой адвокат, выносящий бесстрастное решение, а как слуга, выполняющий «простое задание», «Американский народ мои законные хозяева». Обладающий искусством убеждения, он неизменно знал, что слова аргумента часто столкнутся с различными ответами, в зависимости от того, в пользу чего они выставлены теми, к кому есть сочувствие или антогония.¹⁸³ ни в одной части Инаугурации Линкольн не ищет тщательнее быть располагающим и спокойным. Он знает, что приверженность букве закона сама по себе не поможет выполнению его цели. Он мог бы использовать твердое и уверенное заявление, которое содержалось в оригинале черновика Инаугурации:

Все полномочия, имеющиеся в моем распоряжении, будут использованы для изъятия обратно народной собственности и мест, которые сдались, для их контроля, проживания и владения ими, и всей остальной собственности и территорий, принадлежащих правительству, для сбора налогов и пошлин, но не выходя за рамки недопустимого, пытаюсь выполнить эту задачу, не вторгаясь на территории других штатов.

Даже в оригинале черновика Линкольн избегал использования имен конкретных фортов, на которые он ссылался. Пикенс и Самтер находились в сомнительном положении, являясь взрывоопасным предметом для обсуждения. Однако, Линкольн шел на уступки еще дальше относительно своих горячих высказываний,

¹⁸² Для изменений в Инаугурационной речи смотрите раннюю публикацию с воспроизведением изменений и сопроводительным письмом Джона Хэй к Чарльзу Элиоту Нортону от 25 марта 1899 г., объясняющего суть изменений, Библиотека Вайднер Гарвардского университета. Смотрите также Дж. Г. Николэй и Джон Хэй, Авраам Линкольн, III, 327-344; Луис Уоррен «Первоначальный оригинал черновика первой Инаугурационной речи», Линкольн № 358 (17 февраля 1936 г.) и № 359 (24 февраля 1936 г.). см. Коллекцию Роберта Тодда документов Авраама Линкольна, Библиотека Конгресса. Микрофильм в библиотеке университета Иллинойс. Данная коллекция содержит самый важный источник различных рабочих страниц Инаугурационной речи.

¹⁸³ Роберт К. Мертон, «Массовое убеждение», (Нью-Йорк, «Харпер и Бразерс», 1946 г.), стр. 109.

приняв предложение О. Х. Браунинга, окончательно остановившись на таком варианте:

Доверенные мне полномочия будут использованы для того, чтобы контролировать, занимать собственность и территории, принадлежащие правительству, и владеть ими, а также собирать пошлины и налоги, но выходить за рамки того, что может быть необходимым для выполнения этих задач, недопустимо, также как и использовать силу против народа или в его среде, где бы то ни было.

Далее, «если где-то враждебность к Союзенным Штатам будет столь велика и повсеместна, что не позволит компетентным местным гражданам исполнять свои обязанности на федеральных постах» он не будет предприниматься попытки «навязать людям неприятных для них лиц со стороны», «Даже если окажется юридически безупречное право». «А почта, если ее не отвергают, будет по-прежнему доставляться». Он убедил страну в том, что «при проведении этой политики нет никакой надобности в кровопролитии или насилии», и пообещал, что «их не будет, если их не навяжут общенациональным органам власти». Ни в одном месте Линкольн не провозгласил силу, которую он считал невозможными для ужесточения мер, или которая могла быть воспринята как «ущемление свободы» в своей самой твердой и воинственной форме.

Объявив о своей конкретной политике, Линкольн обратился к тем, «кто действительно любил Союз», не признавая, но и не отрицая, что были такие, «кто действительно хотел разрушить Союз при любом исходе событий», «радушные от любого предлога сделать это». В своем оригинале черновика он намеренно выделил: «Перед тем, как приступить к такому важному делу, как уничтожение нашего национального союза, не будет ли мудрым поразмыслить зачем мы это делаем?» В своем окончательном варианте черновика он, однако, опустил слово "Союз", заменив его обобщенным и фигуральным словом «устройство», далее вставив слова «со всеми своими преимуществами, памятливыми событиями и надеждами», чем хотел повысить восприятие, предложив соответствующее отношение.

Оставив позади наивысшую точку своего заявления, Линкольн двинулся дальше во второй половине своего выступления к обоснованному обсуждению соответствующих тем. Он отрицал, что все права, изложенные простым языком, были нарушены, заметив, что большинство и меньшинство появляются в результате такого рода вопросов, на которые нет конкретных конституционных ответов. Альтернатива принятия «принципа большинства» была всегда либо «анархией или деспотизмом». Даже Высший Суд не мог выступать в роли по-

следнего арбитра по вопросам «влияющим на весь народ», если только не ограничивался принятием решений по конкретным «вопросам, которые были представлены Суду должным и правильным образом», «люди подчинились своим собственным меркам». Он оспорил влияние сессии, противопоставив ее обычному разводу между мужем и женой, которые могут остаться «за пределами досягаемости друг друга», и подвел итог, что «физически мы не можем разойтись». Даже война не была удовлетворительным решением проблем, т.к. «нельзя постоянно воевать», и после «многочисленных потерь обеих сторон, никто не выиграет», «подобные старые вопросы» снова придется решать. «Эта страна со всеми своими институтами принадлежит народу, который Ее населяет», – настаивал он, заявляя, что когда весь народ, – «вырастет заслуживающим существующего правительства, он может применять свои конституционные права изменять их или свои революционные права по исключению их из состава или свергнуть их». Обращение Линкольна на протяжении всей речи было для «терпеливой веры в справедливость народа». «Есть ли лучшая или равная надежда в мире?», – спросил он, даже когда отметил человеческую тенденцию партий в спорах настаивать с одинаковой уверенностью быть «правым». Поднявшись до положения лидера, он искал веру в высший закон и незаинтересованного Правителя «Если всемогущий правитель народа с его внутренней правдой и справедливостью был на вашей стороне Севера или на вашей стороне Юга, та правда и та справедливость конечно бы преобладали, судом этого великого трибунала, Американского народа».

Линкольн завершил свое обращение словами вызова и провозглашением веры. «В ваших руках, мои недовольные соотечественники, а не моих — важнейшая проблема гражданской войны. Правительство не собирается нападать на нас». Он собирался приступить к клятве, для него клятва была торжественным обещанием, не только словами, но и правдой. Она была свидетельством морали, связывающая его не только обязанностями перед людьми, но и перед Богом, «Всемогущий Правитель Народа». «Вы не связаны никакой зарегистрированной на небесах клятвой уничтожить существующую систему правления», – поклялся он в попытке обезопасить вмешательство тех, кто мог помочь ему в выполнении клятвы, которую он принимал. «Пока я буду поддерживать, охранять и защищать её». Его последнее обращение было больше к чувствам, чем к разуму. Он безошибочно осознал, что когда люди не могут достичь сути через мотивацию, они могут достичь этого посредством чувств. «Я не хочу так завершать свою речь. Мы не враги, а друзья. Мы не должны быть врагами. Хотя страсти, возможно, и ослабили узы нашей привязанно-

сти, они не должны разрывать их». Уже не адвокат и даже не президент, выполняющий официальные обязанности, Линкольн, послушав совета Сьюарда, стал любящим отцом, великодушным и верящим советником, которому доверяли не только по причине, но вспоминая, «струны памяти», «могилы патриота», «живому сердцу и домашнему очагу», «лучшие ангелы нашего естества», звучат единым хором Союза.

При этом рассерженные возможно «нашли слишком большую часть аргументированного обсуждения этого проблемного вопроса, как и ожидалось от человека с полностью адвокатской карьерой»¹⁸⁴, очевидно, что другие не могли не заметить, что Линкольн доблестно искал пути применения «всех возможных средств убеждения». Он хотел достучаться до своей аудитории не только через причину, но и через чувство и через силу своих собственных нравственных идеалов.

Любой справедливый критик, отстраненный от страстей того времени, должен был больше согласиться с теми обозревателями того дня, которые считали, что Инаугурационная речь соответствовала «требованиям хорошей риторики», содержа в себе «правильные слова в правильном месте»¹⁸⁵, чем с теми, кто назвал речь «слабой риторической вещью», и посчитали ее неполноценной в части изложения, ясности, энергичности, таланта и всех умений составления по сравнению со всеми другими документами такого плана, которые когда-либо были написаны Президентом Республики»¹⁸⁶. Тот, кто изучает изменения фразы и слова в различных черновиках Инаугурационной речи, должны знать, что Линкольн был обеспокоен не только использованием правильного аргумента, но и осторожным использованием слов, с целью достичь желаемого результата от своих слушателей и потенциальных читателей. Что касается риториков, стиль не является аспектом языка, который может рассматриваться отдельно или оцениваться только хорошо отлаженной машиной. Также неуместно применять такие слова, как ясность, чистота, простота в качестве абсолютной величины, или правильного описания стиля. Слова «доступные средства убеждения», и единственный законный вопрос, который возникает: «Эффективно ли Линкольн использовал слова для достижения своей цели?»

Несмотря на жалобы Линкольна о том, что у него «не было хорошего образования» или, что он не владел «мастерством языка»,¹⁸⁷ он

имел врожденное чувство языка. Он «занимался, чтобы точно понять суть вопроса», - сказал один из его ранних учителей, - «и выражать его правдиво и выразительно». Я знал, что он занимался часами, самый лучший способ из трех для выражения идеи».¹⁸⁸ А когда его партнер, Херндон, попытался произнести помпезную речь, Линкольн иногда комментировал: «Билли, не стреляй слишком высоко, меть ниже, и простые люди поймут тебя. Они те, к кому ты обращаешься, по крайней мере, они те, к которым ты должен обратиться. Образованные и рафинированные люди поймут тебя в любом случае. Если ты будешь метиться слишком высоко, твои идеи пройдут мимо голов народа, и ударят в голову тех, кому это и не надо».¹⁸⁹ Линкольн стал знатоком агитационных речей и знал, как использовать язык, чтобы выразить свои мысли ясно и точно. Он знал силу языка, при помощи которой можно зажечь страсти и затуманить понимание, это достаточно видно в его замечаниях в Индианаполисе по дороге в Вашингтон. «Соломон говорит, есть время для того, чтобы промолчать», - заметил он, - «когда мужчины ожесточенно спорили месяцами без уверенности, что они говорят об одном и том же, используя то же слово, результат был бы таким же, если бы они просто молчали. Слова «ограничение свободы» и «вторжение» очень широко сейчас используются, и часто с некоторой эмоциональной окраской и горячо. Давайте убедимся, если сможем, что мы не путаем значения этих слов, исходящих от тех, кто их использует. Давайте проверим точное значение этих слов, но не из словаря, а от самих мужчин, которые искренне выражают те вещи, о которых они говорят, используя эти слова».¹⁹⁰ Линкольн точно знал, что слова сами по себе были основанием для спора, системы отношений, предлагающих курс действий».¹⁹¹ Также Линкольн знал, что его «друзья боялись», а «те, кто не был его другом, надеялись, что забыв о достоинстве его положения и о событии, он перейдет в разряд рассказчиков, и у него не получится подняться до необходимого уровня государственного деятеля».¹⁹² Желание ясности, желание соответствующее страсти, желание провозгласить целостность и достоинство подобающее государственному деятелю на ответственном посту – все это были те факторы, которые повлияли на Линкольна при составлении Инаугу-

¹⁸⁸ Херндон и Вэйк, цитата стр. 99

¹⁸⁹ Там же, стр. 262.

¹⁹⁰ «Обращение к законодательной власти в Индиане, Индианаполис, 12 февраля 1861 г.», Полное собрание сочинений, VI, 112, 113.

¹⁹¹ Кеннет Берк, «Две функции речи», Язык мудрости и ошибок», редакция и вступительное слово Ирвинга Дж. Ли (Нью-Йорк, «Харпер энд Брозерс», 1949 г.), стр. 40.

¹⁹² Л. Е. Читтенден, Воспоминания об Аврааме Линкольне и его правлении» (Нью-Йорк, «Харпер энд Брозерс», 1904 г.), стр. 88.

¹⁸⁴ «Дневник общественного деятеля», стр. 75.

¹⁸⁵ «Бостон Транскрипт» согласно цитате в «Нью-Йорк Дэйли Трибьюн» 7 марта 1861 г., стр. 7, кол. 1

¹⁸⁶ «Джерси Сити Стэндард» согласно цитате в «Нозерн Эдиториалс» по поводу Сецессии, II, 625.

¹⁸⁷ Речь в ответ Дугласу в Чикаго, Иллинойс, 10 июля 1858 г., «Авраам Линкольн: Его устные выступления и сочинения, редакция Роя П. Баслера, стр. 393.

гурационной речи, и оценка его стиля без постоянного осознания их скорее всего может увести критика очень далеко. Давайте проанализируем стиль Линкольна, как систему символов, разработанных для вызова конкретных образов, благоприятных для достижения его цели, и пока у него это получалось, и предотвращения других образов от пробуждения.

Одна из самых ярких характеристик стиля Линкольна это его прямота. С помощью этой черты он пытается достичь откровенности и честности, которые в высшей степени чрезвычайно важны для успеха Инаугурационной речи, учитывая сомнения и подозрения, которые были распространены о его порядочности. С самого первого слова до вывода была заметна безошибочная честность и прямота, которые содержались в его личном обращении. «Я предстаю перед вами, – заметил он, – чтобы обратиться к вам с краткой речью и принести в вашем присутствии присягу «перед вступлением в должность», как того требует от президента Конституция Соединенных Штатов». Он снова замечает: «У меня нет никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирование института рабства в тех штатах, где оно существует». «Я сейчас повторю эти идеи»,¹⁸⁹ «Сегодня я приношу официальную клятву без мысленных оговорок», ««Вы не связаны никакой зарегистрированной на небесах клятвой уничтожить существующую систему правления», «пока я буду поддерживать, охранять и защищать её». Прямо и откровенно на протяжении всей речи, он едва бы мог добавить еще слова, которые смогли бы лучше подчеркнуть его честность и порядочность.

Какие сомнения были относительно несоответствия требованиям из-за его простого происхождения и недостатка образования должно быть каким-то образом рассеялись под влиянием его прямоты, точности, освобождения от неловких выражений или простых идиом Западного оратора-агитатора. Линкольн чувствовал свои недостатки, выступая перед образованной Восточной публикой в Купер Союзе, и чувствовал себя неуверенно. В своей Инаугурационной речи, подготовленной для аудитории, представлявшей всю страну, он был осторожен и очень внимателен к использованию языка, что приравнивалось к достоинству. Сьюард, который иногда славился своей отполированной речью, немного помог ему в выборе точных слов. Линкольн принял изменения в таких словах, как «уступить» вместо «подчиняться», «учреждать» вместо «создавать», «пустота» вместо «ничего», «отклонять» вместо «отказываться», он также согласился изменить фразу «неполностью поддерживает сам закон» вместо «выступает против самого закона». Хотя изменения и незначительные, они отражают желание Линкольна достичь правильности и краткости. По его лич-

ному мнению, он удалил одну очень длинную метафору, которая есть в оригинале черновика. «Я больше за старый корабль и команду старых моряков», - написал он в первоначальной версии обращения с характерной ему некоторой остротой, обращаясь к Западной аудитории. «Однако, если люди хотят новый или отремонтированный корабль, то дело исключительно их собственное, и они могут перебраться в собственное жилье, с моим или без моего разрешения, как представителя исполнительной власти». Этот образ не был равен по своей высоте остальным его замечаниям. Окончательный вариант его выступления был следующим: «Я не могу игнорировать тот факт, что многие почетные и патриотичные граждане испытывают желание изменить национальную конституцию. Пока я не делаю никаких заявлений по подобному изменению, я полностью осознаю правомерную власть народа по всему вопросу...». Подобное построение фразы, простое в своем достоинстве, несомненно более подходило и соответствовало его нуждам.

То, что Линкольн искал контроля над поведением своей аудитории и читателями через подходящие слова достаточно ясно, судя по его обращению. Временами даже уровень конкретности, обычно считающийся эффективностью стиля, менялся в пользу более общего слова или намека. Например, Линкольн изначально намеревался сказать: «почему Южная Каролина не может через год или два самовольно выйти из состава Южной Конфедерации...?» Наконец, однако, ему удалось избежать конкретики, изменяя свои высказывания «почему любая из составляющих новой конфедерации, через год или два, не может добровольно снова выйти из состава...?» Предложение: «Союз менее совершенный, чем до Конституции, потерявший жизненно-важный элемент своей вечности. Линкольн иногда выбирал более длинные выражения, жертвуя четкому, подобранному слову или фразе, если, используя длинные выражения, он мог избежать грубости или обвинения, указывая пальцем. Такая фраза, как «быть на вашей стороне Севера или на вашей Юга», достаточно помогла создать образ справедливости, и была предпочтена более короткой, но вызывающей разногласия фразе, «быть на нашей стороне или вашей». Те изменения, которые Линкольн внес в отношении полноты, жертвуя краткостью, были разработаны с целью помочь в точности, и законченности, т.к. страна ожидала от него полного выступления по волнующим вопросам того времени.

Заключительная часть обращения Линкольна, часто упоминаемая из-за своей поэтической красоты, отражает не только его эстетический вкус, но и его власть над использо-

ванием слов для пробуждения образов, способствующих контролю над ответной реакцией, что возможно имеет более важное значение. Как хорошо известно, Линкольн даже и не пытался быть красноречивым в заключительной части обращения. Он достиг красноречивой и ритмичной красоты через свою прямую попытку быть «откровенным в своих чувствах». Сьюард напомнил ему, что причину возможно необходимо заменить на чувства, и предложил потенциальный вариант заключительной части:

«Я заканчиваю. Мы не являемся, мы не должны быть чужими или врагами, а коллекционируют друзьями и братьями. Хоть страсти и очень ослабили узы нашей привязанности, они не должны быть разрушены — да, я уверен, они не будут разрушены. Тайные струны памяти, протянувшиеся со всех бит с каждого поля битвы и могилы патриота к каждому живому сердцу и домашнему очагу через всю нашу широкую страну, ~~гармо~~ снова гармонируют в их старинной музыке, когда ~~отражаются~~ — в то время, когда лучший ангел-хранитель нации прикасается к ним»¹⁹³.

Образ огромной искренности, огромной скромности и огромной веры образовался, когда Линкольн перефразировал предложение Сьюарда в своем собственном стиле. Это было его окончательное заявление веры, в котором была эмоциональная напряженность, зачастую сопровождаемая надеждой на что-то, но неизвестное. Это был его последний призыв к действиям, подходящий для «друзей».

Давайте подведем итог наших выводов о стиле Линкольна, выделив то, что он содержал в себе ту же самую целенаправленность, характеризующую аргументы, содержащиеся в обращении. Все это удавалось через прямоту, точность, достоинство и подходящие слова, которые он находил себе в помощь для достижения своих целей.

Еще одно из средств убеждения необходимо отметить, а именно его манеру устного выступления. Выступление Линкольна, конечно, было выдающимся в основном для тех, кто составлял его близкое окружение, и не очень для большей аудитории по всей стране, за исключением случаев, когда очевидцы и газетные статьи создавали впечатления, имеющие отношение к характеру и личности выступающего. Несомненно, является правдой то, что манера Линкольна в большой степени повлияла на благоприятный исход этого события. Даже будет правдой то, что если бы целая страна там присутствовала, то она бы нашла еще больше оснований для доверия. Мораль-

ная концепция часто показывает себя не только в выборе аргумента или составления слов, но и в тех «эхах и оценках», которые появляются только от физического присутствия. «Если мне бы пришлось составить самый краткий список характеристик оратора», заметил однажды Эмерсон, «я бы начал с мужественности и, возможно, в данном случае это означает наличие разума»¹⁹⁴. Необходимо помнить, что когда Линкольн поднялся на платформу для выступления с Инаугурационной речью, он сделал это при угрозе своей жизни. То, что он не проявил почти никакого страха ясно из всех газет того дня. Самое обычное наблюдение было: «великое сердце и добрая душа этого человека были видны в самом начале его обращения в тоне его голоса, выражении его лица и всей манере»¹⁹⁵. По мнению многих он «получил уверенность от своих слушателей и закрепил их уважение и признание».¹⁹⁶ Линкольн имел чувство коммуникации, полного осознания того, что он говорит, когда он говорил это. Его мысль появлялась точной и никоим образом не вызвала препятствий со стороны его странной манеры. С достоинством и решительностью, сопровождающихся мягкостью и скромностью, он пытался усилить свой призыв при помощи этих сил, которые были в его личности. То, что они имели стимулирующее значение, никто не может сомневаться.

Через тридцать дней после того, как Линкольн выступил со своей Инаугурационной речью, произошло нападение на Форт Самтер. Началась Гражданская Война. Линкольн пытался спасти Союз осторожно подобранным аргументом, уважением к чувствам и правам всего народа и торжественным провозглашением справедливости и целостности. То, что Инаугурация сама по себе могла бы предотвратить войну не является достаточным основанием для ее осуждения за абсурдность. «В ораторском искусстве также как и в жизни, не ошибка, а заниженная цель являются преступлением».¹⁹⁷ Было много различных сил, которые получили толчок к тому времени, когда Линкольн выступил с обращением к Американской нации. Юг принял основную мысль его вызова «В Ваших руках, мои недовольные друзья, а не в моих судьбоносный вопрос Гражданской Войны».

¹⁹⁴ «Риторика», «Полное собрание сочинений Ральфа Уолдо Эмерсона (Нью-Йорк, Салли и Кляйнтайк, 1875 г.), VIII, 123.

¹⁹⁵ Читтенден, цитата.

¹⁹⁶ Там же, стр. 90

¹⁹⁷ Парриш и Никольс, цитата стр. 12

¹⁹³ Факсимиле первоначального предложения Сьюарда согласно «Авраам Линкольн: Его устные выступления и сочинения», редакция Роя П. Баслера, стр. 589, 590.

Осборн М.
Мемфис, США

**АРХЕТИПИЧНЫЕ МЕТАФОРЫ В РИТОРИКЕ:
СФЕРА ОБРАЗОВ «СВЕТ-ТЬМА»**

УДК 808.5

Код ВАК 10.02.20; 10.02.19

Аннотация. Одно из лучших исследований широко известного американского специалиста по риторической метафорологии Майкла Осборна впервые переведено на русский язык. Первая публикация на английском языке – 1967 год.

Ключевые слова: Политическая метафорология; риторическое направление; политическая коммуникация; тьма.

Сведения об авторе: Осборн, Майкл
Ученая степень, звание: доктор философии, профессор

Место работы: Университет Мемфиса,

Должность: профессор

Сведения о переводчике: Белов, Евгений Сергеевич

Место работы: Челябинский государственный педагогический университет

Должность: аспирант

Контактная информация:

E-mail: skout03@nail.ru

Osborn M.
Memphis, USA

**ARCHETYPAL METAPHORS IN RHETORIC:
THE LIGHT-DARK FAMILY**

Abstract. One of the best studies of a renowned American specialist in rhetorical metaphorology Michael Osborn is for the first time translated into Russian. The first publication in English was in 1967.

Key words: Political metaphorology; branch of rhetoric, political communication, darkness

About the author: Osborn, Michael
Academic degree, academic status: PhD in philosophy, professor

Place of employment: University of Memphis

Position: professor

About the translator: Evgeny Sergeevich Belov
Place of employment: Chelyabinsk State Pedagogical University,

Position: post-graduate student

Объектом данного исследования являются потенциальные возможности одной из форм «нового критицизма», нередко упоминающиеся в работах приверженцев риторического критицизма¹ и заключенные в идее о том, что свежий и пристальный взгляд на образный язык и особенно на метафоры не уступает по своей плодотворности подобным изысканиям в области литературной критики и может послужить почвой для не менее значимых выводов. К примеру, с целью выявить наиболее предпочтительные образные модели, а также проследить за эволюцией определенного образа могут быть изучены выступления какого-либо человека, определенные типы выступлений, публичные выступления того или иного исторического периода. Задачи также могут включать описание количественных вариаций образных употреблений в результате изменений таких внутрикультурных циклических факторов, как кризис и улучшение, либо развитие и ухудшение.²

¹ См. например: Martin Maloney, "Some New Directions in Rhetorical Criticism," *Central States Speech Journal*, IV (March 1953), 1-5, and Robert D. Clark, "Lessons from the Literary Critics," *Western Speech*, XXI (Spring 1957), 83-89. Различные подходы в литературной критике представлены в: Richard Harter Fogle, *Hawthorne's Fiction: The Light and the Dark* (Norman, 1964); Caroline F. E. Spurgeon, *Shakespeare's Imagery and What It Tells Us* (Cambridge, 1935); and Stephen Ullmann, *The Image in the Modern French Novel* (Cambridge, 1960).

² Уже завершены некоторые исследования в этих направлениях, и в данной статье встречаются ссылки на опубликованные работы. Среди неопубликованных работ стоит выделить диссертацию Уильяма Мартина Рейнольдса "Deliberative Speaking in Ante-Bellum South Carolina: The Idiom of

Ввиду столь широкого спектра исследования возникает необходимость более подробного рассмотрения в настоящей работе того, что в предшествующей статье было обозначено термином «архетипичная метафора»³. Исследование указывает на наличие ряда характерных свойств, присущих данному типу метафоры в риторическом дискурсе.⁴

a Culture", посвященное изучению общественной символики и метафорам (Университет Флориды 1960 г.). Согласно Рейнольдсу, когда в условиях затяжной дискуссии ресурсы изобретательности на исходе, риторическая энергия может быть сконцентрирована на развертывании стилистических приемов, что способствовало бы усилению драматического эффекта и укреплению отстаиваемых в споре позиций.

Ежегодный «Список монографий» свидетельствует о наметившейся в начале 1930-х годов тенденции в сторону исследования образности речи на уровне магистерских диссертаций. Результатом данного всплеска, исчезнувшего с той же стремительностью, с которой он и появился, стали две работы, заслуживающие нечто большее, чем просто забвение, как это обычно бывает с магистерскими диссертациями. В своей работе "A Study of the Homely Figures of Speech Used by Abraham Lincoln in his Speeches" Джунелла Титер (Нортвестерн, 1931) отдает предпочтение (в манере Кларка) функциональному, «коммуникативному» аспектам образности. "Edmund Burke's Imaginative Consistency in the Use of Comparative Figures of Speech" Мельбы Херд (Университет Миннесоты, 1931) представляет собой в высшей степени компетентное исследование по типу, предложенному Мэлоуни.

³ Michael M. Osborn and Douglas Ehninger, "The Metaphor in Public Address," *Speech Monographs*, XXIX (August 1962), 223-234.

⁴ Применимость термина «архетип», возможно, поставит под сомнение неоднозначность его толкования, ввиду использования и адаптации термина различными учеными в собственных целях. Само слово может означать миф или символ, либо определенную «глубину» отклика на произведения великой литературы или древние темы, воспроизводимые в литературе,

Во-первых, архетипичные метафоры характеризуются особенной популярностью в риторическом дискурсе. Имея практически неограниченные образно-ассоциативные возможности, архетипичные метафоры используются чаще, чем их «свежие» аналоги. К примеру, желая придать образности своему суждению о каких-либо предметах, говорящий чаще прибегнет к использованию ассоциативной оппозиции *светлый – темный*, нежели к таким оппозициям, как «Кадиллак» (дорогой элитный автомобиль) – «Эдсел» (доступный по цене автомобиль), плющ – сумак (ядовитое растение), тачдаун (удачное окончание атаки в американском футболе) – неумелое обращение с мячом и т.п.

Во-вторых, высокая популярность архетипичных метафор представляется неизменной во все времена, при этом наблюдается сохранение предпочтительной модели и ее повторение из поколения в поколение без существенных изменений. В кросс-культурном аспекте архетипичные метафоры также подтверждают свое постоянство, оставаясь неизменными во всех культурах.⁵ Поэтому, когда Данте говорит о Боге как об ослепительном свете и Гадесе, полном мрачной тьмы, а Демосфен описывает беспокойные Афины, сравнивая их с поднявшимся над морем штормом, смысл их слов доходит до нас и становится ясным, преодолевая временные и культурные барьеры.

В-третьих, архетипичные метафоры укоренены в непосредственном человеческом опыте, объемлющем предметы, действия и условия, являющиеся неотъемлемой и значимой частью человеческого сознания. Так, архетипы смерть и секс – возвышенности на географической карте человеческого опыта.

В-четвертых, привлекательность архетипичных метафор соотносится с основными человеческими мотивами. Зачастую оказывается, что создание образа вертикальной шкалы, при которой желаемые объекты проецируются выше, а не желаемые ниже по отношению к адресату речи, символически выражает стремление говорящего к власти. Представляется, что наи-

более выдающиеся области человеческого опыта становятся центрами концентрации подобных мотивов, посредством чего последние находят свое символическое выражение. Таким образом, когда предмет риторического высказывания преподносится с помощью архетипичной метафоры, происходит своего рода двойная ассоциация. Предмет ассоциируется с наиболее рельефной областью опыта, которая, в свою очередь, уже ассоциирована с основными человеческими мотивами.

Во многом благодаря этой специфической двойной ассоциации возможна полная экспликация побудительного потенциала архетипичной метафоры, в чем и состоит ее пятая характеристика. Ввиду определенной универсальности и всеобщей привлекательности за счет своей привязанности к основополагающим и общим человеческим потребностям, говорящий может в полной мере рассчитывать на то, что использование подобных метафор в речи окажет воздействие на большую часть аудитории. Будучи порожденными из жизненных интересов людей, данные метафоры активируют мотивационную энергию в масштабах аудитории и в случае успешного воздействия преобразуют эту энергию в мощный поток, движущийся в удобном говорящему направлении. Высокой степенью наглядности в этом отношении характеризуются определенные архетипичные комбинации, например, метафоры «болезнь – лекарство». Данные комбинации в образной форме представляют цикл «угроза – утешение», описанный Ховландом и рядом других исследователей.⁶ Образы болезни вызывают сильное чувство страха, а образы лекарственного средства фокусируют эмоциональную энергию в направлении принятия некоторых заверяющих и успокаивающих рекомендаций.

Наконец, в соответствии с вышеизложенными характеристиками функционирования архетипичных метафор, отмечается их выдающееся положение в риторике, тенденция к употреблению в самых важных частях самых важных политических обращений в любом обществе. Подобные метафоры, как правило, занимают ключевые позиции в тексте обращения, выполняя при этом определенные функции: указание на тон и точку зрения говорящего во вступлении, усиление аргументации в основной части обращения, синтез значения и силы обращения в заключении.⁷

Такие свойства, как побуждающая способность, эффективность в процессе межкультурной коммуникации и долговечность, объясняют

или даже отражать структурные явления мозга, развившихся в виде «расового сознания» до определенных форм повторяющегося опыта. См. например: Philip Wheelwright, *The Burning Fountain: A Study in the Language of Symbolism* (Bloomington, 1954), стр. 86-93, 123-154, а также *Metaphor and Reality* (Bloomington, 1962), стр. 111-128; Northrop Frye, "The Archetypes of Literature," in *Myth and Method: Modern Theories of Fiction*, ed. James E. Miller, Jr. (Lincoln, 1960), стр. 144-162; and Maud Bodkin, *Archetypal Patterns in Poetry: Psychological Studies of Imagination* (London, 1934). Несмотря на высокую вариативность интерпретаций, термин сохраняет в себе идею базовых и неизменных видов опыта. В настоящей работе термин согласуется именно с этой идеей.

⁵ Обобщенное понятие культурного сходства в метафорических использованиях находит эмпирические обоснования в Solomon E. Asch, "The Metaphor: A Psychological Inquiry," *Person Perception and Interpersonal Behavior*, ed. Renato Taguiri and Luigi Petruccio (Stanford, 1958), стр. 86-94.

⁶ Carl I. Hovland, Irving L. Janis, and Harold H. Kelley, *Communication and Persuasion: Psychological Studies of Opinion Change* (New Haven, 1953), pp. 59-96.

⁷ Изучению метафор смерти и секса в заключительной части текста посвящено исследование M. Osborn, "Attitudinal Effects of Selected Types of Concluding Metaphors in Persuasive Speeches," *Speech Monographs*, XXXIII (June 1966), 147-155.

предпочтения оратора в выборе именно архетипичных метафор в стремлении оказать решающее воздействие на общественное мнение, выйти за рамки собственного народа и обратиться к большей аудитории, либо увековечить память о своей личности за счет яркости и стойкости образов прознесенной речи.

В настоящей статье рассматриваются четыре источника архетипичных метафор: образы света и тьмы, солнца, жары и холода, а также образы природного цикла, все из которых соотносятся по своей природе и составляют основу мотивационного воздействия. Организующей метафорой для данной работы является метафора солнечной системы, поскольку на наш взгляд, наиболее действенный способ прояснить происхождение архетипичных метафор состоит в представлении об их источниках как о существующей в пространстве совокупности элементов, где свет и тьма занимают центральную часть пространства, а солнце, жара и холод, образы природного цикла отстоят от центра и занимают периферийное положение по отношению друг к другу.

Образы света и тьмы являются солнцем своей собственной архетипичной системы, в которой само солнце имеет лишь планетарное значение. Тот факт, что все рассматриваемые в настоящей работе архетипы в той или иной степени разделяют мотивационную основу образов света и тьмы, объясняет центральное положение последних. Очевидны также существенные характеристики данных мотивов и логическое обоснование выбора указанных архетипов (свет и тьма) в качестве центральных.

Свет (день) ассоциируется с фундаментальным принципом борьбы за существование и развитие. Свет обуславливает возможность видеть, а зрение – это весьма важный чувственный инструмент связи с окружающим миром. Благодаря свету и зрению человек имеет возможность не только получать информацию об окружающей среде, избегать ее опасности и извлекать пользу, но даже оказывать на нее влияние.⁸ Свет также подразумевает тепло и порождающую силу солнца, как прямо, так и косвенно способствующую физическому развитию человека.

Полную противоположность представляет тьма (равно как и ночь), порождающая страх перед неизвестностью, лишаящая человека возможности видеть и получать информацию об окружающей среде, избегать ее опасности и пользоваться преимуществами. Не имея возможности контролировать окружающий мир, человек оказывается в безнадежном положении. И наконец, тьма ассоциируется с холодом,

остановкой в развитии и мыслями о смерти, могиле.

Так каков же эффект от использования метафор света и тьмы? Способные вызывать устойчивые позитивные и негативные ассоциации с основополагающими человеческими стимулами к выживанию и развитию, архетипичные метафоры воплощают усиленные оценочные суждения и могут вызывать значительную оценочную реакцию аудитории. Благодаря использованию в речи образов света и тьмы, создается и сохраняется упрощенное двузначное черно-белое отношение, которому, как кажется, отдают свое предпочтение, как ораторы, так и их аудитории. Таким образом, текущая ситуация окутана мраком, но предложения выступающего с речью прольют свет на состояние дел.

Метафоры света и тьмы имеют еще один подразумеваемый смысл, по-видимому, оставшийся без внимания исследователями риторики. Иногда ораторы считают целесообразным, говоря о текущем состоянии дел или о своем видении будущего, выражать идеи о *неизбежности*, либо *детерминизме*.

Реформу не просто *следовало было* или *следует* осуществить, но она *должна была* или *будет* осуществлена.

Детерминистический подход обладает большей стратегической важностью в выступлениях, касающихся будущего. При этом оратор может рассчитывать на эффект стадности: «вам лучше присоединиться к нам: будущее будет в точности таким, каким мы его видим.» В моменты общественного кризиса и всеобщего отчаяния, возможно, оратор захочет успокоить и заверить аудиторию в том, что: «для отчаяния нет причин: лучшие времена впереди.» Утверждения вроде последнего помимо риторического значения для самого оратора: уверенные публичные заявления о том, что будущее будет таким, каким желает его видеть аудитория, поднимет моральный дух оратора, закрепив за ним образ «человека непоколебимой веры».

Подобная убежденность и оптимизм находят свое идеальное выражение посредством комбинации метафор света и тьмы, поскольку последние являют собой более чем резкоконтрастирующие качественные характеристики окружающей среды. Их ассоциативный потенциал лежит гораздо глубже и исходит из устойчивого хронологического процесса – перехода дня в ночь и ночи в день. Поэтому, использование в обращении символических образов темного прошлого и светлого настоящего или темного настоящего и светлого будущего всегда привносит скрытый элемент детерминизма, порождаемый оратором в соответствии с целью его речи.

Зачастую оказывается, что значение данного исторического детерминизма приобретает

⁸ Данная концепция человека при наличии света или его отсутствия была сформирована отчасти под влиянием основных аспектов поведения, предложенных Чарльзом Моррисом в книге «Signs, Language, and Behaviour» (New York, 1946), с. 95.

в риторике под действием условий более умеренный характер и поэтому редко может быть приравнено к смысловым связям философского детерминизма. Последний, в свою очередь, сводит к нулю значение непредвиденных факторов и рассматривает исторический процесс, как единый, непрерывный и неумолимый поток, стремящийся к фиксированному состоянию или «Абсолюту», что отражено, например, в работе Гегеля «Разум в истории». В случае с риторическим детерминизмом наблюдается схожее исключение или игнорирование бесчисленного количества случайностей и непредвиденных жизненных ситуаций, однако наблюдается прерывание данного редукативного процесса в одном шаге от философского детерминизма. Предлагаемая концепция, обычно, имеет в основе две образные альтернативы, имеющие определенный потенциал в историческом процессе в зависимости от выбора, предписанного автором обращения. Благодаря своей фундаментальности и возможности воздействия на подсознание слушателей, данная риторическая стратегия способна сделать сложные ситуации проще и облегчить выбор, придав при этом большей драматичности риторике оратора. Предрасположенность слушателя в пользу позиции оратора может быть продиктована чувством благодарности за осознание собственной значимости и важной роли в разрешении коренного противоречия.

Ситуация выбора, навязываемая аудитории оратором всегда предполагает принятие какой-либо точки зрения или выбор того или иного решения проблемы. В контексте обращения, насыщенного риторическим детерминизмом, данные формы выбора становятся условиями. Оратор может сказать: «настоящее вытекло из прошлого, *потому что* вы приняли (или не приняли) мое решение проблемы или *потому что* вы проявили (или не проявили) определенные качества. Будущее, которое я вижу, станет результатом настоящего, *если* вы примете мое решение или *если* вы проявите определенные качества. При том, что оба условия могут быть использованы в обращении, первое больше подходит для совещательных, а второе – для церемониальных или вдохновляющих речей.

Независимо от условий следствием метафор света и тьмы может быть намек на мысль (там, где детерминистические связи имплицитны) или усиление мысли (там, где детерминистические связи становятся эксплицитными) о том, что конкретная последовательность событий должна была или должна будет произойти. Метафорическая комбинация создает и усиливает данное ощущение путем ассоциации, возможно, противоречивых утверждений касательно неизбежности протекания некоторого процесса с ходом общего, абсолютно неоспоримого природного цикла.

Следовательно, эту важную функцию метафоры света-тьмы можно классифицировать как *аргументация с помощью аналогии*. Однако данная классификация небыстречна, особенно если основой риторического детерминизма являются качественные условия. При таких условиях символическая комбинация становится разновидностью аналогии, уровень значимости которой позволяет конкретизировать ее как *аргументация с помощью архетипа*.

Чтобы понять причины этой особенной значимости, необходимо более тщательно исследовать эффективность качественных условий. Степень эффекта зависит от степени принятия аудиторией базового нравственного посыла, который, на самом деле, не только является стимулом публичного дискурса в подавляющем числе западных стран, но даже в большей мере заключает в себе логическое обоснование существования и проявлений подобного дискурса. Данная, обычно незримая, аксиома может быть переформулирована следующим образом: *материальное условие следует из нравственных предпосылок*. Так, текущее благосостояние находит свое объяснение, а светлое будущее может быть гарантировано при условии, что человек или государство наделены определенными нравственными качествами. Соответственно, противоположные нравственным качества человека или государства привели на сегодняшний момент или приведут в будущем к противоположным материальным условиям жизни.⁹ Западный вариант этого скрытого от взора посыла становится очевидным, если предположить, что тезис о детерминированности материальных условий нравственными предпосылками приводит к увеличению роли и ответственности отдельного человека в историческом процессе. Весь мир вращается вокруг борьбы добра со злом, нескончаемо идущей в человеческой душе и придающей огромное историческое значение в высшей мере личным нравственным кризисам. Согласно восточной или марксистской точке зрения, было возможно изменение направления этой причинно-следственной связи на обратное, что, в свою очередь, привело бы к уменьшению роли индивидуума.

Следовательно, утверждение о том, что некая последовательность событий стала или бу-

⁹ Прекрасный пример параллельного сопоставления прошлого и настоящего с моральными качествами содержится в работе Кеннета Берка, посвященной анализу риторики Гитлера «The Philosophy of Symbolic Form» (Baton Rouge, 1941), стр. 204-205. Из анализа Берка следует, что Гитлер сводил воедино свои взгляды на прошлое, настоящее, а также будущее с целью представить панорамную интерпретацию и предсказать дальнейшие события в истории Германии. Возложить вину за невзгоды настоящего Германии на дегенерацию в прошлом (грех) означало пообещать благополучное будущее, когда моральное здоровье будет восстановлено (искупление).

дет детерминирована фактом наличия определенных нравственных качеств, может иметь двойственное основание. Во-первых, это утверждение опирается на веру в нравственную обусловленность и является следствием скрытой энтимемной структуры. Во-вторых, данное утверждение может быть ассоциировано с фактом неоспоримо детерминированного архетипичного процесса. Однако оба подтверждающих основания взаимосвязаны друг с другом. Сама вера находит свое подтверждение, ассоциируясь с фактом архетипичного процесса, который постоянно сеет в восприимчивом человеческом разуме мысль о том, что в злой тьме таится проблеск света, за светом, вероятно, последует темнота и так далее в бесконечной последовательности. Поэтому, образные символические репрезентации света и тьмы нередко функционируют в текстах обращений в качестве едва уловимого и в то же время фундаментального аргумента, благодаря чему заслуживают индивидуализации, как, например, в случаях с *аргументацией с помощью архетипа*.

Из всех ораторов, древних и современных, более всех осознавал силу, заложенную в метафорах света и тьмы, Уинстон Черчилль. Действительно, выступления Черчилля времен войны отличает исключительное постоянство в предпочтении архетипичных образов. Это его пристрастие, возможно, доказывает другую более общую истину о том, что во времена тяжелых кризисов, когда политический переворот захлестывает общество и сметает на своем пути традиционные и современные формы проявления культурного своеобразия, оратор обращается к принципам символизма, архетипам, воплощающим в себе неизменную сущность человеческой специфичности.

В такие моменты публика также оказывается необычайно восприимчивой к архетипичным образам и охотно ищет утешения, возвращаясь вместе с оратором к образам, символизирующим древние основополагающие истины цикличности света и тьмы, жизни, смерти и рождения, к горам, рекам и морям, чтобы убедиться в их неизменной и символически взывающей к человеческому сердцу сущности, уверяя, тем самым, что, несмотря на все внешние потрясения человек остается человеком.

Приведенный ниже пример из многих изобилующих блистательными образами речей Черчилля наглядно иллюстрирует большинство особенностей, выделенных в предыдущей части статьи:

Если мы сумеем противостоять ему [Гитлеру], вся Европа может стать свободной и перед всем миром откроется широкий путь к залитым солнцем вершинам. Но если мы падём, тогда весь мир, включая Соединенные Штаты, включая все то, что мы знали и любили, обрушится в бездну

*нового средневековья, которое светила извращенной науки сделают еще более мрачным и, пожалуй, более затяжным.*¹⁰

Бросаются в глаза такие архетипы, как свет и тьма, а также вертикальная шкала. Высокая частотность данной комбинации обусловлена тем, что свет, естественно, ассоциируется с верхом, а тьма – с низом. Налицо усиленный контраст оценочных суждений и очевидно присутствие риторического детерминизма. Упрощение ситуации возможно только при наличии двух, и только двух, альтернативных вариантов, один из которых, непременно должен олицетворять модель будущего. Качественное условие обстоятельство содержит в себе выбор британского народа в пользу или против непоколебимости перед лицом опасности. Будущее материальное состояние будет зависеть от их внутреннего морального выбора.

Последовательно изображая с помощью символов поощрение – «залитые солнцем вершины», а затем еще более образно указывая на наказание – «бездна нового средневековья», Черчилль стремится укрепить приверженность аудитории к данной моральной ценности. Используя мгновенно ощутимый контраст света и тьмы, Черчилль дает второе дыхание, казалось бы, не имеющей отношения к данному контексту избитой метафорической фразе «светила извращенной науки». Эффектом возрожденной с новой силой метафоры является абсурдность и неестественность ассоциации света со злом, что усиливает мощь нависшей угрозы. Таким образом, приведенный отрывок представляет выразительную и, по-видимому, интуитивную реализацию описанных выше потенциальных возможностей исследуемых риторических явлений.

Данный образ был применен Черчиллем с целью создания побудительной и поучительной речи. Когда он вкладывает в свои слова утешительный и подбадривающий смысл, наблюдаются некоторые изменения используемых образов:

*Что ж, спокойной вам ночи! Спите и набирайтесь сил до утра. Так как утро придет. Ярким светом озарит храбрых и верных, озарит добром всех, кто вынужден по этой причине страдать, и увековечит славу павших героев. Таким будет рассвет.*¹¹

Данный отрывок составляет большую часть заключения его обращения «К французскому народу». Черчилль обращается к поверженному народу. Поскольку они уже в «бездне нового

¹⁰ "Their Finest Hour," *Blood, Sweat, and Tears*, ed. Randolph S. Churchill (New York, 1941), p. 314.

¹¹ "To the French People," *Blood, Sweat, and Tears*, p. 403. См. другие примеры в "Be Ye Men of Valor" и "The War of the Unknown Soldiers."

средневековья», он не упоминает об альтернативах света и тьмы, в результате чего теряется острота ощущения конфликта и контраста. Теперь, говоря о будущем, приемлема лишь одна модель – обнадеживающее движение из тьмы к свету. Непреклонная вера оратора в неизбежность такого движения настолько сильна, что он даже не говорит о необходимых условиях. Они присутствуют в речи лишь имплицитно: способность переносить тяготы, мужество и непоколебимая верность долгу перед лицом угрозы, даже под страхом мучений и смерти.

Чтобы придать еще больший вес утверждению о неизбежности благоприятного будущего, Черчилль полагается на уже закрепленный за ним образ, одновременно усиливая его – образ «человека непоколебимой веры». Однако не носит ли утверждение, основанное на данной убежденности, больше молитвенный характер, являя собой попытку воплотить предсказанное будущее путем публичного произнесения заклинания? Как бы там ни было, слова утешения и воодушевления могут быть скомпрометированы и не возыметь должного эффекта только в случае, если аудитория почувствует неуверенность в храбрых словах.

Как видно, иносказательные характеристики обращения, равно как и модели образного развития значений, претерпели определенные изменения. В первом примере наблюдается открытое и прямое навязывание переносных значений аудитории, что полностью согласуется с решительным и нравоучительным тоном данного отрывка. Налицо очевидные метафоры: «залитые солнцем вершины», «бездна», «средневековье» (темные века). Сила воздействия этих метафор побуждает слушателей к немедленному принятию решения.¹² Однако образность второго представленного отрывка характеризуется не столь высокими и, пожалуй, более успокаивающими, темпами изменения значения. Произнося свое обращение вечером, Черчилль в полной мере использовал данное обстоятельство.¹³ Фраза «Спокойной вам ночи...спите и набирайтесь сил до утра» имела вполне буквальное значение. Однако с этого момента начинает проявляться метафорический смысл, и на протяжении всего отрывка на-

блюдается постепенное развитие переносного значения.

Очевидно определенное физическое сходство с наступлением рассвета и приходом зари, во многом достигаемое благодаря едва различимым звукоподражательным качествам всего отрывка.

Образ солнца присутствует в метафорах света и тьмы имплицитно, а в планетарной системе оно особенно тяготеет к центру. Но все же солнце выполняет свои специфические функции и служит источником архетипичных образов. В то время, как свет и тьма служат, как правило, основой для формирования оценочных суждений относительно поступков и состояний людей, солнце более выразительно символизирует человеческий характер. В большинстве случаев это делается в лестных целях, говоря о положительных качествах, присущих какому-либо человеку. Так, образы солнца по сравнению с метафорами света и тьмы одновременно носят менее динамичный и более личностный характер.

Данная мысль находит яркое подтверждение в речи Эдмунда Берка «О налогообложении в Америке», в которой образ солнца способствует сначала прославлению Лорда Чатама, а затем выражает менее благоприятное мнение о нем, что достигается с помощью едва уловимого иронического контраста с характером Чарльза Таунсенда:

И даже тогда, сэр, даже прежде, чем ореол его славы исчез в закате, на противоположном краю небосвода, озарив западный горизонт огнем, возило другое светило и на час, отведенный ему, возымело господствующую власть.

И свет его также исчез в закате навсегда.¹⁴

В отрывке прослеживается еще одно следствие использованных солнечных образов. В то время как взаимосвязь света и тьмы основывается на хронологической последовательности, имеют место также второстепенные циклы сменяемости различных фаз дня и ночи. Если фазы ночного времени суток не проявляют архетипичного значения, то дневные периоды как раз характеризуются наличием такового. Цикл «рассвет – сумерки» приобретает особое значение в качестве символа человеческой жизни от рождения до смерти, свидетельствуя о возможной необходимости метафорического истолкования жизненного цикла человека, который сам по себе представляет источник архетипизации.

Примером использования вышеупомянутых архетипов может послужить чувственный автопортрет Мак-Артура в его «Обращении к конгрессу». И в начале, и в заключении своей речи

¹² Osborn and Ehninger, стр. 226-231, предлагают модель, иллюстрирующую реакцию разума при восприятии метафорического стимула. Критической фазой в данном процессе является принятие решения.

¹³ Примером подобного использования физических характеристик ситуации выступления в фигуративных выражениях может служить речь У. Питта "On the Abolition of the Slave Trade," *Select British Eloquence*, ed. Chauncey A. Goodrich (New York, 1963), pp. 579-592. Завершение выступления У. Питта, использовавшего эффектный образ рассвета, совпало с моментом, когда рассвет коснулся окон парламента. См. Philip Henry Stanhope, *Life of the Right Honourable William Pitt* (London, 1861), II, 145-146; Lord Roseberry, *Pitt* (London, 1898), p. 98; and J. Holland Rose, *William Pitt and National Revival* (London, 1911), p. 470.

¹⁴ Goodrich, p. 259.

автор видит себя «на увядающем закате своей жизни». Использование образов в столь важных для восприятия позициях текста, указывает на основную цель речи Мак-Артура – привлечь к себе сочувствующее внимание аудитории. Далее эффект этого символического воззвания усиливается за счет использования в основной части обращения контраста образов, относящихся к «рассвету новых возможностей» в Азии.¹⁵

Следствием метафор на основе образа солнца может быть проявление различия качественных характеристик света. Природный излучаемый солнцем свет более предпочтителен, нежели искусственный созданный человеком, что позволяет говорить о существовании в символической сфере света противоположных метафорических образов. Подобные метафорические противоположности встречаются редко, однако характеризуются большей утонченностью и пронизательностью, чем явные образные оппозиции света и тьмы. Отрывок из речи Эдмунда Берка «Перед выборами в Бристоле» содержит пример, иллюстрирующий, хотя и довольно смутно, контрастность дневного света и искусственного освещения:

*Я всегда действовал при свете дня и намерен остаться на том пути, что постоянно освещен при всех его пороках и добродетелях, а путь оправданий и обещаний, подобных мерцанию догорающих свечей, я не приемлю. Они могут затмить свет своим дымом, но какое бы пламя они не разожгли, им никогда не удастся заменить сияние солнечного света.*¹⁶

Речь Берка иллюстрирует проявление еще одной, последней возможности «солнечной» метафоры на основе затмения. Согласно общепринятому стереотипу, затмение связывают с «неудачей», «несчастьем», однако в устах опытного оратора это слово может звучать вовсе не так тривиально и вызвать более интересные ассоциации. Имплицитно заложенной может быть мысль о том, что тьма – явление преходящее, равно как и несчастливый период в жизни страны, мысль о скором возвращении к свету и былому благосостоянию.

Обычно, сохраняющийся при этом слабый намек на солнечный свет служит для утешения и поддержки слушателя. Поэтому иногда более выгодным риторическим ходом является представление страны в темноте затмения, нежели в темноте ночи. Следующий отрывок из обращения Берка частично иллюстрирует данный потенциал:

¹⁵ *The Speaker's Resource Book*, eds. Carroll C. Arnold, Douglas Ehninger, and John C. Gerber (Chicago, 1966), pp. 279-284.

¹⁶ Goodrich, p. 293.

*Какой бы потускневшей ни была слава этой страны, каким бы темным не было затмение, накрывшее ее, еще озаряют ее поверхность лучи былого великолетия, и то, что делается в Англии, является собой тому подтверждение и пример.*¹⁷

Более удаленное положение по отношению к центру системы «света – тьмы» занимает контраст жары и холода, наиболее ярко реализованный посредством образов, связанных с огнем. Образ огня способствует формированию не только центральной мотивационной основы в системе «света – тьмы», но также и смежной с ней солнечной системы. Огонь имеет обширный диапазон возможных метафорических ассоциаций, что также находит подтверждение в работе Филипа Уилрайта.¹⁸

Уилрайт отмечает, что тепло огня пробуждает ассоциации с телесным комфортом, ростом и питанием тела, а также приготовлением пищи. Взрывающий характер пламени соотносит данный образ с вертикальной ориентационной шкалой приоритетов. Наиболее высокие языки пламени могут символизировать старания человека, стремящегося улучшить свое положение, достичь более «высоких» идеалов и более значимых побед. Будучи наиболее активной и быстроменяющейся из всех природных стихий, огонь способен олицетворять молодость и возрождение. С другой стороны, его солнечное воплощение может символизировать постоянство природы, порождая ассоциацию, являющуюся основой таких выражений, как домашний очаг и алтарный огонь.

Поскольку в ходе горения происходит распад вещества, то можно рассматривать данный процесс либо как разрушение, либо как очищение. Символически это может быть как адское пламя, так и искупительный огонь чистилища. Благодаря таким свойствам, как стихийность возникновения и быстрота возобновления, огонь может символизировать зарождение мысли и ее дальнейшее развитие в процессе мышления. Подобно тому, как с помощью факела пламя распространяется от одного места к другому, мысль перебегаем от человека к человеку.

Учитывая эти отношения огня и света, Уилрайт отмечает неразрывную связь двух элементов, при которой огонь обуславливает свет, оказывающий воздействие на восприятие слушателя:

Благодаря современным бытовым приборам мы настолько привыкли различать свет и тепло, что практически забыли о том, каким естественным и гармоничным было сочетание этих двух явлений в древние времена. ...Даже в холодный зимний

¹⁷ *Ibid.*, p. 305.

¹⁸ *The Burning Fountain*, pp. 303-306; and *Metaphor & Reality*, pp. 118-120.

день все же разум воспринимал и ощущал тепло солнца. Следовательно, в контекстах, где свет символизировал ясность ума, он также нес в себе и определенные метафорические коннотации, связанные с огнем. ...Подобно тому, как огонь излучает свет и согревает тело, свет интеллектуальный не только указывает путь, но также стимулирует рациональное и духовное развитие.¹⁹

Однако мысль Уилрайта о меньшей восприимчивости современного разума к древней ассоциации огня со светом не находит подтверждения в следующем примере из речи Джона Кеннеди:

Пусть с этого места в это мгновение до друга и до врага долетит весть о том, что факел был передан новому поколению американцев... Энергия, вера, преданность, с которыми мы беремся за эту попытку, озарят нашу страну, всех, кто служит ей; отблеск этого пламени поистине может озарить весь мир.²⁰

Данный пример доказывает тезис Уилрайта о том, что огонь естественно ассоциируется с молодостью и возрождением. Если в приведенном выше примере огонь символизирует преданность, импульс к самоотверженному созиданию, то в нижеследующем отрывке из обращения Черчилля – разрушение и, возможно, очищение.

Но вместо этого он [Гитлер] зажег в наших сердцах на нашей земле и во всем мире огонь, который будет гореть еще долго после того, исчезнут как все следы пожарища, которое он устроил в Лондоне. Он зажег огонь, который будет гореть и после того, как все следы тирании будут выжжены из Европы, когда Старый и Новый мир единой рукой восстановят храмы свободы и чести человека.²¹

И снова в речах Черчилля отмечается тенденция к расширению значения буквально понимаемого содержания и построению образности. «Пожарище» в Лондоне, вызванное нацистскими бомбежками сначала приобретает образное значение злости, поселившейся в «сердцах Британцев», а затем символизирует характер будущего возмездия. Используемое Черчиллем понятийное сходство при формировании переносного смысла, не выходит за рамки данного контекста, что является естественным механизмом формирования метафоры,²² а ограничивается применением ассоциативного потенциала предыдущего понятия по отношению к последующим. В результате вплетаемые

в речь образные модели приобретают определенную художественную связность.

Прослеживается также взаимосвязь огня, символического разрушения с действиями по созиданию, символическим построением. Подобное архетипичное сочетание позволяет предположить, что ввиду увлекательности пути от их создания до момента восприятия, чрезвычайно захватывающие внимание метафоры способны развить потребность в образном оформлении мыслей как у говорящего, так и у аудитории, что придает дальнейшей иносказательности в речи большую адекватность и императивность.²³ На основании следствий метафоры разрушения-созидания, равно как и метафоры болезни-выздоровления, можно также полагать, что второй элемент каждой комбинации выполняет в некотором роде уравнивающую, отчасти эстетическую и отчасти обнадеживающую функцию.

Архетипичный потенциал цикличности времен года, наиболее отстоящий от центра системы света-тьмы, накладывается на мотивационные начала всех остальных архетипов, менее удаленных от центрального источника. Вариации света и тьмы в зависимости от времени года, качественные изменения солнечного света, крайние перепады жары и холода – все эти явления наделяют сезонные контрасты комплексным и мощным потенциалом для символического выражения оценочных суждений с привлечением таких понятий, как надежда и отчаяние, расцвет и упадок. Больше того, неминуемая цикличность и ритм сезонных изменений скрывают еще один потенциальный символ, способный обусловить детерминированность настоящего или гарантированность будущего. Именно по этим причинам цикличность времен года приобрела огромное значение в поэзии и художественной литературе. Не раз обращался к этому источнику и великолепно его использовал, к примеру, Шекспир.²⁴ Поэтому, вызывает удивление и отчасти недоумение то факт, что данный основополагающий природный архетип, фактически, игнорируется ораторами.²⁵

²³ Представление о «потребности» в создании образных форм было развито Кеннетом Берком в *Counterstatement* (New York, 1931). Особенно подробное обсуждение см. в Главе VII. Представляется, что обсуждаемая здесь и возбуждающая аппетит метафорическая последовательность соотносится с выделенными Берком «качественными» и «повторяющимися» формами.

²⁴ Перечень используемых им образов природного цикла в полной мере представлен в работе Спердженна «Shakespeare's Imagery».

²⁵ Немногие выделенные примеры служат иллюстрацией предлагаемой в данной работе концепции абстрактного предмета и выразительным образом встречаются в официальных речах смешанного риторико-поэтического жанра. См. Franklin Roosevelt, "First Inaugural," *American Speeches*, eds. Wayland Maxfield Parrish and Marie Hochmuth (New York, 1954), p. 502; and George Canning, "On the Fall of Bonaparte," Goodrich, p. 863.

¹⁹ *Metaphor & Reality*, p. 118.

²⁰ Arnold, Ehninger, and Gerber, pp. 226-227.

²¹ "Every Man to His Post," *Blood, Sweat, and Tears*, p. 369.

²² См. Osborn and Ehninger, p. 227.

Понимание столь странного пренебрежения, причина которого, возможно, заключается в своего рода неполноценности и неуместности сезонного цикла для риторических целей, требует пристального рассмотрения природы самого источника архетипизации и сравнения его со схожими, более распространенными архетипами. Образы, связанные со сменяемостью времен года, не пользуются популярностью в риторическом дискурсе из-за характера обычно обсуждаемых оратором тематик и типа публики.

Смена времен года – медленный и размеренный процесс. Апеллирование к нему представляется более целесообразным при описании процесса долгосрочных перемен, а также общего состояния людей в ходе данного процесса. Обращение к образам времен года более характерно для поэтического или философского взгляда на время и постепенно изменяющуюся природу человеческой судьбы. В то время как явления, с которыми имеет дело риторический дискурс, как правило, носят динамический, безотлагательный и реальный характер. При этом имеются в виду конкретные проблемы и конкретные решения. Как следствие, между предметом риторики и потенциальными символическими возможностями сезонных контрастов возникает некоторая внутренняя несовместимость.

Вторая причина, объясняющая непопулярность данного источника архетипизации, кроется в психологии аудитории и в ее отношении к предмету риторики. Смена периодов света и тьмы носит отчетливый и наглядно-образный характер. Обещание того, что после тьмы придет свет, подразумевает скорое решение проблемы и являет собой гарантию, приемлемую для массовой аудитории, испытывающей конкретные и острые нужды или с нетерпением ожидающей долгосрочных изменений. Аналогия с временами года, напротив, означает более медленный и размеренный процесс, что совсем необязательно радует подобную аудиторию. Кроме того, если говорить о степени воздействия на людей, эстетически не настроенных на восприятие долгосрочных контрастов и едва уловимых изменений, то по сравнению со сменой периодов света и тьмы, характеризующейся быстротой и эффектностью, более длительному циклу времен года недостает драматичности.

Таким образом, сезонный цикл является аристократическим источником образности, порождающим специализированные символы для обозначения объектов более высокого уровня абстрактности, представляя их вниманию искушенной публики. Из всего вышесказанного напрашивается вывод о том, что степень потенциальных возможностей и мотивационного воздействия на аудиторию, созданных посредством архетипа времен года, в силу природы и

обстоятельств ораторского искусства, обычно, сводит на нет роль самого оратора.

Исчерпывающее изучение критиком следствий какого-либо риторического образа не ограничивается рассмотрением лишь вопросов, возникающих при исследовании семейства источников архетипизации. Однако данные изыскания формируют сценарий дальнейшего исследования.

Что касается *изобретения* метафор, то о чем свидетельствует выбор говорящего в пользу тех или иных *элементов ассоциации*? Имеют ли место предпочтения оратора использовать определенные метафоры при обсуждении соответствующих тем? И существует ли среди этих метафор гармоничное согласование на основе единой образной точки зрения на социальные проблемы? Изменяет ли оратор темпы смыслового развития в различных ситуациях? Если да, то с какой целью и какого эффекта желает достичь?

Что касается текстовой организации, насколько велико значение локализации образа в обращении оратора? Распространяется ли отзвук доминантной метафорической модели, употребленной вначале текста, на остальную часть обращения в виде второстепенных ее вариаций? Способна ли метафора, особенно захватывающая своей образностью, оказывать эйдетический эффект на оратора и аудиторию, вызывая цепную реакцию образного восприятия на протяжении всего обращения? Или же, в случае если главная мысль выражена в заключительной мысли, выполняют ли второстепенные образы подготовительную функцию по отношению к доминантной метафоре, доводя аудиторию до нужной кондиции? Если любое из перечисленных явлений имеет место, возникает вопрос: существует ли у человека в действительности упорядоченная система образов, взаимосвязанная с системой обсуждаемых тематик? Носит ли данная система образов доминантный или же второстепенный характер по отношению к фактическому порядку? Отличаются ли данные модели регулярностью, повторяясь в различных обращениях оратора? Если да, то какие индивидуальные черты ораторского мастерства можно выделить у данного человека?

Что касается *доказательств с точки зрения морали*, свидетельствует ли частое использование контрастных образов света и тьмы о затруднениях оратора, пытающегося разграничить добро и зло и сделать окончательный выбор? Говорит ли оратор о себе с помощью репрезентаций отношений прошлого-настоящего, настоящего-будущего как о человеке, преданном вере или убеждениям? Если его словам присущ некий детерминистический смысл, то свойственна ли им обусловленность, и если да, то каков характер этих условий?

Другие вопросы возникают при рассмотрении *мотивационных оснований* архетипичной метафоры. Какой из всех закрепленных за определенным архетипом мотивационных стимулов акцентируется конкретным образом? Является ли имплицитная мотивационная стимуляция усиливающей или противодействующей по отношению к эксплицитно выраженной в речи системе побуждений? Отсюда же возникает другой, отчасти более общий, вопрос, ответ на который имеет очень важные следствия для теоретиков риторики. Возможно ли на основе исследований архетипов индуктивным способом сформировать имеющую непосредственное отношение к риторическому дискурсу мотивационную систему, нежели принимать на основании авторитетного свидетельства некий обобщенный перечень «побуждающих стимулов?».

По крайней мере, уместно было бы задать один важный вопрос относительно функции *логического доказательства*. Является ли образ воплощением некоей подразумеваемой энтимемной структуры и функционирует ли в качестве довода внутри себя? Или же служит скорее для драматизации, иллюстрации и усиления логической структуры, которая эксплицируется в речи.

Два последних предположения и вопроса, равным образом адресованные как теоретикам риторики, так и критикам, являются дискуссионными. Первый из них затрагивает давние отношения между риторикой и поэтикой. Вот уже в течение некоторого времени в своих публикациях исследователи пытаются выявить различия этих двух направлений гуманитарного знания, однако, возможно к счастью, за наводящими на мысли суждениями не просматриваются окончательные ответы на поставленный вопрос.

Представляется, что предпринимаемая в рамках исследования образов природного цикла попытка отыскать еще более тонкие различия и выделить образный инвентарь, присущий каждой из двух форм знания, на шаг вперед продвинет данную дискуссию.²⁶

Второй вопрос касается отношения архетипичных и неархетипичных метафор. В какие

моменты использование последних является более предпочтительным? Наглядно иллюстрирует такие моменты анализ предвыборного обращения Франклина Рузвельта в Питтсбурге от 1936 г., выполненный Лаурой Кроуэлл.²⁷ Критик находит устойчивый образ, связанный с бейсболом и объясняет это локализацией обращения, сделанного на площадке «Форбс Фильд». Таким образом, особое обстоятельство, аналогичное тому, что способствовало усилению рассветно-огненной риторики Черчилля, определило в данном случае большую адекватность неархетипичного образа.

Еще более значимый потенциал архетипов становится очевидным на основании иной интерпретации данных, полученных в результате превосходных исследований У.Е. Уошборна, посвященных символам Американского политического дискурса на ранних стадиях становления государства.²⁸

В свете полученных данных Уошборн заостряет свое внимание на мысли о критической важности архетипичных образов не только во времена социальных потрясений в обществе, но также и на этапе его формирования до момента обретения обществом признака определенной национальности. Подобные образы, вызывающие ко всем людям, должны за счет своей фигуральности выполнять нагрузку по убеждению и предшествовать появлению образов, способных воззвать к *этим* конкретным людям. Поэтому, в ходе массовых демонстраций 1788 г., призывавших к принятию федеральной конституции, акцент делался на образах строительства государства и корабля. К 1840 г. преобладающими политическими образами на тот момент стал ряд символов местного быта – «бревенчатая хижина», «крепкий сидр» и «плуг». Данные образы были творениями времени, явлениями столько же современными, насколько и преходящими. Они позволяют с особой точностью помещать в фокус внимания какие бы то ни было ценности и мотивы, играющие ведущую роль в данный период времени.

²⁷ "Franklin D. Roosevelt's Audience Persuasion in the 1936 Campaign," *Speech Monographs*, XVII (March 1950), 48-64.

²⁸ "Great Autumnal Madness: Political Symbolism in Mid-Nineteenth-Century America," *QJS*, XLIX (December 1963), 417-431

²⁶ См. также Osborn and Ehninger, стр. 233-234; and Michael Osborn, "The Function and Significance of Metaphor in Rhetorical Discourse," unpubl. Ph.D. diss. (University of Florida, 1963), стр. 274-299.

РАЗДЕЛ 4. ХРОНИКА

Будаев Э. В.
Нижний Тагил, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК И МЕТАФОРА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ МИРА¹

УДК 321.0

Код ВАК 10.02.20; 10.02.19

Аннотация. Рецензия на книгу *Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World* / ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London: Routledge, 2008. – 293 p.

Ключевые слова: политическая метафорология; метафора; интерпретация; дискурс, рецензия.

Сведения об авторе: Будаев, Эдуард Владимирович

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук, доцент

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия, кафедра иностранных языков

Должность: доцент

Контактная информация: 622036, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57

E-mail: aedw@rambler.ru

Budaev E. V.
Nizhny Tagil, Russia

POLITICAL LANGUAGE AND METAPHOR: INTERPRETING AND CHANGING THE WORLD

Abstract. Book review: *Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World* / ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London: Routledge, 2008. – 293 p.

Key words: political metaphorology; metaphor; political discourse, cognitive.

About the author: Budaev, Eduard Vladimirovich
Academic degree, academic status: candidate of
philological sciences, associate professor

Place of employment: Nizhny Tagil State Social
and Pedagogical Academy, chair of foreign languages

Position: associate professor

Новый взгляд на метафору, оформившийся в последние десятилетия, вызвал широкий резонанс в междисциплинарном поле научных поисков. Помимо лингвистов к метафоре все чаще проявляют активное внимание представители других наук. Одним из современных направлений в анализе политической метафористики является политологический анализ, при котором получение научного знания основывается не столько на изучении собственно лингвистических явлений, сколько на пространных аналитических размышлениях исследователя и опорой на наблюдения философов и социологов в области взаимодействия общественных процессов и политического мышления. Рассматриваемая книга «Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World», вышедшая в Лондоне в 2008 г., является одним из наиболее полных собраний методологических вариаций политологического подхода к метафоре. Вместе с тем среди авторов монографии не только политологи, но и известные лингвисты. Вместе исследователи пытаются обозреть феномен политической метафоры на пересечении методологий двух наук.

Монография подразделена на 6 разделов: «Наука», «Структуры», «Европа», «Гендер», «Политика» и «Язык». Каждый раздел представлен тремя исследованиями, что в итоге составляет 18 изысканий.

Первый раздел книги посвящен проблеме взаимосвязи метафоры, науки и общества в политическом аспекте. Открывает раздел статья македонского исследователя Димитриса Акривоулиса «Способы созерцания звезд: ньютонская метафоричность в американской внешней политике». Д. Акривоулис исследует использование ньютонских метафор в период основания США и в начале холодной войны. Опираясь на герменевтику воображения П. Рикера, автор отводит метафорам важную роль в конструировании американцами образа собственного государства и его взаимоотношений с другими странами. Сложившиеся в ту эпоху метафоры получили дальнейшее развитие в годы холодной войны.

Второе исследование раздела – «Скользкие склоны в политическом дискурсе» – посвящено метафоре *slippery slopes* (скользкие склоны). Автор главы норвежский политолог Д. Стенволл показывает, что конститутивная функция политической метафоры заключается в сдвиге фокуса с насущного вопроса на гипотетическую проблему, с настоящего на будущее. Метафора «скользких склонов» представляет мир политики как мир физических объектов, который управляется законами природы, описанными естествознанием. Этот ракурс рассмотрения позволяет представить политические события как довольно простые и предсказуемые процессы, определяемые установленными самой природой закономерностями, и исключает из поля зрения непредсказуемые человеческие или социальные факторы. Такое видение политики, названное автором «натурализацией политики», упрощает

¹ Исследование подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 07-04-02-002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

сложные социальные проблемы, представляя их в простом для понимания виде.

Завершает раздел публикация Й. Пикалы «Механические метафоры в политике», посвященная поиску закономерностей между политическим дискурсом, метафорой и естествознанием. Автор показывает, что разные исторические периоды генерировали различные доминирующие концепции политики, зачастую основанные на образах природы. С развитием раннего естествознания изменились представления о природе, что повлекло за собой смену репертуара метафор в политическом дискурсе. Эта смена выразилась не только в экспансии образов машин и механизмов, но и в использовании нового набора организмистических образов, возникавших в научном дискурсе.

Раздел «Структуры» открывается исследованием Э. Рингмара «Метафоры социального порядка». Автор сопоставляет метафоры, легитимирующие социально-политическое единство в Европе, Китае и Японии. Если в Европе в разные исторические периоды доминировали метафоры тела, механизма и семьи, то для восточной Азии, по мнению исследователя, характерны метафоры музыки и танца. Как указывает Э. Рингмар, базовые метафоры варьируются не только в географическом измерении, но и в хронологическом: до 90-х гг. 19 века в Японии императора не называли отцом, но с усилением милитаристских настроений появляется необходимая для легитимации жертвенности японских солдат метафора семьи.

В статье «Метафоры солидарности» И. Хонохан представила анализ влияния метафор на формирование дискурса солидарности. Автор рассматривает, как организмистические и механистические метафоры создают образы единства нации и государства. Отдельно И. Хонохан рассматривает случаи метафорического представления отношений между гражданами и государством в понятиях вертикальной ориентации и отношений внутри групп в понятиях горизонтальной ориентации, а также случаи концептуализации солидарности с использованием образов с диффузными границами. Таким образом, И. Хонохан выстраивает шкалу, отражающую способность метафор усиливать или ослаблять концепт солидарности в политическом дискурсе.

Исследование немецкого политолога Ш. Шнайдера «Изучение метафорической (де)конструкции легитимности: сравнение дискурсов легитимизации в американских и британских газетах» завершает раздел. Ш. Шнайдер отводит метафорам решающую роль в конструировании легитимности и указывает на различия между дискурсами легитимизации в США и Великобритании. По мнению автора, американская правительственная система организована таким образом, что она в меньшей степени уязвима к обвинениям в нелегитимности, чем британская. Эти данные Ш. Шнайдер увязывает с

различием в метафорическом репертуаре СМИ Великобритании и США.

Раздел «Европа» открывает публикация П. Друлака «Оценка и идентификация метафор: дискурс реформы Евросоюза». Чешский исследователь указывает на методологические проблемы в изучении политической метафоры и предлагает собственный подход к анализу метафоры, подчеркивая перспективность синтеза качественного и количественного анализа на основе эвристических когнитивной лингвистики. В эмпирической части исследования П. Друлак проанализировал метафоры, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского Союза (за период 2000-2003 гг.). Выделив концептуальные метафоры КОНТЕЙНЕР и РАВНОВЕСИЕ КОНТЕЙНЕРОВ, П. Друлак выявил, что во внешнеполитическом дискурсе лидеры стран ЕС предпочитают метафору КОНТЕЙНЕРА, а лидеры стран-кандидатов на вступление в ЕС – метафору РАВНОВЕСИЯ КОНТЕЙНЕРОВ. Другими словами, лидеры стран ЕС предпочитают наделять надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов склонны видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

В отличие от когнитивно-ориентированного подхода П. Друлака исследование Й. Вальтера и Й. Хелмига «Дискурсивный метафорический анализ: (де)конструкции Европы» акцентирует значимость социального фактора в метафорическом дискурсе и указывают на необходимость переоценки лингвистического поворота в дискурс-анализе. Авторы призывают совместить макро-анализ дискурса с микро-анализом метафоры, чтобы избежать узкого лингвистического подхода, учитывающего только то, что говорят, но не принимающего во внимание то, как говорят. Для иллюстрации теоретических деклараций авторы обращаются к анализу дискурса расширения.

Завершает раздел о Европе статья шведской исследовательницы Ш. Фридольфсон «Политический протест и метафора». Статья посвящена анализу метафор в двух нарративах, структурирующих понимание политического протеста в Швеции. В первом нарративе Ш. Фридольфсон рассматривает метафорическое освещение в СМИ демонстраций глобалистов во время проведения саммита ЕС в Гетеборге в 2001 г. Автор отмечает, что метафоры организма, животных и войны, использованные в медиа-дискурсе, были направлены на приписывание атрибутов чуждости и агрессивности протестующим. Отдельное внимание автора привлекает метонимическая взаимосвязь между маскулинностью, протестом и насилием, а также отсутствие таких описаний событий, в которых женщины были бы представлены как субъекты деятельности. Второй нарратив связан с референдумом, в ходе которого шведы отказались от перехода с кроны на евро. Авторы статей нега-

тивно оценивали результаты референдума, связывая их с такими понятиями как «деревенщина», «женскость», «национализм» и «невежество».

Гендерный подход еще более последовательно представлен в трех публикациях следующего раздела. Традиционное феминистическое изыскание представляет Т. Карвер в статье «Конструирование реальности с помощью метафорического языка: как животные и машины (помимо прочих метафор) делают человека тем, что "он" есть». По мнению автора, несмотря на то что международное право, этика и политика основаны на оппозициях цивилизованность/варварство и война/мир, в действительности в международной политике доминирует миф об «унитарной, беспроблемной маскулинности». Этот миф основывается не на противопоставлении войны и мира, а на конструировании одного мира, в котором правят агрессивность, эгоизм и борьба за выживание. Этот «однополярный» мир политики наиболее рельефно проявляется в использовании анималистических и механистических метафор.

Схожую позицию занимает Дж. Карни в статье «Факты, нарратив и метафора в проведении политического курса за гендерное равенство: возникновение господствующих взглядов в интеллектуальном и реальном мире». Ирландская исследовательница обсуждает экспланаторную роль метафоры в формировании современной гендерной политики. Дж. Карни связывает с метафорой неудачные попытки практических инициатив по проведению политики за гендерное равенство. Вместе с тем именно с метафорой Дж. Карни связывает и надежды на формирование иной образной системы, которая должна лечь в основу более справедливых в гендерном отношении политических программ и помочь донести эти взгляды до патриархального истеблишмента.

В завершающем разделе исследовании В. Моттьер «Метафоры, мини-нарративы и дискурсивная теория Фуко» ставится задача совместить анализ метафор с социально-политическим анализом. В. Моттьер утверждает, что подобный синтез должен строиться на основе теории интерпретации и теории власти. Герменевтика и теория релевантности подходят на роль теории интерпретации, но не годятся для использования в качестве теории власти. Теория дискурса М. Фуко представляет собой хорошо разработанную теорию власти, но недостаточно ориентирована на интерпретацию. Однако названная теория предлагает такой взгляд на власть, который позволяет исследователям связать эту теорию с анализом метафоры при рассмотрении вопросов значения, идентичности и властных институтов. Таким образом, В. Моттьер пытается инкорпорировать понятие метафоры в политический дискурс-анализ с привлечением эвристики герменевтики и теории релевантности. Исследо-

вание В. Моттьер, завершающее раздел о гендере, выполнено в более широком поле критического анализа, включающем помимо гендерных вопросов, проблемы расово-этнического характера.

Пятый раздел под названием «Политический курс» начинается статьей английских исследователей Д. Ховарта и С. Григгса «Метафора, катахреза и эквивалентность: риторика свободы полета в борьбе за авиационную политику в Великобритании». Авторы изучили правительственный неолейбористский дискурс 2003 г., связанный с планом повышения эффективности авиоперевозок. Основываясь на постмарксистской теории дискурса, Д. Ховарт и С. Григгс выделяют три риторические стратегии, с помощью которых политики отстаивали определенную точку зрения: метафорическое описание, катахреза и эквивалентность.

Продолжает раздел статья голландского «культурного антрополога» М. Ван Хульста «Любовь и жизнь в бессердечном городе или использование метафоры в местном планировании». М. Ван Хульст исследует проблему принятия решений в голландском муниципалитете. В теоретическом аспекте исследование показало, что хотя метафоры играют важную роль в рассматриваемом вопросе, тезис Д. Шена о транспарентности метафор не всегда работает. В практической части исследования М. Ван Хульст рассматривает дискурс одного датского города, политики которого обсуждали вопрос строительства районного общественного центра. Главным критерием выбора места строительства была декларативная метафора, утверждавшая, что центр должен быть сердцем города. Как утверждает исследователь, использование этой метафоры легитимировало сам процесс обсуждения и строительства, который мог и не получить общественную поддержку без использования метафоры.

В последней главе раздела – «Когниция и действие: метафоры как модели чего-либо и модели для чего-либо» – голландская исследовательница Д. Янов задается вопросом, являются ли метафоры заранее заданной моделью, привлекаемой для осмысления ситуации (model of), или моделью для действия, формирующейся из самой ситуации (model for), и приходит к выводу, что функционирование метафор характеризуется интерактивным взаимодействием обоих процессов.

Финальный раздел книги под названием «Язык» включает в себя интердисциплинарные исследования, совмещающие лингвистическую и политическую теорию. Первая статья раздела написана известным американским лингвистом Аланом Ченки. Так как эта статья представляет особый интерес для исследователей, работающих в русле политической лингвистики, остановимся на ней немного подробнее.

В этой работе под названием «Применение теории концептуальной метафоры к политиче-

скому дискурсу: методологические вопросы и возможные решения» автор проводит критический анализ существующих методов анализа политической метафоры: интуитивный анализ концептуальных метафор, основывающийся на экспертном знании; верификация полученных таким методом метафор на примере небольшого набора или внушительного корпуса политических текстов; использование небольшого корпуса текстов выступлений определенных политиков для выявления концептуальных метафор и их последующего изучения в рамках теории критического дискурс-анализа.

Указывая на недостатки каждого из подходов, А. Ченки приходит к выводу о том, что прежде всего необходимо определить критерии метафоричности. Для своего исследования А. Ченки выбирает подход к определению метафоричности, предложенный исследовательской группой «Pragglejaz». Применяя этот подход, автор собирает корпус для практического исследования, в котором он ставит задачу определить принципы объединения политических метафор в группы.

Участникам эксперимента раздавались стопки карточек, с предложениями, содержащими метафоры. Испытуемым предлагалось распределить карточки по группам таким образом, чтобы в каждой группе были подобные высказывания. Количество категоризационных групп не ограничивалось, испытуемые сами выбирали, сколько и каких групп будет сформировано.

Материалом для составления карточек послужили записи дебатов между Дж. Бушем и А. Гором 2000 г. Высказывания претендентов на президентский пост распределялись по темам на 9 групп. Для отображения на карточках выбирались простые предложения, сложные предложения делились на несколько частей в местах соединительных союзов.

Для дальнейшей обработки А. Ченки использовал следующую инструкцию.

1. Относится ли предложение к основной теме?

2. Если (1) верно, то существуют ли примеры метафорического использования лексических единиц, метафоричность которых определяется по критериям, выработанным группой «Pragglejaz»?

3. Если (2) верно, то относится ли метафорическое выражение к основной теме?

Прошедшие через эту обработку выражения составили корпус, из которого методом случайной выборки были отобраны 30 предложений (по 15 из дискурса каждого кандидата) для каждой из основных тем. Эти предложения с подчеркнутой метафорической единицей помещались на карточки и предъявлялись студентам, которые не изучали теорию концептуальной метафоры или политологию. После того как образовывались три группы карточек, А. Ченки просил испытуемых объяснить, по какому критерию они

формировали группы. Полученные от испытуемых критерии объединения А. Ченки объединил в три группы: близость образов сферы-источника, позитивная или негативная оценка, грамматические категории самих слов.

В завершение А. Ченки указывает на необходимость объединения потенциала методов изучения концептуальных метафор.

Продолжает раздел в статье Ф. Сормани и М. Бенингхоффа «Метафорические ходы: научная экспертиза исследований политики» анализируют роль метафоры в политологических и социологических изысканиях. Сначала авторы указывают на недостатки формального анализа исследований политики, а затем приводят пример подробного анализа резюме одной из научных статей, в которой научные идеи описываются с помощью метафоры игры. Ф. Сормани и М. Бенингхофф пытаются показать, как метафорические ходы используются в дискурсивной артикуляции политологических идей и привлечь внимание исследователей научного политологического дискурса к метафорам, лежащим в основе объяснения тех или иных идей.

В завершающем исследовании книги «Метафорический электоральный стиль: использование метафор во время выборов» Х. Де Ландтсхеер и Д. Фертессен рассмотрели стилистическую динамику языка политики. Сопоставляя метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, авторы обнаружили, что показатель метафорического индекса увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе. Выявленная зависимость проявлялась применительно к «желтой» и «серьезной» прессе, а также не выявляет больших различий при анализе коммерческих и государственных СМИ. Эти результаты позволили авторам говорить об особенном, характеризующемся повышенной метафоричностью предвыборном стиле политического языка.

Хотя большая часть вошедших в книгу работ выполнена в политологическом, а не лингвистическом ключе, теоретический плюрализм представленных в книге работ позволяет получить комплексное представление о многоаспектности политической метафорологии и междисциплинарной вариативности методологий. С одной стороны, знакомство с политологическим подходом расширяет представления лингвистов о методологических гранях политической метафорологии, позволяет увидеть объект в новом свете, с другой – для читателей-языковедов высвечивает достоинства собственно лингвистического анализа, эвристики которого иногда ускользают от политологов.

© Будаев Э. В., 2008

Нахимова Е. А.

Екатеринбург, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

УДК 81'373.21

Код ВАК 10.02.20; 10.02.19

Аннотация. Рецензия на книгу Йозефа Сипко «В поисках истинного смысла – Hľadanie ozajstného zmyslu – Prešov, 2008. – 444 с.

Ключевые слова: политическая лингвистика; язык СМИ; имя собственное; интерпретация; дискурс, рецензия.

Сведения об авторе: Нахимова, Елена Анатольевна
Ученая степень, звание: кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет, кафедра рекламы и связей с общественностью

Должность: доцент

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26

E-mail: v.nakhimov@rambler.ru

Nakhimova E. A.

Ekaterinburg, Russia

LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF
PROPER NAMES

Abstract. Book review on Joseph Sipko «In search of the real sense – Hľadanie ozajstného zmyslu – Prešov, 2008. – 444 с.

Key words: political linguistics, mass media language, proper name, interpretation, discourse, book review.

About the author: Nakhimova, Elena Anatolyevna
Academic degree, academic status: candidate of philological sciences, associate professor

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Chair of advertisement and public relations

Position: associate professor

Книга профессора философского факультета Прешовского университета (Словакия) Йозефа Сипко посвящена лингвокультурологическому анализу имен собственных в современных российских публицистических текстах. Монография подготовлена в рамках комплексного научного проекта «Язык правды, ошибки и лжи», который осуществляется словацкими русистами. По мнению автора «исследования языка и культуры как взаимосвязанных и неразрывных человеческих феноменов должны стоять в наше время в центре гуманитарных наук», поскольку «межкультурные контакты на протяжении всей истории изобилуют трагическими событиями, базирующимися на незнании другой культуры» [с.67].

Книга состоит из пяти крупных разделов. Первый из них посвящен общим проблемам лингвокультурологии в ее взаимосвязи с проблемами публицистики и лингвополитологии. В частности детально рассматриваются проблемы «лингвистической стратегии лжи». Как отмечает автор, «Ложь в интересах власти – самая наглая, открытая, бесстыдная» [с.84]. Главным средством такой лжи Йозеф Сипко считает разнообразное обозначение одной и той же реалии в зависимости от моментального политического направления. В качестве примера приводится случай, когда Наполеона Бонапарта на его пути из ссылки в Париж правительственная газета последовательно называла *людоед – злодей – тиран – узурпатор – император – его Императорское высочество*. Далее приводятся широко известные примеры обозначений Гитлера в советской прессе тридцатых–сороковых годах и наименований Саддама Хусейна в американских СМИ.

Следующая глава посвящена анализу прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература». Показательно уже само название параграфов: «М. В. Ломоносов – судьба Сибири», «Д. И. Фонвизин – Митрофанушка жив», «А. С. Пушкин – русский духовный космос», «Н. В. Гоголь – неча на зеркало пенять», «Л. Н. Толстой – все смешалось в доме», «А. Т. Твардовский – сын

за отца», «А. Гайдар и его команда», «В. Набоков и Лолита». Автор аргументировано демонстрирует литературоцентризм русской культуры и свое прекрасное знание русской литературы.

Третья глава посвящена анализу прецедентных феноменов со сферой-источником «История». И вновь яркие названия параграфов, которые прекрасно отражают содержание: «Москва – Третий Рим», «Патриоты и лжедмитрии», «И. В. Сталин – нет человека, нет проблемы», «Н. С. Хрущев – кукурузник оттепели», «Л. И. Брежнев – застойные и застойные времена». Представленный материал ярко показывает, как история России отражается в репертуаре прецедентных феноменов, какие именно исторические события постоянно оказываются источниками прецедентности.

В заключительной части книги автор обращается к глобальным источникам прецедентных феноменов. И вновь названия параграфов, ярко отражающие содержание: «Библеизмы», «Терроризм как современный концепт», «Англицизмы и фрагменты языковой картины Америки», «Лингвокультурология и перевод». Все это позволяет еще раз задуматься о взаимовлиянии языков и культур, о подлинной глобализации современного репертуара прецедентности.

Многие материалы книги посвящены образу России в восприятии современных словаков. Автор показывает, что в постсоциалистической Словакии по-прежнему много людей, которые позитивно относятся к России. Вместе с тем – и это тоже вполне ясно выражено в тексте – немало жителей этой страны критически относятся к Советскому Союзу и нередко переносят это отношение на современную Россию.

Йозеф Сипко – это человек, который прекрасно знает русскую культуру, любит ее и пропагандирует ее в Словакии. Его книга отличается высоким научным уровнем, ее можно рекомендовать всем, кто любит русскую культуру, кто стремится больше узнать о языке современной российской прессы.

© Нахимова Е. А., 2008

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узко специализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представления рукописей и на иных языках. Публикация статей производится на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

1. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личностной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, то есть и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.
2. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в первый раздел.
3. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.
4. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение – статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Это относится ко всем авторам, в том числе к начинающим исследователям (аспирантам и др.).

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера – не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора. Поэтому вся ответственность за содержание и оформление статьи лежит на авторе.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343); 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А.П.Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно);
- подразделение организации
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы;

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ:

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. – 1992. – № 10. – С. 76–86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett // Ref. Libr. – 1997. – Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Заголовок записи в ссылке может содержать имена одного, двух или трех авторов документа. Имена авторов, указанные в заголовке, могут не повторяться в сведениях об ответственности.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75-85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе // Теплофизика и аэромеханика. – 2006. – Т. 13, №. 3. – С. 369-385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. – М.: Науч. мир, 2003. – С. 340-342.

МОНОГРАФИИ:

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2006. – С. 305–412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. - 199 с.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Заголовок записи в ссылке может содержать имена одного, двух или трех авторов документа. Имена авторов, указанные в заголовке, не повторяются в сведениях об ответственности. Поэтому:

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54–55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М. : ИМЭМО, 2007. – 39 с.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. 350 с.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С. 125-128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логонова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака: сайт.- URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).